ИСТОРІЯ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

I.

ПЕРІОДЪ ДО-МОГИЛЯНСКІЙ.

С. ГОЛУБЕВА.

КІЕВЪ.
Въ Университетской типографіи, Пироговская ул. д. № 4.
1886.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1886 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета св. Владиміра

Глубокоуважаемому

Аѳанасію Ѳеодоровичу Бычкову

съ искреннѣйшимъ почтеніемъ

посвящаетъ свой трудъ

АВТОРЪ.

Религіозное движеніе въ юго-западной Руси конца XVI и начала XVII стол., вызванное здѣсь борьбою съ иновѣріемъ и охватившее всѣ слои южно-русскаго общества, сопровождалось многими, благотворными для православія и тѣсно соединенной съ нимъ русской народности, послѣдствіями. Въ ряду ихъ на самомъ первомъ мѣстѣ должно быть поставлено пробудившееся въ лучшей части общества сознаніе той важности и того значенія, какія имѣетъ въ развитіи и охраненіи коренныхъ началъ народной жизни *просвѣщеніе*, а отсюда—заботы о поднятіи на низкомъ уровнѣ стоявшаго въ юго-западной Руси образованія,—заботы объ устройствѣ и возможно лучшей, примѣнительно къ потребностямъ времени, организаціи училищъ. Училища эти, съ конца XVI стол. появляющіяся въ разныхъ мѣстностяхъ нашего юго-западнаго края, безспорно оказали родинѣ незабвенныя услуги. Проникнутыя древне-православными традиціями и глубокимъ уваженіемъ къ родному славяно-русскому языку, они служили крѣпкимъ оплотомъ при борьбѣ съ иновѣрною латино-польскою пропагандою и выпустили изъ своихъ стѣнъ не мало знаменитыхъ поборниковъ православія и русской народности. Съ теченіемъ, всеуничтожающее время постепенно налагало свою руку на означенныя училища и только одно изъ нихъ избѣгло этой участи. Одному изъ нихъ не только суждено было долгое, доселѣ продолжающееся существованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ на долю его выпала высокая честь въ теченіе многихъ лѣтъ занимать первенствующее мѣсто въ исторіи отечественнаго про-

свѣщенія. Мы говоримъ о нашей Alma Mater—Академіи Кіевской. Возникнувъ въ началѣ XVII стол. подъ скромнымъ названіемъ Кіево-братской *школы*, она тотчасъ же стала въ уровень съ лучшими тоговременными училищами въ юго-западной Руси и, подобно имъ, на первыхъ же порахъ своего существованія представляла надежную опору противъ искусно организованной и располагавшей громадными средствами иновѣрной пропаганды. Вскорѣ потомъ, благодаря заботамъ просвѣщеннѣйшаго архипастыря Петра Могилы, возведенная на степень высшаго учебнаго заведенія, она стала и долгое время была единственнымъ, наиболѣе удовлетворявшимъ потребностямъ времени, разсадникомъ наукъ, распространявшимъ свои лучи нетолько въ мѣстномъ краѣ, но и по сѣверо-восточнымъ областямъ нашего отечества. Даже просвѣтительное движеніе, усилившееся въ Руси сѣверо-восточной со времени Петра I, совершалось не безъ вліянія и участія представителей кіевской учености, въ средѣ которыхъ великій преобразователь находилъ для себя ревностныхъ и талантливыхъ помощниковъ. Съ теченіемъ времени, когда начинаютъ возникать и въ другихъ мѣстностяхъ высшія учебныя заведенія, значеніе Кіевской Академіи естественно умаляется, служеніе ея въ дѣлѣ про ѣщенія принимаетъ болѣе скромные размѣры; но и въ это время изъ ея стѣнъ выходитъ не мало „знаменитыхъ просвѣщеніемъ и добродѣтелями пастырей, государственныхъ чиновниковъ и во всѣхъ состояніяхъ отличныхъ гражданъ“.

Такимъ образомъ, исторія Кіевской Академіи за нѣкоторые (начальные) періоды ея существованія есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія просвѣщенія цѣлаго края. Многія свѣтлыя и слабыя стороны нашихъ учебныхъ заведеній даже сравнительно позднѣйшихъ временъ не могутъ быть достаточно уяснены безъ знакомства съ порядками, господствовавшими въ нашей Alma Mater. Отсюда ознакомленіе съ судьбами этого учрежденія имѣетъ глубокій историческій интересъ. Къ сожа-

лѣнію, нельзя сказать, чтобы по отношенію къ Кіевской Академіи, въ смыслѣ научной обработки ея исторіи, за нашею историческою литературою не было крупнаго недочета. Правда, мы имѣемъ два спеціально посвященныя этому предмету сочиненія: *Исторію Кіевской Академіи* іеромонаха (впослѣдствіи митрополита Московскаго) Макарія Булгакова (Спб. 1843 г.) и *Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею* В. Аскоченскаго (Кіевъ. 1856 г. ч. 1—2). Но поименованный трудъ преосвящ. Макарія—трудъ юношескій, скуденъ свѣдѣніями и лишенъ тѣхъ научныхъ достоинствъ, какими такъ изобильны его послѣдующія произведенія. Сравнительно болѣе историческихъ свѣдѣній объ Академіи собрано въ книгѣ Аскоченскаго; но авторъ при своей работѣ не былъ одушевленъ любовію къ исторической истинѣ и чуждался пріемовъ ученой критики. Кромѣ же указаныхъ двухъ изслѣдованій, спеціально посвященныхъ изученію историческихъ судебъ Кіевской Академіи, извѣстны только небольшія статьи и мелкія замѣтки относительно этого предмета, изъ коихъ заслуживаютъ упоминанія (имѣемъ въ виду до-могилянскій періодъ): *Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущественно древней Кіевской Академіи*, статья М. *Линчевскаго*. (Труды Кіев. Дух. Акад. 1870 г.) и въ особенности замѣтки о *первыхъ временахъ Кіевскаго Богоявленскаго братства* М. А. Максимовича. (Собраніе сочиненій т. II).

Авторъ далекъ отъ мысли, что его трудъ, первое звѣно котораго представляетъ настоящій выпускъ, можетъ восполнить указанный недочетъ за нашею историческою литературою въ размѣрахъ крупныхъ. Онъ будетъ доволенъ, если ему удастся сдѣлать и немногое въ этомъ отношеніи. Онъ желалъ-бы только, чтобы за его лѣптою признана была, хотя и незначительная, но настоящая, а не фальшивая цѣнность.

I.

Спорный вопросъ о времени, къ которому должно быть отнесено основаніе Кіево-Богоявленскаго братства и школы при немъ.—Послѣдовательный ходъ мнѣній относительно этого вопроса. „Историческія записки“ мѣстной академической корпораціи 1765 и 1771 гг., пріурочивающія основаніе Кіево-братскаго монастыря къ 1588 г.; воспроизведеніе ихъ въ „Старинѣ и Новизнѣ“ 1773 г.; новая историческая записка академической корпораціи 1773 г. о томъ же предметѣ, несогласная во взглядѣ съ предшествовавшими; мнѣнія по данному вопросу преосв. Евгенія, преосв. Макарія, В. Аскоченскаго и друг. Возраженія и замѣчанія М. А. Максимовича и И. И. Малышевскаго. Критическій разборъ документальныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ основаніе Кіево-Богоявленскаго братства относится къ XVI стол.—Новыя попытки доказать существованіе Кіевскаго братства и школы при немъ съ 1589. Кіево-братскій уписъ, какъ первый достовѣрный документъ, дающій опредѣленное указаніе на время основанія братства. Рѣшеніе нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникающихъ при ознакомленіи съ означеннымъ уписомъ. Значеніе записи Галшки Гулевичевны при рѣшеніи вопроса о началѣ братства въ Кіевѣ. Несостоятельность доказательствъ, приводимыхъ въ защиту мнѣнія о посѣщеніи Кіева патріархомъ Іереміею. Путь этого патріарха при двукратномъ посѣщеніи имъ западно-русскихъ областей. Другія доказательства, приводимыя въ подтвержденіе мнѣнія о существованіи братства въ Кіевѣ въ XVI стол.—Происхожденіе братствъ, постепенное развитіе ихъ организаціи и успѣшное распространеніе по юго-западной Руси. Сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства, обусловливаемое религіозно-нравственнымъ состояніемъ этого города въ концѣ XVI и нач. XVII стол.—Общіе выводы.—*Примѣчаніе* о несомнѣнныхъ якобы воспитанникахъ Кіево-братской школы въ періодъ ея мнимаго существованія (до 1615 г.).

Очень долгое время въ нашей исторической литературѣ господствовало, основанное главнымъ образомъ на древнемъ преданіи, мнѣніе, что братство въ Кіевѣ со школою при немъ (впослѣдствіи Академіею) существовало еще со второй половины XVI стол.,—причемъ 1589-й годъ считался временемъ, съ котораго начинается особенное процвѣтаніе братской школы, якобы получившей въ означенный годъ личное патріаршее благословеніе на разширеніе въ ней наукъ. Но

сравнительно въ недавнее время это, почти уже установившееся въ наукѣ, мнѣніе о существованіи Кіевскаго братства со школою не позднѣе 1589 года значительно было поколеблено рядомъ замѣчаній и возраженій такихъ извѣстныхъ своею точностію и осмотрительностію въ выводахъ изслѣдователей, каковы М. А. Максимовичъ и И. И. Малышевскій. Оба они возникновеніе означенныхъ братства и школы относятъ къ 1615 году. Вполнѣ раздѣляя мнѣніе Максимовича и Малышевскаго, мы въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ данному вопросу, старались подкрѣпить оное новыми данными и соображеніями [1]). Наши доводы однако не убѣдили сторонниковъ древняго преданія о началѣ Кіево-братской школы и вызвали съ ихъ стороны энергичныя попытки защитить и доказать достовѣрность этого преданія „путемъ сопоставленія прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ историческихъ свидѣтельствъ“ [2]).—Такимъ образомъ, изслѣдователю, взявшему на себя трудъ прослѣдить исторію Кіевской духовной Академіи со времени ея основанія, первѣе всего предстоитъ рѣшить доселѣ еще спорный и недостаточно выясненный вопросъ о времени, къ которому должно быть пріурочено первоначальное возникновеніе Кіево-Богоявленскаго братства и школы при немъ, впослѣдствіи переименованной въ Коллегію, а затѣмъ Академію. При всей скудости и нѣкоторой неопредѣленности положительныхъ свѣдѣній о первоначальныхъ временахъ Кіевскаго братства, данныхъ для рѣшенія означеннаго вопроса имѣется достаточное количество: необходимо только строго критически отнестись къ этимъ даннымъ и тщательно отдѣлить отъ нихъ тѣ фальшивыя и искусственныя наслоенія, которыя съ давнихъ поръ, по недоумѣнію, къ нимъ присоединялись и доселѣ присоединяются, путая и затѣмняя дѣло.

Вопросъ о времени возникновенія Кіево-Богоявленскаго братства —какъ видно изъ сказаннаго—имѣетъ свою, и притомъ давнюю, исторію, ознакомленіе съ которой не мало можетъ содѣйствовать надлежащему рѣшенію самаго вопроса. Начало этой исторіи восходитъ къ 1765 г. Въ январѣ означеннаго года въ Кіевской Академіи полученъ былъ изъ „Духовной митрополіи Кіевской Консисторіи“ указъ

---

[1]) Труды Кіев. Духов. Акад. 1882 г., № 3-й.—Кіевская Старина, 1885 г., № 1.

[2]) Кіевская Старина, 1885 г., № 2. (Отвѣтъ намъ отъ П. Л—ва).

съ требованіемъ доставить для Адресъ-календаря свѣдѣнія о томъ, „съ какого времени и кѣмъ именно Кіево-братскій монастырь основанъ, и кто, и съ какого года, и по какой годъ, были въ оном монастырѣ начальники.“ Въ исторической запискѣ, составленной въ исполненіе означеннаго указа, говорится, что документальныя данныя о Кіево-братскомъ училищномъ Богоявленскомъ монастырѣ не восходятъ ранѣе 1615 года, „когда воспослѣдовала отъ Галшки Гулевичевой надача (дома и двора) на монастырь ставропигіи патріаршей, на школу для дѣтей шляхетныхъ и мѣщанскихъ и на гостинницу странныхъ духовныхъ вѣры церкви восточной.“ „Но—добавляютъ составители означенной записки—*изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ разсуждать можно, что оный монастырь со школою заложенъ въ 1588 году, когда Іеремія, архіепископъ Константина града и вселенскій патріархъ, былъ въ Россіи для поставленія перваго патріарха на Москву*“ [1]). Хотя составители записки и не объясняютъ, какія именно обстоятельства навели ихъ на мысль объ основаніи Кіево-Богоявленскаго братскаго монастыря и школы при немъ въ 1588 году, но изъ сохранившихся между академическими рукописями черновниковъ [2]), имѣющихъ отношеніе къ данному предмету, видно, что авторы записки въ этомъ случаѣ исключительно имѣли въ виду тотъ фактъ, что въ означенное время, именно „въ лѣто 1588-е, за королеванья въ Польшѣ короля Жигмонта третьяго и за митрополита Кіевскаго Онисифора Дѣвочки, пріѣхалъ въ нашу землю русскую святѣйшій вселенскій патріархъ Константинопольскій Іеремія, первый отъ крещенія Руси посѣтившій свою паству“, и что сей патріархъ, при своемъ обозрѣніи западно-русскихъ областей, „хотяй здѣсь обновити любовь апостольскую, *устрояше по мѣстамъ* (т. е., городамъ) *братства церковные.*“ Если патріархъ Іеремія устроялъ по разнымъ городамъ церковныя братства, то возникало естественное *предположеніе*, что могъ устроить онъ таковое и въ Кіевѣ. Отсутствіе какихъ либо документальныхъ данныхъ за двадцати-пятилѣтній періодъ (1588—1615 гг.) предполагавшагося существованія Кіево-братскаго монастыря привело составителей разсматриваемой „исторической записки“ и къ другому, тоже ничѣмъ неподкрѣпленному предположенію,—именно, что будто

---

[1]) Сборникъ рукоп. актовъ Кіевской дух. Академіи, т. III, № 10.

[2]) Ibid. т. III, № 41-й.

бы „оный монастырь *по причинѣ разныхъ случаевъ*“ былъ разоряемъ, такъ что его полное обновленіе относится только къ 1622 году, когда гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный „создалъ вновь церковь Богоявленія Господня и домъ братскій обновилъ.“ Въ этихъ, впервые высказанныхъ академическою корпораціею предположеніяхъ, безъ сомнѣнія, и кроется основной зародышъ того якобы древняго преданія, которое, пріурочивая основаніе Кіево-Богоявленскаго братства къ 1588 или 1589 гг., съ теченіемъ времени—какъ увидимъ—обставилось новыми подробностями и прочно укоренилось въ нашей исторической литературѣ.... Подобнаго же мнѣнія о первоначальномъ возникновеніи Кіево-Богоявленскаго братства Кіевская духовная Академія держалась и въ 1771 году, когда отъ нея мѣстною Консисторіею вторично требуема была историческая записка по тому же самому вопросу [1]). Это мнѣніе въ 1773 г. дѣлается извѣстнымъ и въ печати: Герардъ Миллеръ и Василій Рубанъ заносятъ его почти съ буквальною (по отношенію къ исторической запискѣ) точностію въ издаваемую ими „Старину и Новизну.“ [2]).

Но въ томъ же 1773 году, когда изъ Св. Синода воспослѣдовалъ новый запросъ о древнемъ и современномъ положеніи Кіевской Академіи, ученая академическая корпорація, составляя обширную историческую записку объ этомъ учрежденіи, уже съ недовѣріемъ отнеслась къ прежнему предположенію о началѣ Богоявленскаго братства и школы при немъ. На первый пунктъ синодальнаго запроса: „съ коего именно года Кіево-братскій монастырь училищнымъ учрежденъ“?—данъ былъ отвѣтъ, что *не ранѣе 1615 года*, какъ свидѣтельствуютъ о семъ несомнѣнныя документальныя данныя (дарственная запись Галшки Гулевичевны [3]). „*Чтожъ нѣкоторые догадкою только утверждаютъ*“ — объясняютъ составители разсматриваемой записки“,—якобы братскій монастырь съ церковію и прочимъ отъ 1588 года, когда патріархъ Константинопольскій Іеремія пріѣзжалъ въ россійскую землю, начало свое взялъ, а потомъ, по разнымъ случаямъ разоренъ бывши, паки Гетманомъ Петромъ Конашевичемъ возобновленъ, *то о томъ нѣтъ изъ чего увѣриться*, а совершеннѣе

---

[1]) Сборн. рук. актовъ Кіев. дух. Акад., № 41-й.

[2]) Старина и Новизна, состоящая изъ сочиненій и переводовъ прозаическихъ и переводныхъ. Ч. II. 1773 г. (статья *о кіевскихъ училищахъ*, стр. 107 и слѣд.).

[3]) Запись напечатана въ *Памят. Кіев. Комм.* т. II. № 1, и *приложс.* № 2.

можно видѣть, такъ по грамотѣ святѣйшаго Кѵръ Паѵсія, патріарха іерусалимскаго, 1649 данной [1]), въ которой, поминается, что оный Гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный съ прочими христолюбцами, по благословенію патріарха іерусалимскаго кѵръ Θеофана, не разоренную возобновилъ, но вновь своимъ иждивеніемъ церковь и обитель братскую воздвигъ, яко и изъ грамоты святѣйшаго Кѵръ Θеофана, 1620 г. мая 17 данной [2]), въ которой между прочимъ написано слѣдующее: „Сего ради въ благочиннѣйшее исправленіе и вящшее еже о церквахъ Божіихъ попеченіе, и сихъ разширеніе, смиренія нашего благословеніемъ новодруженное братство (*что разумѣется не иначе—новозаложенное или новосооружившееся братство*) богоспасаемаго града Кіева благословихомъ и хартіею нашею благословенною въ вѣчніе роды укрѣпихомъ, къ нему же моленіемъ любоподражательныхъ братій, ко еже во множайшее распространіе славы имени Господня, въ богоспасаемомъ семъ градѣ Кіевѣ, по образу прочихъ благочестивыхъ братствъ во мнозѣхъ градовѣхъ государства великаго государя короля польского сущихъ, братство младенческое, старѣйшему братству единомыслное и повинующееся, о Господѣ заложити извольше, благословихомъ и симъ начертаніемъ нашимъ благословляемъ.“ Слѣдовательно, хотя, какъ въ продолженіи оной грамоты значится, и *были въ прочихъ Королевства Польского городахъ братства, но въ градѣ Кіевѣ прежде сего новодруженнаго ни старѣйшаго, ни младшаго братства древнѣйшаго не было, да и бытія таковаго ничѣмъ доказать не можно*“ [3]).

Это мнѣніе кіевскихъ ученыхъ, по своей обстоятельности заслуживавшее полнаго вниманія, не было однако раздѣляемо почти всѣми послѣдующими изслѣдователями давнихъ судебъ Кіевской Академіи [4]),

---

[1]) Напеч. въ *Памятникахъ Кіев. Комм.* т, II, № 14.

[2]) Напеч. въ *Памят. Кіев. Комм.* т. II, № 3-й.

[3]) Архивъ Святѣйшаго Синода, дѣло 1773 г.—Копія съ этого дѣла, съ нѣкоторыми впрочемъ пропусками противъ подлинника, прислана въ 1827 году митрополитомъ Евгеніемъ въ библіотеку Кіевской духов. Академіи, гдѣ и по настоящее время находится (№ J. 26).

[4]) Не говоримъ всѣми, но *почти всѣми*, потому что въ концѣ прошлаго столѣтія въ самой Академіи Кіевской ея начало полагали въ 1620 году, когда она была утверждена и благословлена іерусалимскомъ патріархомъ Θеофаномъ. Такъ *въ Кіевскомъ мѣсяцесловѣ на лѣто 1798*, составленномъ Иринеемъ Фальковскимъ, *въ хронологіи вещей достопамятныхъ* обозначено: *отъ заведенія Кіевской Академіи—178 годъ.*

хотя, какъ можно думать, оно и не оставалось, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, безъизвѣстнымъ. Такъ преосвященный Евгеній въ своемъ *краткомъ извѣстіи о началѣ Кіевской Академіи* [1]) держится мнѣнія, пріурочивающаго первоначальное основаніе Кіево-Богоявленской братской школы къ 1589 году,—причемъ, сообщая нѣсколько новыхъ подробностей, впервые указываетъ на документальныя данныя, якобы подтверждающія означенное мнѣніе. Онъ говоритъ, что патріархъ Іеремія „на обратномъ пути изъ Москвы въ 1589 году *посѣтилъ Кіевъ* и въ это время далъ благословеніе завести въ семъ городѣ высшее училище (подобное Острожскому, Львовскому и Виленскому) при знатнѣйшей тогда изъ кіевскихъ русскихъ школъ, находившейся у Богоявленской церкви, которая имѣла уже тогда для содержанія оной и особое братство и доходныя маетности, какъ видно изъ одной купчей отъ кіевскаго жителя Андрея Обухова записи 1594 г. на Сверчановскій плацъ на Подолѣ, уступленный сему братству. Но когда Богоявленская школа сія сгорѣла, то жена маршалка мозырскаго, Анна Гулевичева, отдала подъ школы свой домъ со всею усадьбою и пристройками, находившійся на мѣстѣ нынѣшняго братскаго монастыря.“—Тоже самое за преосвященнымъ Евгеніемъ повторяли и послѣдующіе исторіографы нашей академіи: преосвященный Макарій и В. Аскоченскій, а также и другіе писатели, касавшіеся древнихъ судебъ Кіевской Академіи (Фундуклей въ *Обозрѣніи Кіева*, Закревскій въ *Описаніи Кіева*, Сементовскій въ сочиненіи—*Кіевъ съ его святынями*, всѣ русскіе энциклопедическіе словари, многіе, изданные въ Кіевѣ, мѣсяцесловы, и т. п.), съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями.—Такъ Аскоченскій основаніе кіевскаго училища относитъ „къ той эпохѣ, когда конституціею сейма люблинскаго, въ 1569 году, окончательно утверждено начавшееся еще съ 1501 года соединеніе Литвы и Польши и когда Кіевъ съ прочими своими городами причисленъ къ польскому королевству.“ По его мнѣнію, патріархъ Іеремія былъ въ Кіевѣ два раза: въ 1588 году, когда отправлялся въ Москву, и въ слѣдующемъ 1589 г. на обратномъ пути оттуда. Во время этого вторичнаго посѣщенія Кіева онъ, по просьбѣ здѣшнихъ гражданъ, и преобразовалъ существовавшую при Богоявленской

---

[1]) Помѣщено въ приложеніяхъ къ *Описанію Кіево-Софійскаго собора* (изд. 1625 г.), подъ № 41.

церкви школу въ высшее правительственное учрежденіе. „Благословеніе патріарха—по словамъ Аскоченскаго—было первымъ и основнымъ камнемъ того училища, которому суждено было потомъ возвыситься до званія Академіи и которое съ того времени рѣзко стало отличается отъ другихъ совмѣстныхъ и современныхъ ему.“ Въ подтвержденіе несомнѣннаго существованія Кіево-Богоявленскаго братства въ XVI столѣтіи, Аскоченскій, кромѣ упоминаемой преосвященнымъ Евгеніемъ записи Андрея Обуха 1594 года, указываетъ еще на выпись изъ гродскихъ кіевскихъ книгъ 1593 года, изъ коей видно, что въ этомъ году „кіевскій нагорскій священникъ Филиппъ Аѳанасьевъ положилъ передъ урядомъ королевскимъ листы урядниковъ воеводства кіевскаго для подтвержденія принадлежащихъ къ церкви Трехъ-святительской и Крестовоздвиженской вотчинъ со всѣми ихъ угодьями и для передачи ихъ потомъ Кіево-Богоявленскому братству“ [1]).

Первые двадцать пять лѣтъ существованія Кіево-братской школы (съ 1589 по 1615 г.),—по словамъ исторіографовъ Кіевской Академіи,—остаются для насъ почти неизвѣстными; но тѣмъ не менѣе они, отчасти въ видѣ вѣроятныхъ предположеній, а отчасти даже и положительныхъ данныхъ, объ этомъ двадцати-пятилѣтіи сообщаютъ нѣсколько свѣдѣній. Первѣе всего исторіографы отмѣчаютъ тотъ фактъ, что до 1615 года кіевская братская школа переживала трудныя времена, испытала много бѣдствій. „Въ тотъ самый годъ—говоритъ преосвященный Макарій,—какъ положено было начало Кіевской школы, зародилась уже, по крайней мѣрѣ въ умахъ главныхъ виновниковъ ея, такъ называемая *Унія*—источникъ безчисленныхъ золъ для западной Руси и православной церкви; въ тотъ же годъ на сеймѣ польскомъ ограничены были права и вольности запорожскихъ козаковъ, которые, желая отстоять ихъ и вмѣстѣ защитить вѣру православную отъ папистовъ и уніатовъ, подняли оружіе противъ своихъ притѣснителей. Война продолжалась почти непрерывно около семи лѣтъ, война упорная и свирѣпая, не разъ съ обѣихъ враждовавшихъ сторонъ доходившая до варварскаго ожесточенія. Можно представить состояніе Кіевскаго училища въ это семилѣтіе, когда все воеводство

---

[1]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академію. Кіевъ, 1856 г. ч. I. стр. 57. 60. 61.

кіевское принимало дѣятельнѣйшее участіе въ дѣлахъ брани и всѣ умы въ Малороссіи заняты были до высочайшей степени одною ужасною мыслію о бѣдствіяхъ, уже постигшихъ родину, и о новыхъ, собиравшихся надъ нею. Сеймъ 1597 года, объявившій народъ русскій отступнымъ, вѣроломымъ, бунтливымъ, далъ полную волю изступленному фанатизму ревнителей папскаго престола и скоро вся Украина запылала страшною непремиримою войною. Это продолжалось до 1607 года, когда новымъ сеймомъ ограждены были нѣсколько права христіанъ православныхъ. Легко представить себѣ, каково долженствовало быть состояніе Кіевскаго училища и въ это десятилѣтіе. Тогда какъ всѣ православные храмы въ Кіевѣ были запечатываемы или отдаваемы въ аренду жидамъ, могла-ли не подвергнуться той же участи и церковь, при которой оно находилось? Тогда какъ всѣ православныя училища были всячески тѣснимы и разрушаемы іезуитами—главнѣйшими дѣятелями въ сихъ гоненіяхъ,—могло-ли оно укрыться отъ ихъ преслѣдованія? Если они старались довести до совершеннаго упадка училища Острожское, Львовское и Стрятинское, то не упускали, безъ сомнѣнія, ничего ко вреду училища братскаго, которое, находясь въ самой столицѣ православія, служило оплотомъ правой вѣры. Наконецъ къ довершенію бѣдствій, претерпѣнныхъ симъ училищемъ,—огонь испепелилъ *въ концѣ* 1614 года и его и Богоявленскую церковь, такъ что теперь трудно опредѣлить даже мѣсто, гдѣ оно находилось“ [1]). Другой исторіографъ Кіевской Академіи—В. Аскоческій рисуетъ такую картину бѣдственнаго положенія Кіево-Богоявленской братской школы за разсматриваемое время: „Не успѣла Кіевская школа выдти изъ младенческаго состоянія, какъ на нее обрушились такія бѣдствія, которыя трудно было бы перенести и окрѣпшему въ силахъ училищу. Отступничество кіевскаго митрополита Михаила Рагозы и фанатическое изувѣрство преемника и клеврета его Ипатія Поцѣя, повергнувъ весь юго-западный край въ бездну золъ и кровавыхъ междуусобій, неизбѣжно должно было отразиться неблагопріятнымъ образомъ и на всѣ вообще училища, существовавшія въ Кіевѣ. Не могли миловать и щадить ихъ отступники православія.... Но главнѣйшее изъ нихъ Богоявленское болѣе всѣхъ

---

[1]) Исторія Кіев. Академіи. 1843 г. Спб. стр. 15—16.

должно было испытать гоненій отъ лжепастырей. Оно было возведено на степень первенствующаго училища тѣмъ самымъ патріархомъ, котораго отступники ославили клеветникомъ, мздоимцемъ, возмутителемъ и бродягою. Оно, за неимѣніемъ православныхъ митрополитовъ, состояло подъ покровительствомъ Кіево-Печерской Лавры, отказавшейся повиноваться Рагозѣ и не согласившейся признать его своимъ архимандритомъ; оно считало въ числѣ первыхъ своихъ благодѣтелей и заступниковъ Никифора Тура, ревностнѣйшаго противника католиковъ и уніатовъ, силою своей власти и вліянія затворившаго для лже-пастырей святыя врата Кіево-Печерской Лавры. Не мудрено послѣ этого, что враги православія обрушили на Богоявленское училище всевозможныя бѣдствія. Рагоза, отнявъ у Лавры знатнѣйшія владѣнія, лишилъ ее чрезъ то способовъ быть полезною училищному братству; уніятское духовенство, вторгаясь во всѣ православные монастыри, отнимало у обителей средства не только къ поданію помощи другимъ, но даже къ своему собственному существованію. Если даже народъ, собиравшійся на молитву въ полевые шалаши, не имѣлъ спокойствія и безопасности и былъ разгоняемъ вѣроотступниками: то тѣмъ болѣе долженствовало подвергнуться такому насилію братство, образовавшееся съ цѣлію совершенно противною законопреступнымъ видамъ враговъ православія. Въ 1604 году, по ходатайству Ипатія Поцѣя, королевскимъ указомъ отдана кіевскому бискупу цѣлая часть Кіево-подола за канавою на горѣ Щекавицѣ; затѣмъ бискупъ самъ уже собою отнялъ изъ подъ магистратскаго вѣдомства и все пространство съ дворами до бывшей іорданской обители; наконецъ захватилъ и это мѣсто и все урочище кожевники. Значитъ католики заняли тѣ мѣста, гдѣ преимущественно жили ближайшіе члены братства; а съ этимъ вмѣстѣ, какъ властители, они конечно стѣснили прежнихъ благодѣтелей въ ихъ усердствованіи къ училищу. Іезуиты, доминиканцы, соревнуя другъ другу, заводили въ самомъ Кіевѣ училища, гдѣ съ свойственнымъ только имъ искусствомъ внушали ненависть ко всему русскому и любовь и уваженіе къ западному. Этимъ они искусно подготовляли упадокъ ненавистнаго имъ Богоявленскаго училища, и конечно, не безъ тайной радости смотрѣли на пламя страшнаго пожара, истребившаго въ 1614 году Богоявленскую церковь“ [1]).

[1]) Кіев. съ древ. училищемъ Академіею. ч. I. 61—62.

Не смотря на столь „бурное существованіе“, Кіево-Богоявленская братская школа не прекращала своей педагогической дѣятельности и за разсматриваемой двадцати-пятилѣтній періодъ успѣла выпустить немалое число высокообразованныхъ ревнителей православія. Исторіографы Кіевской Академіи, не желая „распространять своихъ догадокъ на счетъ тѣхъ знаменитыхъ своихъ просвѣщеніемъ лицъ“, которыя *могли* получить свое образованіе въ означенной школѣ, указываютъ только на тѣхъ, которыя *несомнѣнно получили* его въ ней. Къ числу такихъ лицъ преосвященный Макарій относитъ: *Кирилла Транквиліона — Ставровецкаго, Захарію Копыстенскаго и Богдана Хмѣльницкаго,* [1]) а Аскоченскій прибавляетъ еще къ нимъ: *Елисея Плетенецкаго, Леонтія Карповича, Кассіана Саковича* и сподвижниковъ Хмѣльницкаго *Павла Тетерю и Якима Сомка* [2]).

Такъ постепенно укоренялось, распространялось и пріумножалось новыми наслоеніями древнее якобы преданіе о возникновеніи Кіево-Богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI столѣтія.—Сводя все сказанное относительно этого преданія, получаемъ нижеслѣдующія положенія о первомъ якобы двадцати-пятилѣтнемъ (1589—1614 г.) существованіи Кіевскаго братства и школы при немъ:

1) Братство существовало до 1588—1589 гг., ибо посѣтившій въ это время Кіевъ константинопольскій патріархъ Іеремія уже засталъ его сформировавшимся.

2) Начало Кіевской Академіи слѣдуетъ полагать въ 1589 году, потому что въ этомъ году означенный патріархъ возвысилъ братскую школу, преобразовавъ ее въ высшее правительственное училище, по образцу другихъ существовавшихъ въ литовско-русскихъ областяхъ.

3) Внѣшнее положеніе братской школы, за первое двадцати-пятилѣтіе ея существованія, было крайне бѣдственное, но, не смотря на это, она и въ означенный періодъ выпустила изъ своихъ стѣнъ не малое число высокообразованныхъ ревнителей православія.

4) Братство за разсматриваемое время владѣло дворомъ въ Кіевѣ, земельными угодьями и вотчинами, какъ это видно изъ двухъ документовъ 1593 и 1594 гг.

5) Въ 1614 году пожаръ истребилъ братскую церковь и быв-

---

[1]) Исторія Кіев. Акад. 31—32.

[2]) Кіевъ съ древ. училищемъ Академ. I. 64—67.

шую при ней школу; но въ слѣдующемъ году братство со школою же перешло на новое, „сосѣднее“ мѣсто,—во дворъ, пожертвованной ему Галшкою Гулевичевною, женою мозырскаго маршалка,—съ каковаго времени для братской школы начинается новый періодъ ея существованія.

Укрѣпленное и формулируемое такимъ образомъ мнѣніе о существованіи Кіево-Богоявленскаго братства со школою еще въ концѣ XVI стол. заняло твердую позицію въ нашей исторической литературѣ и долго безъ колебаній господствовало въ ней. Но спустя ровно сто лѣтъ послѣ того, какъ положено было первое звѣно означенному мнѣнію, противъ него начинаютъ появляться серьезныя возраженія. Въ 1865 году М. А. Максимовичемъ напечатаны были *записки о первыхъ временахъ Кіево-Богоявленскаго братства*, гдѣ почтенный изслѣдователь, касаясь вопроса о начальныхъ временахъ братской школы, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Къ двумъ съ половиною вѣкамъ исторической жизни Кіево-братскаго училища добавляется еще 25-лѣтнее бытіе прежней Богоявленской школы, которая съ 1589 года, благословеніемъ патріарха Іереміи, была возвышена предъ прочими приходскими школами кіевскими. Но объ ней еще не открыто, кажется, тоговременныхъ извѣстій, ни объ томъ пожарѣ, которымъ она истреблена, какъ полагаютъ, 1614 года.—Печальная пустота этого пожарища восполняется нынѣ знаменитыми именами предполагаемыхъ тамъ наставниковъ и питомцевъ (слѣдуетъ перечень тѣхъ и другихъ по исторіямъ Кіевской Академіи преосвященнаго Макарія и Аскоченскаго). Но для признанія неотъемлемой принадлежности ихъ всѣхъ къ прежней Богоявленской школѣ надобно тоговременное свидѣтельство о каждомъ, начиная съ Елисея Плетенецкаго, который скончался въ октябрѣ 1624 г. семидесятилѣтнимъ старцемъ и съ 1595 года былъ уже архимандритомъ“... „Нельзя и подумать,—продолжаетъ уважаемый изслѣдователь,—чтобы въ Кіевской школѣ, получившей патріаршее благословеніе 1589 года, не принималъ дѣятельнаго участія святопамятный князь Константинъ Острожскій, будучи воеводою кіевскимъ до кончины своей въ 1608 году. Но объ этомъ не нашлось еще и намека въ тоговременной письменности, такъ же какъ не видно изъ нея и прежней Богоявлен-

ской церкви, при которой находилась та братская школа. Единственный слѣдъ ихъ—купчая запись 1594 года, данная кіевскимъ земляниномъ Андреемъ Обухомъ и его женою Наталіею Свершовскою—на ихъ Свершовскій домъ на Подолѣ и сѣножать на Оболони. Но и той купчей записи не имѣемъ мы въ подлинникѣ; а говорится о ней уже чрезъ сто лѣтъ, въ царской грамотѣ 1694 года, что проданъ дворъ и сѣножать въ братскій монастырь. Словомъ сказать, 25-лѣтнее бытіе первоначальной Богоявленской школы требуетъ новаго историческаго изслѣдованія и удостовѣренія".—Приведши небольшія выдержки изъ начальной части Кіево-братскаго уписа и дарственной записи Галшки Гулевичевны, Максимовичъ по поводу ихъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „*Начинаемъ*—говорятъ обыватели кіевскаго воеводства—церковное братство въ Кіевѣ. Видно, что оно было тутъ дѣло новое, а не продолженіе прежняго братства, состоявшаго при Богоявленской церкви, сгорѣвшей въ предыдущемъ году, вмѣстѣ со школою и шпиталемъ. Братство, какъ общество людей, не прекратилось бы отъ пожара; оно только озаботилось бы о возобновленіи погорѣвшихъ зданій. Но въ предисловіи реестра и въ записи Гулевичевны нѣтъ и помину о нихъ и объ ихъ возобновленіи, которое въ ту пору было бы надежнѣе, чѣмъ построеніе ихъ вновь, отъ новаго православнаго братства церковнаго. Это умолчаніе не даетъ-ли намъ разумѣть, что Кіевское братство учредилось само по себѣ, безъ отношенія къ прежнему?" [1]).

Спустя четыре года послѣ появленія означенной статьи Максимовича, профессоръ И. И. Малышевскій въ своей *Исторической запискѣ о состояніи Кіевской духовной Академіи*, читанной имъ на юбилейномъ академическомъ актѣ, еще рѣшительнѣе старается доказать несостоятельность мнѣнія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства и школы при немъ со времени пріѣзда въ Россію патріарха Іереміи. Сущность его доказательствъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Ниоткуда не извѣстно, что Іеремія на пути-ли въ Москву или обратно былъ въ Кіевѣ: въ первомъ и другомъ случаѣ онъ ѣхалъ на Замостье, Вильну, Смоленскъ, посѣщая на этомъ пути и другіе города, въ числѣ коихъ ни въ какомъ актѣ не упоминается Кіевъ. 2) О грамотѣ

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Кіевъ 1877 г. т. II. 172—176.

и благословеніи Іереміи не упоминается ни въ одномъ изъ начальныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ актовъ Кіевскаго братства, что—будé таковая грамота и благословеніе даны—представляется дѣломъ необъяснимымъ. 3) Купчая запись Андрея Обуха неизвѣстна намъ ни въ подлинникѣ, ни въ выписи: мы знаемъ о ней только по ссылкѣ въ царской грамотѣ 1694 года. 4) Мнѣніе о пожарѣ 1614 г., истребившемъ якобы братскій монастырь и школу, не могло быть доселѣ подтверждено никакимъ историческимъ документомъ. 5) Самыя выраженія записи Галшки Гулевичевны 1615 года и братскаго уписа начала 1616 г. даютъ прямое заключеніе, что братство со школою только теперь начиналось. Галшка Гулевичевна говоритъ, что даетъ дворъ съ землею на монастырь ставропигіи патріаршей, т. е. *на будущій* монастырь, *будущую* ставропигію, *будущую* школу, иначе она назвала бы этотъ монастырь, упомянула бы объ учрежденіи ставропигіи; далѣе она выражается, что только вводитъ монашествующихъ и школу въ жертвуемый ею для нихъ дворъ съ землею. А члены уписа говорятъ еще прямѣе: *начинаемъ* сей душеспасительный союзъ-братство церковное, *начинаемъ* по благословенію святѣйшаго патріарха Тимоѳея и прочихъ патріарховъ и согласно съ уставами, которые даны отъ святѣйшихъ патріарховъ братствамъ городовъ: Львова, Вильны, Могилева и церквамъ другихъ городовъ.—Можно ли было бы не упомянуть тутъ о братствѣ и школѣ, получившихъ благословеніе отъ патріарха Іереміи, если бы то и другое дѣйствительно было?[1]).

Замѣчанія Максимовича и Малышевскаго, не смотря на недостаточность аргументаціи нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣютъ весьма существенный характеръ. Но особенно цѣннымъ мы считаемъ указаніе на братскій описъ, какъ документъ несомнѣнный, имѣющій прямое отношеніе къ разсматриваемому вопросу и—если откинуть предвзятыя мысли—рѣшающій этотъ вопросъ съ положительною точностію. Въ виду особенной важности означеннаго документа для нашей цѣли, мы считаемъ умѣстнымъ привести изъ него бóльшія выписки, чѣмъ какія сдѣланы Максимовичемъ и Малышевскимъ. „Господь нашъ Іисусъ Христосъ—читаемъ въ описѣ,—по своему великому и человѣколюбивому милосердію, устрояя на землѣ все къ нашему спасенію, и

---

[1]) Труды Кіев. Духов. Академіи 1869 г. т. IV. (юбилейный номеръ).

идя на вольное, спасительное для людей, страданіе, говорилъ своимъ ученикамъ: сіе заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга... и мы грѣшные, послѣдуя сему божественному и спасительному и человѣколюбному наставленію.... *хотя и поздно, пробудившись отъ долговременнаго нерадѣнія и лѣности и мрачной суеты мірской, восхотѣли прозрѣть къ свѣту благоразумія.* И предстательствомъ Пречистыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, силою честнаго и животворящаго креста и молитвами всѣхъ святыхъ: *по благословенію и повелѣнію святѣйшаго Вселенскаго Константинопольскаго патріарха, господина Тимовея*, главнѣйшаго во Христѣ пастыря нашего и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ: Александрійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго, *начинаемъ сей душеспасительный дружелюбный союзъ, братство церковное, въ богоспасаемомъ городѣ Кіевѣ*... Для чего,—какъ существенное основаніе *предпринимаемаго того святого братства милосердія*, по волѣ Вседержителя Бога,—составляется уписъ и присяжный союзъ и соединеніе неразрывной братской любви, *согласно съ уставами, которые даны отъ святѣйшихъ патріарховъ братствамъ городовъ: Львова, Вильна, Могилева и церквамъ другихъ городовъ Короны Польской, освящены ихъ благословеніемъ и утверждены.*“ [1]). Такимъ образомъ, въ самомъ древнѣйшемъ, дошедшемъ до насъ памятникѣ, имѣющемъ отношеніе къ Кіево-Богоявленскому братству, мы не только не видимъ ни малѣйшаго намека на издавна якобы существовавшее преданіе, пріурочивающее возникновеніе сего братства еще къ концу XVI стол., но находимъ прямыя и ясныя указанія, что оно сформировалось только около 1615 года. Мы можемъ сослаться еще на другой тоговременный памятникъ, въ которомъ находится не менѣе ясное и опредѣленное указаніе на то, что братство въ Кіевѣ началось только съ указаннаго времени. Уніатскій митрополитъ Вельяминъ Рутскій въ составленномъ имъ около 1618—1619 гг. проектѣ относительно введенія уніи въ Кіевѣ, между прочимъ, говоритъ: „большимъ препятствіемъ для уніи въ томъ городѣ (Кіевѣ) служитъ *новое братство, основаное здѣсь схизматиками три года тому назадъ*, безъ привилегіи короля, гдѣ происходятъ сходки и совѣщанія, которыхъ послѣдствіемъ

---

[1]) Памят. Кіев. комм. т. II. № 2.—*Приложж.* № 1.

было то, что митрополичій оффиціалъ былъ утопленъ, потомъ слуга, взимавшій двойной поборъ, схваченъ былъ съ деньгами, выведенъ въ степь и прикованъ къ пушкѣ, а теперь схваченъ также попъ уніатъ, который одинъ только и былъ здѣсь, и неизвѣстно куда запрятанъ", и проч. [1]). Къ этому нелишне прибавить, что и въ другихъ начальныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ письменныхъ памятникахъ, касающихся Кіево-Богоявленскаго братства, мы не находимъ никакихъ указаній на его существованіе съ конца XVI столѣтія: напротивъ, встрѣчаемъ выраженія, дающія основаніе предполагать, что братство въ Кіевѣ—явленіе еще очень недавнее (напр. извѣстное уже намъ выраженіе въ грамотѣ патріарха Θеофана 1620 г. — *новодруженное* братство).

Но не смотря на серьезное значеніе приведенныхъ нами замѣчаній и возраженій М. А. Максимовича и И. И. Малышевскаго, ими было только *поколеблено*, но *не подорвано въ корнѣ* установившееся въ нашей исторической литературѣ мнѣніе о первоначальномъ основаніи Кіево-Богоявленскаго братства еще во второй половинѣ XVI столѣтія. И это естественно. Доказывая несостоятельность древняго преданія о началѣ означеннаго братства, ученая критика, въ лицѣ Максимовича и Малышевскаго, почти вовсе не коснулась главной опоры, которая преимущественно и даетъ жизненные соки этому преданію. Мы разумѣемъ тѣ единственныя документальныя данныя, въ которыхъ находятся якобы положительныя указанія относительно существованія братства въ Кіевѣ въ 90-хъ годахъ XVI столѣтія. Данныя эти, какъ мы видѣли, составляютъ: *листы урядниковъ воеводства кіевскаго 1593 года,* и *купчая Андрея Обуха 1594 г.* — О первомъ изъ этихъ документовъ поименованные изслѣдователи, возражавшіе противъ достовѣрности древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства, вовсе не упоминаютъ (по всей вѣроятности потому, что на него ссылается одинъ только Аскоченскій и ссылается—какъ увидимъ — неосновательно); относительно же втораго ограничиваются краткимъ замѣчаніемъ, что онъ (купчая Андрея Обуха) неизвѣстенъ ни въ подлинникѣ, ни въ копіи, а говорится о

---

[1]) Подлинникъ хранится въ Архивѣ Греко-уніатс. митроп. при св. Синодѣ; напечатанъ (въ переводѣ) въ *Основѣ* 1861 г. № 8, и Вѣстникѣ Запад. Россіи, 1862 г., октяб.

немъ уже спустя сто лѣтъ въ царской грамотѣ 1694 г. Очевидно, такимъ замѣчаніемъ изслѣдователи имѣли въ виду подорвать историческое значеніе этого, по видимому, весьма важнаго въ данномъ случаѣ письменнаго памятника. Но эта цѣль была ими не вполнѣ достигнута. Вскользь высказанное замѣчаніе не есть еще доказательство, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ указаніе на поименованные документы 1593 и 1594 гг., хотя принадлежитъ сравнительно и позднему времени, но оно сдѣлано—какъ увидимъ—при обстоятельствахъ, не дающихъ основаній для предположенія о какомъ либо подлогѣ или ошибочномъ обозначеніи даты. Поэтому, хотя нѣкоторые изслѣдователи, по достоинству оцѣнивши вышеприведенныя замѣчанія Максимовича и Малышевскаго, и приняли ихъ мнѣніе объ основаніи Кіево-Богоявленскаго братства и школы при немъ въ 1615 г. (какъ, наприм., это сдѣлалъ преосв. Макарій, отказавшійся отъ своего прежняго мнѣнія о существованіи Кіево-братской школы въ XVI стол.) [1]); но вмѣстѣ съ тѣмъ нашлось немало и такихъ знатоковъ кіевской старины, которые все таки продолжали держаться по данному вопросу древняго преданія, утверждая, что купчая Андрея Обуха „служитъ *несомнѣннымъ доказательствомъ* существованія Кіевскаго братства еще въ концѣ XVI столѣтія“ [2]). Въ отвѣтъ на замѣчаніе Максимовича и Малышевскаго объ означенной купчей сторонники древняго преданія не безъ основанія заявляли, что нельзя отвергать свидѣтельства этой купчей потому только, что она не дошла до насъ въ подлинникѣ. „Достаточно—говорили они—и того, что до насъ дошла въ подлинникѣ царская грамота (1694 г.), въ которой приведена эта выпись; такъ какъ безъ надлежащей провѣрки выпись не могла быть помѣщена въ царской грамотѣ“ [3]).

Послѣ сказаннаго представлялась ясною задача изслѣдователя, желавшаго установить опредѣленное мнѣніе о времени основанія Кіево-Богоявленскаго братства. Онъ естественно долженъ былъ заняться рѣшеніемъ слѣдующихъ двухъ вопросовъ: *во-первыхъ*, дѣйствительно-ли занесены были въ городскія книги воеводства кіевскаго

---

[1]) Исторія Рус. Церкви т. X. стр. 473—474.

[2]) Описаніе Кіева, *Н. Закревскаго*.—Москва, 1868 г. т. I. стр. 150.

[3]) Кіевская Старина, 1884 г. № 10-й. стр. 228—230.

упоминаемые въ царской грамотѣ 1694 года документы и притомъ съ обозначенною-ли въ ней датою? и, *во-вторыхъ*, если въ указанное время такіе документы дѣйствительно существовали, то Кіевскому ли братству они выданы были или же какимъ либо другимъ лицамъ и учрежденіямъ?

Рѣшеніемъ этихъ вопросовъ мы преимущественно и занялись въ упомянутыхъ нашихъ статьяхъ о началѣ Кіевской Академіи. Рѣшеніе это, въ настоящее время дополняемое нѣкоторыми новыми данными и соображеніями, состоитъ въ слѣдующемъ.

На первый изъ поставленныхъ вопросовъ долженъ быть данъ отвѣтъ утвердительный. Хотя указанія на поименованные документы 1593 и 1594 гг. и принадлежатъ сравнительно позднему времени, но они сдѣланы—какъ мы замѣтили—при обстоятельствахъ, не дающихъ основаній для предположенія о какомъ либо подлогѣ. Первое указаніе на разсматриваемые нами документы сдѣлано было, сколько намъ извѣстно, въ 1691 году. Во второй половинѣ этого года посланъ былъ въ Москву игуменомъ Кіево-братскаго монастыря и ректоромъ Кіевской Коллегіи Пахоміемъ Подлузскимъ префектъ и учитель философіи Силуанъ Озерскій вмѣстѣ съ учителями риторическимъ, піитическимъ и грамматическимъ, а также съ тремя студентами, для челобитья царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и поднесенія имъ отъ Академіи пышнаго панегирика [1]). Это посольство отправлено было съ вѣдома кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго и гетмана Ивана Мазепы. Послѣдній въ своей грамотѣ (отъ 4 авг. 1691 г.) цѣль посольства объясняетъ преимущественно желаніемъ со стороны Кіево-братскихъ иноковъ выразить пресвѣтлымъ государямъ „достодолжное желательство и благопривѣтство: ибо всѣ они разсудили сіе быти належащею и непремѣнною должностію, понеже подъ высокодержавною Царскаго Величества рукою благополучно живутъ и въ высокихъ наказаніяхъ, кромѣ всякихъ препятствій, разширяются“.

---

[1]) Панегирикъ этотъ представлялъ собою огромный шелковый платъ, на которомъ отгравированы портреты Іоанна и Петра Алексѣевичей, Кіевская Академія, студенты и нѣсколько аллегорическихъ картинъ. Внизу напечатано посвященіе царямъ и, такъ называвшаяся въ то время, *конклюзія* (рядъ тезисовъ). Въ настоящее время панегирикъ этотъ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ (въ Петровской залѣ), а фотографическая копія съ него есть и въ Церковно-Археологическомъ музеѣ при Кіевской Академіи.

Но, разумѣется, не послѣднею цѣлію посольства было желаніе снискать расположеніе государей и получить подтвержденіе академическихъ привилегій, исходатайствовать закрѣпленіе за Коллегіею, находящихся въ ея владѣніи помѣстій, и т. п. Съ этою цѣлію и представлены были префектомъ С. Озерецкимъ въ Малороссійскій Приказъ „на маетности Братскаго монастыря данныя королевскія привилея и выписи зъ книгъ грацкихъ и гетманскія универсалы.“ Въ Малороссійскомъ Приказѣ сдѣланъ былъ реестръ представленнымъ отъ имени Братскаго монастыря „крѣпостямъ“, съ краткимъ обозначеніемъ содержанія каждой изъ нихъ. Въ этомъ реестрѣ на первомъ планѣ и значатся разсматриваемые нами документы, причемъ въ описаніи перваго (королевскихъ листовъ) *ни единымъ словомъ не упоминается о братствѣ*, а говорится о подтвержденіи разныхъ маетностей церквамъ Трехъ-святительской и Кресто-воздвиженской, при описаніи же другаго (купчей Обуха) дѣйствительно рѣчь идетъ о Братскомъ монастырѣ: *Въ купчей Андрея Обухова* (читаемъ здѣсь), *земянина кіевскаго, 1594 года написано: что онъ Андрей съ женою своею Натальею Сверщовскою продали въ Братцкой монастыръ дворовое свое мѣсто Сверчековское і зъ сѣножатью, которое дворовое мѣсто противъ дворовъ кіевскихъ мѣщанъ Сидора і Телепкина, а сѣножать на Оболони, прозваніемъ Сверщовская, издавна къ тому дворовому мѣсту належитъ: за 30 копъ литовскихъ* [1]).—Поѣздка въ Москву префекта С. Озерскаго, кажется, была не особенно удачна: дѣло о царской жалованной грамотѣ почему-то затянулось, такъ что въ 1693 году новый ректоръ Кіевской Коллегіи Іоасафъ Краковскій счелъ необходимымъ лично отправиться въ Москву и снова ходатайствовать о подтвержденіи монастырскихъ привилегій и крѣпостей, причемъ послѣднія снова представлены были имъ въ Малороссійскій Приказъ, гдѣ, *по справкѣ съ прежнимъ дѣломъ*, доставленнымъ документамъ опять сдѣланъ былъ реестръ, почти дословно сходный съ реестромъ 1691 года. Поѣздка Іосафа Краковскаго была удачнѣе: результатомъ ея была жалованная царская грамота (11 января 1694 г.), подтверждающая Кіево-братскому монастырю право владѣнія прежними вотчинами и угодьями [2]). Въ этой грамотѣ въ полномъ видѣ и помѣщенъ былъ

---

[1]) Архив. Минист. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ. Дѣла Малоросс., годъ 1691, связка № 93.

[2]) Напечатана въ *Памят. Кіевс. Комм.* т. II, отд. 1. № XXIX.

означенный реестръ крѣпостямъ Кіевской Коллегіи, на который, какъ на безусловно точное свидѣтельство, ссылаются сторонники древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI столѣтія.—Повторяемъ, нѣтъ никакого основанія заподозривать подлинность представлявшихся въ Малороссійскій Приказъ отъ имени Братскаго монастыря крѣпостныхъ документовъ: дѣло шло не о полученіи какихъ либо спорныхъ угодій, а о закрѣпленіи помѣстій, находившихся уже въ монастырскомъ владѣніи. Но независимо отъ этого есть и положительныя данныя, удостовѣряющія дѣйствительность существованія поименованныхъ документовъ и при томъ съ датою, обозначенною въ царской грамотѣ [1]). Въ библіотекѣ Кіево-печерской Лавры находится довольно объемистая рукопись конца прошлаго столѣтія, содержащая опись всѣмъ документамъ на имѣнія, принадлежавшія кіевскимъ монастырямъ. Въ этой „описи“ подъ рубрикою—„документы, на состоящіе въ городѣ Кіево-подолѣ, Кіево-братскому монастырю принадлежащіе пляцы“, подъ №№ 1 и 2, значится: 1) „Выпись съ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго, 1593 года, марта 20-го дня, данная бывшему священнику церкви верхне-кіевской Трехъ-святительской Филиппу Аѳанасіевичу съ упоминкомъ данныхъ ему прежнихъ на оную церковь разныхъ привилегій, правъ и принадлежностей къ той церкви; оная выпись въ книгу оправлена и во многихъ мѣстахъ подклеивана“; и 2) „Купчая жителя кіевскаго Андрея Обухова на состоящій въ городѣ Кіево-подолѣ пляцъ, называемый Сверчановскій, *съ уступкою оного* кіевскому Богоявленія Господня братству; 1594 года сентября 5 дня; на двухъ листахъ, одинъ изъ коихъ писанный, а другой порожній.“

Такимъ образомъ, дѣйствительное существованіе поименованныхъ документовъ и притомъ съ датою, обозначенною въ царской грамотѣ 1694 г., не можетъ подлежать сомнѣнію; но вопросъ о томъ, могутъ-ли эти документы служить доказательствомъ существованія Кіево-Богоявленскаго братства въ концѣ XVI стол., долженъ быть рѣшенъ въ строго отрицательномъ смыслѣ. Къ такому рѣшенію насъ приводятъ нижеслѣдующія данныя и соображенія.

---

[1]) Преосв. Макарій, отказавшись—какъ мы замѣтили выше—отъ прежняго своего мнѣнія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства еще въ XVI стол., предполагаетъ, что при описаніи купчей Андрея Обуха *безъ всякаго сомнѣнія допущена описка въ означеніи года.* (Исторія рус. церкви, т. X. стр. 274).

Начнемъ съ купчей Андрея Обуха, какъ документа наиболѣе важнаго.

Кромѣ реестровъ 1691 и 1693 гг., занесенныхъ въ царскую грамоту 1694 г., упоминаніе объ этой купчей—какъ мы видѣли—находится въ рукописной *описи* монастырскихъ имѣній. Но указаніе описи, дѣлая несомнѣннымъ существованіе купчей Андрея Обуха съ датою 1594 г., вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ основаніе для предположенія, что *въ указанное время дворовое Сверчековское мѣсто продано было какому либо частному лицу, а не Кіевскому братству и, такимъ образомъ, къ послѣднему перешло уже впослѣдствіи.* Основаніе для такого предположенія находится въ слѣдующихъ словахъ описи: „купчая Андрея Обухова на пляцъ, называемый Сверчановскій.... *съ уступкою онаго* Кіевскому Богоявленія Господня братству.“ Подчеркнутыя нами слова—*съ уступкою онаго*,—очевидно, находятся въ противорѣчіи какъ съ обозначеніемъ описываемаго документа купчею, такъ и съ выраженіемъ реестровъ, занесенныхъ въ царскую грамоту, гдѣ говорится, что Андрей Обухъ съ женою своею Наталіею Свирщовскою *продали* въ братскій монастырь дворовое свое мѣсто Сверчековское... за тридцать копъ литовскихъ“. Слово *уступка* заключаетъ въ себѣ понятіе о подаркѣ, безденежной отдачѣ какого либо предмета другому лицу и потому въ указанныхъ нами мѣстахъ является несообразностію, вызывающею недоумѣніе. Если Андрей Обухъ продалъ братству свой дворъ за тридцать копъ литовскихъ, то могъ-ли составитель описи сказать, что этотъ дворъ перешелъ во владѣніе братства посредствомъ уступки?—Думаемъ, что не могъ, тѣмъ болѣе, что во всемъ своемъ обширномъ трудѣ, при описаніи документовъ, онъ строго различаетъ *продажу отъ уступки*, вездѣ разумѣя подъ послѣднею *пожертвованіе, дарственную запись*,—какъ можно, напр., видѣть изъ слѣдующихъ выписокъ изъ описи: 1) *уступной листъ*, данный Николаемъ Макаровичемъ пану Пукаловичу на вѣчное владѣніе „Совкою“; 2) *уступка* части мельницы въ Бѣлгородкѣ Кіево-Софійскому монастырю отъ Михаила Мысниченка, и т. п.

Но какъ же, въ такомъ случаѣ, можетъ быть объяснено указанное нами противорѣчіе въ „реестрахъ“ и „описи“ относительно купчей Андрея Обуха?

Думаемъ такъ: въ 1594 году Андрей Обухъ дѣйствительно продалъ свой Сверчековскій дворъ, но продалъ не въ Кіево-братскій

монастырь, а какому либо частному лицу, а это послѣднее, провладѣвъ извѣстное число лѣтъ купленнымъ мѣстомъ, *уступило*, т. е. пожертвовало его Кіево-Богоявленскому братству, въ то время уже существовавшему. Когда судебнымъ порядкомъ закрѣплялось означенное пожертвованіе, братству вручена была съ уступочною надписью и купчая 1594 года, какъ основной документъ на владѣніе означеннымъ мѣстомъ. Можно допустить, что дворъ, принадлежавшій до 1594 г. Андрею Обуху съ женою, былъ перепродаваемъ нѣсколько разъ и могъ перейти къ братству чрезъ третьи, четвертыя руки; но, очевидно, сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. Въ 1691 и 1693 гг. купчая Андрея Обуха,—какъ мы видѣли,—въ качествѣ основнаго документа на владѣніе Сверчековскимъ дворомъ, представляема была вмѣстѣ съ прочими крѣпостными документами Кіево-братскаго монастыря въ Москву для исходатайствованія подтвердительной царской грамоты на всѣ имѣнія и угодія, издавна принадлежавшія этому монастырю. Въ Москвѣ, въ Малороссійскомъ Приказѣ, при *краткомъ* изложеніи содержанія документовъ, содержаніе купчей Андрея Обуха, надо полагать, изложено было *не совсѣмъ точно*, именно ошибочно пріуроченъ переходъ Сверчековскаго двора къ братству къ 1594 году. Эту неточность объяснить не трудно. Для лицъ, служащихъ въ Малороссійскомъ Приказѣ, документъ, написанный на южно-русскомъ нарѣчіи и притомъ сто лѣтъ тому назадъ, представлялъ при чтеніи не мало затрудненій. Входить въ подробности при изложеніи содержанія подобныхъ документовъ не было дѣломъ легкимъ и пріятнымъ и поэтому писцы въ такихъ случаяхъ ограничивались самимъ краткимъ и общимъ экстрактомъ, причемъ, естественно, не рѣдко впадали и въ ошибки. Въ данномъ случаѣ писцу предстояло изложить содержаніе купчей 1594 года.... *Кто* продаетъ?—Андрей Обухъ съ своею женою Наталіею Свершовскою.—*Что?*—такой-то дворъ и сѣножать.—*Засколько?*—за тридцать копъ литовскихъ.—*Кому?*—Документъ представленъ былъ отъ имени Кіево-братскаго монастыря, владѣвшаго въ то время означеннымъ дворомъ и ходатайствовавшаго о подтвержденіи своихъ правъ на это владѣніе,—слѣдовательно *братскому монастырю.* Очевидно, послѣднее могло быть и не совсѣмъ точно: во владѣніе братскаго монастыря могло перейти и не отъ Андрея Обуха проданное имъ въ 1594 году дворовое мѣсто съ сѣножатью, а чрезъ другія или третьи руки (какъ

на самомъ дѣлѣ и случилось); но входить въ такія подробности не было большой охоты, тѣмъ болѣе, что отъ не совсѣмъ точныхъ выраженій дѣло въ сущности страдало мало. Объясненіе, представленное нами, получаетъ еще бо́льшую вѣроятность въ виду того, что подобныя неточности писцы Малороссійскаго Приказа допустили и по отношенію къ другимъ, описывавшимся ими въ тоже время Кіево-братскимъ крѣпостямъ. Напримѣръ: „Въ привилегіи *Владислава Короля Польскаго 1582 года* написано", и проч.; „въ листу *Владислава Короля Польскаго* къ Тризнѣ Архим. Печерскому *1657 г.* писано" и т. д. [1]). Но составитель упомянутой нами *описи* изложилъ—какъ мы видѣли—содержаніе разсматриваемаго документа иначе. Указавъ на фактъ продажи (т. е., назвавши описываемый документъ *купчею*), онъ не говоритъ—какъ это дѣлаютъ малороссійскіе писцы,—что Сверчековскій дворъ съ сѣножатью были проданы именно *братству*, но только заявляетъ, что въ данное время, во время составленія описи, означенные дворъ и сѣножать находились *во владѣніи братства* и что послѣднее пріобрѣло ихъ *посредствомъ уступки*, т. е. пожертвованія. И если принять во вниманіе, что составитель описи, постоянно имѣя дѣло съ древними южно-русскими документами, безъ сомнѣнія, пріобрѣлъ большой навыкъ при ихъ чтеніи и потому рѣже, чѣмъ всякій другой, могъ впадать въ ошибки при подобныхъ занятіяхъ,—то его изложенію содержанія купчей Андрея Обуха должно отдать предпочтеніе предъ изложеніемъ того же документа писцами Малороссійскаго Приказа [2]).

Разумѣется, съ нашей стороны было бы слишкомъ смѣло обосновывать высказанное нами предположеніе о передачи Кіево-Бого-

---

[1]) Король Владиславъ IV избранъ былъ на польскій престолъ въ концѣ *1632 г.*, а скончался въ *1648 г.*

[2]) Предвидимъ слѣдующее возраженіе. Въ Малороссійскомъ Приказѣ опись документамъ на маетности, принадлежавшія Кіево-братскому монастырю, составляема была—какъ видно изъ вышесказаннаго—*два раза*: въ 1691 и 1693 гг., и въ *обоихъ реестрахъ* при описаніи купчей А. Обуха сказано, что Сверчековскій дворъ съ сѣножатью *проданъ въ Братскій монастырь*, слѣдовательно нужно предполагать уже *двукратно* повторенную ошибку составителей описи, что можетъ представляться не совсѣмъ правдоподобнымъ.—Возраженіе это совершено ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что вторая, позднѣйшая опись представляетъ дословное повтореніе первой: очевидно, что въ 1693 г. документы въ Малороссійскомъ Приказѣ не вновь описывались, но просто были переписаны съ описи, прежде (въ 1691 г.) составленной.

явленскому братству купчей Андрея Обуха значительно спустя послѣ 1594 г. единственно только на предпочтеніи, какое мы отдаемъ *описи* предъ *реестрами* малороссійскихъ писцовъ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ и самая опись особенною обстоятельностію не отличается. Но мы въ подкрѣпленіе своего предположенія можемъ привести и *положительное, документальное свидѣтельство, не оставляющее сомнѣнія, что Сверчековскій дворъ перешелъ къ братству не непосредственно отъ Андрея Обуха съ женою, и не чрезъ покупку, а черезъ пожертвованіе.*

Въ 1693 году, мая 17-го въ Кіевскую ратушу пришли іеромонахи Богоявленскаго братскаго монастыря Рафаилъ Васильевичъ да Парфеній Радовичъ и просили именемъ своего игумена, ректора Іоасафа съ братіею, чтобы войтъ, бурмистръ и лавники назначили коммиссію для осмотра и описи земель и дворовъ, издавна (посредствомъ купли или пожертвованій) пріобрѣтенныхъ братскимъ монастыремъ. Такая провѣрка монастырскихъ усадебныхъ мѣстъ вызвана была желаніемъ ректора съ братіею, „чтобы монастырскіе дворы, мѣрою размежеваны суще, впредь отъ порубежныхъ сосѣдъ не были ущерблены.“ Просьба ректора и монастырской братіи была уважена. Ратушею назначены были урядники, которые вмѣстѣ съ братскими старцами „дворы осматривали и описали ихъ,“ — причемъ относительно *каждаго двора* сдѣлано было указаніе, *какимъ именно путемъ онъ пріобрѣтенъ братскимъ монастыремъ.* Такъ въ описи значится, что первый дворъ, прозываемый *Кучинскій, купленъ былъ братствомъ за тысячу копъ литовскихъ* отъ Катерины Кучинской; второй, прозваніемъ *Выговскій, данъ* (т. е. пожертвованъ) въ монастырь гетманомъ Юріемъ Хмѣльницкимъ; четвертый—*Вороничовскій, взятъ за долгъ,* за шесть тысячъ золотыхъ, у Данила Воронича, скарбника кіевскаго, и т. д. Подъ № 7-мъ *описи* находится весьма важное для насъ свѣдѣніе и о *Сверчековскомъ* дворовомъ мѣстѣ,—именно, здѣсь говорится, что „седьмой (по счету означенной описи) *дворъ Сверчековскій данъ въ монастырь отъ Крестины Лишневичевой и отъ Агафіи Козичанки;* имѣетъ онъ три стороны“; и проч.—(далѣе слѣдуетъ вычисленіе границъ и размѣровъ двора [1]).

[1]) Архив. Минист. Иностр. Дѣлъ.—дѣла Малоросс. 1593 г., связ. № 93.—Также рукоп. *Евгеніев. сборникъ Кіев. Акад.*, гдѣ помѣщена—*выпись размѣренія пляцовъ монастыря Богоявленскаго братства.*

Итакъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ 1594 году Андрей Обухъ и его жена продали свой Сверчековскій дворъ не Кіево-Богоявленскому братству, а кому-то другому (можетъ быть даже Кристинѣ Лишневичевой и Агафьѣ Козичанкѣ, или ихъ родичамъ) и только впослѣдствіи означенный дворъ перешелъ во владѣніе братства, *будучи подаренъ ему* двумя упомянутыми женщинами,—причемъ купчая 1594 года передана была братскому монастырю, какъ *основной документъ* на владѣніе подареннымъ мѣстомъ. Что купчая 1594 года была именно такимъ *основнымъ документомъ* (т. е. первою запродажною крѣпостію) это, между прочимъ, ясно видно изъ дѣвичей фамиліи жены Андрея Обуха,—фамиліи, сходной съ названіемъ проданнаго мѣста. *Сверчековскій*, или—какъ значится въ нѣкоторыхъ документахъ—*Свершковскій*, *Сверчановскій* дворъ, очевидно былъ родовою собственностію Наталіи *Сверщовской*.

Что касается втораго документа, древняя дата котораго приводится, какъ доказательство существованія Кіево-Богоявленскаго братства въ концѣ XVI столѣтія, именно „королевскихъ листовъ....“, то въ реестрахъ, занесенныхъ въ царскую грамоту,—какъ мы уже сказали,—при изложеніи этого документа ни однимъ словомъ не упоминается о Кіевскомъ братствѣ; тоже самое и въ Лаврской описи монастырскимъ имѣніямъ. Приведенное нами выше заглавіе означенныхъ листовъ *съ указаніемъ на братство* принадлежитъ исторіографу академіи Аскоченскому и есть не болѣе, какъ собственное его измышленіе. Такимъ образомъ, сторонники древняго преданія о первоначальномъ основаніи Кіевскаго братства еще въ XVI стол. могутъ ссылаться на разсматриваемый документъ, исключительно руководствуясь слѣдующими собраніями: въ 1691—1693 гг. братскій монастырь, ходатайствуя предъ московскимъ правительствомъ о закрѣпленіи за нимъ находившихся въ его владѣніи помѣстій, представилъ, между прочимъ, для доказательства своихъ правъ на имѣнія, прежде принадлежавшія двумъ кіевскимъ церквамъ, документъ отъ 1593 года; *слѣдовательно въ означенномъ году братство уже существовало.* Но такой выводъ, не сильный и самъ по себѣ, окончательно падаетъ въ виду слѣдующихъ соображеній и положительныхъ данныхъ.

Во первыхъ, извѣстно, что въ разсматриваемое время частныя лица и общественныя учрежденія, пріобрѣтая (посредствомъ-ли дара

или чрезъ покупку) какія либо помѣстья, угодья и т. п., всегда старались получить первоначальные основные документы на эти помѣстья, и когда хлопотали объ утвержденіи своихъ правъ на пріобрѣтенную собственность, то представляли въ судебныя и другія правительственныя мѣста эти документы. Такъ, наприм., Кіево-печерская Лавра получила въ даръ село Сѣраково отъ князя Воронецкаго въ 1588 году, но когда впослѣдствіи началось тяжебное дѣло по поводу владѣнія Лаврою означеннымъ селомъ, то печерскіе повѣренные предъявляли для судебнаго утвержденія документъ отъ 1541 года [1]). Точно также поступалъ и Кіево-братскій монастырь. Въ извѣстной царской граматѣ 1694 г. говорится, что у братскихъ иноковъ есть крѣпости на разныя, принадлежащія имъ, угодія еще отъ польскаго короля Генриха, (1573—1574 г.) [2]), между тѣмъ, имѣя въ виду перечень этихъ угодій, документально можно прослѣдить, что они перешли во владѣніе братства уже въ позднѣйшее время. Такимъ образомъ, предъявленіе какими либо учрежденіями и лицами документовъ съ древнею датою еще не можетъ служить доказательствомъ, что эти документы находились у означенныхъ учрежденій и лицъ *со времени самаго ихъ составленія*,—а слѣдовательно и выводы, дѣлаемые изслѣдователями на основаніи означенныхъ датъ не всегда можно считать состоятельными. (Сказаннымъ вполнѣ объясняется также и то обстоятельство, почему Кіево-братскій монастырь, испрашивая подтвержденія своихъ правъ на владѣніе Сверчековскимъ дворомъ, предъявлялъ купчую 1594 года, не смотря на то, что означенный дворъ сдѣлался его собственностію уже впослѣдствіи).

Во вторыхъ,—и это, разумѣется, самое главное,—по актамъ можно прослѣдить, что имѣнія церквей Трехъ-святительской и Крестo-воздвиженской перешли во владѣніе Кіево-Богоявленскаго братства не въ 1593 году, а гораздо позже. Такъ въ 1615 году на владѣнія имѣніями означенныхъ церквей выхлопоталъ привилей священникъ Моисей Ивановичъ [3]). Въ слѣдующемъ году церковь св. Воздвиженія съ принадлежащими къ ней землями была въ вѣденіи свя-

---

[1]) Рукопись Кіево-печ. Лавры, содержащая копіи съ лаврскихъ документовъ (№ 205).

[2]) Памят. Кіевской Ком. т. II., отд. I., № XXIX.

[3]) Евгеніевскій сборникъ (Рук. Кіев. Акад.)

щенника Филиппа [1]); но затѣмъ опять перешла къ прежнему владѣльцу. Что же касается до Кіево-Богоявленскаго братскаго монастыря, то онъ сталъ пользоваться доходными статьями поименованныхъ церквей *только съ 1638 года*. Прямое указаніе на это находится въ универсалѣ короля Владислава IV, утверждающаго за братствомъ уступочную запись на имѣнія церквей поименованнаго священника Моисея Ивановича [2]).

Изъ сказаннаго, надѣемся, достаточно ясно видно, что какъ купчая Андрея Обуха 1594 года, такъ и „королевскіе листы“ 1593 г., первоначально были выдаваемы не Кіево-Богоявленскому братству и вообще никакого отношенія къ нему въ означенное время не имѣли; слѣдовательно и ссылка нѣкоторыхъ изслѣдователей на указанные документы, какъ на неопровержимое доказательство существованія братства въ Кіевѣ еще въ концѣ XVI стол., теряетъ всякое значеніе.

Между тѣмъ изъ представленнаго нами выше очерка постепенно слагавшихся сказаній о первоначальныхъ временахъ Кіево-Богоявленскаго братства можно видѣть, что главная опора, которая преимущественно давала жизненные соки древнему преданію о началѣ означеннаго братства со школою еще въ XVI столѣтіи, заключалась именно въ указаніи на разсмотрѣнные нами документы. Съ уничтоженіемъ этой единственной, по видимому, прочной опоры, упомянутое преданіе, не имѣя болѣе никакого для себя научнаго устоя (и въ виду нѣкоторыхъ, противорѣчащихъ ему, положительныхъ данныхъ), неизбѣжно должно быть оставлено. Объ этомъ мы заявляли еще въ первой своей статьѣ, посвященной разъясненію разсматриваемаго вопроса. Но заявленію нашему не суждено было исполниться. До настоящаго времени,—какъ мы говорили,—находятся ревностные защитники древняго преданія о посѣщеніи Кіева патріархомъ Іереміею (въ 1589 г.) и учрежденіи имъ при здѣшнемъ братствѣ высшей школы, будущей Академіи, которые достовѣрность этого преданія стараются подкрѣпить *новыми данными и соображеніями*, по ихъ мнѣнію, столь существенными, что въ 1889 году, въ сентябрѣ или октябрѣ,

---

[1]) Матеріалы для исторіи Кіевс. митрополіи, изд. П. Г. Лебединцевымъ. (Оттискъ изъ Кіев. Епарх. Вѣд. за 1873 годъ).

[2]) Универсалъ Владислава отъ 12 мая 1638 г. помѣщенъ въ упоминаемой выше исторической запискѣ (1773 года) о состояніи Кіевск. Академіи *(Рукоп. Евген. сборн.)*.

Кіевская духовная Академія смѣло можетъ праздновать трехсотлѣтіе своего существованія.

Посмотримъ, что это за новыя данныя и соображенія и дѣйствительно ли вновь выдвигаемая аргументація сторонниковъ древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства и братской школы не позже 1589 г. имѣетъ серьезное, научное значеніе.

Защита „древняго преданія“ о началѣ Кіевскаго братства преслѣдуетъ двѣ задачи: *во первыхъ*, подорвать всякое историческое значеніе тѣхъ положительныхъ данныхъ, которыя находятся въ противорѣчіи съ этимъ преданіемъ; и, *во вторыхъ*, „путемъ сопоставленія прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ свидѣтельствъ“ упрочить положенія прежнихъ изслѣдователей, которыя находятся съ нимъ въ полномъ согласіи.

Мы видѣли, что самымъ важнымъ, несомнѣннымъ доказательствомъ существованія Кіево-Богоявленскаго братства не ранѣе 1614 года служитъ *Упись означеннаго братства*, гдѣ находятся прямыя указанія, что это есть первый, начальный, при самомъ возникновеніи учрежденія составлявшійся актъ. Сторонники „древняго преданія“ думаютъ объ *упись* иначе, они считатъ его положительно не имѣющимъ никакого историческаго значенія при рѣшеніи вопроса о началѣ братства. — Свое мнѣніе они доказываютъ слѣдующимъ образомъ: „упись кіевскихъ братчиковъ, помѣщенный во II томѣ Памятниковъ Кіевской Коммиссіи, помѣченъ *1631 годомъ*, на самомъ же дѣлѣ принадлежитъ *даже позднѣйшему времени, но отнюдь не 1615 году*. Тутъ въ числѣ вписавшихся въ братство нѣтъ ни Елисея Плетенецкаго, ни Исаіи Копинскаго, ни Іова Борецкаго, которые, безъ сомнѣнія, принадлежали къ братству 1615 года, а между тѣмъ есть подписи Исаіи Трофимовича Козловскаго и Сильвестра Коссова, которые въ 1631 году находились еще во Львовѣ и въ это время только еще приглашались прибыть въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей, и притомъ не въ братской, а въ Лаврской школѣ Петра Могилы.“ На основаніи представленныхъ данныхъ слѣдуетъ естественный выводъ, что фраза, употребленная въ *упись: начинаемъ братство церковное*,— „была стереотипною фразою не только первыхъ, но и послѣдующихъ дополнительныхъ уписовъ“ [1]).

[1]) Кіевс. Старина, 1885 г., № 2, стр. 272—273.

Разумѣется, еслибы вышеприведенныя разсужденія о времени составленія братскаго *уписа* были справедливы, то ими дѣйствительно въ основѣ подрывалось бы всякое значеніе этого документа въ смыслѣ рѣшенія вопроса о началѣ Кіевскаго братства. Но дѣло въ томъ, что всѣ означенныя разсужденія не болѣе, какъ плоды недомыслія и неосмотрительности и потому разсѣеваются при первомъ же научномъ къ нимъ прикосновеніи.

Братскій упись не дошелъ до насъ въ подлинникѣ; вѣроятно онъ погибъ 29 февраля 1780 года, когда въ братскомъ монастырѣ „невѣдомо съ чего занялась горѣть на трапезной св. Глѣба и Бориса церкви средняя глава, отъ чего и другіе два верха, а притомъ *находившаяся при той же церкви въ горѣ, подъ верхними сводами, Академическая на разныхъ языкахъ библіотека, состоящая изъ восьми тысячъ шести сотъ тридцати двухъ книгъ, также и начальническія келіи, совсѣмъ погорѣли*“ [1]). Но въ 1773 году *упись* былъ еще цѣлъ. Въ этомъ году составители извѣстной исторической записки объ Академіи имѣли его подъ руками и, вмѣстѣ съ прочими братскими документами, *снявши съ него копію*, приложили ее къ изготовленной ими запискѣ, отосланной затѣмъ въ св. Синодъ, гдѣ она и по настоящее время находится [2]). Съ означенной записки, по приказанію митрополита Евгенія, снята была (съ нѣкоторыми, впрочемъ, иногда весьма существенными пропусками, а нерѣдко и ошибками) копія, которая въ 1827 году преосвященнымъ Евгеніемъ передана была въ Кіевскую духовную Академію [3]). Археографическая коммиссія для своего изданія заимствовала братскій упись изъ этого Евгеніевскаго сборника.— Составители исторической записки, снимая копіи съ братскихъ документовъ, тщательно провѣряли ихъ съ подлинниками [4]). Къ сожалѣнію, разсматриваемый нами упись или, точнѣе, подписи подъ этимъ уписомъ братчиковъ воспроизведены означенными копіистами *не въ*

---

[1]) Донесеніе Св. Синоду Кіевс. митрополита Гавріила, отъ 29 марта 1780 г., (Арх. Св. Синода, годъ 1780, № 416).

[2]) Арх. святѣйшаго Синода, дѣло 1773 г.

[3]) Хранится—какъ мы сказали—въ библіотетѣ Кіевской дух. Академіи подъ № j. 26; цитуется нами подъ заглавіемъ: *Рукоп. Евгеніевскій сборникъ*.

[4]) Провѣркою занимались учитель философіи іеромонахъ Кассіанъ и намѣстникъ іеромонахъ Іеронимъ.

полномъ видѣ. Обозначивъ подписи *двадцати* лицъ, вступившихъ въ братство, относительно остальныхъ копіисты ограничиваются (по недоумѣнію считая это дѣломъ неважнымъ) общимъ замѣчаніемъ: *и прочихъ въ братство безчисленно вписавшихся*. Сказаннымъ объясняется неполнота списка братчиковъ въ его конечныхъ частяхъ. Но неполнота эта (какъ увидимъ ниже) простирается и на начало братскихъ подписей,—что, безъ сомнѣнія, зависѣло уже не отъ копіистовъ, но отъ дефекта въ самомъ подлинникѣ. Такъ какъ въ самомъ *упискѣ* нѣтъ даты (или, можетъ быть, она не прочитана была копіистами вслѣдствіе порчи подлинника), то данныхъ для опредѣленія, хотя приблизительнаго, времени составленія разсматриваемаго памятника должно искать въ немъ самомъ: во первыхъ, въ его текстѣ (точнѣе предисловіи), и, во вторыхъ, въ дошедшихъ до насъ подписяхъ подъ нимъ лицъ, вступившихъ въ братство.—Въ предисловіи къ *упису*—какъ мы видѣли,—между прочимъ, говорится, что братство кіевское *начинается* „по благословенію и повелѣнію Святѣйшаго вселенскаго Константинопольскаго патріарха *Тимоѳея*.“ Патріаршество Тимоѳея относится къ 1614—1622 гг. [1]); слѣдовательно возникновеніе братства не можетъ быть пріурочено ко времени ранѣе 1614 г. Предполагать, что указаніе на благословеніе, данное патріархомъ Тимоѳеемъ, есть тоже *стереотипная* фраза дополнительнаго якобы уписа 1631 года,—будетъ произвольною и странною натяжкою. Притомъ въ послѣдней не представляется ни малѣйшей и надобности, такъ какъ дѣло достаточно уясняется нѣкоторыми подписями, вступившихъ въ братство лицъ. Правда,—какъ мы видѣли,—на подписи подъ разсматриваемымъ документомъ сторонники древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства и указываютъ именно какъ на доказательство составленія уписа не ранѣе (даже позднѣе) 1631 года,—но какое мѣсто должно быть отведено этому указанію, могутъ съ достаточною ясностію показать нижеслѣдующія наши объясненія.

Кіево-Богоявленское братство, подобно многимъ другимъ церковнымъ братствамъ въ юго-западной Руси, существовало нѣсколько десятилѣтій и, какъ коллективное учрежденіе, имѣло свой ростъ, вы-

---

[1]) Историческій списокъ епископовъ и потомъ патріарховъ св. и великой церкви Христовой, находящейся въ Константинополѣ, отъ 66 года по Р. Х. по 1834. Спб. 1862 г. (Переводъ съ греческаго сочин. Захарія Маѳы, изд. 1837 г. въ Навплѣ).—стр. 115—116.

ражавшійся, между прочимъ, въ постепенномъ увеличеніи числа его членовъ. Въ началѣ братство состояло изъ извѣстнаго числа лицъ, образовавшихъ между собою братскій союзъ; это были—употребляемъ современный терминъ—*члены учредители*. Они первые внесли свои имена въ братскій уписъ. Но спустя извѣстное время послѣ возникновенія братства—мѣсяцъ, годъ, два, три, и т. д.,—въ него могли вступать, и дѣйствительно постоянно вступали, и другія лица, которыя также вносили свои имена въ тотъ же уписъ. Послѣдній, такимъ образомъ, представлялъ собою длинный реестръ лицъ, *въ разное время* вписывавшихся въ братство. Очевидно, что подобные братскіе реестры, особенно сохранившіеся въ полномъ видѣ, могутъ служить, при отсутствіи другихъ данныхъ, весьма важнымъ источникомъ для рѣшенія вопроса о времени, къ которому должно быть отнесено самое основаніе братства. Хотя разсматриваемый нами уписъ, къ сожалѣнію, и не дошелъ до насъ въ полномъ видѣ, тѣмъ не менѣе часть начальныхъ подписей, занесенныхъ въ него при самомъ основаніи Кіево-Богоявленскаго братства или, по крайней мѣрѣ, во время *очень близкое къ нему*, уцѣлѣла. Очевидно, что эта именно часть и имѣетъ значеніе для рѣшенія вопроса о началѣ какъ братства, такъ и уписа. Между тѣмъ лица, считающія Кіево-братскій уписъ составленнымъ не ранѣе 1631 года,—древнѣйшія подписи въ немъ упускаютъ изъ вида. Они упускаютъ изъ вида, что подъ уписомъ находятся подписи не только Исаіи Трофимовича Козловскаго и Сильвестра Коссова, которые дѣйствительно могли вступить въ члены братства не ранѣе 1631 года, но находится также подпись *Архимандрита Трехтемировскаго монастыря Іезекіиля Куневича* (Курцевича), который съ января 1621 года былъ уже *епископомъ*, [1]) слѣдовательно вписался въ братство *ранѣе означеннаго года*; но—что особенно важно—находится еще слѣдующая, съ вполнѣ опредѣленною датою, запись Захаріи Копыстенскаго: „Во иноцѣхъ Захарія Копистенскій исповѣдникъ, яко и ненавидящи злое, прилѣпляющеся благому, составленное въ Кіевѣ градѣ братство пріимаю и облобизаю, повинующеся апостолу глаголющу: братолюбіемъ же другъ къ другу любезни. На

---

[1]) См. наше сочиненіе—*Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники*. Кіевъ, 1883 г., т. I. стр. 303.

сіе же и руку мою подписую. *Писанъ дня 4 генваря по старому правдивому року 1616*".

Но какимъ же образомъ произошелъ такой странный недосмотръ относительно записей уписа, дозволившій относить его ко времени не ранѣе 1631 года?—Объясненіе подобной неосмотрительности можетъ быть только одно: невнимательное отношеніе къ разсматриваемому памятнику, представляющему въ печатномъ изданіи нѣкоторыя особенности. Дѣло въ томъ, что копія Кіево-братскаго уписа дошла до насъ не только не въ полномъ видѣ, но и самыя подписи въ ней расположены не въ хронологическомъ порядкѣ. Вслѣдъ за предисловіемъ къ упису слѣдуетъ запись Петра Могилы, въ то время еще Кіево-печерскаго архимандрита, отъ 11 марта 1631 года,—а за тѣмъ слѣдуютъ записи: Аѳанасія Пузины, епископа Луцкаго и Острожскаго, Андрея Литинскаго, Исаіи Трофимовича (Козловскаго), Сильвестра Коссова, Софронія Почасскаго и другихъ лицъ; записи же Захаріи Копыстенскаго и Трехтемировскаго архимандрита Іезекіиля Курцевича занимаютъ по счету 15-е и 17-е мѣста.—Выходя изъ того положенія, что подписи въ братскіе реестры заносились въ строго хронологическомъ порядкѣ, сторонниками древняго преданія о началѣ братства и обращено было вниманіе *только на первыя записи*. А между тѣмъ эти записи, какъ оказывается, вовсе не были первыми по времени записями въ уписѣ.... Остается объяснить, какимъ образомъ могло произойти такое, по видимому, странное обстоятельство?—

Объясненій можно представить нѣсколько.

Во первыхъ, можно предположить, что послѣ предисловія къ упису оставленъ былъ пробѣлъ для подписей наиболѣе почетныхъ лицъ, которыя могли вступить въ братство впослѣдствіи, и что на этомъ пробѣлѣ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ основанія братства, и сдѣланы были записи Петра Могилы и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Что подобные пробѣлы оставлялись въ братскихъ уписахъ и что они дѣйствительно предназначались для указанной нами цѣли, это можно видѣть изъ реестра виленскихъ братчиковъ, начинающагося подписью Кіевскаго митрополита Михаила Рогозы, посвященнаго въ этотъ санъ патріархомъ Іереміею въ 1589 году, между тѣмъ какъ Виленское братство основано въ 1584 году и въ братскомъ уписѣ встрѣчаются

лица, безъ сомнѣнія вписавшіяся въ него ранѣе 1589 года [1]). Впрочемъ, какъ ни естественно предположеніе, что именно на подобномъ пробѣлѣ въ Кіево-братскомъ уписѣ записали свои имена нѣкоторыя лица, начиная съ Петра Могилы,—тѣмъ не менѣе это предположеніе мы затрудняемся признать вполнѣ правдоподобнымъ по слѣдующему соображенію: запись Петра Могилы, уже и въ то время лица вліятельнаго и притомъ принявшаго на себя, со времени вступленія въ братство, званіе главнаго опекуна и непосредственнаго начальника братской школы,—его запись въ началѣ уписа вполнѣ понятна и естественна. Но какъ объяснить прочія позднѣйшія записи на томъ же пробѣлѣ многихъ другихъ лицъ, изъ коихъ нѣкоторыя не были людьми столь почетными и вліятельными?... Да притомъ и самый пробѣлъ нужно предполагать чрезвычайно уже большимъ.

Другое предположеніе можетъ быть таково. Въ подлинникѣ (до насъ не дошедшемъ) подписи членовъ Кіевскаго братства расположены были въ хронологическомъ порядкѣ; но копіисты, считая излишнимъ переписывать всѣхъ лицъ, въ разное время вступившихъ въ братство, ограничились перечнемъ только тѣхъ, которыхъ считали по своимъ соображеніямъ наиболѣе важными, причемъ, дѣлая выборку изъ реестра, нарушили его хронологію. Но это предположеніе представляется намъ еще менѣе состоятельнымъ. Во первыхъ, самое расположеніе подписей въ копіи исключаетъ мысль объ ихъ преднамѣренной группировкѣ: такъ мы нерѣдко видимъ, что подписи лицъ, менѣе извѣстныхъ или, точнѣе, менѣе чиновныхъ, помѣщены въ сохранившейся копіи уписа выше записей лицъ, занимавшихъ болѣе видное іерархическое положеніе (напр., простые иноки—выше архимандрита). Во вторыхъ, указаніе на точное, буквальное воспроизведеніе записей именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были распо-

---

[1]) Реестръ уписыванья братій братства церковнаго святой Живоначальной Троицѣ (напеч. въ *Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Истор. и древн. при Москов. Университетѣ.* 1859 г. книга 3, отд. 3. стр. 29 и слѣд.).—Что Виленское братство основано въ 1584 году, объ этомъ есть прямое свидѣтельство въ изданной означеннымъ братствомъ брошюрѣ—*Synopsis albo krotkie opisanie praw, swiebod y wolnosci.... Ruskiemu Narodu.... nadanych* (изд. 1632 г.). Указанный реестръ Виленскихъ братчиковъ тоже помѣченъ 1584 годомъ,—что отнюдь не слѣдуетъ считать опискою, какъ думалъ прежде преосв. Макарій, имѣя въ виду *начальную* запись *митрополита* Михаила Рогозы. Послѣдній, очевидно, подписался на пробѣлѣ, оставленномъ въ началѣ уписа.

ложены въ подлинномъ уписѣ, находится въ самой копіи. Списавши предисловіе къ упису и приступая къ перепискѣ относившихся къ нему записей, копіисты замѣчаютъ: „Въ подлинномъ по окончаніи братской обовязки, вынесши на другой листъ, въ заглавіи вписнаго реестра написано *тако:* (слѣдуютъ самыя записи [1]).

Самое естественное и правдоподобное объясненіе указанной нами хронологической путаницы въ записяхъ на копіи съ братскаго уписа, по нашему мнѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ: записи въ братскомъ уписѣ, безъ сомнѣнія, велись въ хронологическомъ порядкѣ. Со времени основанія братства до 1631 года такихъ записей вѣроятно накопилось уже нѣсколько листовъ. Въ это время кіево-печерскій архимандритъ Петръ Могила вступаетъ въ близкія отношенія къ братству, дѣлается его опекуномъ, соединяетъ свою Лаврскую школу съ Братскою „и любовнѣ“ вписывается въ братскій уписъ. Одновременно съ Могилою, очевидно, могли вписаться и другія лица, находившіяся въ близкихъ отношеніяхъ и подъ непосредственнымъ начальствомъ кіево-печерскаго архимандрита. Что дѣйствительно эти лица вслѣдъ за своимъ архимандритомъ вступили въ братство, это видно при первомъ же взглядѣ на уписъ: нѣсколько ниже записи Петра Могилы мы видимъ записи Исаіи Трофимовича, *инока монастыря Печерскаго Кіевскаго,* Сильвестра Коссова, префекта школъ кіевскихъ братскихъ (оба приглашены Могилою изъ Львова, какъ искусные педагоги), *иноковъ тогоже монастыря* (и—добавимъ—учителей Могилянской Лаврской школы) Антонія Пацевскаго и Аѳанасія Ивашковскаго, а также и другихъ лицъ изъ подвѣдомой Могилѣ братіи. Очевидно, что записи столь многихъ, одновременно вступившихъ въ братство членовъ, могли занять въ братскомъ уписѣ цѣлый листъ (если не болѣе) и мы имѣемъ полное основаніе думать, что для этой цѣли новымъ братчикамъ предложенъ былъ *новый листъ.* Предполагать, что это сдѣлано по недостатку мѣста въ послѣднемъ изъ занятыхъ подписями листовъ братскаго уписа было-бы натяжкою

---

[1]) Буквальное копированіе подлинниковъ у нашихъ копіистовъ доходило до того, что они помѣщали даже скрѣпы, находившіяся въ концѣ послѣднихъ строкъ лицеваго листа, не смотря на то, что отъ этого происходилъ (вслѣдствіе сторонней вставки) временный перерывъ текста описываемаго памятника. То обстоятельство, что реестръ не весь списанъ, не можетъ служить доказательствомъ неточнаго воспроизведенія подлинниковъ уже потому, что этотъ пропускъ копіистами оговоренъ.

(хотя возможность недостатка мѣста въ означенномъ листѣ и можетъ быть допущена), но думать, что поступлено такъ въ виду особеннаго почета къ Петру Могилѣ вполнѣ естественно. Вполнѣ естественно также думать, что вслѣдствіе самихъ близкихъ, покровительственныхъ отношеній Могилы къ братству, съ означеннаго времени этотъ листъ въ глазахъ братчиковъ получилъ исключительное значеніе и помѣщенъ былъ въ самомъ началѣ реестра. Отсюда само собою понятно, почему въ копіи уписа записи Могилы и нѣкоторыхъ другихъ лицъ *не первыя по времени* занимаютъ *первыя мѣста по порядку*.

Мы предвидимъ нѣкоторыя возраженія относительно нашего предположенія, что подчиненныя Могилѣ лица вписались въ братскій уписъ одновременно съ своимъ начальникомъ. Хотя въ сущности дѣло, по поводу котораго у насъ идетъ рѣчь, не можетъ пострадать отъ допущенной нами неточности, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя разъясненія далеко нелишни.

Намъ могутъ быть сдѣланы слѣдующія два возраженія. *Первое:* Петръ Могила вписался въ братство *11 марта 1631 года*. Между тѣмъ въ это время Исаія Трофимовичъ и Сильвестръ Коссовъ не были еще въ Кіевѣ: они были приглашены сюда Могилою изо Львова только въ іюнѣ означеннаго года, тѣмъ болѣе тогда не могъ Коссовъ подписаться префектомъ школъ кіевскихъ братскихъ.—Совершенно справедливо. Но мы думаемъ, что въ копію уписа вкралась описка: Могила вписался въ братство въ мартѣ *не 1631-го*, а *1632 года*. Свое предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ данныхъ. Въ началѣ 1631 года Могила отправился изъ Кіева во Львовъ, приглашенный туда мѣстнымъ братствомъ для освященія братской успенской церкви. О его пребываніи во Львовѣ сохранились слѣдующія хозяйственныя замѣтки въ братской приходо-расходной книгѣ за 1631 годъ: „1631 року генваря 15.... въ субботу предъ посвященіемъ церкви учта (угощеніе) рыбы и хлѣба.... отцу архимандриту печерскому Петру Могилѣ коштуетъ 2 злот. и 6 грошей.“ „Въ субботу великую учта его милости отцу архимандриту печерскому коштуетъ 4 злот. 27 грошей“ [1]). Если къ сказанному прибавимъ, что отъ 31 янв.

[1]) Указанная приходо-расходная книга хранится въ Архивѣ Львовскаго ставроп. Института во Львовѣ; выдержки изъ нея см. въ прилож. къ I тому нашего сочиненія—*Кіев. митр. Петръ Могила*, № LXX.

дошла до насъ грамота П. Могилы, писанная во Львовѣ, [1]) что Іовъ Борецкій 1-го марта означеннаго года въ своемъ духовномъ завѣщаніи [2]) даетъ знать, что его друга—кіево-печерскаго архимандрита—въ то время въ Кіевѣ не было, что о продолжительномъ отсутствіи нашего іерарха изъ Кіева, продолжавшемся даже до іюля 1631 года находится тоговременное свидѣтельство въ автобіографической запискѣ (помѣщаемой въ *прилож.*) Игнатія Іевлевича,—то мы не безъ основанія можемъ предполагать, что отсутствіе П. Могилы изъ Кіева въ началѣ 1631 года продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ [3])—и 11 марта этого года его здѣсь не было. Разумѣется, основанное на указанныхъ данныхъ, предположеніе не есть еще неоспоримое доказательство: хотя трудно, но все-таки возможно допустить, что Могила, извѣщенный о тяжкой болѣзни своего друга митрополита Борецкаго († 3 марта 1631 г.), поспѣшилъ въ Кіевъ, куда и прибылъ не позже 11 марта, и затѣмъ *вскорѣ вторично отправился во Львовъ*. Но предположеніе наше объ опискѣ копіистовъ въ годѣ указанной записи, независимо отъ приведенныхъ данныхъ, находитъ *прочную* опору въ сопоставленіи содержанія самой записи Могилы съ другими положительными свидѣтельствами. Запись Могилы гласитъ слѣдующее: „*За згодною прозьбою* всѣхъ ихъ милостей и отцовъ нашихъ духовныхъ и стану шляхетскаго обывателей кіевскихъ всякаго стану, вписныхъ братства церкви и монастыря Богоявленіе въ Кіевѣ, Ставропигіи Святѣйшаго Вселенскаго прирожнаго отца и пастыря Россійской церкви Патріарха Константинопольскаго, *старшимъ братомъ, опекуномъ и фундаторомъ* того святаго братства, обители и школы любовнѣ въ тотъ братскій реестръ подписуюсь“ (слѣдуетъ подпись и дата—*1631 г.*, мѣсяца марта 11-го). Между тѣмъ извѣстно, что въ близкія отношенія къ Кіево-Богоявленскому братству сталъ Могила и принялъ на себя званіе *старшаго брата, опекуна и фундатора* братской школы только въ началѣ *1632 года*. Объ этомъ мы имѣемъ точныя и положительныя свидѣтельства,—а именно: 1) Актъ братства отъ *30 декабря 1631 года*. Здѣсь говорится, что Петръ Могила началъ фундовать школы въ Кіево-печерскомъ монастырѣ, но братчики просили его

---

[1]) Прилож. къ I т. сочиненія.—*Кіев. митр. Петръ Могила*, № LXX.

[2]) Ibid. № LXXI.

[3]) Едва-ли въ это время онъ не былъ также въ Молдо-Влахіи—своей родинѣ.

милость архимандрита печерскаго, дабы онъ эти школы и находящихся при нихъ учителей перевелъ на братскій грунтъ, къ Кіево-Богоявленской церкви, и здѣсь навсегда основалъ ихъ, какъ при ставропигіи константинопольскаго патріарха и какъ на мѣстѣ самомъ удобномъ для воспитанія учащихся. Петръ Могила согласился исполнить просьбу братчиковъ, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ, считаясь *старшимъ братомъ*, былъ *дозорцею и оборонцею* уфундованныхъ имъ на братскомъ грунтѣ школъ. Братство приняло эти условія, что и было заактировано разсматриваемымъ документомъ [1]). 2) Грамота митрополита Исаіи Копинскаго съ прочими епископами и духовными отъ *5 января 1632 г.*. Здѣсь дается митрополитомъ благословеніе на заведеніе Могилою школъ на братскомъ грунтѣ, причемъ излагается, согласно съ предшествующимъ актомъ, весь ходъ дѣла по этому предмету: просьба братчиковъ и условія Могилы (быть старшимъ *братомъ, дозорцею, оборонцею* и *опекуномъ* братства) [2]). 3) Войсковой листъ Гетмана Петржицкаго и всего войска запорожскаго, отъ 12 марта 1632 года. Здѣсь повторяется текстъ двухъ предшествовавшихъ документовъ, съ добавленіемъ, что и войско запорожское обращалось къ Петру Могилѣ съ просьбою о перенесеніи своихъ Лаврскихъ школъ на братскій грунтъ, и что оно даетъ слово и обѣщаніе фундуемые школы „отъ всякихъ непріятелей, непріятностей и препятствій твердо защищать [3]).“—Такимъ образомъ, несомнѣнно, что въ близкія отношенія къ Кіево-Богоявленскому братству П. Могила сталъ только въ началѣ 1632 года и что его запись въ братскомъ уписѣ была слѣдствіемъ переговоровъ съ братствомъ о соединеніи школъ Лаврской съ Богоявленскою и условій, на которыхъ состоялось это соединеніе; а отсюда несомнѣнно также, что самая запись П. Могилы не могла быть сдѣлана 11 марта *1631 г.*, когда онъ еще не былъ *старшимъ братомъ, опекуномъ и фундаторомъ* братства, а только въ началѣ слѣдующаго года, когда эти званія братствомъ были ему усвоены; слѣдовательно описка въ копіи уписа относительно обозначенія года разсматриваемой записи несомнѣнна: *1631 годъ* долженъ быть замѣненъ *1632-мъ*. Послѣ

---

[1]) Памятники Кіевской Комм. т. II, отд. I. № VIII.

[2]) Ibid. т. II, отд. I. № IX.

[3]) Ibid. т. II, отд. I. № X.

сказаннаго, понятнымъ становится и то, почему Сильвестръ Коссовъ подписался на уписѣ префектомъ школъ *кіевскихъ братскихъ*. Хотя фактическое соединеніе Лаврской Могилянской школы, гдѣ учительствовалъ Коссовъ съ Богоявленскою братскою состоялось только въ концѣ учебнаго $16\frac{31}{32}$ года, но временемъ оффиціальнаго ихъ соединенія было заактированное согласіе Могилы на означенное соединеніе и Коссовъ съ этого времени могъ уже именовать себя префектомъ школъ *братскихъ*, въ данномъ же случаѣ такъ поступить ему было тѣмъ естественнѣе, что свою запись онъ дѣлалъ *на братскомъ упискѣ*.

Второе возраженіе. Непосредственно послѣ записи Могилы въ братскомъ уписѣ слѣдуетъ запись Аѳанасія Пузины, епископа Луцкаго и Острожскаго, архимандрита Жидичинскаго. Между тѣмъ извѣстно, что на Луцкую епископію Пузина (прямо изъ свѣтскаго званія) избранъ былъ на конвокаціонномъ сеймѣ *въ концѣ 1632 года*; слѣдовательно запись на уписѣ имъ не могла быть сдѣлана 11 марта 1631 года.—Замѣчаніе вѣрное. Но въ данномъ случаѣ необходимо допустить позднѣйшую вставку на занятомъ уже подписями листѣ, объяснимую слѣдующимъ образомъ. Братскіе реестры не представляютъ собою листовъ, такъ же симметрично исписанныхъ, какъ пишутся обыкновенныя рукописи, гдѣ строки расположены приблизительно въ одинаковомъ и близкомъ разстояніи одна отъ другой. Въ реестрахъ нерѣдко можно встрѣтить, что одни записи примыкаютъ чрезвычайно близко къ предшествующимъ имъ записямъ, а другія стоятъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, иногда настолько значительномъ, что въ интервалѣ можетъ быть сдѣлана и еще запись, особенно краткая [1]). Случалось, что на подобныхъ пробѣлахъ (все равно по какимъ бы то ни было соображеніямъ) дѣйствительно новые братчики и записывали свои имена, каковыя записи представляютъ естественное нарушеніе хронологическаго восполненія уписовъ. (Заносились иногда записи также на обычныхъ пробѣлахъ въ начальныхъ и конечныхъ частяхъ исписаннаго листа, что́—разумѣется—тоже нарушало хронологію за-

---

[1]) Такъ, наприм., въ упомянутомъ выше реестрѣ Виленскихъ братчиковъ послѣ записи Фалка Бычина, подкоморія пинскаго, находится пробѣлъ приблизительно въ четыре строки. (*Чтен. въ Импер. Общ. Истор. и Древ. при Москов. Унив.*, 1859. к. 3. отд. 3. стр. 30).

писей) [1]). Подобные пробѣлы въ братскихъ уписахъ большею частію были дѣломъ счучайнымъ. Но, по отношенію къ разсматриваемымъ нами записямъ, пробѣлъ послѣ записи Могилы могъ быть и неслучайнымъ. Петръ Могила былъ лицемъ высокопоставленнымъ. Весьма естественно допустить, что послѣ его записи на братскомъ уписѣ, подчиненныя Кіево-печерскому архимандриту лица, вслѣдствіе извѣстнаго рода скромности, стали заносить свои имена нѣсколько ниже записи своего начальника, оставивъ такимъ образомъ болѣе или менѣе значительный пробѣлъ въ реестрѣ. Подобные пріемы доселѣ нерѣдко практикуются въ средѣ нашей академической корпораціи. На подлежащей къ общей подписи бумагѣ—подпись ректора Академіи стоитъ почти всегда одиноко: прочіе академики пріючиваютъ свои имена большею частію на концѣ листа и, во всякомъ случаѣ, на почтительномъ разстояніи отъ ректорской подписи, такимъ образомъ почти всегда сопровождаемой значительнымъ интерваломъ. Похвальная скромность настоящей академической корпораціи могла, разумѣется, быть и у корпораціи Могилянскихъ школъ и кіево-печерскихъ иноковъ времени, нами разсматриваемаго. Какъ бы то ни было, но пробѣлъ въ Кіево-братскомъ уписѣ послѣ записи Могилы былъ: невозможно допустить, чтобы Исаія Трофимовичъ и Сильвестръ Коссовъ,—одинъ ректоръ, а другой префектъ Кіево-братскихъ школъ,—съ начала *учебнаго 1632 года* несомнѣнно уже обучавшіе въ нихъ,—невозможно, повторяемъ, чтобы они внесли свои имена въ братскій уписъ послѣ Аѳанасія Пузины (т. е. *не ранѣе 1633 года*). Что же касается этого послѣдняго, то его запись на братскомъ уписѣ, непосредственно за записью П. Могилы, въ предполагаемомъ нами пробѣлѣ, можетъ быть объясняема желаніемъ Пузины, какъ князя по рожденію, а епископа по сану, занять въ уписѣ почетнѣйшее мѣсто (а можетъ быть, по указанной причинѣ, оно предложено было ему самими братчиками).

Итакъ дошедшіе до насъ въ копіи записи на Кіево-братскомъ уписѣ состоятъ изъ двухъ частей: 1) листа изъ братскаго реестра,

---

[1]) Подтвержденіемъ сказаннаго могутъ служить находящіеся въ библіотекѣ Кіевской дух. Академіи братскіе реестры, поступившіе изъ Почаевской Лавры. Въ этихъ реестрахъ позднѣшія записи на пробѣлахъ встрѣчаются нерѣдко и замѣтить эти вставочныя записи опытному глазу очень не трудно

наполненаго записями Петра Могилы и подчиненной ему корпораціи 11 марта 1632 года и 2) изъ записей времени болѣе ранняго, хотя въ копіи и занимающихъ послѣднее мѣсто. Является вопросъ: гдѣ оканчиваются записи 1632 года и начинаются записи болѣе раннія?— Думаемъ, что первая часть уписа кончается записями іеромонаховъ *Ѳеодосія Оранскаго* и *Антонія Горбацкаго*, а вторая—начинается извѣстною уже намъ, съ датою 4 января 1616 г., записью Захаріи Копыстенскаго. Независимо отъ другихъ соображеній, это довольно ясно видно, при внимательномъ разсмотрѣніи копіи уписа и сличеніи характера записей въ обоихъ частяхъ. Копируя подлинникъ уписа, писцы не только съ буквальною точностію воспроизводили самыя записи, но старались сохранить также внѣшній порядокъ и расположеніе (не вездѣ одинаковые) этихъ записей. Это расположеніе записей сохранено, какъ археографическою коммиссіею, при изданіи братскаго уписа, такъ и нами (см. *прилож.* № 1).—Что же мы видимъ? До записи Захаріи Копыстенскаго Кіево-братскій реестръ (за исключеніемъ первой записи Могилы и второй, вставочной, Пузины) ведется въ два столбца: параллельно съ одною записью находится другая. Начиная же съ записи Копыстенскаго, этотъ внѣшній порядокъ нарушается, уступая обыкновенному, обще-принятому расположенію записей—во всю строку. Затѣмъ, обращая вниманіе на самое содержаніе записей, нельзя не замѣтить рѣзкаго отличія между тѣми, которыя помѣщены до Копыстенскаго, и тѣми, которыя начинаются съ него. До Копыстенскаго всѣ записи (за исключеніемъ одного Могилы) ограничиваются внесеніемъ въ упись имени, фамиліи, иногда званія—и только; напр. „Сильвестръ Коссовъ префектъ школъ Кіевскихъ братскихъ рукою властною“, „Софроній Почаскій инокъ монастыря Печерскаго“, „Антоній Поцевскій инокъ монастыря Печерскаго“, „Іоиль іеромонахъ рукою власною“, и т. д. Между тѣмъ, начиная съ Копыстенскаго, вписывавшіяся въ упись лица дѣлаютъ свои записи съ бо́льшею обстоятельностію, то высказывая свои благожеланія братству, то указывая на цѣль его основанія, то заявляя о принимаемыхъ на себя обязательствахъ по отношенію къ нему. Такъ, напр., первая послѣ Копыстенскаго запись (съ записью самого Копыстенскаго мы уже знакомы) гласитъ слѣдующее: „Азъ во іеромонасѣхъ худѣйшій Тарасій Л. Земка братствс православныхъ Кіевское при храмѣ святыхъ Богоявленій похваляю, и

самъ въ немъ быти и при немъ стояти желаючи, въ реестръ имя свое вписую рукою". Слѣдующая за симъ запись: „Азъ треокаянный Іезекиель Куневичъ, Архимандритъ монастыря Трехтемировскаго, видя яко врагъ и ненавистникъ спасенія нашего пакоститъ во благочестіи нашемъ, и сего ради видихъ вещь зѣло добру составленія братства въ градѣ Кіевѣ и того ради всегда есмь готовъ съ ними пострадати добро и зло и кровь свою за благочестіе дати, и для того и руку мою подписую, власною рукою".—Дальнѣйшая запись: „Даниель Стрибыль рукою власною, повиненъ буду на каждый рокъ по десяти золотыхъ такъ тежъ и легумены давать".—Въ томъ же родѣ и остальныя двѣ въ копіи уписа записи—Григорія Дигиловскаго и Ивана Путяты. Безъ объясненій понятно, почему записи въ древнѣйшей части уписа носятъ иной характеръ, чѣмъ записи позднѣйшія: тогда братство только что возникало, было явленіемъ новымъ, возбуждавшимъ большія надежды, требовавшимъ особенной поддержки и сочувствія. Вопросъ о задачахъ и значеніи братства былъ вопросомъ столь важнымъ и животрепещущимъ, что всецѣло поглащалъ вниманіе лицъ, сочувствовавшихъ этому учрежденію, и это сочувствіе естественно должно было обнаружиться въ самыхъ братскихъ записяхъ. И если бы до насъ не дошло даже предисловія къ упису Кіево-Богоявленскаго братства, гдѣ —какъ мы видѣли—находится опредѣленное указаніе на его возникновеніе (*начинаемъ* и проч.),—а дошли только приведенныя записи, то и тогда мы имѣли бы твердое основаніе думать, что это были записи *первыхъ братчиковъ*. Выраженіе, напр., Куневича: „видихъ вещь зѣло добру *составленія братства во градѣ Кіевѣ*",—не было-ли бы трудно объяснимымъ анахронизмомъ, если предположить, что братство въ то время существовало уже болѣе четверти столѣтія?

Мы сказали, что съ записи Захаріи Копыстенскаго слѣдуетъ въ копіи уписа древнѣйшая его часть; но эта запись не составляетъ еще самаго начала братскаго реестра: къ сожалѣнію, оно должно считаться утерянным. Захарія Копыстенскій—лице очень извѣстное въ исторіи западно-русской церкви,—но извѣстность имъ пріобрѣтается только съ 1620-хъ годовъ, когда онъ начинаетъ обращать на себя вниманіе, сперва какъ авторъ „Книги о вѣрѣ" „Палинодіи" и другихъ ученыхъ трактатовъ, а затѣмъ, какъ дѣятельный архимандритъ Кіево-печерской Лавры. Въ началѣ же 1616 года онъ былъ еще простымъ, малоизвѣстнымъ инокомъ и невозможно предположить, чтобы

этотъ простой инокъ удостоился чести первымъ внести свое имя въ реестръ новообразовавшагося братства. Точно такъ же невозможно допустить, чтобы въ числѣ первыхъ лицъ не внесли въ братскій уписъ свои имена такія вліятельныя и всею душею сочувствовавшія образовавшемуся братству лица, каковы, напр., кіево-печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій, Іовъ Борецкій и друг. Словомъ, при первомъ же взглядѣ на кіево-братскій реестръ, утрата начальныхъ его листовъ (или, по крайней мѣрѣ, листа) становится дѣломъ очевиднымъ и длинныхъ доказательствъ не требующимъ.

Такимъ образомъ мы устанавливаемъ слѣдующіе факты: 1) Братскій уписъ, сохранившійся только въ копіи, не дошелъ до насъ въ полномъ видѣ. До насъ дошли только: часть древнѣйшаго братскаго реестра (1616 г.),—но не начало его,—и листъ съ братскими записями отъ 11 марта 1632 г. 2) Въ копіи уцѣлѣвшія части братскаго реестра помѣщены не въ хронологическомъ порядкѣ: сначала слѣдуютъ записи 1632 года и уже послѣ нихъ болѣе древнѣйшая часть уписа (1616 г.). 3) Реестръ 1632 года оканчивается записями іеромонаховъ Ѳеодосія Оранскаго и Антонія Горбацкаго, а древнѣйшая часть уписа начинается записью Захаріи Копыстенскаго.—4) Древнѣйшія записи, относимыя къ началу 1616 г., сдѣланы были, если не при оффиціальномъ открытіи братства, то, по крайней мѣрѣ, во время самое ближайшее къ нему.

Еще одно небольшое замѣчаніе и мы покончимъ съ вопросами, вызванными невѣрными замѣчаніями о кіево-братскомъ уписѣ. Лица, относящія составленіе означеннаго уписа къ 1631 году,—какъ мы видѣли,—утверждаютъ, что къ этому году онъ пріурочивается и Археографическою коммиссіею. Это несправедливо. Правда, въ оглавленіи II тома Памятниковъ Кіевской Коммиссіи, гдѣ изданъ разсматриваемый уписъ, онъ помѣченъ 1631 г.; но это *очевиднѣйшая типографская опечатка.* Напечатанные въ указанномъ изданіи Археогр. коммиссіи документы расположены въ строго хронологическомъ порядкѣ,—и братскій уписъ, если-бы относимъ былъ коммиссіею къ 1631 году, не былъ бы ею помѣщенъ подъ № 2, вслѣдъ за дарственною записью Галшки Гулевичевны *1615 г.*, такъ какъ слѣдующіе за *упи-сомъ* документы относятся къ 1620-му, 1621-му и 1628 годамъ. Но что всего замѣчательнѣе, въ самомъ же изданіи *Памятниковъ* Археогр. коммиссіею сдѣлано примѣчаніе, дословно состоящее въ слѣдующемъ:

„изъ предисловія къ упису, гдѣ упоминается о Константинопольскомъ патріархѣ Тимоѳеѣ, и изъ подписи Захаріи Копыстенскаго, учиненной въ 1616 году, видно, что этотъ упись составился вскорѣ по заведеніи братства и школъ на мѣстѣ, подаренномъ братству Анною Гулевичевною. Но въ началѣ уписа *(какъ видно изъ замѣчанія, сдѣланнаго въ копіи,)* вѣроятно оставленъ былъ пробѣлъ, и здѣсь-то, впослѣдствіи, вписали свои имена Петръ Могила и нѣсколько другихъ лицъ.“ Къ сказанному прибавлять нечего: дѣло говоритъ само за себя. Ошибка издателей уписа состояла только въ томъ, что они не замѣтили утраты самаго начала братскаго реестра, которое признано ими сохранившимся,—и въ предположеніи, что именно къ этому, якобы дѣйствительному началу реестра, на пробѣлѣ передъ нимъ, присоединены были впослѣдствіи записи Могилы и нѣкоторыхъ другихъ лицъ (какихъ не указано),—причемъ для оправданія этого предположенія допущена неточная ссылка на замѣчаніе копіистовъ, якобы гласящее, что запись Могилы сдѣлана была въ началѣ другой *страницы* уписа (копіисты—какъ мы видѣли—говорятъ, что запись Могилы сдѣлана была на другомъ *листѣ* уписа, а это далеко не тоже, что на другой *страницѣ*). При болѣе тщательномъ отношеніи къ разсматриваемому памятнику, коммиссія могла бы также исправить и ошибку въ годѣ записи П. Могилы.

Все доселѣ сказанное нами о кіево-братскомъ уписѣ, кажется, достаточно разъясняетъ тѣ недоумѣнія, которыя могутъ являться при внимательномъ разсмотрѣніи этого, дошедшаго до насъ только въ копіи и притомъ неполномъ видѣ, памятника, а вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ уясняетъ и то, какое мѣсто должно быть отведено усиліямъ защитниковъ древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства подорвать всякое историческое значеніе упомянутаго уписа, какъ начальнаго документа братства, на томъ основаніи, что якобы этотъ упись былъ составленъ только не ранѣе 1631 года.

Второй документъ, на который обращаютъ особенное вниманіе защитники древняго преданія о возникновеніи Кіево-Богоявленскаго братства еще въ XVI столѣтіи,—есть дарственная запись Галшки Гулевичевны, въ которой говорится, что она „свой собственный домъ и землю въ городѣ Кіевѣ“ жертвуетъ „подъ монастырь Ставропигіи Патріаршей, по чину Василія великаго, также подъ школу дѣтей, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, и на всякій другой способъ бого-

угоднаго житія, а при томъ и на гостинницу для странниковъ духовныхъ",—жертвуетъ „правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народа Россійскаго, въ повѣтахъ воеводствъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго состоящимъ, сословія духовнаго и свѣтскаго,"—причемъ жертвовательницею добавляется, что, „дабы ея фундація возъимѣла дѣйствіе, она тотчасъ же ввела и вводитъ въ подаренный дворъ духовныхъ и свѣтскихъ, именно правовѣрнаго іеромонаха отца Исаію Купинскаго и другихъ изъ монашествующихъ, а также ввела и вводитъ школу..." [1]). Въ этой записи, по мнѣнію означенныхъ защитниковъ, якобы находятся *ясные намеки* на существованіе братской школы ранѣе 1615 года. „Въ своей записи,—говорятъ они,—жертвовательница пишетъ, что она свой собственный дворъ отказала подъ монастырь *ставропигіи патріаршеской* и что она *тотчасъ* ввела въ этотъ дворъ іеромонаха Исаію Купинскаго и другихъ монашествующихъ, ввела и школу. Спрашивается, о какой патріаршеской ставропигіи говорится здѣсь? Неужели о той, которая дана братской обители іерусалимскимъ патріархомъ Θеофаномъ спустя пять лѣтъ послѣ сего? Но прибытіе его въ Россію не могли предугадывать ни Гулевичева-Лозкина, ни кто-либо изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ г. Кіевѣ. Гдѣ были доселѣ и откуда явились здѣсь цѣлой корпораціей Исаія Купинскій и прочіе монашествующіе, чтобы принять въ свое вѣдѣніе жертвуемый Лозкиной-Гулевичевой дворъ? Лозкина-Гулевичева не открываетъ школу, не собираетъ дѣтей, желающихъ только учиться, а тотчасъ, по учиненіи записи, ввела въ свой дворъ *школу*. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не объ имѣющей еще составиться школѣ, а о школѣ готовой, существующей уже съ наличнымъ составомъ учащихъ и учащихся. И такъ хотя въ записи Галшки Гулевичевой-Лозкиной не упоминается о братской или Богоявленской церкви и существовавшей при ней обители, но такъ какъ школы въ то время существовали и могли открываться только при церквахъ, а равно и монашествующіе, въ составѣ братства, могли имѣть пребываніе также только при церквахъ; то слѣдуетъ признать вполнѣ достовѣрнымъ сообщенное исторіографомъ Миллеромъ и принятое митрополитомъ Евгеніемъ извѣстіе, что кіево-братская обитель, съ братскою при ней

---

[1]) Памят. Кіевской коммиссіи, т. II, отд. I. № 1. См. также *приложс.* № 2.

школой, существовала раньше 1615 года, что зданіе этой школы сгорѣло въ 1614 году и что Лозкина-Гулевичева своею записью не создала что нибудь новое относительно братской обители и школы, а только поддержала ихъ существованіе и усилила ихъ средства, пожертвовавъ въ ихъ собственность свой дворъ съ готовыми помѣщеніями, замѣнившими собою прежнія, уничтоженныя пожаромъ“ [1]).

Припоминая замѣчанія проф. Малышевскаго относительно несостоятельности мнѣнія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст. и сопоставляя ихъ съ приведенными сейчасъ разсужденіями объ этомъ предметѣ, мы видимъ, что одинъ и тотъ-же документъ—дарственная запись Галшки Гулевичевны,—по мнѣнію одного изслѣдователя, заключаетъ въ себѣ *прямое* указаніе, что Кіевское братство въ 1615 году *только что начиналось*, а, по словамъ другаго, въ немъ находятся *довольно ясные намеки* на существованіе братской школы и патріаршей при ней ставропигіи *раньше этого времени*.

Болѣе обстоятельная рѣчь о дарственной записи Галшки Гулевичевны у насъ будетъ впереди. Теперь же мы ограничимся относительно нея только замѣчаніями, имѣющими прямое отношеніе къ разсматриваемому предмету.

Какъ защитники, такъ и противники древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства, различнымъ образомъ истолковывая нѣкоторыя мѣста означенной записи, согласны между собою въ одномъ, именно, что Галшка Гулевичевна подарила свой дворъ и землю *Кіевскому братству*. Только одни изслѣдователи (что непосредственно вытекаетъ изъ ихъ разсужденій) считаютъ запись Гулевичевны *первымъ* по времени документомъ, съ котораго собственно и должно начинать исторію Кіевскаго братства, другіе же—документомъ, даннымъ сему братству спустя уже нѣсколько десятилѣтій послѣ его возникновенія. Мы думаемъ, что какъ тѣ, такъ и другіе изслѣдователи ошибаются. Въ дарственной записи Гулевичевны ни единымъ словомъ не упоминается о братствѣ. Здѣсь опредѣленно говорится, что дворъ и земля жертвуются подъ монастырь и школу „правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народу россійскаго,

---

[1]) Кіевская Старина 1884 г. № 10 стр. 230.

въ повѣтехъ воеводства кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго будучимъ", какого-бы они званія и сословія не были. Скажутъ, что въ составъ западно-русскихъ братствъ и входили именно всѣ православные разныхъ званій и состояній и что подъ приведенными названіями лицъ, коимъ жертвуется Гулевичевною дворъ съ землею, и должно разумѣть никого иного, какъ только братчиковъ. Но подобное умозаключеніе будетъ очевидною натяжкою, въ подтвержденіе которой нельзя подыскать ни одного аналогичнаго примѣра во всей довольно обширной западно-русской письменности того времени (т. е. нельзя найти ни одного документа, касающагося братства, гдѣ-бы составлявшіе его члены не назывались этимъ именемъ). Правда, защитники древняго преданія о существованіи Кіевскаго братства еще въ XVI стол. заявляютъ, что имъ извѣстны три подобныхъ документа, гдѣ будтобы члены братства не называютъ себя этимъ именемъ. Именно, указываютъ на письмо кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 10 апрѣля 1625 года, письмо ихъ же къ московскому думному дьяку Ивану Грамматину отъ того же числа и письмо ихъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу отъ 17 января 1626 года [1]). Но болѣе неудачной ссылки для подкрѣпленія своего мнѣнія трудно и представить. Не говоря уже о самомъ содержаніи поименованныхъ писемъ, гдѣ кіевскіе братчики, между прочимъ, объясняютъ—*что есть еже въ нашей земли братство православное*, и для чего подобное братство учреждено ими въ Кіевѣ,—не говоря уже о самомъ содержаніи писемъ, достаточно прочесть только одни подписи подъ ними, чтобы уразумѣть всю силу упомянутой ссылки. Такъ въ подписи подъ первымъ письмомъ значится: „Вси о Христѣ *братіа* православныи *братства церковного Кіевского*, духовныи купно и мирстии"; во второмъ: „Вси *братіа* православныи *братства церковного Кіевского*, духовные и свѣтскии"; въ третьемъ: „всѣ о Христѣ *братіа церковнаго соединенгия* при храмѣ Богоявленія... въ Кіевѣ" [2]).

Не касаясь пока вопроса о тѣхъ побужденіяхъ, какими руководствовалась Галшка Гулевичевна, жертвуя свой дворъ на богоугодныя дѣла, а также вопроса о томъ, откуда пригласила она монаше-

---

[1]) Кіевская Старина, 1885 г. № 2, стр. 273.

[2]) Архивъ юго-запад. Россіи ч. I, т. VI, №№ CCXX, CCXXI и CCXXIX.

ствующихъ и какую школу вводила въ свой фундушъ,—мы констатируемъ только тотъ фактъ, что *на самыхъ первыхъ порахъ фундація Гулевичевны къ Кіевскому братству никакого отношенія не имѣла.* Мыслимо-ли, чтобы въ записи Гулевичевны ни единымъ словомъ не упоминалось о пожарѣ 1614 года и вообще о матеріальномъ состояніи братства, если-бы вѣрно было предположеніе сторонниковъ древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства, что фундаторша своею жертвою *замѣнила прежнія братскія зданія, уничтоженныя пожаромъ?* Мыслимо-ли также, чтобы въ означенной записи ничего не говорилось о значеніи церковныхъ братствъ и побужденіяхъ къ устроенію таковаго братства въ Кіевѣ, если-бы справедливо было мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые полагаютъ, что разсматриваемый письменный памятникъ есть первый документъ, съ котораго должно начинать исторію Кіевскаго братства?... Очевидно, фундушъ Гулевичевны и братство хотя возникли почти одновременно, но независимо другъ отъ друга, и только впослѣдствіи (спустя, впрочемъ, весьма не много времени) слились въ одно учрежденіе. Таково общее положеніе, непосредственно вытекающее изъ сличенія дарственной записи Гулевичевны съ братскимъ уписомъ. Поэтому, если запись Гулевичевны, разсматриваемая сама по себѣ, не можетъ служить доказательствомъ существованія братства съ 15 октября 1615 года (дата записи), то тѣмъ менѣе можно ссылаться на нее въ подкрѣпленіе мнѣнія о существованіи братства еще въ XVI столѣтіи. Въ частности, относительно несостоятельности послѣдняго рода ссылокъ замѣтимъ слѣдующее: слова дарственной записи Галшки Гулевичевны—*жертвую все сіе на монастырь патріаршей ставропигіи* — защитники древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства, какъ мы видѣли, объясняютъ такъ, что здѣсь заключается указаніе на Кіево-братскій монастырь, якобы имѣвшій уже патріаршую ставропигію, ибо нельзя же разумѣть въ данномъ случаѣ ставропигію, данную братской обители патріархомъ Θеофаномъ, пріѣздъ котораго въ Кіевъ нельзя было предвидѣть. Но подобныя разсужденія представляютъ натяжку, положительно ничѣмъ не оправдываемую.

Во первыхъ, приведенныя выраженія въ записи Гулевичевны вовсе не означаютъ, что она жертвуетъ дворъ съ землею на *ставропигіальный* монастырь, *уже существующій*, въ такомъ случаѣ она неизбѣжно должна была бы поименовать его. Гулевичевна въ своей

записи (чему аналогичныхъ примѣровъ указать можно достаточное количество въ тоговременныхъ памятникахъ) выражаетъ только желаніе или, точнѣе, ставитъ условіе, чтобы устрояемый на ея фундушѣ монастырь подчиненъ былъ непосредственно патріарху, былъ *ставропигіальнымъ*. Другого вывода изъ разсматриваемой записи сдѣлать нельзя.

Во вторыхъ, если признать за достовѣрный фактъ, что Гулевичевна дѣйствительно пожертвовала свой дворъ съ землею Кіевскому братству, а послѣднее въ то время имѣло уже патріаршую ставропигію (отъ Іереміи), то объясненіе дальнѣйшей исторіи означеннаго братства представитъ затрудненія непреодолимыя. А именно: въ 1620 году пріѣзжаетъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Θеофанъ и въ память пребыванія своего въ семъ городѣ, на грунтѣ братскомъ, при церкви святаго Богоявленія и Благовѣщенія, водружаетъ крестъ, *признавая достойнымъ быть здѣсь ставропигіи патріаршей*. Но если Кіевское братство съ своимъ монастыремъ имѣло патріаршую ставропигію, то какъ же объяснить означенное дѣйствіе Θеофана? Онъ могъ подтвердить, благословеніемъ своимъ упрочить прежде существовавшую ставропигію: это было бы естественно, подобные примѣры можно видѣть въ тоговременной исторіи зап.-русской церкви. Но о существованіи ставропигіальныхъ правъ въ Кіевскомъ братствѣ въ грамотѣ Θеофана нѣтъ нималѣйшаго упоминанія, а напротивъ есть прямое указаніе, что этими правами братство еще не пользовалось: *признаю*—говоритъ Θеофанъ—достойнымъ *быть* на братскомъ грунтѣ ставропигіи; слѣдовательно ее до того времени здѣсь не было. Очевидно, Θеофанъ первый изъ патріарховъ водружаетъ крестъ на братскомъ грунтѣ; очевидно, онъ первый даетъ братству ставропигіальныя права... Извѣстно, какъ братства дорожили патріаршими ставропигіями: патріаршее благословеніе они считали „перломъ неоцѣненнымъ, клейнотомъ наидражайшимъ.“ Между тѣмъ ни въ одномъ изъ начальныхъ документовъ, дошедшихъ до насъ отъ первой половины XVII стол. и имѣющихъ отношеніе къ Кіево-Богоявленскому братству, ни единымъ словомъ даже не упоминается объ Іереміи. Возможное-ли это дѣло, если признать справедливымъ, что этимъ патріархомъ даны были ставропигіальныя права означенному братству?... Желая ослабить значеніе вышеприведенныхъ данныхъ и соображеній, защитники древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства, говорятъ,

что будто-бы „патріархи, митрополиты и епископы въ благословенныхъ грамотахъ братствамъ нерѣдко давали благословеніе и утвержденіе братствамъ, не только существовавшимъ раньше времени грамотъ, но и утвержденнымъ ихъ предшественниками, *безъ упоминанія о томъ и другомъ*“,—причемъ въ примѣръ приводятъ слѣдующій фактъ. „Въ 1606 году львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ благословенною грамотою утвердилъ Замостьское братство, учрежденное при церкви св. Николая славетнымъ паномъ Ѳедоромъ Волосовичемъ до вступленія Гедеона на Львовскую каѳедру и имѣвшее уже грамоту патріаршую на греческомъ языкѣ, *служачую братству св. Николая*. Грамота эта, какъ полагаетъ профессоръ Петровъ, дана несомнѣнно въ 1588—1589 гг. константинопольскимъ патріархомъ Іереміею; но объ ней въ грамотѣ Балабана вовсе не упоминается“ [1]).—Разумѣется, если-бы приведенный примѣръ былъ исторически достовѣренъ, если-бы Балабанъ, утверждая Замостьское братство, основанное патріархомъ Іереміею, ни слова не упомянулъ объ этомъ,—то это было бы явленіемъ въ высшей степени страннымъ, скажемъ болѣе—необъяснимымъ, такъ какъ находилось бы въ противорѣчіи съ укоренившеюся практикою,—въ противорѣчіи съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ къ патріаршимъ грамотамъ, о которомъ мы говорили выше. Но дѣло въ томъ, что указываемый примѣръ подкрѣпляется не положительными историческими данными, а основывается единственно на предположеніи проф. Петрова. Профессоръ Петровъ, дѣйствительно, полагаетъ, что Замостьское Никольское братство учреждено патріархомъ Іереміею во время одного изъ пріѣздовъ его въ Замостьѣ, т. е, въ 1588 или 1589 г.; но, приводимыя имъ въ подкрѣпленіе этого предположенія, соображенія болѣе чѣмъ сомнительны, а главное находятся въ противорѣчіи съ положительными данными. Доказательства профессора Петрова въ подкрѣпленіе мнѣнія о существованіи Замостьскаго Никольскаго братства въ 1588—1589 г. состоятъ въ слѣдующемъ: Въ *суммаріушѣ* (описи) Замостьскаго монастыря, составленномъ *20 ноября 1775 года*, находится *указаніе* на „привилей“ какого-то восточнаго патріарха, писанный погречески, съ печатью на массѣ, въ жестянкѣ, служащій

[1]) Кіевская Старина, 1885 г. № 2, стр. 273—274.

братству св. Николая. Такъ какъ извѣстно, что цареградскій патріархъ Іеремія проѣзжалъ черезъ Замостье въ 1588—1589 годахъ, то *вѣроятно* эта греческая грамота дана была отъ него Замостьскимъ жителямъ православнаго исповѣданія на основаніе братства. Доказательствомъ существованія послѣдняго во время, близкое къ пріѣзду Іереміи въ Замостье, служитъ привилей канцлера Яна Замойскаго, отъ 28 мая 1601 г., данный *гречину* Яну Константиновичу. Въ привилеѣ говорится, что означенный гречинъ купилъ у одного православнаго священника половину его пляца *на постройку и учрежденіе госпиталя для убогихъ греческой и русской религіи.* Это намѣреніе гречина Яна Константиновича канцлеръ Замойскій утверждаетъ своимъ листомъ, причемъ, ограждая—согласно волѣ жертвователя—фундушъ отъ могущихъ быть притязаній со стороны разныхъ лицъ, между прочимъ, выражается: „никто не будетъ имѣть права завѣдывать тѣми имѣніями, которыя бы даны были Яномъ на тотъ госпиталь, кромѣ самого означеннаго Яна *съ братіею его религіи греческой*; и потомки его, по смерти его, не могутъ распорядиться безъ воли *братіи...*“ Ясно названная - говоритъ профессоръ Петровъ—замостьская братія, завѣдывающая дѣлами благотворенія, есть вѣроятно православное Замостьское Никольское братство [1])... Мы думаемъ, что изъ приведеннаго документа подобнаго вывода сдѣлать положительно невозможно. Изъ документа видно только, что въ Замостьѣ жили греки, что одинъ изъ этихъ грековъ сдѣлалъ пожертвованіе съ цѣлію устройства для своихъ единовѣрцевъ (грековъ и русскихъ) госпиталя, и что завѣдываніе дѣлами этого госпиталя, совмѣстно съ жертвователемъ и его потомками, предоставлено было *братіи религіи греческой.* Подобныя пожертвованія съ благотворительною цѣлію были въ разсматриваемое время дѣломъ довольно нерѣдкимъ и устройство разныхъ благотворительныхъ учрежденій (въ данномъ случаѣ госпиталя) нельзя смѣшивать съ устройствомъ братствъ. Выраженіе документа—*братія религіи греческой* нельзя отожествлять съ выраженіемъ—*братство*: подъ братіею религіи русской и греческой разумѣлись вообще лица, принадлежавшія къ православному вѣроисповѣданію, равнымъ образомъ, какъ подъ братіею религіи римской—всѣ

[1]) Забытыя иноческія обители. (Кіев. Старина, 1882 г. іюль, стр. 29—31).

католики. Въ подтвержденіе сказаннаго можно привести цѣлыя сотни цитатъ. Разсматриваемый документъ имѣетъ одну только особенность, впрочемъ, легко объяснимую. Дѣло въ томъ, что въ тоговременныхъ документахъ православные почти всегда называются *братіею религіи греческой*. Между тѣмъ, въ привилеѣ канцлера Замойскаго въ одномъ мѣстѣ,—именно, гдѣ идетъ рѣчь объ *устройствѣ госпиталя*,—замѣчается, что онъ предназначается для убогихъ религіи *греческой* и *русской*. Такое частнѣйшее раздѣленіе, кажется, зависѣло отъ того, что жертвователь былъ *грекъ*. Это частнѣйшее дѣленіе православныхъ на два класса уничтожается, когда рѣчь идетъ о завѣдываніи дѣлами госпиталя: оно предоставляется, совмѣстно съ жертвователемъ, *братіи религіи греческой*. Если-бы въ документѣ для обозначенія принадлежности къ вѣроисповѣданію употреблено было одно только послѣднее выраженіе, то, основываясь на аналогичныхъ выраженіяхъ въ тоговременныхъ памятникахъ, подъ *греческою братіею*, которой предоставляется завѣдываніе дѣлами госпиталя, слѣдовало бы подразумѣвать какъ русскихъ православныхъ, такъ и грековъ. Но, принимая во вниманіе указанное нами частнѣйшее дѣленіе православныхъ—на *русскихъ* и *грековъ*—въ одномъ случаѣ, а также, что жертвователемъ былъ *грекъ*,—мы едва ли ошибемся, предполагая, что въ послѣднемъ случаѣ подъ *греческою братіею* разумѣется *греческая братія* въ собственномъ смыслѣ, разумѣются одни *греки*, которымъ только, безъ участія русскихъ, и предоставляется завѣдываніе дѣлами госпиталя, основаннаго ихъ *единоплеменникомъ*. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что привилей канцлера Замойскаго, данный въ 1601 году гречину Яну Константиновичу, не можетъ служить доказательствомъ существованія въ то время Замостьскаго Никольскаго братства. Такимъ образомъ, въ подтвержденіе мнѣнія объ его существованіи остаются только указаніе въ суммаріушѣ 1775 г. на какую-то грамоту какого-то восточнаго патріарха, служащую Замостьскому братству, и предположеніе, что эта грамота *могла быть* дана патріархомъ Іереміею, два раза посѣщавшихъ Замостье въ 1588 и 1589 годахъ. Разумѣется, область возможнаго весьма обширна. Возможность можно бы допустить и въ данномъ случаѣ, хотя она, безъ сомнѣнія, и принадлежала бы къ числу возможностей слабыхъ, такъ сказать, минимальныхъ, и во всякомъ случаѣ такихъ, на основаніи которыхъ нельзя построять твердыя положенія. Но и этой минимальной

возможности по отношенію къ разсматриваемому вопросу допустить нельзя, такъ какъ она находится въ противорѣчіи съ положительными данными. Данныя эти представляетъ собою ничто иное, какъ извѣстная и защитникамъ древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства и профессору Петрову грамота львовскаго епископа Гедеона Балабана на учрежденіе Замостьскаго братства при церкви св. Николая [1]). Въ этой грамотѣ Балабанъ говоритъ, что онъ „по Христову повелѣнію и св. Духа строенію, послѣдующе апостольскому и св. отцемъ преданію“, въ 1606 г. обозрѣвалъ свою епархію. Въ это время, именно 30 марта, пришелъ къ нему „славетный панъ Ѳеодоръ Волосовичъ, мѣщанинъ Замойскій, ктиторъ храма святаго ереарха Христова Николая, *хотячы братство устроити съединившеся любовію духовною*, закона Христова заповѣдемъ послѣдующе, благоугодно Богу въ Троицѣ единому и Пречистои Его Матере, въ честь и въ хвалу Его святому угоднику ереарху Николѣ. Того ради мы, смиренный Гедионъ, епископъ по дару св. Духа, пастырскимъ строениемъ *повелѣваемъ и благословляемъ ихъ на сіе братство духовное*, утверждающе ихъ евангельски жити, составляюще любовь по закону Христовы церкви“, и т. д. (слѣдуетъ длинный перечень братскихъ обязанностей)... Неужели столь точныя и опредѣленныя выраженія грамоты Балабана нуждаются въ какихъ либо особенныхъ комментаріяхъ? Не ясно-ли, что Замостьское Никольское братство учреждается только въ 1606 году и указанная грамота отъ 30 марта есть первый документъ, съ котораго только и начинается это братство?... Утверждать противное, по нашему мнѣнію, значитъ игнорировать достовѣрные историческіе факты, предпочитая имъ на зыбной почвѣ построенныя предположенія.

Обращаемся къ разбору тѣхъ „прежнихъ и новыхъ свидѣтельствъ“, чрезъ „сопоставленіе которыхъ“ защитники древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства еще въ XVI стол. думаютъ доказать „полную достовѣрность“ этого преданія. Усилія защиты въ данномъ случаѣ вращаются главнымъ образомъ около двухъ пунктовъ: 1) *посѣщенія* (въ 1588 или, точнѣе, 1589 гг.) *Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, въ связи съ „учрежде-*

---

[1]) Напеч. въ Кіев. Старинѣ, 1882 г. іюль стр. 153 и слѣд.

ніемъ“ имъ здѣсь братской школы, и во 2-хъ, *времени построенія Кіево-Богоявленской братской школы, а также братскаго монастыря.*

О посѣщеніи патріархомъ Іереміею Кіева. — „Что патріархъ Іеремія—говорятъ защитники означеннаго преданія—дѣйствительно былъ въ Кіевѣ, подтвержденіе сему находимъ въ описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія, составленномъ спутникомъ его діакономъ Павломъ. Послѣдній пишетъ, что въ 1654 г., бывши въ софійскомъ домѣ кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова вмѣстѣ съ патріархомъ, онъ видѣлъ здѣсь портретъ константинопольскаго патріарха Іереміи во весь ростъ, съ красивымъ лицемъ и бородою, между портретами антіохійскаго патріарха Іоакима, александрійскаго Мелетія и іерусалимскаго Ѳеофана. При этомъ онъ говоритъ, что всѣ эти четыре патріарха пріѣзжали въ Кіевъ непосредственно одинъ за другимъ и что въ Кіевѣ издревле ведется обычай списывать портретъ всякаго патріарха, посѣтившаго эту страну, для того, чтобы сохранить память о немъ на вѣчныя времена“ [1]).— Въ подкрѣпленіе этого свидѣтельства Павла Алепскаго дѣлается ссылка на извѣстную намъ историческую записку о Кіевской Академіи, составленную академическою корпораціею въ 1765 г., и на „Старину и Новизну“ Миллера и Рубана, 1773 г. „Тѣ *нѣкоторыя обстоятельства*—разсуждаютъ защитники разсматриваемаго преданія,—которыя соображали, но о которыхъ умолчали составители записки 1765 г., понятны сами собою. *Они, безъ сомнѣнія, имѣли подъ рукою неоспоримыя доказательства существованія братства и школы еще въ 1588—1589 гг.*“ [2]). „На чемъ нибудь основывалъ свое мнѣніе (о пріѣздѣ патріарха Іереміи въ указанное время въ Кіевъ) россійскій историографъ Миллеръ, который въ 1725 году былъ уже адъюнктомъ исторіи въ с.-петербургской академіи наукъ; на что нибудь опирался въ своихъ историческихъ трудахъ извѣстный Василій Рубанъ, который самъ обучался въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. Оба они—Миллеръ и Рубанъ, безъ сомнѣнія, могли имѣть документы о началѣ Кіево-братскаго монастыря и училища, не дошедшіе до насъ, и кое-

---

[1]) Кіев. Старина, 1884 г. № 10, стр. 229.

[2]) Кіев. Старина, 1885 г. № 2, стр. 278.

что могли слышать о семъ отъ Θеофана Прокоповича и другихъ старѣйшихъ воспитанниковъ и учителей Кіевской Академіи....“ [1]).

Относительно этой защиты древняго преданія о пріѣздѣ въ Кіевъ патріарха Іереміи можно сказать слѣдующее. Во первыхъ, защита *неточно передаетъ самое существенное* въ данномъ случаѣ мѣсто изъ приведеннаго разсказа Павла Алепскаго. У послѣдняго въ его „Описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія“ означенный разсказъ дословно состоитъ въ слѣдующемъ: „Наконецъ мы (патріархъ Макарій съ своею свитою, въ составѣ которой былъ и авторъ записокъ Павелъ Алепскій)... отправились къ св. Софіи съ визитомъ митрополиту. Мы вошли въ его покои и видѣли тамъ изображенія четырехъ прежнихъ патріарховъ на холстѣ во весь ростъ. *Въ этой странѣ* (in this country) издавна ведется такой обычай, что если какой нибудь патріархъ посѣтитъ ихъ, то они снимаютъ съ него портретъ, точно (въ томъ видѣ), какъ онъ появляется среди нихъ, чтобы они могли сохранить память о немъ навсегда. Всѣ четыре патріарха изображены въ св. облаченіи съ жезлами, въ митрахъ, съ панагіями и крестами. Первый изъ нихъ, пріятно поразившій насъ, былъ Іоакимъ, патріархъ антіохійскій, прозванный *Свѣтъ*. У него смуглое лицо и сѣдая остроконечная борода. На портретѣ имя его подписано по гречески, а по датѣ (времени написанія) мы высчитали, что этому портрету 72 года; рядомъ съ нимъ находится Мелетій, патріархъ александрійскій, съ длинною бѣлою бородою; близъ него Іеремія, патріархъ константинопольскій, съ красивымъ лицомъ и бородою, а тотчасъ за нимъ Θеофанъ, патріархъ іерусалимскій, съ длинною черною бородою. Всѣ четверо около одного и того-же времени *пріѣзжали въ эту страну*, непосредственно слѣдуя одинъ за другимъ (All four about the same time came *to this country*, the one immediately following the other)“ [2]).

Такимъ образомъ Павелъ Алепскій не говоритъ, что всѣ поименованные патріархи *были въ Кіевѣ*, но заявляетъ только, что *они пріѣзжали въ эту страну*, т. е. литовско-русское государство,

---

[1]) Ibid. стр. 271.

[2]) The travels of Macarius, Patriarch of Antioch: изд. въ Лондонѣ 1846 г., т. 2, стр. 308.

въ которомъ находился и Кіевъ. И мы думаемъ, что указанное различіе (замѣна страны городомъ) въ данномъ случаѣ имѣетъ не маловажное значеніе. Правда, портреты четырехъ восточныхъ патріарховъ Павелъ Алепскій видѣлъ въ Кіевѣ, но отсюда еще не слѣдуетъ заключать, чтобы эти портреты и были написаны именно въ этомъ городѣ и притомъ писаны съ оригиналовъ. Въ западно-русскихъ областяхъ дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ діаконъ Павелъ, существовалъ обычай списывать портреты, посѣщавшихъ Русь восточныхъ патріарховъ, причемъ — добавимъ мы — списываніе производилось въ весьма обширныхъ размѣрахъ и портреты іерарховъ во многихъ экземплярахъ распространялись между разными лицами и учрежденіями на всемъ пространствѣ западно-русскихъ областей. Вслѣдствіе этого портреты восточныхъ патріарховъ зачастую можно было встрѣчать въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ они никогда не бывали. Когда въ 1620 г. прибылъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Θеофанъ, то съ него снято было здѣсь значительное количество портретовъ, которые тогда же и разсылались по разнымъ литовско-русскимъ городамъ—братствамъ и наиболѣе значительнымъ лицамъ изъ православной южно-русской аристократіи. Въ какомъ количествѣ распространялись подобные портреты и съ какимъ уваженіемъ смотрѣли на нихъ православные, видно, наприм., изъ судебнаго позыва Виленскому православному братству отъ 1624 года. Изъ этого позыва узнаемъ, что Виленскіе братчики портретъ Θеофана (*въ Вильнѣ никогда не бывшаго*) „точно какъ-бы образъ (na kształt prawie chorągwi), написали на каменной стѣнѣ братства, выходящей на улицу, дабы всѣ на него смотрѣли и почитали за святыню“,—что подобные портреты были и въ частныхъ домахъ у православныхъ, гдѣ относились къ нимъ съ такимъ же почетомъ,—что портретами патріарха производился даже открытый торгъ, для каковой цѣли они во множествѣ отгравированы были въ нѣмецкой землѣ [1])... Что же удивительнаго, если у кіевскаго митрополита половины XVII стол. можно было встрѣтить подобные портреты восточныхъ патріарховъ? И неужели можно такое обстоятель-

---

[1]) Судеб. позывъ напечатанъ въ приложеніяхъ къ сочиненію М. О. Кояловича. —*Литовская церковная унія* (т. II. стр. 353—359).

ство поставлять въ неизбѣжную связь съ пріѣздомъ этихъ патріарховъ въ Кіевъ? [1]).

Но если-бы у Павла Алепскаго и дѣйствительно было указаніе на посѣщеніе Кіева четырьмя восточными патріархами, въ томъ числѣ и Іереміею константинопольскимъ, то и такому указанію нельзя было бы придавать серьезнаго историческаго значенія, какъ несогласному (за исключеніемъ одного случая—посѣщеніи Кіева Ѳеофаномъ) съ достовѣрными фактами. Не касаясь пока пріѣзда въ Кіевъ Іереміи, замѣтимъ, что антіохійскій патріархъ Іоакимъ, какъ положительно извѣстно, при своемъ посѣщеніи земли россійской не доѣзжалъ до Кіева, а александрійскій—Мелетій Пигасъ не только никогда не былъ въ этомъ городѣ, но и *вовсе не посѣщалъ западнорусскія области* [2]).

---

[1]) Въ конгрегаціонной залѣ Кіевской Духовной Академіи находится, между многими другими портретами, и портретъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана. Портретъ этотъ списанъ съ изображенія патріарха, находившагося на такъ называемыхъ *діаконскихъ дверяхъ въ одной изъ церквей города Пскова.*

[2]) По поводу этого замѣчанія, высказаннаго нами еще прежде (*Древнія и новыя сказанія о началѣ Кіевской Академіи*, Кіевъ, 1885 г. стр. 24), нашими учеными противниками по разсматриваемому вопросу сдѣлано было слѣдующее возраженіе: „Г. Голубевъ говоритъ, что о посѣщеніи Кіева патріархами антіохійскимъ Іоакимомъ и александрійскимъ Мелетіемъ нѣтъ вовсе письменныхъ свидѣтельствъ; но, скажемъ мы, нѣтъ и тоговременныхъ указаній на то, что они не были здѣсь“ (*Кіевская Стар.*, 1885 г. № 2, стр. 271).—Это возраженіе, по нашему мнѣнію, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія. Ученая критика должна знать, что молчаніе молчанію рознь. Молчаніе источниковъ объ извѣстномъ событіи иногда неизбѣжно должно быть принимаемо какъ доказательство того, что самаго событія не существовало. Для большей наглядности пояснимъ свою мысль примѣромъ. Путешествуетъ нашъ Русскій Императоръ. Этимъ событіемъ, какъ касающимся лица своего Монарха, интересуется вся Россія. Наша пресса тщательно отмѣчаетъ какъ мѣстности, которыя были осчастливлены посѣщеніемъ Государя, такъ и вообще наиболѣе выдающіеся факты, соединенные съ этимъ посѣщеніемъ... Спрашиваемъ: если со временемъ историкъ, почему либо интересующійся означеннымъ путешествіемъ, будетъ пересматривать съ этою цѣлію наши періодическія изданія, то неужели для него молчаніе современной прессы о посѣщеніи Государемъ какого либо города не будетъ служить доказательствомъ, что этого событія на самомъ дѣлѣ не было? Нашъ Государь, во время своего послѣдняго путешествія, не посѣтилъ—положимъ—Казани. Неужели послѣдующій историкъ можетъ сказать: „о посѣщеніи Казани въ 1885 году Императоромъ Александромъ III нѣтъ вовсе письменныхъ свидѣтельствъ; но—должно замѣтить—нѣтъ и тоговременныхъ указаній на то, что его не было здѣсь; слѣдовательно“... и проч. А въ юго-западной Россіи разсматриваемаго нами времени интересовались путешествіями патріарховъ не менѣе, чѣмъ интересуются въ настоящее время путешествіемъ Высочайшихъ Особъ. Возможно-ли, поэтому, допустить, что о посѣщеніи Россіи, напр., па-

Относительно втораго указанія, приводимаго защитниками древняго преданія о посѣщеніи патріархомъ Іереміею Кіева,—именно ссылки на *историческую записку* 1765 г. о состояніи Кіевской Академіи и на *Старину и Новизну* Миллера и Рубана, гдѣ говорится объ этомъ посѣщеніи, и говорится будто-бы не голословно, а на основаніи документальныхъ данныхъ, которыя *могли имѣть* подъ руками лица, писавшія объ Іереміи,—замѣтимъ слѣдующее:

1) Если-бы составителямъ упомянутой записки извѣстны были документальныя данныя о посѣщеніи Кіева патріархомъ Іереміею, то они—что́ выше всякаго сомнѣнія—и указали бы на нихъ. Но мы усматриваемъ совершенно другое. Первымъ, извѣстнымъ документомъ, имѣющимъ отношеніе къ Кіево-Богоявленскому братству, составители записки—какъ мы видѣли—считаютъ дарственную запись Галшки Гулевичевны. О началѣ этого братства еще въ 1588 г. они говорятъ только въ видѣ предположенія: *по нѣкоторымъ обстоятельствамъ разсуждать можно, что* и проч. Правда, подъ этими нѣкоторыми обстоятельствами, безъ сомнѣнія, разумѣется ничто иное, какъ пріѣздъ въ Россію патріарха Іереміи; но, во первыхъ, о посѣщеніи этимъ патріархомъ именно Кіева составители записки не говорятъ ни слова (въ данномъ случаѣ съ ихъ стороны возможно только предположеніе); во вторыхъ, о самомъ посѣщеніи патріархомъ Россіи они говорятъ не на основаніи какихъ либо документальныхъ данныхъ, *въ настоящее время намъ неизвѣстныхъ*, а на основаніи тѣхъ же данныхъ, которыя дошли и до нашего времени. Такъ на поляхъ черновой записки, противъ того мѣста, гдѣ идетъ рѣчь о пріѣздѣ въ Россію Іереміи, выставляются слѣдующіе цитаты: *Supplementum Synopsis*, fol. 5, *Апокрисисъ* (Христофора Филалета) и разныя грамоты изъ самаго *Апокрисиса*.—Возможно-ли допустить, чтобы составители исторической записки 1765 г. не упо-

---

тріархомъ Мелетіемъ не сохранилось никакихъ извѣстій, когда одно только *намѣреніе* (не осуществившееся) этого патріарха прибыть сюда производило радостное волненіе среди православныхъ южно-руссцевъ и они спѣшили дѣлиться этимъ пріятнымъ извѣстіемъ другъ съ другомъ? (Къ сказанному не лишне прибавить, что *извѣстныя по годамъ обстоятельства жизни александрійскаго патріарха Мелетія*,—по замѣчанію И. И. Малышевскаго, написавшаго спеціальное, обстоятельнѣйшее сочиненіе объ этомъ патріархѣ,—*исключаютъ всякую мысль о возможности его поѣздки въ Россію*).

мянули о пріѣздѣ Іереміи именно въ Кіевъ (такъ какъ это имѣло ближайшее отношеніе къ разсматриваемому ими вопросу), если-бы они имѣли подъ руками документальныя данныя объ этомъ пріѣздѣ? Возможно-ли также допустить, чтобы эти данныя ими не были процитированы?.. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду и того обстоятельства, что въ 1773 году, спустя только 8 лѣтъ послѣ составленія первой исторической записки о состояніи Кіевской Академіи академическою же корпораціею составлена была вторая записка о томъ же предметѣ, въ которой—какъ мы видѣли—опровергается прежнее мнѣніе о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства въ 1588 г., а также (въ связи съ этимъ) и о пріѣздѣ въ Кіевъ патріарха Іереміи,—причемъ мнѣніе это называется, не оправдываемою документальными данными, *догадкою*. Такимъ образомъ, если мы допустимъ, что у составителей первой исторической записки о состояніи Кіевской Академіи были подъ руками въ 1765 г., положительныя данныя о пріѣздѣ въ Кіевъ п. Іереміи,—то куда они могли исчезнуть въ самомъ непродолжительномъ времени, такъ что въ 1773 г. и самой памяти о нихъ не сохранилось?... Необъяснимо; тѣмъ болѣе, что въ указанный 8-лѣтній промежутокъ Кіевская Академія не испытывала никакихъ внѣшнихъ бѣдствій въ родѣ нашествія иноплеменниковъ, труса, потопа, огня, и т. п.

2) Что касается до Миллера и Василія Рубана, которые „въ своихъ историческихъ трудахъ на чемъ же нибудь опирались“, утверждая о пріѣздѣ въ Кіевъ (1588—1589 гг.) патріарха Іереміи, которые, „безъ сомнѣнія, могли имѣть документы о началѣ Кіево-братскаго монастыря и училища, не дошедшіе до насъ“, и т. п.,-то относительно нихъ, во первыхъ, слѣдуетъ замѣтить тоже самое, что сказано и о составителяхъ исторической записки 1765 г. о состояніи Кіевской Академіи: *если-бы имѣли документы, то, безъ сомнѣнія, и указали бы на нихъ*. Во вторыхъ, защитники пріѣзда въ Кіевъ п. Іереміи *ошибаются*, думая, что Миллеръ и Рубанъ о началѣ Кіевской Академіи написали ученое и самостоятельное изслѣдованіе: статья объ этомъ предметѣ, помѣщенная въ „Старинѣ и Новизнѣ“ 1773 г.,—что́ нами вскользь уже и замѣчено,—есть ничто иное, какъ, въ большинствѣ случаевъ, дословное воспроизведеніе той же исторической записки 1765 г. Чтобы убѣдиться или, точнѣе, убѣдить въ этомъ

кого слѣдуетъ, представляемъ параллельныя выдержки изъ упомянутыхъ записки и статьи.

Выдержки изъ исторической записки (1765 г.) *о состояніи Кіевской Академіи.* (Рукоп. Кіев. Акад.).

1.

„Изъ выписи подлинной урядовой земскихъ Кіевскихъ книгъ, въ Кіевобратскомъ училищномъ Богоявленскомъ монастырѣ находящейся, знать совершенно можно, что въ 1615 году, монастырь Кіевобратскоучилищный Богоявленскій уже былъ, и состоялъ въ вѣдомствѣ святѣйшаго Патріарха Константинопольскаго, и при немъ была школа: ибо въ томъ году по той выписи послѣдовала отъ Гальшки Гулевичевны (Анны Гулевычивой дочери), жены маршалка Мозырского, надача двора ея собственного, въ Кіевѣ состоявшого, на монастырь Ставропигіонъ Патріаршеской, общаго житія по Василію великому, такожъ на школу для дѣтей шляхетскихъ и мѣщанскихъ, и на гостинницу странныхъ духовныхъ вѣры церкви восточной, и оной дворъ тогожъ года отданъ въ совершенное владѣніе священноиноку Исаии Купинскому и прочимъ монахамъ; а какъ изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ

Выдержки изъ статьи: „О кіевскихъ училищахъ“,—помѣщенной въ „Старинѣ и Новизнѣ.“ Спб. ч. II 1773 г. стр. 107—108.

1.

„Изъ подлинной урядной выписи, земскихъ Кіевскихъ книгъ, въ Кіевобратскомъ училищномъ Богоявленскомъ монастырѣ имѣющейся, знать совершенно можно, что въ 1613 [1]) году монастырь Кіевобратскоучилищный Богоявленскій уже былъ, и состоялъ въ вѣдомствѣ Константинопольскаго Патріарха. При ономъ была школа; ибо въ томъ году по той выписи послѣдовала отъ Гальшки Гугулевичевны, то есть Анны Гулевичевой дочери, жены Маршалка Мозирскаго, надача собственнаго ея двора, состоявшаго въ Кіевѣ, на монастырь Ставропигіальный Патріаршій, общаго житія братіи, по чину великаго Василія, такожъ на школу, для дѣтей шляхетныхъ и мѣщанскихъ и на гостинницу странныхъ духовныхъ, вѣры восточной православной церкви, и оный дворъ того же года отданъ въ совершенное владѣніе священноиноку Исаіѣ Купинскому, бывшему потомъ Митрополитомъ

[1]) Очевидно опечатка.

разсуждать можно, то оной монастырь съ школою заложенъ въ 1588 году, когда Іеремія Архіепископъ Константина града и вселенскій Патріархъ былъ въ Россіи для поставленія перьваго Патріарха на Москву.“

2.

„1620 году мая 17 дня Феофанъ Патріархъ Іерусалимскій, возвращаяся изъ Великороссіи, при томъ же монастырѣ братство младшее заложилъ и въ вѣчные роди грамотою патріаршескою утвердилъ.“

3.

Тотъ же Патріархъ тогоже года мая 26 дня при томъ же монастырѣ новозаложенную церковь святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія Пресвятія Богородицы, страннопріемной дворъ братства церковнаго, и школу наукъ еллинословенского и латинопольского писма, такожъ и братство церковное старѣйшее благословилъ, и при церкви святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія крестъ водрузилъ, и Ставропигіонъ патріаршеское достойно быти судилъ, и на то далъ свою грамоту вышеписаннаго года и числа.“

въ Кіевѣ, и прочимъ монахамъ и братіямъ. А какъ изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ разсуждать можно, то оный монастырь со школою заложенъ въ 1588 году, когда Константинопольскій патріархъ Іеремія былъ въ Россіи для поставленія перваго Патріарха Іова Москвѣ.“

2.

„1620 году Маія 17 дня Іерусалимскій Патріархъ Ѳеофанъ, возвращаясь изъ великой Россіи, при томъ же монастырѣ братство младшее заложилъ, давъ на то, въ память потомству, свою грамоту.“

3.

Оный же Патріархъ тогожъ года Маія 26 дня, при томъ же монастырѣ новозаложенную церковь во имя Богоявленія Господня и Благовѣщенія Богородицы, страннопріемный дворъ братства церьковнаго и школу наукъ Славено-греко-Латино-Польскаго языка, такожъ и братство церковное старѣйшее и при вышереченной церкви крестъ водрузя, Ставропигіею Патріаршею достойну ея быти судилъ, утвердя оное своею грамотою.“

4.

„Оной монастырь, церковь, школы и домъ, *по причинѣ разныхъ случаевъ*, были разорены, но въ 1622 г. апрѣля 10 Петромъ Канашевичемъ Сагайдачнымъ, гетманомъ войска запорожскаго, создана вновь церковь Богоявленія Господня и домъ Братской обновленъ“, [1]) и т. д.

4.

„Оный монастырь, церьковь, школа и домъ, *по причинѣ разныхъ злоключеній и непріятельскихъ нашествій*, были разорены, но въ 1622 году, Апрѣля 10 дня, Петромъ Конашевичемъ, т. е. Коноповымъ сыномъ, Сагайдачнымъ, войскъ запорожскихъ гетманомъ, церковь сооружена вновь и домъ братскій обновленъ“, и т. д.

Разумѣется, все сказанное нами относительно посѣщенія константинопольскимъ патріархомъ Іереміею Кіева имѣетъ, такъ ска-

---

[1]) Очевидно, что статья о кіевскихъ училищахъ, помѣщенная въ „Старинѣ и Новизнѣ“, есть *почти дословное* воспроизведеніе исторической записки (1765 г.) о состояніи Кіевской Академіи. При печатаніи, по мѣстамъ, исправленъ только слогъ. Но въ 4 параграфѣ встрѣчается небольшое измѣненіе текста исторической записи, интересное въ томъ отношеніи, что даетъ нѣкоторый ключъ къ представленію, какимъ образомъ созидаются въ исторіи искуственныя наслоенія. Составители записки, допустивъ предположеніе, что Кіево-Богоявленское братство основано было въ 1588 году, естественно должны были призадуматься надъ вопросомъ—почему же за 25-лѣтній промежутокъ существованія братства (до 1615 года) не сохранилось никакихъ документальныхъ извѣстій о немъ?—Отсюда естественно было придти—какъ нами уже замѣчено (стр. 3—4)—и къ другому предположенію, что документы почему-либо погибли. Но *почему* именно? Составители записки даютъ относительно этого отвѣтъ неопредѣленный: *по причинѣ разныхъ случаевъ*. Но редакторъ „Старины и Новизны“, печатая историческую записку, пожелалъ выразиться объ этомъ опредѣленнѣе; означеное мѣсто (разумѣется, не на основаніи какихъ либо положительныхъ данныхъ, а по собственнымъ соображеніямъ) передается имъ такъ: „по причинѣ разныхъ злоключеній и *непріятельскихъ нашествій*“. Послѣдующіе историографы, принявъ за *достовѣрный историческій фактъ* непріятельскія нашествія, которымъ якобы въ указанное время подвергалось братство, рѣшили что подъ *разными злоключеніями* непремѣнно должно разумѣть именно *пожаръ*. Дарственная запись Гулевичевны, по мнѣнію всѣхъ, будтобы данная Кіевскому братству, относится къ 1615 г.; отсюда является естественный выводъ, что пожаръ былъ не задолго передъ этимъ,—именно въ 1614 г. Такова, кажется, дѣйствительная исторія мнѣній о кіевскомъ пожарѣ 1614, якобы истребившемъ братскія зданія. При этомъ разыгравшаяся фантазія давала нѣкоторымъ историкамъ Академіи (разумѣемъ Аскоченскаго) видѣть даже іезуитовъ, будтобы съ тайною радостію взиравшихъ на страшное пламя, уничтожавшее братство.

зать, отрицательное значеніе: мы дѣлали замѣчанія относительно несостоятельности тѣхъ указаній и соображеній, которыя приводятся въ подтвержденіе достовѣрности этого событія. Но можно представить болѣе вѣскія и положительныя доказательства по данному вопросу: двух-кратный переѣздъ Іереміи по территоріи юго-западной Россіи (въ Москву и обратно) можно прослѣдить почти по пятамъ со всѣми, иногда довольно длинными остановками, при чемъ до очевидности будетъ ясно, что этотъ іерархъ ни въ 1588 году, когда ѣхалъ въ Москву, ни въ слѣдующемъ 1589 году, когда возвращался изъ нея, *въ Кіевъ не заѣзжалъ*. Именно, путь патріарха Іереміи въ Москву и обратно чрезъ польское королевство, въ составъ котораго—какъ извѣстно—входили и западно-русскія области, былъ слѣдующій:

Путь патріарха въ Москву.—Патріархъ Іеремія II Траносъ отправился въ свое путешествіе чрезъ Молдо-Влахійскія земли, куда прибылъ еще въ зимніе мѣсяцы 1588 г. [1]). Отсюда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ имъ послано было письмо во Львовъ къ греку Арсенію, архіепископу Элассонскому, два года занимавшемуся обученіемъ въ здѣшней братской школѣ [2]). Патріархъ извѣщалъ Арсенія о своемъ намѣреніи посѣтить московское государство и на пути заѣхать въ Замостье къ канцлеру Замойскому, чтобы выхлопотать у него и польскаго ко-

---

[1]) Объ этомъ сообщаетъ Іероѳей Монемвасійскій въ сочиненіи, изданномъ подъ именемъ Дороѳея, митроп. Монемвасійскаго—Βιβλίον ἱστορικὸν, περιέχον ἐν σύνοψει διαφόρους καὶ ἐξόχους ἱστορίας. Ἐνετίησιν, 1684 г. Время пребыванія Іереміи въ Молдо-Влахійскихъ земляхъ опредѣляется замѣчаніемъ Іероѳея, что въ то время стоялъ еще *сильный холодъ* — ψύχρα ὑπερβολικὴ (σελ. 446). Изъ разсказа Іероѳея видно, что патріархъ Іеремія не малое время прогостилъ у очень почтившаго его воеводы молдавскаго Петра, такъ что только въ концѣ апрѣля отправился далѣе къ границамъ Польши. Довольно продолжительное пребываніе Іереміи въ Молдо-Влахіи не лишено значенія для уясненія нѣкоторыхъ начальныхъ дѣйствій патріарха, касавшихся южно-русской церкви, въ частности Львовскаго братства. И. И. Малышевскій въ своей „Замѣткѣ“ о патріархѣ Іереміи (о ней сказано будетъ ниже), основываясь на упомянутомъ сочиненіи Іероѳея, говоритъ, что патріархъ проѣзжалъ чрезъ Молдо-Влахію весною 1588 г. *въ сильные жары*. Но это былъ недосмотръ со стороны автора, имъ же самимъ замѣченный, о чемъ онъ письменно намъ и заявилъ, съ просьбою исправить вкравшуюся въ его статью неточность. Съ удовольствіемъ исполняемъ желаніе уважаемаго изслѣдователя.

[2]) Объ учительствѣ Арсенія Элассонскаго въ львовской братской школѣ въ теченіи двухъ лѣтъ, начиная съ конца 1-й половины 1586 года, находится тогдашнее свидѣтельство въ предисловіи къ изданной Львовскимъ братствомъ въ 1591 г. „*Грамматикѣ доброглаголиваго еллино-словенскаго языка*“.

роля пропускныя грамоты для безпрепятственнаго слѣдованія чрезъ Польшу и Литву. Безъ сомнѣнія, въ этомъ же письмѣ патріархомъ сдѣланы были Арсенію какія либо порученія, имѣвшія отношеніе къ путешествію, и выражено было желаніе свидѣться съ нимъ (вѣроятно Іеремія приглашалъ его въ Замостье). Письмо получено было Арсеніемъ *перваго мая*. Элассонскій архіепископъ чрезвычайно обрадовался представившейся возможности увидѣть патріарха и поспѣшно сталъ приготовляться въ путь: купилъ лошадей, повозку, необходимые припасы и уложилъ всѣ свои вещи. Между тѣмъ въ первыхъ же числа мая (μεθ' ἡμέρας οὐ πολλὰς,—разумѣется послѣ перваго мая) патріархъ прибылъ къ границамъ Польши. Канцлеръ Замойскій послалъ къ нему почетныхъ людей, убѣдительно приглашая его къ себѣ. Узнавши объ этомъ, Арсеній поспѣшно отправился въ Замостье, куда (выѣхавши изъ Львова въ пятницу 10 мая) прибылъ въ Воскресенье, 12 мая. „Тогда—говоритъ Арсеній—видѣлся я съ патріархомъ, поклонился ему до земли съ великимъ почтеніемъ и привѣтствовалъ его; поцѣловалъ у него голову и колѣна". Въ слѣдующее воскресеніе, 19 мая, патріархъ довольно долго бесѣдовалъ съ Арсеніемъ, разсказывая ему скорбныя событія изъ своей жизни. Тогда же онъ спросилъ Элассонскаго архіепископа, какъ ему живется здѣсь, въ Польшѣ?—„Хорошо, отвѣчалъ Арсеній, благодаря твоимъ святымъ молитвамъ". Тѣмъ не менѣе, Арсенію хотѣлось посѣтить Москву и онъ сталъ просить Іеремію, чтобы онъ дозволилъ ему ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ великому и сильному царю русскому. Патріархъ отнесся къ этой просьбѣ благосклонно,—и совмѣстная поѣздка въ Москву была рѣшена [1])

---

[1]) Свѣдѣнія о всемъ вышеозначенномъ заимствованы изъ описанія самаго Арсенія Элассонскаго о путешествіи патріарха Іереміи въ Москву. Это описаніе написано на новогреческомъ языкѣ пятнадцати-сложными стихами и въ подлинникѣ носитъ такое заглавіе: Κόποι καὶ διατριβὴ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου, γράφει καὶ τὴν προβίβασιν τοῦ Πατριάρχου Μοσχοβίας. Сказаніе Арсенія было издано нѣсколько разъ. Первыми его издателями были итальянскіе ученые: *Пазино* (Pasinus), *Ризотелла* (Rivautella) и *Берта*. Они помѣстили сказаніе его въ *Codices manuscripti Bibliothecae Taurinensis Athenaei* (изд. 1749 г., т. I, стр. 433 и слѣд.). Къ новогреческому тексту присоединенъ и латинскій переводъ. Это первое изданіе описанія Арсенія было оченъ неудовлетворительно. Г. Соболевскій, имѣвшій возможность въ 1848 году сличить рукопись Арсенія съ упомянутымъ изданіемъ, говоритъ, что „издатели каталога Туринской библіотеки напечатали текстъ па-

Вскорѣ послѣ этого, въ послѣднихъ числахъ того же мая, когда получены были отъ короля пропускныя грамоты, патріархъ съ своею свитою отправился въ дальнѣйшій путь. Ѣхалъ онъ чрезъ Подляхію

мятника *очень небрежно*: ибо, по сличеніи мною переписанной первой страницы съ печатнымъ текстомъ нашлось нѣсколько ошибокъ и даже пропущенныхъ словъ" (Библіограф. Зап. 1858 г. № 3, стр. 81). Тоже самое о недостаткахъ итальянскаго изданія описанія Арсенія Элассонскаго говоритъ и Саѳа, добавляя, что издатели приняли это сочиненіе за прозаическое и такимъ (безъ раздѣленія на строфы) помѣстили его въ Codices (Νεοελληνικὴ Φιλολόγια. ἐν Ἀθήναις, 1868. σελ. 206—207). Въ 1809 г. Бекманъ перепечаталъ латинскій переводъ описанія Арсенія (изъ *Codices*) въ изданіи: Literatur der ältern Reisebeschreibungen (т. I. стр. 404—420). Слѣдующія тоже неисправныя изданія латинскаго перевода *Описанія* принадлежатъ *В. фонъ Вихманну* (Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur ältern Geschichte und Kentniss des Russichen Reichs. Berlin. 1820 г (стр. 60—122) и *Старчевскому* (Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI, Berolini et Petropoli, 1841—1842 an. (т. II № 10). Нѣкоторыми изъ этихъ изданій главнымъ образомъ и пользовались наши изслѣдователи въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ объ *Описаніи* Арсенія Элассонскаго (Арсеній Элассонскій и его Описаніе путешествія въ Московію, *П. Одлоблина*, въ Историч. Библіотекѣ, изд. Полежаевымъ, 1877 г.), такъ и въ сочиненіяхъ, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ нему. Отсюда ошибки и неточности переводовъ переходили и въ самыя изслѣдованія. Лучшими изданіями Описанія Арсенія въ настоящее время считаются—*Зампеліоса* и *Саѳы*. Оба они сдѣланы на новогреческомъ языкѣ, т. е. языкѣ подлинника, и въ нихъ возстановленъ стихотворный размѣръ. Все это считаемъ не лишнимъ сообщить въ виду того, что изложенныя нами въ текстѣ свѣдѣнія о путешествіи Іереміи до Замостья, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, рѣзко (иногда до противоположности) расходятся съ замѣткою объ этомъ же предметѣ И. И. Малышевскаго, основанною, между прочимъ, на Описаніи Арсенія по изданію Старчевскаго. Хотя отъ неточностей, допущенныхъ въ упомянутой замѣткѣ (Труды Кіев. Дух. Акад, 1885 г. декабрь, стр. 657—658), суть дѣла (былъ-ли п. Іеремія въ Кіевѣ?) ни мало не страдаетъ, тѣмъ не менѣе, въ виду общаго историческаго интереса, мы сочли нужнымъ въ текстѣ исправить эти неточности, а для провѣрки выписываемъ здѣсь соотвѣтствующее мѣсто изъ Описанія Арсенія по изданію Саѳы (приложеніе къ книгѣ: Βιογραφικὸν σχεδίασμα περὶ τοῦ πατριάρχου Ἱερεμίου, Ἐν Ἀθήναις, 1870 г. стр. 36—81).

Γίνωσκε πάλιν, ἀδελφέ, τῇ πρώτῃ τοῦ Μαΐου
ἐν κάστρῳ Λόβι ἦλθέ μοι γράμμα τοῦ Πατριάρχου
Ἱερεμίου τοῦ σοφοῦ, τοῦ νέου τε Ἰώβου,
τοῦ Κωνσταντινουπόλεως τοῦ παναγιωτάτου,
καὶ ὁμοτρόπου τρόποις τε προφήτου Ἱερεμίου·
καί ἔγραψέ με νὰ ἐλθῇ ἀπ' ἔκει νὰ πηγαίνῃ
εἰς μέγαν Ἰωάννην τε Λεχίας καντζηλέρην,
νὰ λάβῃ γράμμα ἐξ αὐτοῦ καὶ τοῦ ῥηγὸς Λεχίας,
νὰ εὔγῃ ἐκ τὰ σύνορα Λεχίας, Λιτβανίας,

на Брестъ, куда прибылъ около 28 мая [1]), а за тѣмъ, чрезъ пять дней (εἰς πέντε ἡμέραις), 3 іюня былъ уже въ Вильнѣ. Здѣсь Іеремія

νὰ πορευθῇ πρὸς μέγιστον Ῥωσσίας βασιλέα,
Θεόδωρον ὀρθόδοξον τὸν κράτιστον καὶ μέγαν.
Καὶ ὡς τὸ γράμμα εἶδα 'γὼ λίαν πολλὰ ἐχάρην,
ἀνέστην ἐκ τῆς κλίνης μου, ταχέως ἑτοιμάσθην,
ἵππους, ἁμάξι ἀγόρασα καὶ ὅσα κάμνουν χρεία,
τὰ πράγματά μου ἔβαλα ὅλα εἰς ὀρδινίαν.
Καὶ μεθ' ἡμέρας οὐ πολλὰς ἦλθεν ὁ πατριάρχης
εἰς τῆς Λεχίας σύνορον, κ' ἔστειλε καντζηλέρης
ἀνθρώπους του καὶ γράμματα εἰς αὔτον νὰ πηγαίνουν,
εἰς τὸ Ζαμόσκι κάστρον του αὐτὸν νὰ προσκαλέσουν.
Ἤκουσα πῶς ἀπέρασε, 'ς τὸν καντζηλέρην πάγει,
ἐγὼ καὶ ἐδιάστηκα κ' ἔφθασα 'ς τὸ Ζαμόσκι.
Παρασκευῇ ἐκίνησα μέσα ἀπὸ τὸ Λόδι,
ἡμέρᾳ τῇ Κυριακῇ ἔφθασα 'ς τὸ Ζαμόσκι.
'Αντάμωσα μαὶ ἔβαλα τότε τόν πατριάρχην
μετάνοιαν ἐδαφιὴν, μ' εὐλάβειαν μεγάλην
προσκύνησα, ἐφίλησα τὴν κεφαλὴν καὶ γόνα·
τῇ εἰκοστῇ Μαΐου τε Κυριακῇ ἡμέρᾳ
εὐλόγησε, συγχώρησεν, εἶπέ μοι νὰ καθίσω,
καὶ λόγους εἶπε λυπηρούς, καὶ ἦλθέ μοι νὰ κλαύσω,
πάθη τὰ πολυφήγητα πῶπαθε 'ς τὴν Τουρκίαν,
εἰς Πόλιν, εἰς τὴν Ῥόδον τε ἐκεῖ 'ς τὴν ἐξορίαν.
Εἶπε κ' ἐμένα, πῶς ἔχεις ἐδῶ εἰς τὴν Λεχίαν;
Ὦ δέσποτα, καλῶς, εἶπα, μ' εὐχὴν σου τὴν ἁγίαν.
Τότε καὶ τὸν ἀνήγγειλα διὰ νὰ πάγω μ' αὔτον
εἰς μέγαν τὸν ὑπέρτατον τὸν βασιλέα Ῥοῦσον.
Αὐτὸς μὲ ἀποκρίθηκε μὲ εὔμορφον τὸ σχῆμα,
ἐλθέ, παιδί μου, μετ' ἐμὲ νὰ πᾶμε 'ς τὴν Ῥωσίαν.

[1]) Луцкій латино-польскій епископъ Бердардъ Мацѣевскій въ письмѣ своемъ (напеч. у *Тейнера*, Vetera Monumenta Poloniae et Lhithuaniae, t. III, № 46) говоритъ, что онъ находился въ одномъ изъ городовъ Подляхіи въ тотъ самый день, когда чрезъ него проѣзжалъ патріархъ Іеремія. Мацѣевскій, желая видѣться съ патріархомъ, поспѣшно слѣдовалъ за нимъ до Бреста, но пріѣхалъ туда, когда ужъ Іеремія выѣхалъ изъ этого города по направленію къ Вильнѣ. Мацѣевскій замѣчаетъ, что патріархъ проѣзжалъ Подляхію *въ началѣ іюня*; но очевидно онъ ведетъ счетъ по новому стилю, разнящемуся въ то время отъ стараго на 10 дней.

пробылъ 12 дней (ἡμέρας δύο καὶ δέκα), задержанный ласковымъ пріемомъ православныхъ горожанъ и нѣкоторыми іерархическими распоряженіями [1]). Изъ Вильны около 14 іюня патріархъ отправился къ Оршѣ, тогда пограничному городу Литвы, куда прибылъ около 23 іюня, совершивъ переѣздъ въ 10 дней (εἰς ἡμέρας δέκα). Отсюда, переѣхавъ границу, направился „къ знаменитому и многолюдному городу Смоленску", куда прибылъ 24 числа тогоже мѣсяца [2]). Здѣсь патріархъ прожилъ болѣе недѣли, ожидая дозволенія отъ московскаго царя прибыть въ его столицу. Получивъ это дозволеніе, 3 іюля выѣхалъ изъ Смоленска, а спустя 10 дней, 13 числа, достигъ конечной цѣли своего путешествія—Москвы [3]).

Въ виду указанныхъ моментовъ и мѣстъ проѣзда патріарха Іереміи, подкрѣпляемыхъ положительными и несомнѣнными данными, дѣлается очевиднымъ, что этотъ іерархъ въ первый свой проѣздъ чрезъ польско-литовское государство, по пути въ Москву, не посѣщалъ Кіева. Впрочемъ, и сами защитники древняго преданія объ означенномъ посѣщеніи не особенно сильно настаиваютъ на 1588 годъ,

---

[1]) Описаніе Арсенія Элассонскаго; *Акты Зап. Рос.* IV, № 5; Supplementum ad Histor. Rus. Mouт. № 60; (таже грамота, что и въ предшествовавшей цитатѣ, но на греческомъ языкѣ); *Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковна, Трокъ*, и проч. ч. II, № 3. Въ послѣдней грамотѣ, данной патріархомъ Виленскому братству, по видимому, точно обозначается день его пріѣзда въ Вильну: „Пришедшу ми,—говорится здѣсь отъ лица Іереміи—во богоспасаемый градъ вильню в лето по воплощении Гда Бога и спаса ншего Иса Хса **афпи** *мца іюня третего дня;* за архіепископъства Ионисифора митрополита Киевъского.... Вто время пришли предъ нас гражане места виленскаго братия братства црковнаго.... и вдаша намъ во разсмотрение и исправление книгу чинъ братства своего церковнаго", и проч. Это обозначеніе немного, дня на два—три, не сходится съ вычисленіями о времени переѣздовъ Іереміи въ *Описаніи* Арсенія Элласонскаго. Разумѣется, со стороны послѣдняго нѣкоторая неточность въ обозначеніи времени весьма возможна (онъ не велъ поденныхъ записокъ во время самаго путешествія, а написалъ свое *Описаніе* нѣсколько позднѣе). Но указанное несогласіе можетъ быть также объясняемо предположеніемъ (и притомъ весьма вѣроятнымъ), что числовое указаніе грамоты (3 іюня) относится не ко дню *самаго пріѣзда* въ Вильно патріарха, а ко дню, когда виленскіе братчики „вдаша ему во разсмотрение и исправление" *чинъ* своего братства.

[2]) Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ.—*Дѣла Греч.* № кн. 3.—Сравн. Рукоп. Кіево-соф. библ. № 160.

[3]) Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. Спб. 1859 т. стр. 192 (Статейный списокъ).

какъ времени пребыванія въ Кіевѣ Іереміи, чаще всего пріурочивая оное къ обратному пути патріарха въ слѣдующемъ 1589 году.

Посмотримъ, насколько состоятельно это, второе предположеніе.

Обратный путь патріарха Іереміи.—Въ Москвѣ патріархъ прогостилъ гораздо долѣе, чѣмъ предполагалъ: онъ отпущенъ былъ царемъ только 19 мая слѣдующаго 1589 года [1]). Ѣхалъ онъ въ обратный путь тѣмъ же трактомъ, по которому и пріѣхалъ, т. е., на Смоленскъ и Оршу. Въ самыхъ первыхъ числахъ іюня мы видимъ его въ Смоленскѣ (4 іюня онъ принималъ здѣсь отъ приставовъ присланные ему запасы для путешествія [2]); около 8—10 чиселъ іюня остановился въ Оршѣ, принятый гражданами „съ честію и благодатію и съ великою радостію"; здѣсь (или вблизи этого города) патріархомъ получены были письма отъ царя и Бориса Годунова; отсюда-жъ посланы имъ отвѣтныя грамоты къ этимъ лицамъ [3]). 7 іюля мы видимъ Іеремію въ Вильнѣ: этимъ числомъ датирована грамота короля предоставляющая патріарху право чинить „духовныя справы" въ западно-русской церкви [4]); но очевидно, что самый пріѣздъ Іереміи въ означенный городъ состоялся за нѣсколько дней до указаннаго числа: грамота дана была патріарху по ходатайству собравшихся въ Вильнѣ (по случаю пріѣзда сюда короля) знатныхъ русскихъ пановъ, членовъ королевской рады. Для всего этого требовалось время и, можно думать, не малое, такъ какъ королю не особенно хотѣлось давать просимой патріархомъ грамоты. Во всякомъ случаѣ, не возможно допустить, чтобы Іеремія, доѣхавъ до Орши, около 10 іюня своротилъ съ прямаго пути на Вильну и совершилъ поѣздку въ Кіевъ и оттуда уже, къ концу того же іюня или, въ крайнемъ случаѣ, къ самому началу іюля, прибылъ въ Вильну. Подобная поѣздка, помимо отсутствія о томъ какихъ либо свидѣтельствъ, сама по себѣ дѣло немыслимое.—Въ Вильнѣ патріархъ пробылъ весь іюль

---

[1]) Архивъ Минист. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ.—*Дѣла Греческія*, № кн. 3-й.

[2]) Древняя Рос. Библіотека, изд. 2-е, ч. XII. стр. 341.

[3]) Ibid. стр. 334—342. Срав. сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, ч. 1. стр. 225 и слѣд.

[4]) *Акты южной и Зап. Рос.* т. 1., № 191.

мѣсяцъ, предсѣдательствовалъ на бывшемъ здѣсь соборѣ западно-русскихъ іерарховъ, совершилъ посвященіе новаго митрополита Михаила Рогозы и издалъ нѣсколько грамотъ, имѣвшихъ отношеніе къ разнымъ дѣламъ западно-русской церкви [1]); затѣмъ около 1-го августа выѣхалъ отсюда опять тѣмъ же трактомъ, по какому ѣхалъ и прежде, т. е., на Брестъ, куда—послѣ посѣщенія на пути Супраслькаго монастыря—прибылъ къ 6 августа [2]). Въ Брестѣ патріархъ пробылъ не долго: 14 августа мы видимъ его уже въ Замостьѣ [3]); въ окрестностяхъ этого замка—г. Красноставѣ, видимъ его и въ концѣ означеннаго мѣсяца [4]), а также и въ слѣдующемъ—сентябрѣ, до 20 числа включительно [5]). Такимъ образомъ, со второй половины мая 1589 г., когда патріаръ Іеремія выѣхалъ изъ Москвы, до 20-хъ чиселъ сентября того же года, мѣста и моменты пребыванія этого іерарха настолько очевидны, что предположеніе о посѣщеніи имъ въ указанные мѣсяцы Кіева оказывается положительно невозможнымъ.

Съ 20 сентября документальныя указанія о мѣстопребываніи патріарха прекращается до 31 октября. За указанное время мы не имѣемъ ни одной грамоты съ именемъ патріарха. Вотъ этотъ-то промежутокъ времени, когда Іеремія какъ бы скрывается отъ нашихъ глазъ, защитники древняго преданія и пріурочиваютъ преимуществен-

---

[1]) *Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-зап. Руси,* II, № 43, стр. 58; *Ак. Зап. Рос.* IV, №№ 17, 20.

[2]) *Акты Зап. Рос.* IV, № 20, 2); *Архивъ юго-зап. Рос.* ч. I, т. I. № 60, стр. 254—255. (грамот. выдан. въ Вильнѣ, датирована 1 августа).

[3]) *Акты Зап. Рос.* IV, № 21.

[4]) *Лѣтопись львов. братства, Зубрицкаго,* подъ 1589 г. (цитуется патріаршая грамота отъ 26 августа означеннаго года, выданная львовскимъ братчикамъ въ *Красноставѣ*).

[5]) И. И. Малышевскій послѣднею извѣстною грамотою патріарха Іереміи за *время его пребыванія* у канцлера Замойскаго считаетъ вышеупомянутую грамоту отъ 26 августа (см. предшествующее примѣчаніе); но Петрушевичемъ издана (по всей вѣроятности *во Временникѣ Львовскаго ставропигіальнаго братства;* у насъ подъ руками отдѣльный оттискъ) грамота патріарха Іереміи, утверждающая уставъ церковнаго братства въ Красноставѣ и писанная *въ этомъ же городѣ,* съ датою *отъ 20 сентября 1589 года.*—Красноставъ находится въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ Замостья (на сѣверо-западъ). Поѣздка Іереміи въ означенный городокъ и довольно продолжительное пребываніе въ немъ, кажется, должна быть объясняема отсутствіемъ въ то время изъ Замостья канцлера, отвлеченнаго отъ мѣста своей постоянной резиденціи государственными заботами.

но къ посѣщенію симъ іерархомъ Кіева, хотя, разумѣется, въ подтвержденіе своего мнѣнія и не представлютъ никакихъ документальныхъ данныхъ. Но въ самое недавнее время извѣстный знатокъ исторіи западно-русской церкви проф. И. И. Малышевскій помѣстилъ въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ замѣтку по поводу мнѣнія, „будто патріархъ Іеремія посѣщалъ Кіевъ въ 1588 или въ 1589 гг.,“ гдѣ преимущественно занялся разъясненіемъ мѣстопребыванія патріарха въ указанные мѣсяцы [1]). Выводъ, къ которому пришелъ уважаемый изслѣдователь состоитъ въ томъ, „что Іеремія, прибывшій въ Замостье около 14 августа, остававшійся здѣсь до конца августа, *здѣсь же оставался безотлучно весь сентябрь и октябрь*, въ концѣ котораго выѣхалъ въ обратный путь по направленію къ границѣ Молдавіи“.

Укажемъ, въ общихъ чертахъ, на тѣ основанія, которыя привели автора къ такому, вполнѣ справедливому заключенію.

Документально извѣстно, что патріархъ ѣхалъ въ обратный путь на Тарнополь и Каменецъ, останавливался въ этихъ городахъ, чинилъ здѣсь духовный судъ, издавалъ грамоты. Судъ патріарха, начавшійся 31 октября 1589 г. въ Тарнополѣ, закончился 13 ноября въ Каменцѣ-Подольскомъ. „Такимъ образомъ—говоритъ проф. Малышевскій — патріархъ ѣдетъ съ сѣверо-запада на Каменецъ чрезъ Тарнополь, находящійся почти по прямой дорогѣ между Замостьемъ и Каменцемъ, слѣдовательно онъ ѣдетъ изъ того же Замостья, гдѣ мы видѣли его въ концѣ августа [2]), слѣдовательно онъ жилъ въ Замостьѣ и предъ своимъ выѣздомъ въ обратный путь въ концѣ октября, приблизительно около 25 числа, ибо 31 ч. былъ уже въ Тарнополѣ и чинилъ здѣсь духовный судъ. Это документальное указаніе о пребываніи патріарха въ Замостьѣ, предъ выѣздомъ въ обратный путь на Тарнополь и Каменецъ, находитъ подтвержденіе въ разсказѣ спут-

---

[1]) И. И. Малышевскій конечными пунктами промежутка времени, къ которому защитники „древняго преданія“ преимущественно пріурочиваютъ посѣщеніе патріархомъ Іереміею Кіева, считаетъ *26 августа и 30 сентября*. Какъ видно изъ предшествующаго примѣчанія, этотъ промежутокъ долженъ быть сокращенъ почти на цѣлый мѣсяцъ.

[2]) Какъ видно изъ вышесказаннаго выраженіе не совсѣмъ точное, но отъ этого суть дѣла неизмѣняется, или, лучше сказать, измѣняется, но далеко не въ пользу мнѣнія о посѣщеніи Іереміею Кіева.

ника Іереміи Іероѳея Монемвасійскаго, который говоритъ, что патріархъ, по пріѣздѣ въ Ляхію, остановился въ Замостьѣ у канцлера Іоанна Замойскаго и отсюда же выѣхалъ и въ обратный путь на Каменецъ, до котораго провожалъ патріарха, данный концлеромъ отрядъ въ 200 человѣкъ. Поэтому совершенно немыслимо предположеніе, чтобы патріархъ оставался въ Замостьѣ до конца августа, за тѣмъ, совершивъ поѣздку въ Кіевъ, отсюда, вмѣсто прямой дороги на Каменецъ, опять поѣхалъ въ Замостьѣ, чтобы отсюда отправиться въ обратный путь въ Каменецъ. Остается, какъ необходимое, одно заключеніе—то, что патріархъ, жившій въ Замостьѣ съ половины августа и выѣхавшій отсюда въ концѣ октября, оставался здѣсь и все время между этими двумя сроками, такъ что прожилъ здѣсь долго, а именно около двухъ съ половиною мѣсяцевъ. Это долгое и безотлучное пребываніе патріарха въ Замостьѣ утверждается, какъ фактъ, свидѣтельствомъ автора „Перестроги“, который говоритъ, что патріархъ, по возвращеніи изъ Москвы въ здѣшній край, *часъ долгій мѣшкалъ въ Замостьѣ, при вельможномъ панѣ Янѣ Замойскомъ*,—мѣшкалъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа автора, до самаго выѣзда въ обратный путь по направленію къ волошской границѣ. Этотъ долгій часъ, болѣе долгій чѣмъ всѣ другіе сроки остановки патріарха въ предѣлахъ западной Россіи,—и есть тѣ два съ половиною мѣсяца, какіе патріархъ мѣшкалъ (т. е. проживалъ, а не только останавливался) въ Замостьѣ при канцлерѣ Замойскомъ.“

Что касается добрыхъ отношеній канцлера къ патріарху, то достаточно полное объясненіе ихъ находится въ тогдашнихъ памятникахъ. Авторъ „Перестроги“ замѣчаетъ, что канцлеръ бавилъ при себѣ (т. е. удерживалъ у себя) патріарха „яко человѣка зацнаго и побожнаго“, что онъ дѣлалъ это изъ уваженія „къ особливымъ его цнотамъ (достоинствамъ), наукѣ и побожности“, а также и потому, что патріархъ, какъ зналъ канцлеръ, былъ въ большой чести у султана. Это свидѣтельство автора Перестроги находится въ полномъ соотвѣтствіи съ извѣстнымъ намъ характеромъ канцлера, отличавшагося любовію къ просвѣщенію и, въ частности, къ просвѣщеннымъ грекамъ, съ его вѣротерпимостію и наконецъ общественнымъ положеніемъ, какъ государственнаго дѣятеля—„канцлера и наивысшаго гетмана“, желавшаго воспользоваться пріѣздомъ Іереміи для распросовъ о дѣлахъ Турціи, войны съ которою въ данное время добивались въ

Польшѣ, а также о дѣлахъ Молдавіи и Волахіи, съ воеводами которыхъ хорошо былъ знакомъ Іеремія, и дѣлами которыхъ, какъ извѣстно, очень интересовался Замойскій.—Разумѣется, все сказанное, объясняя ласковый пріемъ, встрѣченный патріархомъ у канцлера, не выясняетъ вполнѣ причинъ *долгаго и безотлучнаго* пребыванія Іереміи въ Замостьѣ. Но авторъ указываетъ на обстоятельства, которыя достаточно уясняютъ и эти причины. „Спутникъ Іереміи Іероѳей Монемвасійскій замѣчаетъ, что тогда, какъ патріархъ пріѣхалъ изъ Московіи въ Ляхію, ἦσαν πολέμοι τῶν Ταρτάρων καὶ Λεχῶν. Это были извѣстные въ польской и южно-русской исторіи набѣги татаръ, простиравшіеся въ 1589 г. до самаго Львова, наводившіе панику на Львовъ и Подолье, тѣмъ болѣе что рядомъ съ этимъ ожидалось вторженіе турокъ и нападеніе ихъ на самый Львовъ. Замойскій, въ качествѣ наивысшаго гетмана, собирался отражать враговъ, для чего прибылъ во Львовъ, поднимая ополченіе въ окрестныхъ мѣстностяхъ. Паника прошла, когда нападенія турокъ на Львовъ не состоялось. Но опасенія касательно бродячихъ шаекъ татарскихъ хищниковъ улеглись не ранѣе осени 1589 г. Понятно, что заботливый канцлеръ, радушно принявъ высокаго гостя—патріарха, не желалъ отпускать его въ обратный путь къ югу въ такое опасное время, когда онъ могъ натолкнуться на отрядъ татарскихъ хищниковъ. Да и самъ патріархъ, ѣхавшій съ большимъ обозомъ и съ большимъ запасомъ цѣнныхъ даровъ и денегъ на возстановленіе патріархіи, не рѣшался подвергнуться опасности нападенія со стороны татарскихъ хищниковъ, умѣвшихъ подстерегать подобныхъ путешественниковъ. Вотъ почему не прежде, какъ осенью 1589 г., когда слухи о татарскихъ набѣгахъ затихли, Замойскій счелъ возможнымъ отпустить патріарха, давъ ему однакоже охранный отрядъ въ 200 человѣкъ“. Къ сказанному проф. Малышевскій считаетъ не лишнимъ присовокупить еще извѣстіе о свирѣпствовавшемъ въ то время въ Галицкой области моровомъ повѣтріи, которое не дозволило патріарху посѣтить даже Львова, не смотря на просьбы о томъ Львовскаго братства. (Свои дѣла братство чрезъ избранныхъ лицъ представило на судъ патріарха уже при слѣдованіи его въ обратный путь, мимо Львова,—тотъ именно судъ, который начался 31 октября въ Тарнополѣ и окончился 13 ноября въ Каменцѣ-Подольскомъ).

Сопоставляя вышеизложенныя, обоснованныя на положитель-

ныхъ данныхъ соображенія проф. Малышевскаго, относительно долгаго и безотлучнаго пребыванія патріарха Іереміи въ Замостьѣ за разсматриваемый періодъ времени (сентябрь и октябрь 1589 г.),—сопоставляя эти соображенія съ голословнымъ предположеніемъ о посѣщеніи въ означенное время этимъ іерархомъ Кіева,—нетрудно оцѣнить убѣдительность однихъ и совершенную бездоказательность и произвольность вторыхъ [1]).

---

[1]) Кромѣ не совсѣмъ точнаго выраженія И. И. Малышевскаго, не имѣющаго, какъ замѣчено, существеннаго значенія,—именно, что п. Іеремія, начиная съ половины августа, весь сентябрь и октябрь *безотлучно жилъ* въ Замостьѣ (слѣдуетъ сказать: *въ Замостьи и его окрестностяхъ*), мы, слѣдя путь патріарха въ Москву и обратно, допустили еще нѣкоторыя отступленія отъ мнѣній уважаемаго изслѣдователя по данному вопросу, изъ коихъ одно требуетъ объясненія. И. И. Малышевскій, обозначая путь патріарха чрезъ Молдо-Влахійскія земли въ Литовско-польское государство, говоритъ: „Въ маѣ Іеремія *прибылъ во Львовъ*, откуда послалъ извѣщеніе о себѣ канцлеру и гетману Яну Замойскому въ Замостье съ просьбою снабдить его пропускною грамотою для слѣдованія чрезъ польско-литовскія земли въ Москву... Замойскій пригласилъ патріарха въ Замостье, принялъ весьма благосклонно, снабдилъ грамотами, и проч... Между тѣмъ, патріархъ вызвалъ изъ Львова грека Арсенія, Элассонскаго архіепископа, который уже бывалъ въ Москвѣ, а теперь около двухъ лѣтъ жилъ во Львовѣ, занимаясь обученіемъ въ братской школѣ и по этимъ причинамъ казался патріарху полезнымъ въ предстоящей поѣздкѣ въ Москву“.—Что касается того обстоятельства, что не п. Іеремія пригласилъ Арсенія Элассонскаго ѣхать съ нимъ въ Москву, а послѣдній просилъ объ этомъ патріарха,—это не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ все дѣло въ данномъ случаѣ заключается въ невѣрно понятомъ мѣстѣ *Описанія* Арсенія—единственнаго источника объ этомъ предметѣ. Но мнѣніе, что будто бы п. Іеремія прежде посѣщенія Замостья *былъ во Львовѣ*, имѣетъ, повидимому, твердую для себя опору, такъ какъ о своемъ пріѣздѣ въ означенный городъ говоритъ самъ патріархъ; именно, при распросахъ въ Москвѣ „о винѣ своего пришествія, также о странствіи своемъ чрезъ Литовскую землю“,—Іеремія заявилъ: „шелъ же я на Литву, *и какъ пришелъ во Львовъ*, посылалъ къ канцлеру (къ) Яну Замойскому въ городъ Замостье, о пропускной грамотѣ, и канцлеръ велѣлъ мнѣ быть у себя“. (*Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ*, изд. 1858 г. ч. I, стр. 198; означенное мѣсто провѣрено по подлиннику—*Арх. Мин. Иностр. дѣлъ,—дѣла греческія, № 3., л. 66*—и оказалось дословно вѣрнымъ). Но не смотря на столь категорическое указаніе означеннаго памятника, мы имѣемъ основаніе сомнѣваться, чтобы во время своей поѣздки Іеремія заѣзжалъ во Львовъ. *Во первыхъ*, этому противорѣчитъ приведенный нами въ своемъ мѣстѣ разсказъ Арсенія Элассонскаго, не довѣрять которому нѣтъ основанія; *во вторыхъ*, не только не сохранилось ни одной грамоты Іереміи, изданной во Львовѣ, но львовскіе братчики, безъ сомнѣнія желавшіе видѣть у себя патріарха и считавшіе такое посѣщеніе *за особенное счастіе*, ни единымъ словомъ не упоминаютъ объ этомъ, хотя не разъ и имѣли къ тому случаи. Такъ, напр., въ 1591 г. львовскимъ братствомъ издана была *Грамматика доброглаголиваго Елинославянскаго языка*, въ предисловіи къ которой тщательно отмѣчаются посѣщенія, коихъ удостоивали братчиковъ и ихъ школу высокопоставленныя іерархическія лица. Именно, здѣсь говорит-

Дальнѣйшій путь патріарха изъ Каменца къ границамъ Молдавіи не требуетъ разъясненій, такъ какъ возможность поворота его съ этого пути на Кіевъ никѣмъ не предполагается.

Сказаннымъ исчерпывается и уясняется вопросъ о предполагаемомъ нѣкоторыми изслѣдователями посѣщеніи Кіева патріархомъ Іереміею,—уясняется, надѣемся, въ такой степени, что дальнѣйшія разсужденія и препирательства по этому вопросу, слѣдуетъ считать навсегда покончеными.

О времени построенія Кіево-Богоявленской церкви.—Такъ какъ Кіевское братство называлось *Богоявленскимъ* по имени церкви, около которой оно групировалось, то защитники древняго преданія о началѣ этого братства съ 1588 года, стараются доказать, что въ то

ся о пріѣздѣ во Львовъ въ генварѣ 1586 г. *антіохійскаго патріарха Іоакима,* о прибытіи сюда въ томъ же году (въ іюнѣ мѣсяцѣ) *Митрополита Димонитскаго и Элассонскаго Арсенія,* „иже школьное ученіе наченше пребысть зде во Львовѣ уча 2 лѣтѣ,“ о посѣщеніи львовскаго братства 17 генваря 1591 года *кіевскимъ митрополитомъ Михаиломъ Рогозою.* Что же касается до патріарха Іереміи, то о немъ говорится только, что онъ, во первыхъ, грамотою своею изъ Константинополя подтвердилъ распоряженія п. Іоакима, касающіяся львовскаго братства, и, во вторыхъ, „и самъ зде *въ страны россійскія* пришедши року 1588 мѣсяца мая, совершеннѣ, неразрушно и неподвижно во вся роды симъ (т. е. братскимъ порядкамъ) такъ быти, повелѣ“.—Немыслимо допустить, чтобы братство не упомянуло о посѣщеніи Львова Іереміею, если бы таковое событіе имѣло мѣсто. (Разумѣется, можно выраженіе „въ россійскія страны“ объяснять въ томъ смыслѣ, что здѣсь имѣется въ виду, между прочимъ, и г. Львовъ, но это будетъ очевидною натяжкою). Къ сказанному нелишне прибавить и то, что п. Іеремія въ грамотѣ своей, данной львовскому братству въ ноябрѣ 1589 г. въ Каменцѣ Подольскомъ, упомянувъ о прежнемъ своемъ привилеѣ, подтверждающемъ братскіе порядки (очевидно, разумѣется грамота патріарха отъ 1 дек. 1587 г.)—прямо заявляетъ: „нынѣ же тѣлесне будучи намъ въ королевствѣ польскомъ *не могшемы прибыти до Львова* для морового повѣтрія въ немъ будучого.“ Это заявленіе патріарха, хотя ближайшимъ образомъ относится къ обратному его пути, но, очевидно, приложимо и къ первому переѣзду его черезъ литовско-русскія области,—въ противномъ случаѣ, означенное заявленіе не было бы выражено въ такой опредѣленной формѣ и негармонировало съ общимъ содержаніемъ грамоты („и пришли до насъ нѣкіе отъ предреченнаго братства и моляще насъ извѣстити вся имъ: како подобаетъ братству имѣти“ и проч.)... Но если, такимъ образомъ, п. Іеремія во время своего переѣзда черезъ литовско-русскія области, не былъ во Львовѣ, то какъ же подобное извѣстіе занесено было—и притомъ со словъ патріарха—въ статейный списокъ?—Едва ли не самое правдоподобное объясненіе этого заключается въ ошибкѣ переводчиковъ, при посредствѣ которыхъ велись переговоры съ Іереміею,—ошибкѣ, тѣмъ болѣе возможной, что въ числѣ спутниковъ патріарха былъ Арсеній Элассонскій, пріѣхавшій въ Москву изо Львова и безъ сомнѣнія не мало говорившій, какъ объ этомъ городѣ, такъ и о своихъ близкихъ отношеніяхъ къ Іереміи.

время—и даже значительно ранѣе—существовала въ Кіевѣ (Кіево-Подолѣ) *Богоявленская* церковь.—Прежде всего замѣтимъ, что еслибы старанія защитниковъ упомянутаго преданія и увѣнчались полнымъ успѣхомъ, то отъ этого ихъ мнѣніе по данному вопросу не получило бы сильнаго подкрѣпленія. Существованіе въ Кіевѣ Богоявленской церкви въ XVI стол. не есть еще доказательство существованія въ то время и Кіево-Богоявленскаго братства. Совершенно справедливо, что братства сосредоточивались около церквей, но постройки послѣднихъ могли предшествовать и дѣйствительно предшествовали образованію при нихъ братскихъ союзовъ за многія, иногда даже очень многія десятилѣтія. Примѣровъ этому можно указать немало: ихъ представляетъ исторія почти каждаго братства. Впрочемъ, сами защитники древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства не придаютъ особенно большаго значенія существованію въ Кіевѣ, въ указываемое ими время, Богоявленской церкви. Они смотрятъ на свое указаніе какъ „на одно изъ сопровождающихъ обстоятельствъ, хотя такихъ, отъ разъясненія которыхъ зависитъ рѣшеніе главнаго вопроса о началѣ самой академіи или Кіево-братской школы“. Разумѣется, при историческихъ изысканіяхъ и „сопровождающія обстоятельства“ имѣютъ значеніе. Но, во первыхъ, степень этого значенія зависитъ отъ того, въ какомъ согласіи они находятся съ другими болѣе положительными и болѣе надежными свидѣтельствами (въ данномъ же случаѣ выводы, дѣлаемые защитниками древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства, находятся въ полномъ противорѣчіи со всѣми исторически достовѣрными фактами). Во вторыхъ,—что разумѣется само собою,—„сопровождающія обстоятельства“, приводимыя въ подкрѣпленіе спорныхъ вопросовъ, должны быть исторически достовѣрны. Между тѣмъ, относительно разсматриваемаго „сопровождающаго обстоятельства“ сказать этого нельзя: существованіе Богоявленской церкви въ Кіевѣ въ XVI стол. не есть фактъ *несомнѣнный*, доказанный.

Защитники древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства въ доказательство существованія Кіево-Богоявленской церкви въ XVI ст. приводятъ одно положительное, по ихъ мнѣнію, свидѣтельство, а затѣмъ указываютъ на нѣкоторыя историческія данныя, прямо не говорящія объ этомъ, но чрезъ взаимное свое сопоставленіе дающія право сдѣлать благопріятный въ указанномъ смыслѣ выводъ.

Положительное свидѣтельство о существованіи Богоявленской церкви въ Кіевѣ находится въ „Описаніи Кіевскаго замка“, составленномъ въ началѣ 1555 г. Именно здѣсь будто-бы есть упоминаніе о священникѣ Богоявленской церкви [1]). Означенная опись находится въ литовской метрикѣ (книга переписей, № 6, листы 28—44), откуда извлечена П. Г. Лебединцевымъ—нашимъ ученымъ противникомъ по вопросу о началѣ Кіевскаго братства—и передана имъ въ Кіевскую Археографическую коммиссію. Въ настоящее время означенною коммиссіею опись уже напечатана въ одномъ изъ томовъ издаваемаго ею Архива Юго-западной Россіи [2]).

Въ указанномъ памятникѣ находится слѣдующее, имѣющее отношеніе къ разсматриваемому нами вопросу, мѣсто: „поповскіе домы въ мѣстѣ (т. е. городѣ Кіевѣ)—Пречистенскаго домъ, Никольскаго, Демидовскаго, Оскресенскаго, Никольскаго, Набережнаго, Спасскаго, Борисоглѣбскаго, *Бѣлицкаго* (sic), Рождественскаго, Опанасьевскаго“.— Не находя въ этомъ мѣстѣ никакого указанія относительно Богоявленской церкви, мы за разъясненіемъ своего недоумѣнія обратились къ лицу, сообщившему коммиссіи памятникъ,—причемъ оказалось, что въ литовской метрикѣ слово *Белицкаго* написано крайне неразборчиво: можно читать и *Белицкаго* и *Богоявленскаго*, но такъ какъ Белицкой церкви быть не можетъ, то, по всей вѣроятности, слѣдуетъ принять послѣднее чтеніе... Кажется, дальнѣйшія разсужденія относительно этого вопроса излишни. Достаточно замѣтить, что положительное будто бы свидѣтельство Описи Кіевскаго замка 1555 г. о существованіи въ то время въ Кіевѣ Богоявленской церкви при повѣркѣ оказывается болѣе чѣмъ сомнительнымъ [3]).

---

[1]) *Кіевская Стар.* 1884 г., октябрь, стр. 229,—Срав. *Кіевск. Стар.* 1885 г. февр. стр. 276.

[2]) Этотъ томъ Архива озаглавливается: *Акты, относящіеся къ исторіи заселенія юго-западнаго края.* Онъ имѣетъ выйти въ свѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Описаніе Кіевскаго замка, помѣщенное здѣсь, помѣчено 1552 г. февралемъ—мартомъ. Такъ какъ въ самомъ памятникѣ даты нѣтъ, то, кажется, она выставлена по соображеніямъ самой редакціи. Отмѣчаемъ это обстоятельство исключительно въ виду того, чтобы не явилось сомнѣніе—ту ли опись мы цитуемъ, на которую ссылаются защитники древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства. (Послѣдніе, какъ мы видѣли, относятъ *Опись* къ 1555 году).

[3]) Считаемъ не лишнимъ сдѣлать небольшое замѣчаніе относительно приведеннаго нами мѣста изъ напечатанной Описи „о поповскихъ дочахъ въ мѣстѣ“. Здѣсь мы читаемъ: Пречистинскаго (священника) домъ, *Никольскаго*, *Демидовскаго*, Оскресенскаго, *Николь-*

Косвенныя соображенія, которыя приводятъ въ подтвержденіе существованія Кіево-Богоявленской церкви въ XVI стол., состоятъ въ слѣдующемъ: М. А. Максимовичъ въ своей статьѣ „О первыхъ временахъ Кіевскаго Богоявленскаго братства“ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „О построеніи братской церкви была современная замѣтка въ старомъ ея синодикѣ, который къ сожалѣнію не сохранился. Иринеи Фальковскій, ссылаясь на 121 листъ того синодика, въ своемъ Кіевскомъ мѣсяцословѣ на лѣто 1799 говоритъ: „церковь бывшаго Кіево-братскаго монастыря Богоявленій Господнихъ, деревянная, создана запорожскимъ гетманомъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ 1620 года (стр. 40)“ [1]).—Это приведенное въ братскомъ памятникѣ, указаніе принимается Максимовичемъ за достовѣрное [2]). Но защитники древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства въ XVI столѣтіи съ этимъ несогласны. „Съ мнѣніемъ Максимовича—говорятъ они—надлежало бы согласиться тѣмъ болѣе, что создателемъ не только этой церкви, но и обители Кіево-братской Богоявленской призналъ того же Сагайдачнаго и Антіохійскій патріархъ Паисій въ своей грамотѣ, данной послѣ посѣщенія Кіева въ 1649 году (*Памят. Кіев. Коммис.* т. II, отд. 1 стр. 189). Но письмо духовныхъ и мірскихъ братій къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 10 апрѣля 1625 года, сохраняю-

---

скаго, Набережскаго, Спаскаго, и проч. Мы думаемъ, что подчеркнутыя нами попарно слова не должны быть отдѣлены запятыми, а соединены чрезъ тире,— т. е., мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ составителями Описи обозначаются не *четыре церкви*, а только *двѣ—Никольско-Демидовская* и *Никольско-Набережская*. При внимательномъ разсмотреніи указаннаго мѣста дѣло представляется яснымъ. Во первыхъ, если допустить чтеніе коммиссіи, то выйдетъ повтореніе двухъ церквей, безъ отличія одной отъ другой (домъ священника Никольскаго, домъ священника Никольскаго); во вторыхъ, въ Описи всѣ священники обозначаются не по именамъ или фамиліямъ, а по принадлежности ихъ къ той или другой церкви. Между тѣмъ, допустивъ чтеніе коммиссіи, мы встрѣчаемся съ трудно объяснимымъ исключеніемъ: домъ священника Демидовскаго (мы не говоримъ о священникѣ Бѣлицкомъ, такъ какъ это мѣсто считаемъ дурно прочтеннымъ); въ третьихъ, церковь Николы Набережнаго въ Кіевѣ существовала и она въ тогдашнихъ памятникахъ всегда называется именно этимъ двойнымъ именемъ, а не просто Никольскою. Что же касается Демидовско-Никольской церкви, то подъ нею, безъ сомнѣнія, разумѣется церковь въ замковомъ селѣ Демидовцахъ, о которомъ упоминается и въ описаніи Кіевскаго замка. Въ этомъ селѣ дѣйствительно находилась церковь и такъ какъ оно отстояло отъ замка только въ четырехъ миляхъ (о томъ и другомъ въ *Описи*), то священникъ Демидовскій могъ имѣть домъ и въ Кіевѣ.

[1]) Собраніе сочиненій *М. А. Максимовича*, т. II стр. 182.

[2]) Ibid.

щееся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, приводитъ къ нѣсколько иному рѣшенію. Въ этомъ письмѣ кіевскіе братчики просятъ царя о милостыни на украшеніе своей церкви Богоявленія Господня, Благовѣщенія и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, возведенной уже до верха съ помощію его царскихъ даровъ, но пребывающей еще безъ покрова и иконнаго украшенія. Изъ этого документа первѣе всего слѣдуетъ, что сооруженная при Сагайдачномъ Богоявленская церковь окончена не задолго до его кончины, послѣдовавшей въ 1632 году, и что Сагайдачный былъ не единственнымъ, а только однимъ изъ главныхъ жертвователей на сооруженіе этой церкви. Если же Кіево-братская Богоявленская церковь въ 1625 году была еще безъ покрова и верха, то, во вторыхъ, слѣдуетъ, что ее нужно отличать отъ той Богоявленской церкви, которую посѣщалъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ въ 1620 г. и въ которой онъ совершилъ посвященіе Псаіи Копинскаго въ санъ епископа перемышльскаго, а Іова Борецкаго въ санъ митрополита кіевскаго. Наконецъ, естественно возникаетъ вопросъ, когда же построена первая Богоявленская церковь, старѣйшая сооруженной при Сагайдачномъ? Безъ сомнѣнія, не въ 1615 году, ибо не могла же она обветшать такъ скоро, что менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ потребовалось замѣнить ее новою церковію. По всей вѣроятности, это была та Богоявленская церковь, о священникѣ которой упомянуто въ описи кіевскаго замка, составленной въ 1555 году“ [1]).

Прежде всего замѣтимъ, что защитниками древняго преданія о возникновеніи Кіевскаго братства допущенъ крупный недосмотръ, который главнымъ образомъ и послужилъ основаніемъ для вышеприведенныхъ разсужденій о времени построенія Богоявленской церкви. Именно, гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный скончался не *въ 1632 году*, а равно десятилѣтіемъ ранѣе—*въ 1622 году*, апрѣля 10-го. Объ этомъ имѣются свѣдѣнія положительныя и несомнѣнныя [2]). Но

---

[1]) *Кіев. Стар.* 1884 г. № 10, стр. 228—229.

[2]) См. *Прилож.* № VI. Точное опредѣленіе времени кончины Сагайдачнаго находится въ старомъ памятникѣ Кіево-Михайловскаго златоверхаго монастыря. Здѣсь (на 98 листѣ) читаемъ: *Року* ҂ѧ҃ѯ҃к҃к *Апрѣля* і҃ *дня Благочестивый мужъ панъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный гетманъ войска его милости запорозского. По многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и звитязствахъ, на ложѣ своемъ простеръ нозѣ свои, приложися*

если Гетманъ Сагайдачный умеръ въ 1622 г.,—то, очевидно, еще строющаяся въ 1625 году Богоявленская церковь не могла быть окончена до его кончины и ее слѣдуетъ отличать отъ той, которая, по свидѣтельству помянника, принимаемому Максимовичемъ [1]), основана была означеннымъ гетманомъ. Разумѣется, допущенная защитниками древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства неточность, не противорѣчитъ сдѣланнымъ ими выводамъ. Исправляя неточность, мы видимъ, что братскую церковь, въ которой посвящалъ патріархъ Ѳеофанъ Исаію Копинскаго и Іова Борецкаго дѣйствительно должно отличить отъ той, которая еще не была достроена въ 1625 году, и слѣдовательно послѣдняя не была первою по времени церковію Кіевскихъ братчиковъ. *Но въ этомъ никто и никогда не сомнѣвался.* Такимъ образомъ суть дѣла заключаются въ слѣдующихъ двухъ вопросахъ: первая братская церковь, или точнѣе первая церковь, около которой сосредоточивалось Кіевское братство при самомъ началѣ своего существованія, была ли устроена на подаренномъ Галшкою Гулевичевною грунтѣ? и—затѣмъ: если братство имѣло свою церковь ранѣе дарственной записи Гулевичевны, то была ли эта церковь древняя, требовавшая по своей обветшалости замѣны новою, словомъ—церковь ли эта Богоявленская, упоминаемая въ извѣстной нами *описи* (1555 г.) кіевскаго замка?

Первый вопросъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть рѣшаемъ отрицательно, хотя совершенно по другимъ соображеніямъ, чѣмъ какія имѣются въ виду у защитниковъ древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства. Мы уже замѣтили, что фундація Галшки Гулевичевны *на первыхъ порахъ* никакого отношенія къ братству не имѣла [2]).

ко отцемъ своимъ съ добримъ исповѣданіемъ исполненъ благихъ дѣлъ и милости въ Кіеве. Погребенъ при церкви школы словенское въ мѣсте на подолѣ честно въ дому братства церковного.

[1]) Указаніе помянника невѣрно понято Максимовичемъ. Но объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, такъ какъ ошибка уважаемаго изслѣдователя въ данномъ случаѣ существеннаго значенія не имѣетъ.

[2]) Когда мы говоримъ, что фундація Галшки Гулевичевны на первыхъ порахъ никакого отношенія къ братству не имѣла, то разумѣемъ исключительно самый фактъ возникновенія братства, имѣвшій мѣсто независимо отъ означеннаго фундуша. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи братство,—что будетъ разяснено въ 2 главѣ,—должно было до извѣстной степени сообразоваться съ тѣми желаніями, какія заявлены были фундаторшею въ ея дарственной записи.

Послѣднее возникло независимо отъ первой. Соединеніе ихъ случилось впослѣдствіи, хотя и очень скоро. Такимъ образомъ, братство нѣкоторое, очень не продолжительное впрочемъ время (о всемъ этомъ подробнѣе скажемъ ниже), существовало, не владѣя дворомъ, подаренным Гулевичевною,—и очевидно должно было сосредоточиваться около церкви, построенной не на этомъ дворѣ. Но что же это была за церковь и гдѣ она находилась? Нѣкоторыя соображенія относительно этого мы выскажемъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь же замѣтимъ, что считать означеную церковь древнею, обветшавшею потому только, что братство около 1620 г. приступило къ постройкѣ новой, рѣшительно нѣтъ основаній. Постройка послѣдней находитъ для себя достаточное объясненіе какъ въ увеличившихся средствахъ братства, такъ въ особенности въ самомъ фактѣ соединенія его съ фундушемъ Гулевичевны, въ избраніи постояннаго мѣста для своей—если можно такъ выразиться—осѣдлости. При этомъ, мы не считаемъ церкви, начатой постройкою около 1620 г., первою по времени церковью на грунтѣ Гулевичевны. Фундаторша, жертвуя свой дворъ подъ монастыръ и школу, непосредственно послѣ своей дарственной записи—дабы фундація ея возъимѣла дѣйствіе—ввела туда монашествующихъ. Можно ли допустить, чтобы при такихъ условіяхъ на фундушѣ Гулевичевны въ теченіи цѣлыхъ 10 лѣтъ (церковь, начатая постройкою около 1620 г., еще не была окончена около 1625 г.) не было молитвеннаго храма, хотя-бы и не обширныхъ размѣровъ? А если мы должны допустить существованіе церкви во дворѣ Гулевичевны на первыхъ же порахъ послѣ ввода въ него монашествующихъ, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы не въ этой, а въ другой церкви (Богоявленской 1555 г.) совершено было патріархомъ Ѳеофаномъ посвященіе нѣкоторыхъ южно-русскихъ іерарховъ.

Доселѣ мы имѣли дѣло съ *данными* и *свидѣтельствами*, которымъ защитники древняго преданія о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патр. Іереміею, придаютъ въ большинствѣ случаевъ значеніе *документальныхъ доказательствъ* по вопросу о существованіи Кіевскаго братства въ концѣ XVI столѣтія. Но въ подкрѣпленіе послѣдняго мнѣнія ими приводятся еще и нѣкоторыя историческія соображенія. Соображенія эти могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ: „Если возникновеніе Кіево-Богоявленскаго братства

со школою при немъ дѣйствительно относится по времени не ранѣе 1615 года, то какъ объяснить, что Кіевъ, бывшій центромъ просвѣщенія и главною святынею въ юго-западной Россіи, такъ долго не имѣлъ братства и высшаго училища, когда таковыя учрежденія давно уже существовали въ Львовѣ, Вильнѣ и многихъ другихъ городахъ?"—По мнѣнію защитниковъ древняго преданія, эти соображенія не могутъ быть разъяснены въ смыслѣ благопріятномъ для рѣшенія вопроса о существованіи Кіевскаго братства только съ 1615 года и потому служатъ прочнымъ основаніемъ для предположенія о болѣе раннемъ возникновеніи означеннаго учрежденія. Но мы думаемъ, что и въ данномъ случаѣ защитники означеннаго преданія ошибаются: сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства и высшаго училища *не представляетъ ничего страннаго и не объяснимаго;* напротивъ означенное явленіе находится *въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ церковно-исторической жизни этого города.*

Для уясненія своего мнѣнія предварительно считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно происхожденія братствъ, ихъ организаціи и постепеннаго распространенія въ западно—русскихъ областяхъ.

Вопросъ о происхожденіи братствъ въ юго-западной Руси до настоящаго времени не можетъ считаться вполнѣ уясненнымъ. Мнѣнія нашихъ ученыхъ по этому вопросу разнорѣчивы. Одни смотрятъ на западно-русскія братства, какъ учрежденія чисто отечественныя, возникшія на народной почвѣ, самостоятельныя по формѣ и содержанію, причемъ ставятъ ихъ въ неразрывную связь съ древне-русскими братчинами[1]); другіе, напротивъ, считаютъ оныя явленіемъ чужеземнымъ, заимствованымъ, допуская самобытность братскихъ союзовъ только со стороны ближайшихъ поводовъ къ ихъ возникновенію (разумѣется борьба южно-руссовъ съ иновѣрною пропогандою), что же касается внѣшнихъ формъ и даже самаго духа братствъ, то первыя—думаютъ—перешли къ намъ отъ западо-европейскихъ цеховъ, а основа послѣдняго коренится въ многочисленныхъ заповѣдяхъ Спасителя и Апо-

---

[1]) Таковъ, наприм., взглядъ *С. М. Соловьева* (см. его статью о Братчинахъ въ *Рус. Бесѣдѣ* за 1856 г. (кн. 4, смѣсь 108 и слѣд. стр.)

столовъ о любви и примѣрахъ древне-христіанской жизни [1]); третьи, соглашаясь, что западно-русскіе братства „вышли изъ цеховаго устройства“, что „иноземныя формы ремесленниковъ неоспоримо были въ нихъ“, тѣмъ не менѣе считаютъ ихъ „самостоятельнымъ, мѣстнымъ явленіемъ западно-русской православной жизни, основываясь *на духѣ*, который всецѣло проникалъ и оживлялъ эти формы“ [2]); есть, наконецъ мнѣніе, стремящееся до извѣстной степени какъ бы примирить всѣ означенные взгляды: братства не суть явленія *строго самобытныя* или исключительно *заимствованныя*. „Нѣтъ сомнѣнія, что они имѣли историческую подкладку въ западно-русской жизни, не были учрежденіями, навязанными извнѣ чисто механическимъ образомъ: на это указываютъ, съ одной стороны, нѣкоторыя черты бытовой жизни языческой и христіанской Руси, съ другой—фактъ чрезмѣрной популярности и распространенности братствъ.“ Но вмѣстѣ съ тѣмъ „нельзя также оспаривать сходства братствъ, особенно того типа, который преобладалъ въ западной Россіи до 80-хъ годовъ XVI стол., съ нѣкоторыми западно-европейскими учрежденіями.“ Только, по означенному мнѣнію, этими иноземными учрежденіями, имѣвшими вліяніе но оживленіе и постановку западно-русскихъ братствъ, были не ремесленные цехи, а духовныя гильдіи, съ устройствомъ которыхъ наши западно-русскія братства имѣютъ существенное сходство [3]).

Намъ нѣтъ нужды вдаваться въ критическій разборъ разнорѣчивыхъ мнѣній о происхожденіи западно-русскихъ братствъ. Но мы считаемъ не лишнимъ указать на одно явленіе въ исторіи южно-русской церкви, которое почему-то игнорируется изслѣдователями, занимавшимися вопросомъ о происхожденіи братствъ, хотя, по нашему мнѣнію, оно имѣетъ существенное значеніе при рѣшеніи этого вопроса, или—по крайней мѣрѣ—при выясненіи ближайшихъ поводовъ, содѣйствовавшихъ развитію и процвѣтанію въ юго-западной Руси братскихъ союзовъ. Мы имѣемъ въ виду такъ называемое *право*

---

[1]) *І. Флеровъ.* О православныхъ церковныхъ братствахъ, противоборствовавшихъ уніи въ юго-зап. Россіи въ XVI, XVII и XVIII стол.— Спб. 1857 г.

[2]) *М. О. Коялович.* Чтенія о церковныхъ зап.-русскихъ братствахъ. (*День*, 1882 г., №№ 36—42; есть и отдѣльные оттиски).

[3]) *Н. Скабалановичъ.* Западно-европейскія гильдіи и западно-русскія братства (*Христ. чтен.* 1871 г. ч. II, стр. 271—327).

патронатства, составляющее одно изъ выдающихся явленій церковно-исторической жизни нашего юго-запада, особенно за XV—XVII стол.

Право это выражалось здѣсь разнообразно и пользовались имъ многія лица.

Во первыхъ, *верховными патронами* и при томъ всей вообще южно-русской церкви были литовско-польскіе государи. Этотъ патронатъ опирался на прерогативахъ государственной власти и выражался главнымъ образомъ въ томъ, что, считая себя „верховными подателями столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ", польскіе короли пользовались неограниченными правами при раздачѣ епископій, архимандрій и вообще наиболѣе видныхъ іерархическихъ мѣстъ. Вытекая какъ бы изъ обязанности верховной власти заботиться о всѣхъ сторонахъ государственной жизни, а въ частности и церковной, на самомъ дѣлѣ означенный видъ патроната составлялъ одну изъ доходныхъ статей литовско-польскихъ государей, раздававшихъ іерархическія мѣста или за извѣстныя приношенія, или въ отплату за разнаго рода услуги [1]).

Во вторыхъ, патронами были вообще всѣ южно-русскіе князья и паны, владѣвшіе болѣе или менѣе значительными земельными имуществами. Всѣ монастыри и церкви, находившіеся во владѣніяхъ того или другого лица, считались какъ бы его собственностію. Князья и паны заботились о поддержаніи и благолѣпіи, находившихся въ ихъ помѣстьяхъ, храмовъ Божіихъ,—нерѣдко, при своемъ благочестіи, щедро надѣляли ихъ утварью и угодьями; но вмѣстѣ съ тѣмъ они считали себя во всѣхъ дѣлахъ, касающихъ *ихъ* церквей, *безконтрольными хозяевами*: назначали, по своему усмотрѣнію, настоятелей и другихъ

---

[1]) Корыстныя цѣли, преслѣдовавшіяся литовско-польскими королями при раздачѣ высшихъ іерархическихъ мѣстъ, фактъ достаточно извѣстный. До какой степени подобный взглядъ королей на свои патронатскія права по отношенію къ южно-русской церкви былъ дѣломъ обычнымъ и *незазорнымъ* по понятіямъ того времени, краснорѣчивымъ доказательствомъ тому служитъ слѣдующее обязательство, данное польскому королю Владиславу (въ 1398 г.) луцкимъ епископомъ Іоанномъ: „А се азъ владыка Иванъ, изъ Луцка, *знаемо чиню всѣмъ*, аже далъ ми господарь мой, великій король, митрополью Галицкую, хочеть ми помочи на поставленье митрополитомъ. А коли Богъ дасть, стану митрополитомъ, я за то слюбую и хочю дати, оже Богъ дасть, моему милому господарю королю *двѣсти гривенъ Рускихъ, а тридцать коній, безъ хитрости;* и того не хочу иступити. *И на то есмь свой листъ далъ*, и проч. (*Акты Зап. Россіи*, т. I. № 12).

членовъ клира, по собственному желанію, безъ всякаго суда и вѣдома о томъ мѣстнаго епископа, смѣщали ихъ, распоряжались церковною собственностію, и т. п. [1]).

Патронатъ господарскій, обнимая всю южно-русскую церковь, имѣлъ практическое примѣненіе собственно къ болѣе или менѣе обильнымъ духовнымъ хлѣбамъ (епископіямъ и важнѣйшимъ монастырямъ); владѣльческій патронатъ простирался на помѣстья ихъ собственниковъ. Но въ западно-русскихъ областяхъ были церкви, находившіяся на территоріи, такъ сказать, нейтральной, не принадлежавшей къ помѣстьямъ землевладѣльческимъ. Мы говоримъ о церквахъ, находившихся преимущественно въ городахъ и нѣкоторыхъ мѣстечкахъ. Вотъ по отношенію къ этимъ-то церквамъ мы и встрѣчаемся съ новымъ, имѣвшимъ особенно важное значеніе въ церковно-исторической жизни нашего юго-запада, видомъ патронатства —*патронатомъ коллективнымъ*. Патронами въ данномъ случаѣ являются всѣ прихожане церкви. Этотъ видъ потронатства въ общихъ чертахъ имѣлъ сходство съ патронатомъ владѣльческимъ. Какъ магнаты и паны заботились о благоустройствѣ своихъ церквей, такъ подобную же заботу о своихъ храмахъ имѣли и горожане; какъ первые считали себя полноправными хозяевами въ церковныхъ дѣлахъ, такъ стремились къ этому и послѣдніе. Но, какъ коллективное явленіе, совмѣстный патронатъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ принять въ своемъ развитіи теченіе, рѣзко отличающее его отъ патроната владѣльческаго—единоличнаго. Послѣдній, имѣя въ основѣ преимущественно права *собственника* и находясь въ зависимости отъ единоличной только его *воли*, не могъ быть строго регламентированъ какими либо точными опредѣленіями. Напротивъ, въ патронатѣ коллективномъ это являлось дѣломъ необходимымъ, неизбѣжнымъ. Совмѣстное участіе въ общемъ дѣлѣ вело къ болѣе или менѣе точному опредѣленію правъ каждаго участника, его обязанностей, установленію взаимныхъ отношеній между членами, и т. п.,—словомъ, вело къ выработкѣ того или другаго устава, тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ правилъ. Древне-русскій порядокъ народнаго самоуправленія, вѣро-

---

[1]) Факты, подтверждающіе сказанное, въ достаточномъ количествѣ собраны въ статьѣ.—*О правѣ патронатства въ юго зап. Россіи въ XVI в.*,—помѣщенной въ *Литов. Епарх. Вѣдомостяхъ* за 1878 г.

ятно, еще не исчезнувшая память о прежнихъ братчинахъ, преимущественно же господствовавшее въ то время въ литовско-польскомъ государствѣ нѣмецкое право и западно-европейскія гильдіи, знакомство съ которыми было возможно,—совокупность всего этого, безъ сомнѣнія, могло имѣть не малое вліяніе на выработку означенныхъ порядковъ. Но все это скорѣе были питательные соки, дававшіе жизнь означенному корпоративному учрежденію, группировавшемуся около церквей, чѣмъ корнями этого учрежденія, развившагося впослѣдствіи до широкихъ размѣровъ и получившаго названіе церковныхъ братствъ.

Такимъ образомъ церковныя братства—по нашему мнѣнію—суть ничто иное какъ развившійся подъ вліяніемъ благопріятныхъ для сего условій коллективный патронатъ. Разумѣется, развитіе это имѣло свою исторію,—и хотя крайняя скудость дошедшихъ до насъ данныхъ о братствахъ разсматриваемаго періода и не дозволяетъ прослѣдить эту исторію даже въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣмъ не менѣе кое-какіе *слѣды* могутъ быть указаны и въ этомъ отношеніи.

Первоначальныя извѣстія о западно-русскихъ братствахъ восходятъ къ первой половинѣ XV стол.; первыми пунктами, гдѣ они появились, были города: *Львовъ* (1439 г.) и *Вильно* (1458 г.). Послѣднее обстоятельство обыкновенно объясняютъ, съ одной стороны, сравнительно бо́льшею опасностію, какой подвергалось православіе именно въ этихъ городахъ, а съ другой—болѣе широкимъ развитіемъ въ нихъ цеховаго устройства, изъ котораго будто бы „вышли братства“ [1]). Но что касается до перваго изъ этихъ положеній, то съ нимъ мы положительно не можемъ согласиться. Ставить первоначальное возникновеніе братствъ въ связи съ противодѣйствіемъ иновѣрной пропагандѣ, мы не имѣемъ никакихъ основаній. Не говоря уже о томъ, что довольно распространенное мнѣніе о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ православными еще *въ половинѣ XV столѣтія*, преувеличено,—указанному положенію противорѣчатъ дошедшія до насъ свѣдѣнія о дѣятельности братствъ за первоначальный періодъ ихъ существованія. Вся дѣятельность братствъ, носящая характеръ религіозный, ограничивалась (и то въ лучшихъ братствахъ) исключительно

---

[1]) *М. О. Коялович.* Чтенія о церковныхъ западно-русскихъ братствахъ. (*День* 1862 г., № 37, стр. 13).

ихъ заботами о благолѣпіи церквей, участіи въ избраніи духовныхъ лицъ и контролѣ надъ ними, обязательномъ присутствіи братчиковъ при торжественныхъ церковныхъ службахъ и процессіяхъ и учрежденіи нѣкоторыхъ благотворительныхъ учрежденій. О борьбѣ братствъ съ иновѣріемъ за разсматриваемое время не находимъ и помина. Мало того, мы имѣемъ свѣдѣнія, что на братскіе пиры, дававшіеся ежегодно въ опредѣленные дни, приглашались въ качествѣ гостей *духовныя и свѣтскія лица „римскаго" вѣроисповѣданія*; *едва-ли* даже не были случаи,—разумѣется исключительные, но тѣмъ не менѣе многозначительные,—что въ братства принимались и иновѣрцы [1]).—Что касается до втораго положенія,—именно, вліянія на развитіе братствъ цеховаго устройства,—то отрицать подобное вліяніе нельзя. Объ этомъ довольно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ нѣкоторыя сходныя черты братскихъ порядковъ съ цеховыми, усвоенныя братствами,—какъ можно думать съ бо́льшимъ основаніемъ,—благодаря цехамъ. Но не слѣдуетъ преувеличивать размѣры этого вліянія,

---

[1]) „Которые бы люди духовные якого колвек стану *римское веры* и кгрецкое, будучи вписаные в тое (Виленское кушнерское) ихъ братство, хотя бы тежъ не вписаные, до оного братства ихъ приходили прошоные от кого на свою учту, Або се хто на ден вкупит хотечи меду их братского напити, и беседу з братею мети, и придалобы се ему скимъ втом их братстве ростырк албо зваду почати, тогды о тыхъ делехъ таковые дховные люди яко римское вери до князя бискупа а грецкое до митрополита и до врадниковъ их, як вписаные так и невписаные в братство, не маютъ се от судовъ ихъ отзывати, Ани жадное помочи з урадовъ своихъ на то собе брати одно муситъ тамъ у томъ братстве", и проч. *(Собр. древн. грам. и актовъ городовъ: Вильны, Ковна, Трокъ,* и проч. ч. II, № 16, стр. 36).--Изъ приведеннаго мѣста, разумѣется, ясно видно, что лица латинскаго вѣроисповѣдинія приглашались въ качествѣ гостей на братскіе пиры. Можно бы, повидимому, сдѣлать столь же положительное заключеніе и относительно принятія лицъ означеннаго вѣроисповѣданія въ самые члены братства,—чему можно найти и нѣкоторое объясненіе (вписываются въ братство извѣстныя улицы, населенныя тѣмъ или другимъ цехомъ, при этомъ вліятельный или дружелюбный соремесленникъ и другаго вѣроисповѣданія изъявляетъ желаніе принять участіе въ братчинѣ, хотя бы только преимущественно на правахъ полноправно участвующаго въ *пиршествахъ)*,—но, будучи достаточно ознакомлены съ содержаніемъ тоговременныхъ документовъ со стороны литературной, мы не рѣшаемся высказать своего мнѣнія по данному вопросу съ положительною увѣренностію. Возможно, что слова въ приведенной выдержкѣ: „вписаные" исключительно относится къ лицамъ „веры кгрецкое"--и только неопытное перо составителя грамоты не съумѣло въ данномъ случаѣ придать рѣчи надлежащій смыслъ (примѣровъ подобной неопытности, прямо искажающей смыслъ и значеніе текста, можно въ тоговременныхъ памятникахъ указать много).

въ особенности же видѣть въ цеховомъ устройствѣ первое звено, положенное въ основу братствъ. Возникновеніе братскихъ союзовъ съ оттѣнкомъ религіознымъ *первѣе всего въ большихъ городахъ*, имѣвшихъ наиболѣе развитое цеховое устройство, находитъ для себя достаточное объясненіе въ сравнительномъ обиліи въ означенныхъ городахъ церквей, свободныхъ отъ владѣльческаго патроната и непосредственно подлежавшихъ вѣдѣнію многочисленныхъ прихожанъ, составлявшихъ то среднее сословіе, которое въ значительной степени пользовалось правами автономіи и самоуправленія. При этомъ не должно особенно смущать то обстоятельство, что братства,—если *не всегда*, то довольно *часто*,—получали свое названіе по имени цеховъ (напр. братство кушнерское, купецкое, кожемяцкое, и т. д.). При объясненіи этого факта нужно имѣть въ виду, что ремесленники извѣстнаго цеха жили почти всегда совмѣстно, занимая цѣлыя улицы, и потому естественно могли принадлежать къ одному приходу,—притомъ названіе извѣстнаго прихода, а отсюда и патроновъ церкви —братчиковъ, по имени того или другаго цеха не слѣдуетъ понимать въ безусловно точномъ значеніи этого слова: подобное названіе могло быть усвояемо приходу и братству по *преобладающему числу* входившаго въ ихъ составъ однороднаго по ремеслу или общественному положенію [1]) народонаселенія (аналогичные примѣры чему можно видѣть и по сіе время).

Въ исторіи братствъ за первоначальный періодъ ихъ существованія дѣйствительно едва-ли не самымъ крупнымъ явленіемъ, содѣйствовавшимъ ихъ развитію, должно признать ихъ *борьбу*,—но только борьбу не съ пропагандистами иновѣрія, а со своимъ собственнымъ православнымъ духовенствомъ.—Мы уже сказали, что характеристическою чертою *патронатства* какъ *единоличнаго*, такъ и *коллективнаго* было стремленіе къ полному заправленію дѣлами церковными. Стремленіе это, естественно, не могло быть желательно и пріятно для духовенства, которое вправѣ было считать себя обиженнымъ контролемъ надъ нимъ и стѣснительнымъ, а въ иныхъ случаяхъ и несправедливымъ, вмѣшательствомъ въ дѣла, исключительно принадлежавшія его вѣдѣнію. Поэтому мы видимъ довольно многочисленныя

---

[1]) Напр. въ Вильнѣ было братство *панское*, состоявшее изъ *бурмистровъ, радецъ и лавниковъ* означеннаго города.

попытки, какъ со стороны высшей южно-русской іерархіи, такъ и со стороны бѣлаго духовенства, ограничить участіе мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ. Дѣянія Виленскаго собора 1509 г.[1]), на которомъ было опредѣлено, чтобы „князи и панове“ (патроны) у священника, владыкою поставленнаго, „церкви не отнимали до живота его безъ святительскаго вѣдома“, а также, чтобы не захватывали по своему произволу церковныхъ имѣній, неоднократно заносимыя южно-русскими іерархами жалобы правительству о злоупотребленіяхъ свѣтскихъ лицъ, которыя незаконно творятъ судъ и расправу по дѣламъ духовнымъ и надъ духовными особами[2]), грамоты, испрашиваемыя у королей митрополитомъ и владыками о неприкосновенности святительскаго суда и церковныхъ имуществъ[3]),—всѣ эти факты краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ указанной нами борьбѣ іерарховъ съ магнатами и панами, считавшими себя полноправными хозяевами, находившихся подъ ихъ патронатомъ церквей.—Въ частности, ясные слѣды подобной борьбы духовенства видны и по отношенію къ патронату коллективному. Въ концѣ 1541 г. „протопопъ и вси священники въ мѣстѣ Виленскомъ“ (т. е. городѣ Вильнѣ) били челомъ королю Сигизмунду I и „обтяжливе велико жаловали о томъ, штожъ дей бурмистръ и радцы и мѣщане мѣста нашего Виленскаго, закону греческого, упросили собе листъ у митрополита Кіевского и Галицкого и всея Руси Макарія, къ великой обтяжливости и легкости ихъ, беручи ихъ всѣхъ *подъ справу и послушенство свое и хотечи мѣти ихъ во всемъ поволныли собѣ, и, хто бы таковымъ къ нимъ быти не хотѣлъ, тыхъ они отъ церквей Божіихъ выставлятн, а иншимъ ихъ подавати мѣли*[4]). Подобные же „листы“ (грамоты), въ интересахъ своей корпораціи, не разъ испрашивались у кіевскихъ митрополитовъ и львов-

---

[1]) Впервые напечатаны въ концѣ книги *О священствѣ* Іоанна Златоустаго (Львовъ 1614 г.); затѣмъ въ нынѣшнемъ столѣтіи нѣсколько разъ: въ *прилож.* къ *Описанію Кіево-Соф. Собора* (Кіевъ. 1825 г.), подъ № 10; *Актахъ Историч.* т. I, № 289, *Памят. Рус. Стар. въ запад. губер., вып. IV,* и *Руск. Истор. Библ.* т. IV.—Въ рукописи, принадлежащей намъ и относящейся къ половинѣ XVI стол., означенное соборное *Дѣяніе* имѣетъ небольшое дополненіе, очевидно составленное на какомъ либо изъ послѣдующихъ соборовъ.

[2]) А. З. Р. т. III №№ 22, 43. Архивъ Юго-Зап. Рос. т. I, №№ 83, 85, 86, 88, 92.

[3]) А. Зап. Рос. т. I № 168, ibid. т. II № 109 и друг.

[4]) Акты Зап. Рос. т. I, № 219.

кими мѣщанами, что̀ вызывало протесты не только со стороны, бѣлаго духовенства, но и мѣстнаго епископа. Извѣстная борьба со Львовскимъ братствомъ епископа Гедеона Балабана, къ концу XVI столѣтія достигшая обширныхъ размѣровъ и такъ много смущавшая православныхъ, ведетъ свое начало отъ половины означеннаго столѣтія. Митрополитъ Макарій въ 1551 году писалъ львовскому владыкѣ Арсенію Балабану, что львовскіе мѣщане принесли ему жалобу въ томъ, что „его милость забороняетъ ко отцамъ ихъ давнымъ (т. е. къ собственнымъ, избраннымъ ими священникамъ) приходити“, а приказываетъ „у иншихъ поповъ имъ сповѣдыватися, до которыхъ, они не хотятъ“,—причемъ за ослушаніе своего приказанія „не благословляетъ мѣщанъ, клятвы на нихъ налагаетъ и на соборахъ клянетъ“ [1]).

Каковы были послѣдствія указанныхъ пререканій духовенства съ патронами?

Борьба высшаго духовенства (іерарховъ) съ патронами—владѣльцами при томъ общественномъ строѣ, который господствовалъ въ разсматриваемое время въ литовско-польскомъ государствѣ, не могла имѣть для него желаемаго успѣха. Грамоты и разнаго рода привиллегіи, испрашиваемыя іерархами съ цѣлію ограниченія патронатскихъ правъ владѣльцевъ, на дѣлѣ оставались мертвою буквою. Магнаты и паны не переставали смотрѣть на церкви и обители, находившіяся въ ихъ помѣстьяхъ, какъ на свою собственность, и продолжали распоряжаться ими по своему усмотрѣнію.—Что касается до коллективнаго патроната, въ ограниченіи правъ коего наиболѣе заинтересовано было бѣлое духовенство, то борьба и съ нимъ не представляла благопріятныхъ для успѣха данныхъ. Не говоря уже о томъ, что городское народонаселеніе (средоточіе коллективнаго патроната), пользуясь значительными привиллегіями относительно самоуправленія и автономіи, естественно стремилось увеличивать сіи привиллегіи, а не умалять ихъ,—независимо отъ этой, такъ сказать, основной причины, въ неуспѣхѣ борьбы духовенства съ патронами—прихожанами не мало повинны и сами верховные представители южно-русской церкви, иногда дѣйствовавшіе вопреки собственнымъ своимъ (или прежнихъ соборовъ) опредѣленіямъ о невмѣшательствѣ

---

[1]) Архивъ Львов. ставроп. Института, № Fasc. 411.

свѣтскихъ лицъ въ дѣла церковныя. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ видно, что кіевскіе митрополиты иногда, безъ сомнѣнія въ личныхъ своихъ интересахъ, предоставляли мірянамъ (горожанамъ) широкое участіе въ дѣлахъ церковныхъ и при несогласіяхъ ихъ по сему предмету съ духовенствомъ поддерживали сторону свѣтскихъ лицъ, притомъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этихъ несогласіяхъ съ ними дѣйствующимъ лицемъ являлся мѣстный епископъ.— Естественно, что подобная борьба духовенства съ городскими прихожанами побуждала послѣднихъ тщательнѣе охранять присвоенныя себѣ права и должна была содѣйствовать усиленію автономіи коллективнаго патроната,—автономіи, достигшей еще къ концу перваго періода существованія патронатскихъ (или, по входившему постепенно въ употребленіе выраженію—братскихъ) союзовъ до значительныхъ размѣровъ.

Достигши значительной автономіи, братства, какъ мы замѣтили, до 80 гг. XVI столѣтія не только не проявляютъ своей дѣятельности въ интересахъ охраненія своей религіи отъ враждебныхъ посягательствъ на нее со стороны иновѣрія, но и вообще религіозная и даже благотворительная дѣятельность ихъ за указанное время не достигаетъ значительныхъ размѣровъ, уступая довольно видное мѣсто дѣламъ чисто житейскимъ.—Въ общихъ чертахъ организація братствъ къ концу разсматриваемаго періода была слѣдующая:

Братства назывались (чаще всего) по роду занятій и состоянію большинства членовъ, входившихъ въ ихъ составъ, или же по имени церквей, около которыхъ они группировались.— Главный составъ членовъ братства составляли прихожане извѣстной церкви, но могли, по желанію и согласію на то братчиковъ, вступать въ него и иноприходныя лица. При поступленіи въ братство требовался извѣстный денежный взносъ; подобные же взносы братчики обязаны были дѣлать и въ теченіе года въ опредѣленные дни, во время собраній (сходокъ). Собранія эти происходили въ братскомъ дому и подраздѣлялись на торжественныя и обыкновенныя. Первыя пріурочены были къ тѣмъ или другимъ большимъ праздникамъ и продолжались обыкновенно три дня. Послѣ литургіи собравшіеся братчики вели разсужденія о дѣлахъ, касавшихся братства, и затѣмъ пировали. Пиршество устроялось на общую складчину, въ которой могли принимать участіе и сторонніе лица, даже—какъ мы

уже замѣтили—и неправославнаго вѣроисповѣданія. Главное угощеніе, о которомъ всегда довольно подробно говорится въ братскихъ уставахъ, состояло въ сыченомъ медѣ, безпошлинное приготовленіе котораго на опредѣленный промежутокъ времени (три дня) составляло привилегію братчиковъ, даруемую имъ правительствомъ. Братскіе уставы съ особенною подробностію говорятъ именно объ означенныхъ пиршествахъ. Во время пира братчикамъ вмѣнялось въ обязанность вести себя чинно и благопристойно: не напиваться до-пьяна, на столъ не ложиться, непотребныхъ, срамотныхъ рѣчей не произносить, „розтырокъ“ не заводить и вообще другъ друга не оскорблять. Безъ сомнѣнія, въ предупрежденіе болѣе крупныхъ столкновеній „до братское свѣтлицы“ не дозволялось приходить съ какимъ либо оружіемъ. Кромѣ торжественныхъ собраній въ братствахъ происходили еще сходки обыкновенныя, о времени которыхъ братчики заблаговременно извѣщались, подъ угрозою штрафа за неприбытіе. Здѣсь рѣшались текущія дѣла, касающіяся братства.—Братчики подраздѣлились на старшихъ и младшихъ; изъ числа первыхъ избирались, срокомъ на одинъ годъ, старшины, называвшіеся „старостами“ или „рочными справцами“. Они были представителями братства и завѣдывали его судебно-административными дѣлами и братскою казною. По окончаніи года старшины обязаны были давать остальнымъ членамъ подробные отчеты относительно своей дѣятельности.—Пользуясь правами автономіи и самоуправленія, братства особенно ревниво охраняли ихъ. Всѣ проступки братчиковъ (исключая дѣлъ уголовныхъ) рѣшались судомъ братскимъ[1]): уклоненіе отъ братскаго суда (обращеніе къ обыкновеннымъ судамъ—духовнымъ или свѣтскимъ) строго возбранялось.—Что касается до религіозно—благотворительной дѣятельности братствъ, то она выражалась въ заботахъ о благолѣпіи церквей (на каковой предметъ, между прочимъ, шла выручка отъ пиршествъ), контролѣ надъ церковными дѣлами, простиравшемся и на лицъ духовныхъ, вспоможеніи обѣднѣвшимъ членамъ, содержаніи „шпиталя“ для убогихъ, присутствіи при торжественныхъ богослуженіяхъ, въ особенности же при погребеніи умершихъ братчиковъ и ихъ

---

[1]) Виновные преимущественно наказывались денежными штрафами, шедшими въ братскую казну.

поминовеніи (на похоронахъ умершаго братчика обязаны были присутствовать всѣ члены).—Къ сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что братства имѣли собственную печать, писанные „порядки", санкціонированные свѣтскимъ правительствомъ, а иногда и высшею духовною властію, и „реэстръ" куда заносились имена, вступавшихъ въ составъ его членовъ [1]).

Съ 80 гг. XVI столѣтія въ исторіи братствъ происходитъ крупный переворотъ: они вступаютъ въ новую фазу своего развитія и существенно видоизмѣняютъ характеръ своей дѣятельности, становясь братствами религіозными, церковными, въ полномъ значеніи сихъ словъ. Этотъ переворотъ стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ положеніемъ южно-русской церкви, въ какомъ она очутилась къ концу XVI столѣтія. Въ это время религіозное движеніе, вызванное борьбою съ иновѣріемъ, преимущественно же католицизмомъ и его излюбленнымъ дѣтищемъ—уніею,—достигаетъ самыхъ широкихъ размѣровъ. Южно-русскому народоселенію приходилось напрягать всѣ свои силы, чтобы отстоять свою вѣру и народность, подвергавшіяся серьезной опасности отъ напора искусно организованной и располагавшей громадными средствами латино-польской пропаганды. Въ этой охранѣ праотцовской вѣры и своей народности самое живое участіе принимаютъ и братства, причемъ они естественно должны были видоизмѣнить и разширить характеръ своей дѣятельности. Уже не время было думать о пирахъ съ латинянами. Нужны были необычайныя усилія совершенно въ иномъ направленіи,—и мы дѣйствительно видимъ подобныя усилія: братствами заводятся школы и типографіи, приглашаются въ свою среду извѣстныя своимъ просвѣщеніемъ лица, выпускаются въ свѣтъ сочиненія религіознаго и преимущественно религіозно—полемическаго содержанія, пишутся и разсылаются призывающія къ единодушію и твердости въ вѣрѣ посланія, заносятся передъ сеймами и королями прошенія о свободѣ религіозной совѣсти

---

[1]) *Собраніе древ. грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковна, Трокъ,* и проч.; изд. 1843 г. въ Вильно ч. II. №№ 1, 2, 16 и 17. *Акты Зап. Рос.*, т. III. № 131. *Архивъ Львов. Ставроп. Институтъ,* Fasc. 418. *Архивъ Перемышльского собора Іоанна Крестителя.* (Копія съ одной изъ грамотъ означеннаго архива, касающихся братствъ, съ датою 1563 г., передана нами въ Кіевс. Археогр. Коммиссію, гдѣ и напечатана въ издаваемомъ ею *Архивѣ,* ч. I, т. VI, № XXII

и охранѣ правъ православной церкви,—словомъ предпринимаются всевозможныя мѣры, чтобы, съ одной стороны, парализировать успѣхи иновѣрной пропаганды, а съ другой—дать своимъ соотечественникамъ надежныя средства для борьбы съ этою пропагандою. Насколько вслѣдствіе таковой дѣятельности братствъ видоизмѣнилась ихъ организація, мы увидимъ, когда будемъ говорить объ уставѣ Кіево-Богоявленскаго братства, въ существенныхъ чертахъ сходномъ съ уставами прочихъ церковныхъ братствъ. Теперь же ограничимся слѣдующими краткими замѣчаніями объ этомъ новомъ и важнѣйшемъ періодѣ братствъ:

1) Братства реформируются въ религіозно—оборонительныя учрежденія первѣе всего въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ православію угрожала наибольшая опасность. Такими городами были—*Вильно* и *Львовъ*. Здѣсь вырабатываются самые обстоятельные братскіе уставы, служившіе образцомъ для уставовъ другихъ братствъ, начавшихъ довольно быстро разпространяться по разнымъ городамъ юго-западной Руси (*Брестъ*, *Минскъ*, *Бѣльскъ*, *Могилевъ*, и друг.).

2) Стремленіе къ автономіи въ средѣ братчиковъ, весьма замѣтное уже въ начальной періодъ ихъ существованія, достигаетъ теперь самыхъ широкихъ размѣровъ (полное, ничемъ не стѣснявшееся заправленіе церковными дѣлами), чему весьма много содѣйствовало недовѣріе къ духовенству и особенно къ высшей іерархіи, запятнавшей себя, за малыми исключеніями, измѣною праотцевской вѣрѣ.

3) Значеніе и сила братствъ заключалась въ ихъ коллективности. И единоличный патронатъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей (князь К. К. Острожскій), оказалъ въ разсматриваемое время православной церкви большія услуги. Но это былъ мечъ обоюдоострый. Сегодня, когда патронъ—ревнитель православія: онъ „столпъ“ и „пособникъ“ церкви; завтра онъ попадаетъ въ сѣти іезуитовъ,—и тотчасъ же дѣлается врагомъ ея, и зачастую—злѣйшимъ врагомъ (Скуминъ-Тышкевичъ). Правда, измѣнники находились и между братчиками, но они не могли нанести учрежденію и цѣлямъ, имъ преслѣдуемымъ, существеннаго вреда: „предатель“ вычеркивался изъ братскаго реэстра и мѣсто его восполнялось именами вновь поступавшихъ членовъ, доступъ въ которые для лицъ, ревнующихъ о вѣрѣ, широко былъ открытъ (болѣе широко, чѣмъ въ періодъ предшествовавшій).

Переходя къ предмету, непосредственно насъ интересующему (возможно-ли отрицать существованіе братства въ Кіевѣ еще въ концѣ XVI стол.), мы, имѣя въ виду сказанное нами о происхожденіи и постепенномъ развитіи братствъ, находимъ наиболѣе естественнымъ поставить два вопроса: *во первыхъ*, могъ-ли существовать въ Кіевѣ *коллективный патронатъ* надъ церквами, представлявшій собою братскіе союзы въ ихъ первоначальномъ, такъ сказать, зачаточномъ видѣ, и были-ли здѣсь благопріятныя условія для прогрессивнаго развитія этого патроната,—и, *во вторыхъ*, насколько къ концу XVI столѣтія подготовлена была въ Кіевѣ почва для возникновенія здѣсь братства церковнаго, съ характеромъ религіозно—оборонительнымъ?

Долгое время въ нашей исторической литературѣ господствовало мнѣніе, что Кіевъ послѣ Батыева разгрома и неоднократныхъ нашествій татаръ въ XV стол. пришелъ въ запустѣніе и пересталъ принимать какое-бы то ни было участіе въ политической и культурной жизни Руси. Но извѣстный знатокъ южно-русской исторіи В. Б. Антоновичъ въ своемъ изслѣдованіи: „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI стол. (1362—1569)“ [1]), опровергаетъ это мнѣніе, называя его не болѣе какъ историческимъ миражемъ. Почтенный изслѣдователь, на основаніи сгруппированныхъ имъ извѣстій о Кіевѣ и кіевской землѣ, приходитъ къ выводу, что Кіевъ за разсматриваемое имъ время „принималъ дѣятельное участіе въ исторической жизни западной половины Руси, по большей части руководилъ развитіемъ этой жизни и, во всякомъ случаѣ, занималъ въ ея теченіи весьма почетное мѣсто“. Хотя этотъ выводъ г. Антоновича, по отношенію къ XIV и XV столѣтіямъ исторической жизни означеннаго города, значительно ослабленъ А. И. Соболевскимъ [2]), а по

---

[1]) Помѣщено впервые въ *Кіевской Старинѣ* за 1882 г. (№ 1), и затѣмъ въ 1 т. *Историческихъ Монографій по Юго-зап. Россіи.* (Кіевъ. 1884 г.).

[2]) „Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева“,—критическая статья, помѣщенная въ августовской книжкѣ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1885 г. Общій выводъ, къ которому пришелъ авторъ, выраженъ имъ въ слѣдующихъ словахъ: „Такимъ образомъ, безпристрастное разсмотрѣніе извѣстій о Кіевѣ за XIV—XV в., говорящихъ исключительно о неоднократномъ взятіи Кіева, о разорѣніи его области и о назначеніи и удаленіи его князей литовскими государями, приводитъ насъ къ взгляду, противоположному взгляду г. Антоновича. По нашему мнѣнію, если Кіевъ подъ властію Литвы и при-

отношенію къ XVI стол. можетъ быть тоже значительно ослабленъ указаніями на крайне тревожное время, которое приходилось испытывать кіевлянамъ въ виду постоянныхъ опасеній отъ нападеній со стороны татаръ [1]),—тѣмъ не менѣе и кіевская область и главный въ ней городъ далеко не находились въ запустѣніи; въ частности, въ самомъ Кіевѣ,—что̀ имѣетъ прямое отношеніе къ нашимъ разсужденіямъ,—было среднее сословіе—мѣщанская община, пользовавшаяся, по примѣру другихъ городовъ, значительною автономіею. А такъ какъ въ Кіевѣ были церкви, не находившіяся подъ патронатомъ единоличнымъ,—то весьма естественно допустить по отношенію къ этимъ церквамъ существованіе *патроната коллективнаго*. Этотъ апріорный выводъ, до извѣстной степени, можетъ быть подтвержденъ и документальными данными [2]). Но что касается до условій, благопріятныхъ и вообще содѣйствующихъ развитію въ Кіевѣ означеннаго патроната, то ихъ мы не усматриваемъ. О какихъ либо пререканіяхъ патроновъ съ духовенствомъ,—что̀ какъ нами замѣчено, должно считать одною изъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ развитію коллективнаго патроната,—нѣтъ (за разсматриваемое время) и помина. Высшіе іерархи, какъ извѣстно, въ Кіевѣ не жили; притомъ

шелъ въ лучшее состояніе, чѣмъ былъ подъ властію татаръ (особенно въ концѣ XIV в., когда онъ оказался въ состояніи уплатить 3000 р. окупа), то тѣмъ не менѣе онъ оставался по прежнему городомъ, *славнымъ по имени и прошлому, но ничтожнымъ, не имѣвшимъ значенія въ литовско-русскомъ государствѣ и не игравшимъ никакой видной роли въ его судьбахъ*".

[1]) Что Кіевъ, находившійся на окраинѣ государства, подвергался опасности со стороны татарскихъ нападеній и въ теченіе почти всего XVI стол., а жители его были въ постоянной тревогѣ,—относительно этого имѣются документальныя данныя. Изъ позднѣйшихъ—укажемъ на сдѣланное отъ имени кіевскаго воеводы князя К. К. Острожскаго заявленіе на луцкомъ сеймѣ 1576 г. о томъ, что не смотря на многократныя представленія воеводы о крайней опасности г. Кіева со стороны непріятельскихъ вторженій (*великое небезпеченство Кіева*), правительство не заботится объ укрѣпленіи этого города, почему онъ, воевода, слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность, если кіевлянъ постигнетъ какое либо бѣдствіе. (*Кіев. Центр. Арх.*, № кн. 2050, л. 2).

[2]) *Центральный Архивъ Царства Польскаго;* Sub literis Q. Z, № 71, л. 64 и и слѣд. Въ помѣщенной здѣсь грамотѣ Сигизмунда III (отъ 1616 г.) приведены рѣчи представителей мѣщанскаго кіевскаго общества, отстаивавшихъ свои права относительнс патронатства надъ Воскресенскою церковію въ Кіевѣ, (Powodowie—т. е. представители означеннаго общества—powiedzieli, iż ta cerkiew na placu y gruncie przez parafiany mieszczany dla ney kupionym zbudowana iest y *zdawna mieszczanie parafianie w podawaniu tey cerkwi byli y onym jus patronatus własnie należy*).

ихъ стремленія направлены были на усиленіе своей власти по отношенію къ учрежденіямъ г. Кіева наиболѣе богатымъ (монастыри). Что же касается до бѣлаго духовенства, первѣе всего заинтересованнаго въ ограниченіи патронатскихъ правъ своихъ прихожанъ, то оно въ означенномъ городѣ, какъ безъ-епископальномъ, имѣло менѣе прочную организацію и едва-ли изобиловало вліятельными въ средѣ своей членами. Поэтому мы имѣемъ основаніе думать, что коллективный патронатъ въ Кіевѣ прогрессивно не развивался и не достигъ къ концу XVI столѣтія до той организаціи, какую мы встрѣчаемъ въ наиболѣе видныхъ и населенныхъ городахъ того времени—(*Вильно, Львовъ* и друг.), а отсюда и полное отсутствіе документальныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о такой организаціи (напр., исходатайствованіе передъ свѣтскимъ правительствомъ привилегій) объясняемъ не истребленіемъ ихъ, а просто—ихъ несуществованіемъ.

Что касается втораго и главнѣйшаго вопроса,—*насколько Кіевъ къ концу XVI столѣт. подготовленъ былъ къ появленію въ немъ церковнаго, религіозно-оборонительнаго братства*,—то онъ можетъ быть рѣшенъ только въ отрицательномъ смыслѣ. Кіевъ, бывшій религіознымъ центромъ въ древній періодъ русской исторіи, со времени Батыева разгрома утратилъ свое прежнее церковное значеніе и до начала XVII столѣтія *не возстановилъ его*. Правда, главная святыня города —кіево-печерская обитель, привлекая къ себѣ богомольцевъ и щедро надѣляемая благочестивыми даятелями, быстро оправлялась отъ постигавшихъ ее въ XV столѣтіи непріятельскихъ разореній и къ концу слѣдующаго столѣтія владѣла уже громадными имуществами. Но, богатѣя, означенная обитель очень долгое время не имѣла возможности достойнымъ образомъ пользоваться своими громадными матеріальными средствами. Этому мѣшали постоянныя неурядицы, происходившія здѣсь почти въ теченіе всего XVI столѣтія и зависѣвшія главнымъ образомъ отъ корыстныхъ отношеній къ обители ея архимандритовъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Кіево-печерскіе архимандриты въ большинствѣ случаевъ были люди, не стоявшіе на высотѣ своего положенія: они смотрѣли на занимаемое ими мѣсто не болѣе, какъ на доходную статью. Такого взгляда не чужды были даже лучшіе изъ нихъ. Кіево-печерская обитель была лакомою приманкою для лицъ, желавшихъ улучшить свое матеріальное положеніе, однимъ изъ краснорѣчивыхъ доказательствъ чего можетъ служить са-

мый списокъ ея архимандритовъ за разсматриваемое время. Такъ съ конца XV столѣтія, именно (съ 1494 г.), по конецъ третьей четверти слѣдующаго вѣка (до 1574 года), слѣдовательно въ теченіе 80 лѣтъ, въ кіево-печерской обители смѣнилось до тридцати-пяти настоятелей. Неудивительно поэтому, что не смотря на громадныя свои матеріальныя средства, эта обитель даже къ концу XVI стол. не имѣла еще ни типографіи, ни школы, ни хорошей библіотеки, ни больницы, ни богадѣльни [1])... Чего не дѣлала богатая Лавра, того еще труднѣе было ожидать отъ самыхъ кіевлянъ, не видѣвшихъ передъ собою добраго примѣра. Трудно было ожидать отъ кіевлянъ разсматриваемаго времени заведенія религіозно-просвѣтительныхъ учрежденій, когда они не находили нужнымъ поддерживать благолѣпіе своихъ, уже существовавшихъ, храмовъ. Одинъ католическій бискупъ, посѣтившій въ 1596 г. Кіевъ, упрекаетъ мѣстныхъ горожанъ за крайне пренебрежительныя ихъ отношенія къ такой давней святынѣ, какъ Кіево-софійскій соборъ. По словамъ бискупа, этотъ храмъ не только лишенъ всякихъ украшеній, но и стоитъ безъ крыши, не имѣетъ дверей; не службы Божіи въ немъ совершаются, а безпрепятственно бродятъ внутри его псы, свиньи, и т. п. животныя (*Ks. Poz. Wereszczyńskiego*, Osada Kijowa)... Отзывъ этотъ могутъ найти преувеличеннымъ; въ такомъ случаѣ послушаемъ самихъ кіевлянъ—современниковъ. „Писано есть нѣгде,—писали въ 1626 году кіевскіе братчики къ царю Михаилу Ѳедоровичу,—разсмотри сущихъ прежде тебе и тогда разумѣеши, яже по тебѣ. Всегда видяще, разсмотряемъ древняго благолѣпия созданнии драгоцѣнные храмы, прославленниа ради всесилнаго имени единосущныя преестественныя Троица, отъ прародителей благочестиемъ равнѣцвѣтущимъ великодержавнаго величества вашея царския милости в Киевѣ, нынѣ же точию едва сѣнь ихъ обрѣтающихся зримъ, тяжцѣ и неутѣшимѣ жаляще, яко мы послѣдний родъ сихъ зрѣти достигохомъ, на мѣстѣ, идеже первѣй начало просвѣщениемъ родъ российский истиннаго Бога позна, отнюду же по всѣмъ странамъ, яко отъ источника благоструйнаго, извѣстъное всѣмъ спасение истече и про-

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о состояніи Кіево-печерской обители за указанное время можно найти въ нашемъ сочиненіи: *Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники* (т. I стр. 241—256).

цвѣте, идеже богодуховеннии отци пречуднымъ житиемъ и чудесы просияша, ихъ же телеса донынѣ в нетлѣнии, чудодѣйствуя, пребываютъ: зде нынѣ зримъ изсыхающь, всякоя же бѣды, гонения и укоризны исполненъ, горцѣ рыдающе, слезимъ, съ пророкомъ Іезекеилемъ глаголюще: горе намъ, увы намъ, Аддонаю Господи! сіе отчаяние Ты твориши остатковъ израилевыхъ“ [1])... Послѣ сказаннаго вполнѣ понятными становятся намъ и слова Кіево-братскаго уписа, выражающія собою не обычное (какъ думаютъ) смиреніе братчиковъ, но правдивое сознаніе,—сознаніе въ своемъ *многомъ нерадѣніи и лѣности и мрачной суетѣ мірской*,—въ каковыхъ они пребывали до 1615 г. (до времени учрежденія братства).

Настоящая глава разрослась до размѣровъ бо́льшихъ, чѣмъ предполагалось самимъ авторомъ. Но снимать искуственныя наслоенія и распутывать тщательно запутанное—дѣло нескорое. Впрочемъ, авторъ не посѣтуетъ о своихъ длинныхъ разсужденіяхъ, если будетъ признана справедливость слѣдующихъ, вытекающихъ изъ нихъ, положеній:

1) Сказаніе о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іереміею въ 1588—1589 гг. и объ учрежденіи имъ здѣсь высшаго училища при Богоявленскомъ братствѣ не есть древнее преданіе, а сравнительно недавнее историческое мнѣніе, впервые высказанное профессорами Кіевской Академіи въ объяснительной запискѣ, составленной въ 1765 году по требованію начальства. Хотя спустя 8 лѣтъ профессорами той-же Академіи означенное мнѣніе, какъ несогласное съ документальными данными, и было опровергнуто, тѣмъ не менѣе оно тогда-же перешло въ нашу историческую литературу и пустило въ ней глубокіе корни, съ теченіемъ времени пріукрашаясь новыми легендарными подробностями.

Но несостоятельнось означеннаго мнѣнія не подлежитъ сомнѣнію; ибо:

2) Относительно созданнаго „догадкою“ и украшеннаго легендами перваго якобы 25-ти лѣтняго существованія Кіево-Богоявленскаго братства и школы при немъ (1589—1615 гг.) не находится ни

---

[1]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. VI, № CCXXIX.

малѣйшаго указанія во всей тоговременной письменности. Ссылка нѣкоторыхъ изслѣдователей на купчую Андрея Обуха (1594 года) и „королевскіе листы урядниковъ воеводства кіевскаго (1593 г.)“, какъ на несомнѣнное доказательство существованія въ Кіевѣ братства еще въ концѣ XVI ст., оказывается, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, не состоятельною: поименованные документы въ разсматриваемое время къ Кіевскому братству никакого отношенія не имѣли, перешли-же къ нему впослѣдствіи вмѣстѣ съ земельными имуществами, значащимися въ сихъ документахъ.

3) Въ „Уписѣ“,—начальномъ, вполнѣ достовѣрномъ документѣ, касающемся Кіево-богоявленскаго братства,—находится прямое и опредѣленное указаніе на то, что означенное братство сформировалось только около 1615 г.—Мнѣніе, что этотъ „Уписъ“ относится ко времени позднѣе 1631 года, и что фраза въ немъ: „начинаемъ братство церковное“—есть только стереотипная фраза,—не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго значенія.

4) Ставропигіальныя права Кіевское братство получило въ 1620 году, во время пребыванія въ Кіевѣ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, какъ опредѣленно говорится объ этомъ въ грамотѣ послѣдняго. Мнѣніе-же, якобы означенныя права братство получило еще отъ патріарха Іереміи, не находитъ подтвержденія въ дарственной записи Гулевичевой (на которую въ данномъ случаѣ ссылаются) и стоитъ въ явномъ противорѣчіи какъ съ поименованною грамотою Ѳеофана, такъ и съ нѣкоторыми другими документальными данными (письма братчиковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу).

5) Изъ дошедшихъ до насъ достовѣрныхъ документальныхъ данныхъ видно, что патріархъ Іеремія ни въ 1588 году, когда ѣхалъ черезъ западно-русскія области въ Москву, ни въ 1589 г., когда возвращался изъ нея, въ Кіевѣ не былъ: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ путь его лежалъ далеко отъ этого города. Ссылка на описаніе путешествія Павла Алепскаго, гдѣ якобы говорится о посѣщеніи Кіева означеннымъ патріархомъ, оказывается неточною; также несостоятельнымъ оказывается мнѣніе, будто-бы Миллеръ и Рубанъ имѣли подъ руками документальныя данныя о пріѣздѣ въ Кіевъ того же патріарха.

6) Существованіе въ Кіевѣ въ XVI столѣтіи Богоявленской церкви не можетъ служить доказательствомъ образованія при ней въ

томъ же столѣтіи и Богоявленскаго братства; притомъ самый фактъ существованія означенной церкви—фактъ весьма сомнительный.

7) Наконецъ, сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства и высшаго училища не представляетъ ничего страннаго и необъяснимаго: напротивъ, означенное явленіе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ церковно-исторической жизни этого города.

Примѣчаніе къ главѣ первой.

Изслѣдователи, пріурочивающіе возникновеніе Кіево-Богоявленскаго братства со школою при немъ къ 1588—1589 гг., указываютъ—какъ мы видѣли—на „знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ лицъ“, которыя якобы несомнѣнно получили свое образованіе въ Кіево-братской школѣ еще до 1615 г. Къ такимъ лицамъ они причисляютъ: *Елисея Плетенецкаго*, *Леонтія Карповича*, *Захарію Копытенскаго*, *Кирилла Транквилліона-Ставровецкаго*, *Кассіана Саковича*, *Богдана Хмельницкаго* и сподвижниковъ послѣдняго—*Павла Тетерю* и *Якима Сомка*. Мы въ своемъ мѣстѣ замѣтили, что еще М. А. Максимовичъ скептически отнесся къ означенному сообщенію исторіографовъ относительно неотъемлемой принадлежности поименованныхъ лицъ (по воспитанію) къ прежней Богоявленской школѣ (до 1615 г.), заявивъ, что „для признанія этого необходимо тоговременное свидѣтельство о каждомъ изъ нихъ“. Но подобныхъ свидѣтельствъ не имѣется. Такимъ образомъ все дѣло сводится къ однимъ только догадкамъ и предположеніямъ. Но насколько состоятельны въ данномъ случаѣ догадки и предположенія исторіографовъ Кіевской Академіи, это достаточно могутъ уяснить даже и тѣ не многія біографическія свѣдѣнія о несомнѣнныхъ якобы воспитанникахъ Кіево-братской школы, которыя дошли до нашего времени. Такъ какъ многія изъ этихъ мнимыхъ воспитанниковъ дѣйствительно могутъ быть отнесены къ числу знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ лицъ, то біографическія свѣдѣнія о нихъ (въ нашей исторической литературѣ или мало, или же и вовсе неизвѣстныя, не лишены и общаго церковно-историческаго интереса. Послѣднимъ обстоятельствомъ и вызывается главнымъ образомъ настоящее примѣчаніе.

Елисей Плетенецкій. — Елисей, по отечеству *Михайловичъ* [1]), Плетенецкій происходилъ изъ шляхетской фамиліи и былъ сынъ православныхъ родителей, на что́, по обычаю того времени, не разъ указывали его панегиристы.

„Певными суть свѣдками“ (говорится въ панегирикѣ, поднесенномъ Плетенецкому въ 1618 г.) [2]).

„небесные знаки:
Сличный мѣсяцъ з' звѣздою, з' ними крестъ чворокій, [3]).

Уроженя твоего, Отче, цнотъ великихъ,
Жесь вышолъ з фамиліи предковъ знаменитыхъ,
Которымъ о недармо тотъ клейнотъ даровано,
Кгдыжъ ихъ вѣры и цноты завше дознавано“.

И въ другомъ мѣстѣ:

„Отъ корня добраго овощъ особливый:
Былъ родитель побожный, сынъ есть святобливый“.

О жизни Елисея Плетенецкаго до его поступленія на кіево-печерскую архимандрію извѣстно весьма немного. Знаемъ только, что онъ, переступивши уже сороколѣтній возрастъ, „въ року 1595 въ Пинску, въ монастыру Лещинскомъ, насталъ быти архимандритомъ“ [4]) и въ начальные уже годы управленія сею обителію съу-

---

[1]) Въ актахъ того времени духовныя лица рѣдко назывались по отечеству, но иногда все-таки назывались. *Михайловичемъ* Е. Плетенецкій именуется въ актѣ, находящемся въ *Архивѣ Греко-ун. митр.*, подъ № 3381.

[2]) *Вызерунъ цнотъ превелебного въ Бозѣ Его милости Господина Отца Елисея Плетенецкого Архимандрита Кіевского*, и проч. 1618., изд. въ Кіевѣ. (Единственный извѣстный экземпляръ этой старопечатной брошюры находится въ Московскомъ Публ. Румянцевскомъ Музеѣ).

[3]) Гербъ Е. Плетенецкаго, нерѣдко изображавшійся на тоговременныхъ книгахъ лаврской печати (см., напр., *Іоанна Златоустаго, бесѣды на 14 посл. апос. Павла, изд. 1623 г.*) и портретахъ означеннаго архимандрита (см., напр., портретъ его, находящійся въ конрегаціонной залѣ Кіев. Дух. Академіи), имѣлъ эмблемами—*полумѣсяцъ, окруженный звѣздами, и четвероконечный крестъ.*

[4]) *Казанье на честномъ погребѣ блаженнаго мужа и превелебного отца, Кгръ Елисея въ Іеромонасѣхъ Евѳимія Плетенецкаго, Архимандрита монастыря Печерского*

мѣлъ зарекомендовать себя, какъ ревностный борецъ за дѣло православія въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ для него годинъ.

„Подчасъ праве утисковъ, подчасъ бѣдъ церковныхъ,
Подчасъ еи (православной вѣры) турбацій и
невчасу полныхъ“,

Былъ онъ „вѣрный служебникъ у Пана своего
В день и въ ночи вставичне чуючій до него“ [1]).

Слава о благочестивой жизни Лещинскаго архимандрита и объ его заботахъ о благѣ церкви дошла до лаврской братіи и она, послѣ смерти Никифора Тура, въ сентябрѣ 1599 г. избрала его своимъ настоятелемъ [2]). Въ концѣ этого года мы видимъ Елисея Плетенецкаго уже въ Лаврѣ, въ зваиіи ея архимандрита [3]), причемъ онъ, если не до конца своей жизни, то, во всякомъ случаѣ очень долгое время, продолжалъ завѣдывать, въ качествѣ настоятеля, и Лещинскою обителію [4]).

Кіево-печерская братія не ошиблась въ своемъ выборѣ. Съ именемъ Е. Плетенецкаго соединены самыя существенныя начинанія, имѣвшія цѣлію „возвеличеніе св. обители печерской“, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ посредство ея, „и всего народонаселенія православно-русскаго“. Со времени этого архимандрита собственно и начинается религіозно-нравственное обновленіе обители, утратившей было въ

Кіевскаго, преставленнаго въ року въ 1624, въ Октобру дня 29, презъ іеромонаха Захарію Копистенскаго, тогды наречоного, а теперь милостію Божіею Архимандрита того же монастыря Печерского Кіевского, твореное и проповъданное. Кіевъ 1625 г.

[1]) Вѣзерункъ цнотъ, изд. 1618 г.

[2]) „Въ року 1599—говорится въ тогвременномъ памятникѣ объ Е. Плетенецкомъ—въ Септемврін на архимандритство Печерское обранный, на которомъ благостію Божіею жилъ лѣтъ 25“ *(Казанье на честномъ погребѣ Елисея Плетенецкаго*, 1625).

[3]) Выпись съ книгъ гродскихъ воеводства Кіевскаго отъ 22 декабря 1599 г. *(Рукоп. Кіево-выдубицкаго мон.*, заключающая крѣпостные акты Кіево-печерской обители).

[4]) *Арх. Греко-уніат. митроп.* связка № 39.—Отъ имени Елисея Плетенецкаго, какъ архимандрита Лещинскаго монастыря, ведутся дѣла еще въ 1611 г. *(Арх. Греко-уніат. митр.* №№ 3627, 3629); намѣстникомъ означеннаго монастыря въ то время былъ Германъ Тышкевичъ (ibid.), измѣнившій впослѣдствіи православію и извѣстный, сначала какъ претендентъ на архимандрію кіево-печерскую (по смерти Захаріи Копыстенскаго; см. наше сочиненіе—*Кіевскій митр. Петръ Могила и его сподвижники*, стр. 556—558), а затѣмъ на Кіево-михайловскую (по смерти Іова Борецкаго; *Арх. Греко-ун. митр.* № 79),

предшествовавшія столѣтія значеніе религіозно-просвѣтительнаго центра. Въ этомъ отношеніи дѣятельность многопопечительнаго архимандрита была весьма разнообразна и—что особенно важно—вполнѣ соотвѣтствовала настоятельнымъ потребностямъ времени. Къ наиболѣе выдающимся явленіямъ, вызваннымъ религіозно-просвѣтительною дѣятельностію Елисея Плетенецкаго, должно отнести: 1) *возстановленіе въ обители общежитія по чину св. Василія и вообще улучшеніе иноческой жизни*; 2) *заведеніе Лаврской типографіи и устройство бумажной фабрики* (въ Радомыслѣ); 3) *вызовъ въ Лавру ученыхъ людей, а также лицъ, хорошо знакомыхъ съ типографскимъ дѣломъ*; 4) *изданіе книгъ* (богослужебныхъ, свято-отеческихъ, каноническихъ и религіозно-полемическихъ; 5) *образованіе института проповѣдниковъ*; и 6) *устройство школъ*.—Если къ этому присовокупимъ, что Е. Плетенецкій за время своего управленія Кіево-печерскою обителію окончательно упрочилъ автономію послѣдней, „зрядилъ“ женскій монастырь около Лавры, благоустроилъ Дятеловецкій монастырь, реставрировалъ печерскую церковь, въ нѣкоторыхъ кіево-печерскихъ помѣстьяхъ воздвигъ новые храмы [1]),—то мы поймемъ справедливость и значеніе слѣдующихъ словъ, произнесенныхъ Зах. Копытенскимъ въ годовщину смерти Плетенецкаго: „Отцемъ былъ (почившій архимандритъ) не только для Лавры, но и для всего народа россійскаго, и такъ ся тому святому заслужилъ мѣсцу (Кіево-печерской обители), иж штося колвекъ по немъ за помочью Божію въ томъ Пречистой Богородицы монастыру дѣеть и дѣяти будетъ: *все на его основъ, на его фундаментъ, на его будованіи починатися и кончатися будетъ*“.

Кромѣ указанной религіозно-просвѣтительной дѣятельности Е. Плетенецкаго, онъ во время своего управленія Кіево-печерскою обителію много заботился о матеріальномъ благосостояніи послѣдней,—много заботился — выразился словами Захаріи Копыстенскаго—„о цѣлости дому Божого монастыря Печерского и о всѣхъ Кіевскихъ, здавна до того монастыря належачыхъ монастырей, цалымъ разумомъ и силами боронячи его отъ тыхъ, которыи ялмужнѣ, то есть,

---

[1]) О религіозно-просвѣтительной дѣятельности Елисея Плетенецкаго см. подробнѣе въ нашемъ сочиненіи—*Кіевскій митроп. Петръ Могила и его сподвижники* (т. I. 1883 г., стр. 265—282).

маетностямъ того святого мѣсца кривды и безправя чинятъ и ихъ гвалтомъ одеймуютъ и отдаляютъ, венцъ и измышленными и потварными реиляціями и позвами неслушными труднятъ и обтяжаютъ, до кошту и шкоды приводятъ и зле удаютъ, препомнѣвши, же такимъ своимъ незбожнымъ поступкомъ, значне сумнѣне свое гвалтятъ, Богу ся противятъ, прокляцство святои памяти того мѣстца фундаторовъ на себѣ наволокаютъ, и Пречистой Богородицы крывду въ томъ чинятъ, которая не замолчитъ о томъ предъ Сыномъ своимъ и Божіимъ на судѣ страшномъ, ба и въ семъ животѣ силна есть всѣхъ своихъ противниковъ поразити, а свое отняти и оборонити".— Что эти слова не суть извѣстное риторическое украшеніе, а также, какъ и вышеприведенныя, дышатъ правдою,—въ подтвержденіе сего достаточно указать на тѣ многочисленные процессы, которые въ теченіе своего настоятельства надъ монастырями Печерскимъ и (совмѣстно) Дятеловецкимъ приходилось вести Елисею Плетенецкому съ разными лицами, посягавшими на монастырское имущество. Такъ, за означенное время нашимъ архимандритомъ велись тяжебныя дѣла изъ за маетностей съ слѣдующими лицами: уніатскимъ митрополитомъ Ипатіемъ Поцѣемъ (*Арх. Греко-уніат. митр. при святѣйш. Синодѣ*, № 3381), уніатскимъ митр. В. Рутскомъ (*ibid.* №№ 704, 2259, 3272, 3334, 3346, 3444, 3555, 3556 и 3558), настоятелемъ Виленскаго уніатскаго (Троицкаго) монастыря Іосафатомъ Кунцевичемъ (*ibid.* №№ 3375, 3376, 3379), княземъ Іоакимомъ Корецкимъ и его женою Анною Ходкевичевною (*Рукоп. принадл. Кіево-печ. Лавры*, № 236; см. выписи съ книгъ воеводства Кіевскаго отъ 22 декабря 1599 г., 23 іюня 1600, 29 іюля того же года, 22 сентября того же года, 24 ноября того же года, 4 мая 1601 г., 5 мая того же года, 30 октября того же года, 24 декабря того же, года 7 марта 1602 г., 5 мая 1604 г., и 27 декабря 1609 г.), Ѳомою Замойскимъ (*Арх. Греко-ун. митр.* № 3655), наслѣдниками князя Острожскаго (*ibid.* №№ 3070, 3657, 3618, 3666, 3941 и 3942), панами Ельцами (*ibid* № 3107; *рукопись принад. Лавры*,—гдѣ см. выписи съ книгъ воеводства Кіев. отъ 15 октября 1609 г. и 26 апрѣля 1613 г.), съ паномъ Велятницкимъ (*Арх. Греко-ун. митр.* №№ 3627, 3630, 3631 и 3632), съ п. Боговитиномъ (*ibid* № 3668), съ п. Линкевичами (ibid. №№ 3515, 3518, 3523), съ п. Юріемъ Лясо-

тою (*ibid.* № 3669), п. Елинскимъ (*ibid.* № 1009), п. Станиславомъ Харлынскимъ (*ibid.* №№ 3514, 3671 и 3672), п. Николаемъ Ивановичемъ Иващенцевичемъ и его сыновьями (*ibid.* №№ 3509, 3513, 3536, 3670, 3675) съ п. Лавриномъ Лозкою и его женою Анною Гулевичевною (*ibid.* №№ 3620, 3664, 3673, 3911), и ихъ наслѣдниками (*ibid.* связка № 29), земскимъ писаремъ Велетницкимъ (*ibid.* № 3627) и кіевскими мѣщанами (*Рукоп. принадл. Лавры*, № 236, *Центр. Арх. Царства польск.* Liber Tribun. Palat. Kijov. № 71, л. 355—359), *Архивъ Юго-зап. Рос.* ч. I, т. VI №№ (LXXX и LXXXI).

Изъ сказаннаго видно, что Елисей Плетенецкій не только можетъ быть причисленъ къ числу „знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ лицъ“, но и къ числу ревностныхъ администраторовъ ввѣреннаго ихъ управленію учрежденія. Не видно только, чтобы онъ могъ принадлежать къ числу воспитанниковъ Кіево-Богоявленской братской школы, якобы существовавшей еще въ концѣ XVI столѣтія. Аскоченскій, за неимѣніемъ данныхъ, отнесъ вступленіе Елисея Плетенецкаго к. печерскую архимандрію ко времени около 1615 года [1]),—и отсюда, хотя и съ очевидною натяжкою, могъ (разумѣется, безъ всякихъ документальныхъ доказательствъ) пріурочивать его воспитаніе ко времени непосредственно послѣ 1588 г. Но теперь когда положетельно извѣстно, что избраніе Плетенецкаго на означенную архимандрію состоялось еще въ 1599 г., что и ранѣе того, съ 1595 г., онъ былъ настоятелемъ Лещинскаго монастыря и притомъ уже переступившимъ сороколѣтній возрастъ, — воспитаніе нашего архимандрита должно быть отнесено къ 1563—1575 гг., слѣдовательно ко времени, за десятилѣтіе слишкомъ предшествовавшему возникновенію Кіево-братской школы даже по мнѣнію самихъ защитниковъ древняго преданія о пріѣздѣ въ Кіевъ константинопольскаго патріарха Іереміи.

Намъ остается только добавить, что Елисей Плетенецкій скончался 29 октября 1624 и что ясное указаніе на возрастъ, въ каковомъ постигла его смерть находится въ упомянутомъ *казаніи* Захаріи Копыстенскаго, произнесенномъ при погребеніи почившаго архимандрита. „Воистинну“,—говоритъ, между прочимъ, здѣсь проповѣдникъ,—„и тотъ отецъ нашъ заквитнулъ яко яблонь въ маю, т. е.

---

[1]) *Кіевъ съ его древ. училищемъ Академіею.* Кіев. 1856 г. ч. I. стр. 66.

въ благословенной старости. Процвѣлъ и сѣдинами честными, яко снѣгъ бѣлого волоса и цнотами духовными, Богу и людямъ любыми. *Жилъ абовѣмъ всего вѣку своего лѣтъ 70 и надто*“ [1]).

Леонтій Карповичъ.—Аскоченскій, пріурочивая Леонтія Карповича къ несомнѣннымъ воспитанникамъ Кіево-братской школы конца XVI стол., дословно говоритъ о немъ слѣдующее: „По окончаніи курса наукъ въ Кіевскомъ училищѣ, онъ принялъ монашество въ Кіево-печерской Лаврѣ, гдѣ и проходилъ всѣ степени послушанія. Свыше одаренный великими талантами, онъ не зарывалъ ихъ въ землю, и явился ревностнымъ защитникомъ угнетеннаго тогда православія. Будучи еще іеродіакономъ Лаврскимъ, Карповичъ въ 1608 году написалъ „Обличеніе на унію“, обратившее на него вниманіе какъ поборниковъ, такъ и противниковъ истины. Быстро вслѣдъ за симъ пошелъ онъ по степенямъ іерархическимъ, и въ 1615 году былъ уже архимандритомъ виленскаго святодуховскаго монастыря. По духу проповѣдничества современники называли Карповича „подобнымъ Златоусту“. Леонтій скончался въ 1626 году епископомъ владимірскимъ и берестенскимъ на Волыни, заключивъ собою рядъ православныхъ архипастырей этой епархіи, захваченной уніатами“ [2]).

Здѣсь почти каждое слово—историческая невѣрность или неточность. Мнѣніе о принятіи Л. Карповичемъ монашества до 1608 г. и пребываніи его около этого времени въ санѣ іеродіакона въ Кіево-печерской лаврѣ—невѣрно. Оно произошло вслѣдствіе слѣдующихъ ошибочныхъ соображеній. Въ началѣ указываемаго Аскоченскимъ сочиненія—*Обличеніе на унію* (въ настоящее время напеч. во II т. А. Ю. и З. Р.) сказано, что оно составлено въ 1608 г. *іеродіакономъ Кіево-печерской лавры Леонтіемъ*. Этотъ іеродіаконъ, какъ соименникъ Леонтія Карповича, и былъ смѣшанъ нѣкоторыми историками съ симъ послѣднимъ, и, такимъ образомъ, біографическія данныя изъ жизни одного лица пріурочены были къ жизни другаго. Что означенное соединеніе двухъ лицъ въ одно дѣй-

---

[1]) Предъ смертію Елисей Плетенецкій принялъ схиму, съ именемъ *Евѳимія*, и назначилъ себѣ преемника—Захарію Копыстенскаго (*Казанье на честномъ погребѣ*, 1625 г.). Надгробная надпись Плетенецкому помѣщена въ Τερατουργημ'ѣ А. Кальнофойскаго, изд. 1638 г.

[2]) Кіевъ съ древн. его училищемъ—Академіею, ч. I. стр. 64—65.

ствительно ошибочно, это, независимо отъ нѣкоторыхъ другихъ соображеній, ясно видно изъ того, Леонтій Карповичъ принялъ монашество не ранѣе 1609 года: экзархъ Кіевской митрополіи, подляшскій протопопъ Несторъ Кузменичъ въ своемъ посланіи пинскому духовенству (А. З. Р. IV. № 179) говоритъ, что виленскіе послы, отправлявшіеся на сеймъ въ началѣ января 1609 года, заѣзжали къ нему, и что въ числѣ этихъ пословъ былъ панъ Логинъ (свѣтское имя Леонтія) Карповичъ.

Невѣрно также мнѣніе, что Леонтій Карповичъ въ 1616 году былъ хиротонисанъ въ епископа владимірскаго и брестскаго. Л. Карповичъ былъ только избранъ православными южно-руссами на означенную епископію и притомъ избранъ уже въ 1620 году, т. е. въ то время, когда пріѣхавшимъ въ юго-западную Русь іерусалимскимъ патріархомъ Θеофаномъ возстановляема была здѣсь православная іерархія; но самое посвященіе, по причинѣ болѣзни и вскорѣ послѣдовевшей за нею смерти Карповича, не состоялось. Доказательствомъ сказаннаго, между прочимъ, служитъ проповѣдь (казанье) М. Смотрицкаго, произнесенная надъ гробомъ Карповича [1]). Здѣсь проповѣдникъ называетъ почившаго не епископомъ, но только номинатомъ епископа владимірскаго и берестейскаго, заявляя, что на означенную епархію Леонтій былъ избранъ „единомыслными всѣхъ православныхъ голосами“. Смерть Карповича послѣдовала не въ 1626, а *въ 1620 году*. Доказательствомъ этого служитъ, между прочимъ, упомянутая проповѣдь М. Смотрицкаго произнесенная въ ноябрѣ означеннаго (1620) года.

Изъ сказаннаго Аскоченскимъ о Леонтіѣ Карповичѣ справедливо только то, что онъ дѣйствительно былъ однимъ изъ передовыхъ людей своего времени — знаменитымъ проповѣдникомъ [2]) и

---

[1]) Единственный экземпляръ этого *казанья*, изд. въ Вильнѣ въ томъ же 1620 году, находится въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря.

[2]) Изъ проповѣдей Карповича наиболѣе извѣстны два слова—одно на *Преображеніе Господне*, а другое на день *Успенія Пресв. Богородицы*. Они изданы были впервые въ 1615 г. въ Евю, совмѣстно, подъ заглавіемъ: *„Казанье двое одно“*, и проч.—Проповѣди эти не разъ обращали на себя вниманіе изслѣдователей церковнаго краснорѣчія, причемъ изъ нихъ дѣлались иногда очень большія извлеченія (см. напр., *Маякъ*, 1843 г. т. XI). Въ полномъ видѣ означенныя проповѣди перепечатаны о. архимандритомъ Леонидомъ въ *Чтен. Импер. Общ. Истор. и Древ. Росс.* за 1878 г. (к. III); изданіе снабже-

„ревностнымъ защитникомъ угнетеннаго тогда православія“.—Какъ на доказательство высокаго уваженія, какимъ пользовался Карповичъ въ средѣ своихъ современниковъ, можно указать на слѣдующее мѣсто въ поздравительной рѣчи Петру Могилѣ, возвращавшемуся въ Кіевъ послѣ коронаціоннаго сейма въ санѣ митрополита: „Теперь, преосвященный митрополитъ, пожелай только отправиться до виленскихъ и другихъ мѣстъ русскаго и литовскаго міра,—ты увидишь, какъ встрѣтятъ тебя радостно на пути тѣ, которыми полны были темницы, полны ратуши, полны темничныя подземелья за пречистую восточную вѣру, воистину встрѣтятъ и покажутъ *своего предводителя въ терпѣніи, предшественника въ святости, по краснорѣчію подобнаго Златоусту—Леонтія Карповича.* Увидавъ нетлѣнныя мощи его, увидавъ ближнихъ за вѣру пострадавшихъ, можешь ты убѣдиться, какимъ великимъ дѣломъ услужилъ ты опечаленному народу нашему“, и т. д.—Кромѣ приведенной выдержки важнымъ матеріаломъ для характеристики Л. Карповича служатъ: упомянутая нами *проповѣдь* Мелетія Смотрицкаго, сказанная при погребеніи почившаго архимандрита, и *собственноручныя записки Петра Могилы.* Извлеченіе изъ той и другихъ сдѣланы нами въ замѣткѣ о Леонтіи Карповичѣ, помѣщенной въ *Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ* за 1880 г. (№ 3). Тамъ же сообщены нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія о фамиліи (шляхетской и доволько древней) Карповичей.

Остается замѣтить, что такъ какъ единственное,—притомъ само по себѣ не особенно убѣдительное обстоятельство (пребываніе Карповича въ 1608 г. въ Лаврѣ въ званіи іеродіакона), [1]) на основаніи котораго Аскоченскій причислялъ Леонтія Карповича къ *несомнѣннымъ* воспитанникомъ Кіево-братской школы конца XVI в., оказывается *несомнѣнно* не имѣвшимъ мѣста,—то и сдѣланный изъ него выводъ не можетъ имѣть серьезнаго значенія.

но и переводомъ на современный рус. языкъ.—Менѣе извѣстно слѣдующее казаніе Карповича: *Лямент у свѣта убогихъ, на жалостное преставленіе святобливого.*—Проповѣдь эта издана была въ годъ смерти Карповича (1620 г.) на русскомъ и польскомъ языкахъ.—Единственный извѣстный экзем. этой брошюры на рус. языкѣ находится въ Варшавѣ въ библіотекѣ *Красинскихъ*, а на польскомъ—въ *Импер. Публ. Библіотекѣ.*

[1]) Какъ самъ онъ заявляетъ въ одномъ изъ примѣчаній къ своей книгѣ (Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищ. Академіею. ч. I. примѣч. 59.

Захарія Копыстенскій. Біографическія свѣдѣнія о З. Копыстенскомъ, сообщаемыя историками, скудны и разнорѣчивы. Нѣсецкій говоритъ, что Захарія принадлежалъ къ фамиліи перемышльскихъ дворянъ, имѣвшихъ гербомъ Леливу [1]). Вишневскій, считаетъ его, неуказывая источника, откуда заимствуетъ свѣдѣнія, сыномъ извѣстнаго перемышльскаго епископа Михаила Копыстенскаго [2]), а Стебельскій—роднымъ или двоюроднымъ братомъ послѣдняго [3]). Г. Завитневичъ, написавшій довольно обстоятельное изслѣдованіе о самомъ выдающемся сочиненіи Захаріи Копыстенскаго—Палинодіи, отдаетъ предпочтеніе мнѣнію Стебельскаго, имѣя въ виду то обстоятельство, что Захарія пережилъ Михаила только 15 годами. Затѣмъ г. Завитневичъ, основываясь на документѣ, изданнымъ нами (прилож. къ 1 т. сочиненія—*Петръ Могила и его сподвижники*, N LII), гдѣ идетъ рѣчь о Дятеловецкомъ игуменѣ Василіи Копыстенскомъ, „съ нѣкоторою вѣроятностію“ полагаетъ, что и это лице находилось въ родственной связи съ Захаріею. Тоже самое онъ предполагаетъ „и объ Исаакіѣ Копыстенскомъ, бывшемъ (около 1628 г.) владыкою Промышльскимъ [4]).

Всѣ означенныя предположенія уясняются однимъ, дошедшимъ до насъ письменнымъ памятникомъ, представляющимъ собою чрезвычайно важный матеріалъ для біографіи Копыстенскихъ.—Нужно замѣтить, что въ разсматриваемое время въ юго-западной Россіи было „необычне дѣлу, художествомъ типографскимъ произведенному, безъ заступника въ свѣтъ исходити“... Тогда было въ обыкновеніи почти каждую, выпускаемую въ свѣтъ, книгу посвящать какой либо знатной свѣтской или духовной особѣ, а иногда и нѣсколькимъ, причемъ перемѣнялись только выходные и посвятительные листы книги. Посвященіе обыкновенно состояло въ слѣдующемъ: на оборотѣ заглавнаго листа отгравировывался гербъ той особы, которой посвящалась книга, внизу его помѣщалась эпиграмма (стихотвореніе), гдѣ изъяснялись эмблеммы герба, въ большинствѣ случаевъ въ примѣненіи къ лицу, ихъ имѣвшему; затѣмъ слѣдовала посвятительная предмова,

---

[1]) *Herbarz polski*, т. V, изд. 1840 г. стр. 219.

[2]) Histor. pols. liter.. т. VIII. (см. нашъ переводъ въ *Кіев. Епарх. Вѣд.* 1877 г. № 5).

[3]) Dwa wielkie swiatła, т. I. см. лит. К.

[4]) *Палинодія Захаріи Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-рус. полемики XVI и XVII вв.* Варшава. 1883 г. стр. 253—254.

состоящая изъ восхваленій патрона, которому приподносилась книга. Изготовляемыя услужливою рукою панегиристовъ, подобныя произведенія въ основѣ свой имѣютъ сервилизмъ и преувеличеніе и потому съ большою осторожностію нужно относиться къ тому реэстру достоинствъ, которыми изобилуютъ посвятильныя предмовы. Но послѣднимъ нельзя отказать и въ значительномъ историческомъ интересѣ, причемъ въ данномъ случаѣ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить біографическія свѣдѣнія, нерѣдко встрѣчающіяся въ подобныхъ произведеніяхъ, какъ относительно лицъ, которымъ приподносилась книга, такъ и относительно ихъ родственниковъ. Правда и къ этимъ свѣдѣніямъ нужно относиться съ осторожностію. Въ то время знатность и родовитность были весьма цѣнными качествами въ глазахъ западно-русской аристократіи. Поэтому всѣ знатныя лица того времени любили возводить начало своей родословной ко временамъ самымъ отдаленнымъ и уснащали свои генеологіи небылицами. Панегирики, писанныя главнымъ образомъ съ корыстными цѣлями, льстили честолюбію знати и въ свою очередь изобиловали подобными генеологическими небылицами. Но сказанное приложимо главнымъ образомъ къ отдаленной древности; что же касается періода, сравнительно близкаго ко времени панегириста, а тѣмъ болѣе современнаго ему, то въ данномъ случаѣ біографическія свѣдѣнія, сообщаемыя панегиристами о своемъ патронѣ (въ особенности генеологическія), заслуживаютъ въ извѣстныхъ пунктахъ полной вѣры. Думаемъ, что обстоятельное знакомство съ указанными панегирическими произведеніями не мало пролило бы свѣта относительно исторіи родовъ нашей южно-русской аристократіи.

Въ 1623 году Кіево-печерскою Лаврою, гдѣ въ то время архимандритомъ былъ Захарія Копыстенскій, издана была книга подъ заглавіемъ: *Іже въ святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго Архіепископа Константиноограда, патріарха вселенскаго, Бесѣды на 14 посланій апостола Павла.* Одни экземпляры этой книги (сравнительно довольно извѣстные) посвящены князю Святополку Четвертинскому; другіе же, составляющіе въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость,—выпущены въ свѣтъ съ посвятительною (отъ имени Памвы Берынды) предмовою Ѳеодору Копыстенскому. Эта посвятительная предмова и есть тотъ упомянутый нами письменный памятникъ, въ которомъ заключается весьма важный біографическій

матеріалъ относительно фамиліи Копыстенскихъ. Матеріалъ этотъ заключается въ нижеслѣдующемъ мѣстѣ посвятительной предмовы:

„Если бо вѣмъ пойзру на зацность и старожитность дому Ваш: Мил: (т. е. Ѳеодора Копыстенскаго), тая давная и явная есть: або вѣмъ еще отъ Лва князя Росскаго, а потомъ отъ королей полскихъ волности, прерогативы и данины свои маетъ. а нешто разводячи славы жаглѣ, мовлю: кто бо вѣмъ не видитъ же въ томъ цномъ старожитномъ шляхецкомъ дому Копистенскихъ зъ ласки Божеи находится мітра и копѣя, то естъ, станъ Архіерейства и Воинства, находится и Ѳилософія и Ѳеологіа і есть политика и Етіка. Сутъ бо вѣмъ въ немъ Философове, сутъ и Богословове и Проповѣдници, сутъ и воинове дѣлныи мужеве Рицерскіи. Кто прошу не зналъ въ духовныхъ Боголюбезного и превелеб: отца кѵръ Михаила Копистенского; который для своеи знаменитои годности науки усмотреный отъ Его Крол. Мил. за залеценемъ и жаданемъ пречестныхъ отцовъ, и ихъ мил. пановъ шляхты, а згола, истинну реку, Бозскимъ смотреніемъ или зряженіемъ подвышшенъ на епископію Премыслскую, а на томъ достоинствѣ годне и правилне найдуючися, великими здоровя и кошту значными отвагами оное справовалъ. Истинный то пастыръ былъ, и знаки благодати Божеи на немъ бывшіи и нынѣ намъ вѣдомы сутъ: Благословеніе Божіе презъ него Епископіи Премыслской дарованое, и до нынѣ дѣйствуетъ: особливе: гды по смерти его жаденъ отъ паствы его отступникомъ вѣры не нашолся, хранилъ Богъ молитвами его всѣхъ. Другая, такъ много зацныхъ ихъ милости пановъ шляхты Росскои землѣ Премысской и Самборскои находится и немаль и всѣ, же о вѣру великое старане чинятъ, и на сеймикахъ за ню ся заставляютъ, и на сеймъ посылаютъ кошты великіи важачи, а зъ апостатою и зъ всѣми отступниками жадной сполечности не маютъ. Свѣтитъ еще той епископъ не толко въ епископіи Премысской, але въ всѣхъ въ народѣ Росскомъ церквахъ двѣма своими сыновцами велебными *Захаріею и Василіемъ* освященными въ чину святоангелскаго иноческаго званіа: которые такъ правою Богословіею якъ и животомъ побожнымъ и прикладнымъ сияютъ. которыхъ я ту нынѣ не залицаю для ихже самыхъ благоговѣнства, же ся о себѣ похвалами не рачатъ. Ревность и подвги ихъ свидѣтелствуютъ о нихъ, и разумѣю кождый зъ духовныхъ сумнѣнемъ своимъ нудится въ ползу и въ съ-

зиданіе правовѣрныхъ, онымъ признати добродѣтели, ревность въ благочестіи, любовъ спокойного живота. При томъ и то, же въ вѣку своемъ не прожнюютъ и же церкви Божой сутъ велце потребными: даруй Боже въ кождомъ зъ насъ дому таковыхъ. И которуюжъ Епископію такъ Богъ ублагословилъ и утѣшилъ; которого жъ, мовлю, епископа такъ прославилъ и такъ плодоносного показалъ; заисте Боголюбезного Кyръ Михаила Копыстенского, епископа Премыслского, нынѣ отъ овецъ паствы его знамените ввесь народъ Росскій утѣшается, и церковь Христова и благочестіе заступленіе пріймуетъ. Розумѣю, же не здрожне реку, ижъ гдыбы ведлугъ постановленія и остатнеи его волѣ по смерти оного приняли были наречонного и благословеного отъ него наступцу на престолъ епископіи, певне бы нынѣ не апостата, але православный сѣдѣлъ на ней епископъ. Прекословили страстныи Самоилови, для того жъ Богъ Саула такового допустилъ, въ которомъ не благоволитъ и который вѣрныхъ смущаетъ. Лечъ Богъ епископа своего правовѣрного Михаила и по смерти прославляетъ, гды, якомъ реклъ, оного овечки пастырми посвятилъ и учителми и книготворцами поставилъ, гды статечне въ вѣрѣ Епархіа тая стоитъ.

Венцъ и о святобливомъ и законномъ того епископа животе вѣдомо естъ всѣмъ, окомъ духовнымъ взираючимъ! Яко въ цѣломудріи, въ справедливости, въ стремежливости, въ трезвости, и въ покорѣ жилъ и въ частомъ прочитываню книгъ забавлялся, чому и я ся время не малое присмотрѣлъ и долгимъ его постомъ, частымъ и горячымъ молитвамъ, всеноцному бденію и инымъ працамъ духовнымъ, праве всѣ цноты стану своего такъ ведлугъ свѣта, якъ и ведлугъ Бога достойне проходилъ. а часу отступеня нѣкоторыхъ именемъ толко владыкъ, марностю свѣта того и роскошу и славою зведеныхъ, ставился въ духу и ревности Иліи Пророка. и що о Осіи цари речено естъ, и о немъ речися можетъ: въ дни беззаконникъ укрѣпи правовѣріе. (*Сир.* 48, 49). Такъ то въ немъ духъ благочестіа и правды былъ, же гды митрополитъ и килка владыкъ отъ вѣры и пастыря своего патріарха вселенского отступили, а оного Богъ утвердилъ и за оными хоть много кротъ розными способы лщеный былъ не пошолъ. И такъ то добрый пастыръ былъ. же гды на него отъ соборища тыхъ отступниковъ неправедныи суды, якъ тежъ и отъ звѣрхностей свѣцкихъ розныи выроки выдавано и погрожки и насилства

чинено, а онъ правицею зъ высокости покрѣпленъ, не устрашился и не убоялся: але ревно и мужественно ставалъ, епископіи боронилъ. Даровалъ му тежъ Богъ и то, же на столици своеи свято и преподобно и памяти годно живота и бѣгу своего докончилъ. Припомяну еще и то, що знамените святобливость живота его и вѣры певность показуетъ и освѣдчаетъ, же гды предъ постомъ великимъ зъ тымъ *ся* свѣтомъ розсталъ, тѣло его презъ постъ ажъ до недѣли свѣтлой (спрѣчь воскресенія Господня) хотяжъ яко естъ обычай ни едною матеріею земною не было обваровано, цѣло и ненарушне пребывало, ажъ до часу погребенія, которого часу всѣ елемента навыкли ся рушати и отмѣняти, а тѣло того блаженного епископа яко православное вѣры вызнавци, и за благочестіе трудившагося, цѣло и ненарушно зъ добрымъ запахомъ пребыло, што часу погребу всѣмъ тамъ правовѣрнымъ яко многихъ становъ людемъ было въ подивеню. Естъ же и иныхъ добродѣтелныхъ повѣстей о немъ и справъ и трудовъ побожныхъ, которыи на сесъ часъ мняю. Штожъ ту помыслитъ и речетъ нѣкогда дерзнувый на святителя и пастыря такового; въ себѣ не возрѣвъ, ниже поминая онаго преподобнаго святыхъ отшелникъ Піора: о немъ же въ отецницѣ пишетъ. Тѣмъ же да кается сицевый, да не прекнется ему и да не испытанъ будетъ въ свое время, о немъ же и азъ благости Божей молюся простится и намъ вся, обаче онъ (простивъ мене о помянутіи) да бѣжитъ къ гробу того прощенія прося, и якоже на начало вознеся пришедъ вся смѣрится, дерзнутая и осужденіа отвергъ, лучшая впишетъ и ублажитъ достойна и о писаніихъ ублаженія

Обертаюся до Рицерскихъ, зъ той то презацной Ваш. мил. фамиліи мужей дѣлныхъ много выходило. Припомяну межи иными прадѣда Ваш. мил. Іосифа Бѣдона Копистенского мужа валечного и силного, яко оныи Самаіа и Авеса, которыхъ Давидъ похваляетъ. Припомяну за удѣльную речъ и ростропного и справедливого и повинныхъ своихъ зъ душѣ любячого Его мил. п. Іоанна Копистенского брата рожоного епископова, а стрыя Ваш. мил. который на дворѣхъ четырехъ кролей полскихъ при велможныхъ былъ и служилъ, и въ чужихъ земляхъ Рицерскимъ ся дѣломъ забавлялъ. Припомню тыжъ и оного благородного и удатного мужа Гермогена Копистенского рожоного ваш. мил. который въ цнотахъ и должности свѣтилъ такъ, же для дознаныхъ своихъ въ рыцерствѣ справъ Рот-

мистровства булаву одержалъ, где якъ чуле и пристойне Речи-Посполитой услугуючи вѣкъ свой проводилъ явно естъ всѣмъ. Якъ засъ былъ въ доброчинности гойной, исповѣдятъ тыи, которыи добродѣйствъ его ласки гойне заживали, чого и я участникомъ оныхъ бывши насмотрилемъ ся.

Штожъ былъ реклъ и о зацной особѣ Ваш: Мил: бывалость въ чужихъ земляхъ, и языковъ умѣетность, яко то по нѣмецкого и Угорского, гдѣ седмъ лѣтъ на рыцерскомъ дѣлѣ управилесь, особливе въ Нѣмцехъ и въ Уграхъ, въ ротахъ цесара Родолфа жолнѣрскую служилъ, где дѣлне собе за помочу Божею поступовалъ зъ татары и турки гарцы зводячи, и поединки щасливе чинячи. Венцъ и ту въ отчизнѣ на розныхъ експедиціяхъ служилесъ, яко и подъ часъ свѣжо страшнои войны зъ Турки и Татары, посполу зъ Ихъ Мил. п:п: обывателми року прошлого на посполитое рушенье досыть охендожне и зъ охотою ставилесься. а нынѣ засъ въ законѣ Божомъ и побожности квитнешъ. Вспомню еще и оного мужа преважного благородного п. Павла Копистенского, стрыечного брата Ваш. Мил., который южъ ту повторе въ татарахъ енцомъ есть, которого Богъ якъ вѣрного вызнавцу освободи, не на приватнахъ але на службахъ Речи Посполитой, на публичныхъ войнахъ въ ротахъ квартяныхъ, коштовне показалъ служачи. а сталъся енцомъ въ Волошехъ и зъ иными многими велможными на той часъ, кгды и Гетманъ Великій Коронный Станиславъ Жолковскій зъ немалымъ войскомъ року 1620 полеглъ".

Болѣе извѣстные экземпляры *Бесѣдъ І. Златоустаго на 14 посл. апостола Павла* посвящены—какъ мы сказали—князю Стефану Святополку Четвертинскому. Въ посвятительной предмовѣ князю, составленной самимъ Захаріею Копыстенскимъ, есть тоже нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся фамиліи Копыстенскихъ. Именно, здѣсь кіево-печерскій архимандритъ, упомянувши объ „особливой ласкѣ и пріязни" Святополка Четвертинскаго лично къ нему, говоритъ вообще о добрыхъ отношеніяхъ князя къ фамиліи Копыстенскихъ, съ которою онъ состоитъ въ родствѣ. „Поглядаючи"—читаемъ здѣсь—„на съплеменництво з Пресвѣтлымъ Ваш. Княж. Мил. домомъ домовства нашего, яко того, который кождую речъ уважати умѣешь, держу же и то Ваш. Княж. Мил. до милости и любви насъ потягати будетъ. Не мнѣй, маючи вѣдомыи тебѣ цноты дѣлнои въ

справахъ рицерскихъ мужа, славнои памяти Ермогена Копистенского, Ротм. Его Корол. милости, брата моего и швагра Ваш. Княж. милости, которому самъ Ваша Княж. Мил. знаменитыи въ томъ давати рачишъ данки и хвалы, и не безъспоболѣнія, же ліосъ того свѣта палъ на него въ крававой насъ жаглѣ жалосне пожегнати. Тымъ же побожнымъ взглядомъ и позосталыхъ оного двоихъ потомковъ, сына и цорки, годныхъ политованья, якъ и оныи Плакиды и Евстафіа два отроки, рачъ въ ласце своей ховати и онымъ милостивымъ добродѣемъ быти“ [1])...

Изъ приведенныхъ выдержекъ, не зависимо отъ другихъ данныхъ, уясняющихъ генеологію фамиліи Копыстенскихъ, точно устанавливается тотъ фактъ, что кіево-печерскій архимандритъ Захарія Копыстенскій былъ *сыномъ* извѣстнаго перемышльскаго епископа Михаила; а предполагаемый его родственникъ—*Василій* Копыстенскій,—сначала игуменъ Дятеловецкій, а впослѣдствіи настоятель Перемышльскаго троицкаго монастыря,—былъ *роднымъ* его братомъ [2]).

Такъ какъ Захарія Копыстенскій былъ уроженецъ земли перемышльской, то уже на основаніи этого естественно предположить, что первоначальное образованіе (законченное до 1608 г.) [3]) получе-

---

[1]) Для лицъ, интересующихся фамиліею Копыстенскихъ, укажемъ еще на кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2088, (л. л. 326—328), гдѣ помѣщенъ „декретъ межи паномъ Яномъ Копыстенскимъ и Богушемъ Заяцемъ“. Здѣсь „шляхетный панъ Янъ Копыстенскій“ обвиняетъ Богуша и его жену Катерину Костюшковичевну въ томъ, что недавнихъ часовъ (4 марта 1597 г.) въ селѣ Гуляницахъ, „з воли, росказаня и направы“ означенныхъ лицъ „немилостиве замордованъ былъ“ панъ *Стефанъ* Копыстенскій, братъ „рожоный“ *Яна* Копыстескаго.—Въ актов. книгѣ того же Архива, № 2117, л. л. 493, 494, (1613 г.) упоминается *Николай Копыстенскій*, жившій въ повѣтѣ Кременецкомъ.

[2]) О немъ см. наше сочиненіе—*Кіев. митроп. Петръ Могила и его сподвижники* т. I. стр. 70—72, 558, и *прилож.* № LII.—Также *Архивъ Юго-Зап. Рос.* ч. I. т. VI. № CCLX.—*Гермогенъ Копыстенскій*, котораго Захарія въ посвятительной предмовѣ до князя Четвертинскаго называетъ своимъ братомъ, былъ, по всей вѣроятности, сыномъ Іоанна Копыстенскаго, слѣд. приходился Захаріи братомъ *двоюроднымъ* (на что̀ указываетъ и отсутствіе въ упомянутой предмовѣ прибавки къ слову братъ—*рожоный*). Что касается до Перемышльскаго епископа Исаакія Копыстенскаго (1628 г.) о родствѣ котораго съ нашимъ Захаріею говоритъ г. Завитневичъ, слѣдуя Нѣсецкому,—то это прямое недоразумѣніе. Въ 1628 г. Перемышльскимъ владыкою былъ не *Исаакій Копыстенскій* а *Исаія Копинскій*. Этотъ недосмотръ очевидно и далъ основаніе для означеннаго, не оправдываемаго документальными данными, предположенія.

[3]) Около этого времени Захарія Копыстенскій прожилъ „время не мало“ у основателя Скитской обители (въ Станиславскомъ округѣ нынѣшней Галиціи) схимонаха Іова

но имъ въ ближайшемъ въ мѣсту жительства его отца городѣ, имѣвшемъ въ то время одно изъ лучшихъ училищъ, т. е. въ средѣ львовскаго братства. Дѣйствительно къ числу воспитанниковъ, львовскаго братства Захарія и причисляется нѣкоторыми историками [1]), и хотя послѣдніе не приводятъ въ подтвержденіе своего мнѣнія никакихъ данныхъ и даже соображеній, но едва ли справедливость означеннаго мнѣнія можетъ подлежать сомнѣнію. Мы укажемъ на то, что отецъ Захаріи перемышльскій епископъ Михаилъ имѣлъ тѣсныя связи со львовскимъ братствомъ, и именно—по вопросу о воспитаніи юношества, не рѣдко обращаясь къ братчикамъ съ просьбами о присылкѣ къ нему учителей [2]). При этомъ имѣетъ немаловажное значеніе и то обстоятельство, что самъ Захарія Копыстенскій въ своихъ сочиненіяхъ обнаруживаетъ не только обстоятельное знакомство съ нѣкоторыми историческими событіями, имѣвшими мѣсто во Львовѣ (въ концѣ XVI стол.), но и съ планомъ самаго города [3]). Впрочемъ, можно думать, что образованіе Захаріи Копыстенскаго не ограничилось львовскою братскою школою, но, по укоренившемуся въ то время между южно-русскою аристократіею обычаю, онъ для завершенія его посѣтилъ и западно-европейскія учебныя заведенія. Вообще же это былъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени,—и къ нему болѣе, чѣмъ къ другимъ мнимымъ воспитанникамъ Кіево-братской школы (XVI столѣт.) приложимо названіе „знаменитаго своимъ просвѣщеніемъ“ лица.—Изъ произведеній Захаріи Копыстенскаго извѣстны: *Палинодія* (1621—1622 гг.),—обширное сочиненіе, до самаго послѣдняго времени остававшееся къ рукописи (о ней есть упомянутое изслѣдованіе г. Завитневича, а также двѣ довольно слабыя впрочемъ статьи М. Флоренсова въ *Кіев. Епарх. Вѣдом.* за 1873—1874 гг.),—*Книга о вѣрѣ единой святой соборной*

Княгиницкаго „въ велицѣ смиреніи, утѣшающеся отъ дѣлъ и словесъ его“ (см. житіе Іова Княгиницкаго, помѣщ. въ сборникѣ: *Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ* 1860 г., изд. во Львовѣ, стр. 225—251).

[1]) Начало и дѣйствованіе Ставропигійскаго братства во Львовѣ по отношенію историко-литературному, Я. Головацкаго. (*Зоря Галицкая* 1860, стр. 431—476)

[2]) См. прилож. къ I. т. нашего сочиненія: *Кіевс. митроп. Петръ Могила и его сподвижники*, №№ VII—IX.

[3]) Палинодія Захаріи Копыстенскаго (Русс. Историч. Библ. т. IV), ч. I, разд. III, артикулъ 2; ч. III, раз. I, артик. 2.

Апостольской церкве, изд. 1619 г. (о ней см. наши *Библіографическія замѣч. о старопеч. книгахъ XVI—XVIII столѣт.*, и статью о. арх. Леонида—*замѣтка объ одной старопеч. книгѣ*,—оттискъ изъ *Чтен. Имп. Общ. Истор. и Древ. Росс.*), *Книга о правдивой едности православныхъ христіанъ церкви восточной, такъ же и противъ апостатовъ и о ихъ лживой уніи*, (около 1623 г.), до настоящаго времени не изданная (списки есть въ библіотекахъ: графа *Уварова*, *Москов. Синодальной* и *Кіев. дух. Академіи*),—и двѣ, замѣчательныя по ораторскимъ пріемамъ, проповѣди: *Казанье на честномъ погребѣ. Елисея Плетенецкаго* (Кіевъ, 1625 г.) и *Омилія албо казанье на роковую память Е. Плетенецкаго* (Кіевъ, 1625 г.). Кромѣ того З. Копыстенскому принадлежатъ (въ сотрудничествѣ съ другими лицами) переводы нѣкоторыхъ богослужебныхъ и свято-отеческихъ книгъ, изданныхъ какъ при его предшественникѣ по управленію кіево-печерскою архимандріею, такъ и при немъ; а также нѣкоторыя предисловія и предмовы къ симъ книгамъ. (Изъ таковыхъ предисловій одно, за смертію Захаріи, не было напечатано; оно находится въ рукопис. экземплярѣ приготовленныхъ къ печати Поученій Аввы Дороѳея. Означенный экзем. наход. въ *Москов. Синод. Библіотекѣ*).

Захарія Копыстенскій не только не былъ воспитанникомъ Кіево-братской школы XVI стол., но и самое появленіе его въ Кіевѣ относится только къ половинѣ втораго десятилѣтія слѣдующаго вѣка (около 1614 г.) Онъ прибылъ сюда, будучи вызванъ Елисеемъ Плетенецкимъ (см. *Омилію на роковую память*, 1625 г.), заботившимся о привлеченіи въ Лавру ученыхъ мужей. Одною изъ лучшихъ рекомендацій Захаріи Копыстенскому служитъ уже и то обстоятельство, что Е. Плетенецкій не задолго до своей кончины,—имѣя въ виду, съ одной стороны, обычныя при выборахъ новаго настоятеля неурядицы, а съ другой—черезъ передачу въ надежныя руки кормила правленія желая упрочить начатое имъ и стоившее многолѣтнихъ трудовъ дѣло религіозно-нравственнаго обновленія обители,—избралъ своимъ „сукцессоромъ“ (преемникомъ) нашего Захарію. Управленіе послѣдняго обителію было не продолжительно (1624—до 21 марта 1627 г.), но тѣмъ не менѣе плодотворно. О его дѣятельности въ санѣ архимандрита см. наше сочиненіе о *Кіевскомъ митроп. Петрѣ Могилѣ* (т. I, стр. 283—288). Изъ необнародованныхъ актовъ, важныхъ для характеристики З. Копыстенскаго, собственно какъ адми-

нистратора, укажемъ на рукописный сборникъ, находящійся въ *Московской типографской Синодальной Библ.* (№ 442).

Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій. — Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій довольно извѣстенъ своими учено-литературными трудами (*Зерцало Богословія*, впервые изд. 1618 г. въ Почаевѣ, *Евангеліе учительное*—собраніе проповѣдей—изд. 1619 г. въ Рахмановѣ, *Перло многоцѣнное*, изд. 1646 г. въ Черниговѣ), но біографическія свѣдѣнія о немъ скудны. Категорически высказываемое исторіографами Кіевской Академіи мнѣніе о томъ, что Ставровецкій былъ воспитанникомъ Кіево-братской школы XVI столѣтія основывается на позднѣйшемъ предположеніи объ этомъ нѣкоторыхъ историковъ. Но послѣднее не имѣетъ за собою не только никакихъ документальныхъ данныхъ, но даже и правдоподобныхъ соображеній. Напротивъ, имѣются положительныя свѣдѣнія о пребываніи Кирилла Ставровецкаго въ концѣ XVI и началѣ XVII стол. въ странахъ Галицкихъ и Виленскихъ,—причемъ мы застаемъ его въ это время уже человѣкомъ, закончившимъ свое образованіе. Такъ около 1589 г. мы видимъ Ставровецкаго учителемъ львовской школы. Въ октябрѣ означеннаго года онъ, по порученію братства, ѣздилъ въ Тарнополь, гдѣ находился въ то время константинопольскій патріархъ Іеремія. Передъ нимъ Транквилліонъ говорилъ рѣчь (апологію) въ защиту братства, угнетаемаго мѣстнымъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, за что послѣдній вырвалъ апологету бороду [1]). Преслѣдованія со стороны Балабана побудили Кирилла удалиться въ Вильно (1592 г.) [2]). Спустя нѣсколько лѣтъ мы видимъ его опять въ предѣлахъ Галицкихъ.—Что Кириллъ Транквилліонъ можетъ быть причисленъ къ числу „знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ лицъ“,—съ этимъ отчасти можно согласиться; но отнюдь нельзя назвать его ревнителемъ православія. Уже первыя его произведенія, вслѣдствіе нѣкоторыхъ не вполнѣ согласныхъ съ ученіемъ православной церк-

---

[1]) *Лѣтоп. Львов. Братства, Зубрицкаго,* см. годы 1589, 1590. Что упоминаемый здѣсь учитель Львовской школы есть *Кириллъ Транквилліонъ* (а не *Кириллъ Лукарисъ*, котораго нѣкоторые безъ *всякихъ основаній* считаютъ учителемъ львовской школы того времени), на это указываетъ—помимо другихъ соображеній—насмѣшливое прозваніе, данное Транквилліону—*Безбородый.*

[2]) *Акты Зап. Росс.* т. IV. № 33., стр. 43.

ки мнѣній, неодобрительно встрѣчены были въ юго-западной Руси (см. въ высшей степени любопытный разборъ его *Зерцала Богословія*, сдѣланный основателемъ скитской обители схимонахомъ Іовомъ,—помѣщ. въ приложеніяхъ къ нашему сочиненію—*Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники*, № XXXV; какъ недоброжелюбно встрѣчено было *Евангеліе Учительное* Транквилліона, объ этомъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи ко 2 изд. его),—что вызывало съ его стороны протесты „полные ярости и злобы“ (*Кіев. митр. Петръ Могила и его сподвижники*, т. I. примѣч. стр. 233) и едва-ли не было главною причиною перехода въ унію. „Развѣ *Кириллъ Безбродый*—читаемъ въ одномъ тоговременномъ памятникѣ—ради спасенія души обратился къ расколу развратныхъ уніатовъ? Развѣ не потому, что сшивъ изъ чужихъ кусковъ книгу *Евангеліе Учительное*, т. е. воскресныя и праздничныя проповѣди, противныя науки восточной вѣры, пустилъ ихъ посредствомъ печати въ міръ? Ибо когда получилъ выговоръ въ духовномъ синодѣ и отъ него требовали, чтобы онъ свою книгу подвергнулъ духовному разбору и цензурѣ, и только послѣ одобренія ея въ свѣтъ издалъ, онъ этого никоимъ образомъ допустить не хотѣлъ и непокорный присоединился къ расколу, гдѣ вмѣстѣ съ этими книгами принятъ за праведнаго“ [1]).—(Сочиненія К. Транквилліона—какъ извѣстно—подверглись осужденію и въ Москвѣ).—Перешедши въ унію, Кириллъ получилъ „отъ короля“ игуменство въ Черниговѣ, гдѣ и скончался въ 1646 году (по выраженію на одной рукописи въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ: „здохъ року 1646“).

О Кассіанѣ Саковичѣ, бывшемъ ректорѣ (но отнюдъ не воспитанникѣ) Кіево-братской школы, біографическія свѣдѣнія будутъ сообщены въ III главѣ. О прочихъ же мнимыхъ воспитанникахъ означенной школы (*Б. Хмѣльницкомъ* и его сподвижникахъ) говорить считаемъ излишнимъ.

---

[1]) *Indicium, to iest pokazanie cerkwie Prawdziwey...* (Рукоп. 1638,—выдержки изъ нея см. въ *Библіографическихъ находкахъ во Львовѣ, Я. Ѳ. Головацкаго*).

II.

Фундаторша Кіево-братскаго монастыря Галшка Гулевичевна; ея настоящее имя (Елисавета); біографическія свѣдѣнія объ ея второмъ мужѣ мозырскомъ маршалкѣ Стефанѣ Лозкѣ и его родственникахъ; біографическія свѣдѣнія о самой фундаторшѣ и ея родичахъ.—Дарственная запись Галшки Гулевичевны и обстоятельста, при которыхъ она была дана (случайность дара).—Причины, содѣйствовавшія возникновенію въ Кіевѣ братства; старанія объ учрежденіи его кіевлянъ, предшествовавшія по времени датѣ дарственной записи Гулевичевны; предположеніе о первой церкви, гдѣ сосредоточивалось непродолжительное время ново-формировавшееся братство.—Соединеніе братства съ фундушемъ Гулевичевны.—Уставъ, принятый братствомъ въ руководство.—Данныя уясняющія исторію к. братства за періодъ 1615—1632. Пріѣздъ въ Кіевъ іерусалимскаго патріарха, дарованіе имъ братству ставропигіальныхъ правъ, возстановленіе западно-русской іерархіи—самыя крупныя событія даннаго времени. Мнимое разореніе братства въ 1621 и слѣд. годахъ.—Игумены Кіево-братскаго модастыря за разсматриваемое время.

Мы не признаемъ Галшку Гулевичевну основательницею Кіевскаго братства, но ей неотъемлемо принадлежитъ почетное титло фундаторши монастыря, около котораго сосредоточилось почти одновременно съ нимъ возникшее Кіево-Богоявленское братство со своею школою—впослѣдствіи Академіею,—причемъ дальнѣйшая исторія обоихъ учрежденій долгое время соединена была тѣснѣйшимъ образомъ, а внѣшне, хотя уже и въ самой слабой степени, соединена и донынѣ. Поэтому на историкѣ Кіевской Академіи лежитъ обязанность сообщить возможно полныя свѣдѣнія объ означенной фундаторшѣ, доселѣ съ доброю памятью чтимой нашею Alma Mater. Но едва ли въ ряду нашихъ историческихъ дѣятелей разсматриваемаго времени можно указать много именъ, свѣдѣнія о которыхъ были бы столь скудны и отрывочны, какъ они скудны по отношенію къ нашей фундаторшѣ. Свѣдѣнія эти до настоящаго времени исключительно огра-

ничивались сообщеніемъ, что Галшка Гулевичевна, подарившая въ 1615 году дворъ на основаніе монастыря въ Кіевѣ, была женою *мозырскаго маршалка Стефана Ложки*,—и только. Мало того, съ Гулевичевною случилось то, что въ исторіи не часто и случается: самое имя ее, ясно обозначенное въ извѣстныхъ записяхъ того времени, переведено было на русскій языкъ—неточно, и она нерѣдко была смѣшиваема съ другою Гулевичевною, мнимою своею сомененицею, а нѣкоторыя недавно сообщенныя свѣдѣнія объ ея мужѣ не только не послужили къ уясненію его личности, но даже создали нѣкоторыя недоразумѣнія.

Относительно настоящаго имени Гулевичевны, мы имѣли уже случай говорить въ нашемъ сочиненіи—*Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники*. Намъ остается повторить сказанное прежде.

Жертвователеница фундуша, перешедшаго во владѣніе братства, всѣми изслѣдователями называется *Анною* (Гулевичевною), подъ каковымъ именемъ она до настоящаго времени поминается и въ Кіево-братскомъ монастырѣ. Это несправедливо. Во всѣхъ извѣстныхъ документахъ означенная фундаторша называется Галшкою (*Памят. Кіевск. Комм.* т. II, №№ 1, 6); такъ и собственноручно подписывалась она подъ дѣловыми бумагами (одна изъ нихъ сохранилась и находится въ музеѣ церковно-археологическаго общества при Кіев. дух. Академіи). Но имя Галшка въ переводѣ означаетъ не *Анну*, а *Елизавету*. Въ подтвержденіе этого ссылаемся на любой польско-русскій словарь (см., напр., Słownik ięzyka polskiego, przez Samueła Bogumiła Linde. 1856 r. t. II. str. 168).—Когда означенное исправленіе въ имени Гулевичевны предложено было нами въ одномъ изъ засѣданій церковно-археологическаго общества при Кіевской дух. Академіи, то оно встрѣчено было съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, причемъ высказано было предположеніе, что, по всей вѣроятности, прежде—въ XVI и XVII стол.—имя Галшки соотвѣтствовало русскому названію Анны, такъ какъ иначе трудно допустить, чтобы подобная ошибка въ имени Гулевичевны не была замѣчена прежними изслѣдователями, въ числѣ коихъ не мало находилось хорошихъ знатоковъ южно-русской старины. Смѣемъ увѣрить, что и въ прежнее время имя Галшки никогда не означало русскаго—Анна, и что фундаторша Гулевичевна дѣйствительно называлась (не *Анною*, а) *Елиза-*

ветою. Въ доказательство этого приводимъ слѣдующія данныя: *во первыхъ*, въ древнихъ документахъ не рѣдко встрѣчаются тяжебныя дѣла между женщинами, причемъ случается, что одни изъ нихъ (въ одномъ и томъ же актѣ) носятъ названіе *Анны*, а другія *Галшки* (напримѣръ: y żałowała sławetna pani *Halszka* Pazkiewiczowna.... na panią *Hannę* Samuełową,... et caet.),—отсюда естественно предполагать, что эти имена имѣютъ не тождественныя значенія; *во вторыхъ*, въ документахъ, писанныхъ на польскомъ языкѣ или южно-русскомъ нарѣчіи, одно и тоже лице называется *Halszką, Галшкою*; а въ другихъ, изложенныхъ по-латыни, или въ тѣхъ же самыхъ документахъ, но переведенныхъ на латинскій языкъ, это же самое лице называется *Елизаветою.* Такъ, напр., извѣстная своею трагическою судьбою дочь князя Иліи Острожскаго и его жены Беаты называется въ однихъ документахъ (польскихъ) *Галшкою*, въ другихъ (латинскихъ) *Елизаветою*, а въ нѣкоторыхъ (южно-русскихъ) то Галшкою, то Алжбетою. Приводимъ нѣсколько примѣровъ: 1) „Postawywszy się obliczne xiężna *Helszka*, czurka niebożczyka kxiąnżenczia Iliego Ostroskiego“... et caet. *(изъ гродскаго познанскаго архива, докум., приводимый y Przedzieckiego въ сочиненіи—Jagellonki polskie w XI wieku, т. V, стр. 268—279)*; 2) „Quia Demetrius Sanguszkowicz ob stuprum illustri virgini *Elisabetae* duci Ostrogiensi per vim oblatum“.... et caet.—„Desponsata est in nostra praesentia illustris *Elisabeta* Dux Ostroschensis“.... et caet. (ibid.) 3) „и дочку ее милости (Беаты) княжну *Галшку*“ *(Луцкая град. книга* № 2037, л. 18; въ другихъ, дальнѣйшихъ документахъ той же книги дочь Беаты иногда называется *Алжбетою)*; наконецъ, *въ третьихъ*, въ нѣкоторыхъ документахъ и сама наша фундаторша Галшка Гулевичевна называется *Алжбетою.* Такъ въ 1618 году нѣкто Діонисій Лукаревскій заносилъ въ гродскія житомирскія книги жалобу „на урожоную ее мил. панюю *Галжбиту* Гулевичевну Лозчиную, маршалковую мозырскую“ *(Житом. град. книга, хранящаяся въ Кіев. Центральномъ архивѣ*; № книги 13, л. 1411). Думаемъ, что послѣ сказаннаго вопросъ о русскомъ имени Галшки Гулевичевны можетъ считаться достаточно уясненнымъ. Замѣтимъ, что вопросъ этотъ имѣетъ нѣсколько бо́льшее значеніе, чѣмъ это представляется съ перваго взгляда: рѣшеніе его разшатываетъ часть тѣхъ легендарныхъ свѣдѣній, которыми такъ изобильна первоначальная исторія Кіево-Богоявленскаго братства. Слѣдуетъ припомнить, что свѣдѣ-

нія, сообщаемыя историками о постройкѣ въ 1615 году домовой церкви при братскомъ монастырѣ во имя *св. Анны*, о составленіи братскаго уписа 9 декабря 1615 г., въ день зачатія *св. Анны*, о долголѣтнемъ торжественномъ празднованіи братствомъ этого дня (см. сочиненія М. А. Максимовича II. 180—181),—эти свѣдѣнія, не имѣющія для своего оправданія никакихъ фактическихъ данныхъ, единственно основывались на имени нашей фундаторши, доселѣ именовавшейся *Анною*..... Еще нѣсколько словъ. То обстоятельство, почему ошибка въ русскомъ имени Галшки Гулевичевны была допущена и не была замѣчена нашими историками, разумѣется, всего естественнѣе объясняется недосмотромъ. Но могъ быть здѣсь и не одинъ недосмотръ. Дѣло въ томъ, что одновременно съ Галшкою Гулевичевною въ Кіевѣ и его окрестностяхъ проживала ея родственница *Анна* Гулевичевна, о дѣятельности которой сохранилось сравнительно бо́льшее количество документовъ, чѣмъ о Галшкѣ Гулевичевнѣ. Вотъ эти то документы, кажется, и вводили изслѣдователей въ заблужденіе [1]): они относили ихъ къ Галшкѣ Гулевичевнѣ (чему могло еще способствовать и то обстоятельство, что обѣ Гулевичевны были въ замужествѣ за Лозками,—одна за Стефаномъ а другая за Лавриномъ) и, вслѣдствіе этого, считали имена: Галшка, Анна,—тождественными.

Желая восполнить существующій у нашихъ историковъ Кіев. Академіи пробѣлъ по отношенію къ біографіи и родословной фундаторши Кіево-Богоявленскаго монастыря, мы обратились къ тоговременнымъ актамъ. Извлеченныя нами изъ нихъ по крупицамъ свѣдѣнія, имѣющія то или другое отношеніе къ данному предмету, хотя и не особенно изобильны, тѣмъ не менѣе вносятъ довольно значительный свѣтъ въ темную исторію рода Гулевичей и Лозокъ,—во всякомъ случаѣ представляютъ нѣчто новое, доселѣ въ нашей литературѣ неизвѣстное и потому уже заслуживающее обнародованія.

---

[1]) Вводили въ заблужденіе даже изслѣдователей наиболѣе точныхъ и осмотрительныхъ въ выводахъ. Такъ, напр., уважаемый И. И. Малышевскій въ одномъ изъ засѣданій Историч. Общества Нестора Лѣтописца, дѣлая сообщеніе о новыхъ матеріалахъ для біографіи фундаторши Кіево-братскаго монастыря, исключительно сообщилъ свѣдѣнія объ *Аннѣ Гулевичевнѣ, женѣ Лаврина Лозки.*

Поведемъ сначала свою рѣчь о мозырскомъ маршалкѣ *Стефанѣ Лозкѣ*, мужѣ Елизаветы Гулевичевны.

Положительныя свѣдѣнія о панахъ Лозкахъ восходятъ къ началу XVI столѣтія, въ каковое время мы встрѣчаемъ эту фамилію достаточно богатою, а ея представителей занимающими довольно видныя общественныя должности. Въ 1508 году три родные брата: *Андрей* Лозка, войскій брестскій, *Олехно* Лозка, городничій кіевскій, и *Яцко* Лозка, намѣстникъ новгородскій, производили дѣлежъ оставшагося послѣ смерти ихъ отца недвижимаго имущества, причемъ младшій изъ братьевъ—*Яцко* получилъ въ свое владѣніе слѣдующія маетности: „място“ (городъ) *Пуково* съ дворомъ, села: *Батыево* съ монастырищемъ, церковію и островами, наданными на ту церковь княгинею Домейковою, *Забудзино*, *Высокое*, *Ситниковщину*, *Розоево* и нѣкоторыя другія менѣе крупныя населенныя мѣстности[1]). У Яцко Лозки было также три сына: *Филонъ*, *Богданъ* и *Василій*. Въ 1522 г. они также дѣлили отцовское наслѣдіе, причемъ на долю младшаго—*Василія*, въ числѣ другихъ маетностей, достались „място“ *Пуково* и значительная часть села *Батыева*[2]). Этотъ Василій Лозка и былъ отцомъ будущаго мужа Галшки Гулевичевны—*Стефана Лозки*. Послѣдній родился, по всей вѣроятности, не позднѣе пятидесятыхъ годовъ означеннаго столѣтія (около 1545 г.); во всякомъ случаѣ, въ 1566 г. онъ былъ уже настолько взрослымъ и опытнымъ человѣкомъ, что отецъ поручалъ ему веденіе въ судахъ тяжебныхъ дѣлъ съ Петромъ Костюшковичемъ, подстаростою житомірскимъ[3]). Въ одномъ документѣ отъ 1574 г. мы встрѣчаемся со Стефаномъ Лозкою, уже какъ человѣкомъ женатымъ, причемъ находимъ краткое упоминаніе и объ его женѣ, называвшейся *Анною* и происходившей изъ довольно родовитой фамиліи *Боговитиновъ - Козирадскихъ*[4]). Служебная

---

[1]) *Архивъ греко-уніатскихъ митроп. при св. Синодѣ;* докум. въ связкѣ подъ № 29.

[2]) *Ibid.*

[3]) Выпись съ книгъ воеводства кіевскаго, 1566 г. іюля 9 дня *(Арх. греко-уніатскихъ митр. при св. Синодѣ*, связка № 29).

[4]) 1574 года, іюля 18 дня, служебникъ Стефана Лозки, пришедши въ луцкій гродскій судъ, заявилъ, „ижъ дей будучи я умоцованнымъ и поручонымъ отъ его милости водле постановеня и описовъ его мил. пана Стефана Лозки, пана моего, и малжонки его мил. панее Ганны Боговитиновны з его мил. паномъ Михаиломъ Ивановичемъ Козирад-

карьера Лозки начинается не позднѣе 1577 года: въ сохранившемся отъ этого времени документѣ онъ титулуется подчашимъ кіевскимъ [1]). Начиная съ 1590 года мы встрѣчаемся со Стефаномъ Васильевичемъ Лозкою уже въ должности мозырскаго маршалка [2]), въ каковомъ званіи онъ и пребывалъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ концѣ 1617 или началѣ 1618 г. [3]). Одновременно съ Стефаномъ Лозкою въ началѣ XVII стол. мы встрѣчаемъ еще нѣсколько его однофамильцевъ: *Лаврина* Лозку, подчашаго кіевскаго [4]), *Ивана* Лозку, писаря земскаго кіевскаго [5]), и *Іосифа* Лозку [6]). По отсутствію положитель-

---

скимъ, и водле реестровъ промежку ихъ мил. на обѣ стороны подъ печатми и с подписомъ рукъ ихъ мил. розданными, тые все речи пана моего мил. на реестрахъ меновите описанные, такъ тежъ ведле выпису кремянецкаго, отобралъ есми въ замку Шумскомъ, все ведомости до рукъ своихъ отъ умоцованаго и подаючого служебника его мил. пана Михаила Боговитина Григорья Артюховича, мѣсяца іюня четвертогонадцать дня, року теперешняго семдесятъ четвертаго, которые, дей все речи помененые умоцованый его мил. Боговитиновъ Григорій Артюховичъ со мною весполъ ведле описовъ ихъ мил. пановъ нашихъ, тутъ до Луцка препроводивши, все въ целости мне отдалъ"... и проч. *(Книга Гродск. Луцк., хранящ. въ Кіев. Центр. Архивѣ, подъ № 2048, л. 155 обор.)*.—Очень вѣроятно, что въ приведенномъ документѣ рѣчь идетъ о приданномъ Анны Боговитиновны, обыкновенно въ то время обусловливавшемся брачными контрактами и разнаго рода записями, заносимыми въ актовыя книги. Если это предположеніе вѣрно, то бракъ Стефана Лозки съ Боговитиновою—Козирадскою долженъ быть отнесенъ къ тому же 1574 г.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о Боговитинахъ—Козирадскихъ можно находить въ рукописныхъ актахъ, хранящ. въ *Кіев. Центр. Арх.* (См. напр. *№* книг. *925*, л. 153, № кн. *2070* лл. 107, 129, 130, 137, 140, 141, 307 об., 308, 315 об. 316, 332, *№ кн. 2071*, лл. 582, 587, об. *№ кн. 2053*, л. 364.

[1]) Выпись съ кн. град. кіевск. 1577 г. окт. 20 д. *(Арх. греко-уніатск. митр. при св. Синодѣ,* связка № 29).

[2]) Акты Ю. и З. Россіи, т. I, 198, стр. 235.

[3]) Послѣднее упоминаніе о Стефанѣ Лозкѣ, какъ лицѣ еще живомъ, встрѣчается въ выписи изъ кн. земскихъ воеводства кіев. отъ 9 окт. 1617 г.; *(Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ,* № 3121); а первое извѣстіе объ его смерти находится во врученномъ „Галшкѣ Гулевичевнѣ Лозкиной, маршалковой Мозырской" позывѣ на главный трибунальный судъ отъ 3 марта 1618 г. *(ibid.*, связка связ, № 29).

[4]) Впервые упоминается съ званіемъ подчашаго кіевскаго въ 1599 и 1600 годахъ *(Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ,* № 3361). Но, вѣроятно, означенную должность Лавринъ Лозка занялъ значительно ранѣе (непосредственно послѣ Стефана).

[5]) Впервые упоминается съ званіемъ земскаго кіевскаго писаря подъ 1602 г. *(Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ,* № 3043. См. того же арх. №№ 3045, 3046, 3047). Скончался до 1611 г.; имѣлъ дочерей: Александру и Магдалину, бывшую за п. Чирскимъ *(Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ,* № 29).

[6]) Въ 1604 г. возникло дѣло между кіево-печерскихъ архимандритомъ Елисеемъ

ныхъ данныхъ нельзя съ точностію опредѣлить, въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ къ Стефану Лозкѣ находились два послѣднія лица, но что касается до Лаврина, то онъ былъ роднымъ братомъ Стефана. Это видно изъ указанія на раздѣльный актъ (1596 г. января 21 дня) между сыновьями Василія Лозки, гдѣ говорится, что изъ оставшихся послѣ смерти Василія маетностей—Пуково, Батыево, Рожовъ, Мелитыче и Высокое, съ нѣкоторыми другими селищами, достались въ совмѣстное владѣніе его сыновей—Стефана и Лаврина, но что первый предложилъ своему брату извѣстную сумму денегъ, равную стоимости имѣній, приходившихся на его долю, и пріобрѣлъ въ свою собственность братнюю половину [1]). Близкими родственными отношеніями между Стефаномъ и Лавриномъ Лозками, безъ сомнѣнія, должно быть объясняемо и то, что по перемѣщеніи перваго въ Мозырь оставшееся вслѣдствіе этого свободнымъ мѣсто подчашаго кіевскаго занято было Лавриномъ. Этою же близостію родства объясняются и послѣдующія пріязненныя отношенія Лаврина Лозки къ семейству Стефана [2]).

Въ Кіевской Старинѣ за прошлый годъ (август. кн.) помѣщена замѣтка г. Новицкаго о Галшкѣ Гулевичовнѣ, въ которой онъ, между прочимъ, говоритъ, что мужъ Галшки (Елисаветы) Гулевичевны, мозырскій маршалокъ Стефанъ Лозка, имѣлъ два имени—*Стефана* и *Юзефа*. Свое мнѣніе г. Новицкій подтверждаетъ ссылкою на два документа, помѣщенныя въ актовой книгѣ Кіевскаго Центр. Архива, гдѣ находится упоминаніе объ Юзефѣ Лозкѣ, какъ мозырскомъ маршалкѣ [3]). Считая Стефана Лозку и Юзефа Лозку за

Плетенецкимъ и паномъ Іосифомъ Лозкою, причемъ первый обвинялъ послѣдняго въ наѣздѣ со слугами и подданными на монастырскій грунтъ Заболоцкій *(Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ,* связка № 29).

[1]) *Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ,* связка № 29.

[2]) Послѣ смерти Стефана Лозки Лавринъ принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ вдовы покойнаго брата, велъ отъ имени ея и малолѣтняго племянника (Михаила) тяжебныя дѣла и вообще охранялъ ихъ интересы *(Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ,* связка № 29).

[3]) Первый документъ: позывъ къ суду кіевскаго воеводы Станислава Жолкевскаго и мозырскаго маршалка *Юзефа Лозки* по жалобѣ на нихъ пана Мартина Бутовича о невыдачѣ бѣглыхъ крестьянъ, отъ 27 мая 1617 г. *(кн. житом. гродск.* л. 268); второй документъ: жалоба того же Бутовича объ отказѣ кіев. подвоеводы Михаила Мышки Холонецкаго признать росписки въ уплатѣ ему долга Бутовичемъ, выданныя, по его, Мышки,

одно и тоже лице, авторъ упомянутой замѣтки на основаніи „полонизованной формы“ втораго имени дѣлаетъ заключеніе, что мужъ Галшки Гулевичевны былъ католикомъ. Не вдаваясь въ разборъ этого послѣдняго вывода автора, несостоятельность коего не требуетъ опроверженій [1]), обратимъ вниманіе на его указаніе о двуименности Стефана Лозки. Указаніе это, какъ опирающееся на документальныя данныя, съ перваго взгляда можетъ показаться небезъосновательнымъ, тѣмъ болѣе, что въ подкрѣпленіе его можно указать на документы позднѣе 27 мая 1617 года (когда впервые встрѣчаемся съ Юзефомъ Лозкою въ должности мозырскаго маршалка), изъ коихъ видно, что Стефанъ Лозка, мозырскій маршалокъ, былъ въ то время еще живъ. Тѣмъ не менѣе, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, предположеніе г. Новицкаго о двуименности мужа Галшки Гулевичевны, оказывается плодомъ недоразумѣнія. Свое мнѣніе мы основываемъ на слѣдующихъ данныхъ и соображеніяхъ.

Во всѣхъ извѣстныхъ, и притомъ довольно многочисленныхъ актахъ, дошедшихъ до нашего времени, сынъ Василія Лозки, впослѣдствіи подчашій кіевскій, а затѣмъ маршалокъ мозырскій, мужъ Галшки Гулевичевны, всегда называется однимъ только именемъ— *Стефаномъ*. Съ этимъ только именемъ мы встрѣчаемъ его въ 1566 году, когда онъ не занималъ еще никакой должности; съ этимъ же только однимъ именемъ мы видимъ его при занятіи имъ указанныхъ должностей и во все послѣдующее время до самой его кончины [2]). Равнымъ образомъ и жена его повсюду называется по мужѣ Стефановою Лозчиною, маршалковою мозырскою [3]), а сынъ ихъ Михаилъ,

---

довѣренности мозырскимъ маршалкомъ *Юзефомъ Лозкой*, отъ 29 авг. 1618 года *(кн. житомир. град.* л. 1205 об.).

[1]) Полонизованная форма имени извѣстнаго лица еще не доказываетъ, чтобы это лице держалось католицизма. Съ именемъ *Юзефа, Езефа, Есифа* мы встрѣчаемъ въ актахъ разсматриваемаго времени не только католиковъ, но и лицъ другихъ исповѣданій: евреевъ (Центр. Арх. при унив. св. Влад. № кн. 2045, л. 170 об.), протестантовъ, въ томъ числѣ и *православныхъ* (ibid. № кн. 2035, л. 94). Въ частности, что Іосифъ Лозка, маршалокъ мозырскій, былъ православнымъ, объ этомъ можно заключать изъ упоминаемой нами ниже его подписи подъ актомъ избранія на кіево-печерскую архимандрію Захаріи Копыстенскаго.

[2]) *Памятн., издав. времен. кіевск. комм.* т. II, отд. 1. № 1. *Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ*, связка № 29 (нѣсколько докум.) №№ 3004, 3083, 3111, 3612, 3620, 3621, 3700, 3071. *Кіев. Центр. Арх.* № кн. 2048, л. 155 и др.

[3]) *Памятн., изд. врем. кіев. комм.* т. II, отд. 1. №№ 1. 6. *Арх. греко-ун. митр. при*

по отцу—*Стефановичемъ*, маршалковичемъ мозырскимъ [1]). Поэтому, если допустить, что мужъ Галшки Гулевичевны дѣйствительно имѣлъ два имени (аналогичные примѣры чему за разсматриваемое время указать можно), то страннымъ представляется, почему онъ *въ двухъ только* документахъ называется *Іосифомъ*, причемъ обычное, постоянно употребляемое имъ, имя вовсе опускается?—Отсюда естественно возникаетъ вопросъ—*Іосифъ Лозка*, маршалокъ мозырскій, не былъ ли лицемъ, отличнымъ отъ Стефана Лозки и, такимъ образомъ, въ разсматриваемое время не было ли двухъ однофамильцевъ, преемственно занимавшихъ одну и ту же должность мозырскаго маршалка?

Мы думаемъ, что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Нами уже было замѣчено, что одновременно со Стефаномъ Лозкою мы встрѣчаемъ въ 1604 году *Іосифа* Лозку, причемъ послѣдній называется просто *паномъ*, безъ указанія на занимаемую имъ должность. Во второй разъ мы встрѣчаемъ *Іосифа* Лозку въ 1611 году тоже не какъ должностное лице, а просто съ титуломъ *пана* [2]). Такъ какъ въ актахъ того времени,—что́ можно видѣть изъ тысячи примѣровъ,—было принято почти за *неизмѣнное правило* (особ. съ начала XVII стол.) обозначать *должность* упоминаемыхъ въ нихъ лицъ [3]), то отсутствіе такого обозначенія по отношенію къ тѣмъ или другимъ особамъ, служитъ яснымъ доказательствомъ, что онѣ, во время составленія документовъ, никакой должности не занимали. Слѣдовательно, панъ *Іосифъ Лозка*, встрѣчаемый подъ 1604 и 1611 гг. безъ обозначенія занимаемой имъ должности, и на самомъ дѣлѣ

Св. Синодъ, связка № 29. *Кіев. Центр. Архивъ*, № кн. *13*, лл. 1204, 1206, 1349, ibid.; № кн. *2158* л. 362 об. ibid. № к. *979* л. 172 об. 173, ibid. № *2115* л. 1011 об. 1013, ibid. № *30*, л. 193 об. и слѣд.

[1]) *Архивъ греко-уніат. митр. при Св. Синодѣ*, № 3787.—Кіев. Центр. Архивъ, № кн. *2239*, л. 914 ibid. № кн. 30, л. 193 об. и слѣд.

[2]) Книга гродская, записцовая и поточ. 1611 г. *(Кіев. Центр. Архивъ*, № кн. 12). Здѣсь подъ 28 апрѣля помѣщены два документа, въ которыхъ возные заявляютъ, что панъ Витовскій не допускалъ ихъ ввести *пана Іосифа Лозку* во владѣніе селомъ Бѣликовцами, присужденными ему за долгъ.

[3]) Напр.—Стефанъ Лозка, *маршалокъ мозырскій*; Захарій Копыстенскій, *архимандритъ монастыря печерскаго;* Василій Гулевичъ, *войскій Владимирскій*, и т. д. безъ конца.

не былъ въ то время лицемъ должностнымъ и, слѣдовательно, его должно отличать отъ *Стефана Лозки*, постоянно съ 1590 г. титулуемаго въ актахъ *маршалкомъ повѣта мозырскаго* (а ранѣе *подчашимъ кіевскимъ*).

Но какъ же объяснить упоминаніе въ актахъ Іосифа Лозки въ должности мозырскаго маршалка въ то время (27 мая 1617 года), когда еще живъ былъ Стефанъ Лозка, *мозырскій маршалокъ*,—каковая должность, сколько извѣстно, занимаема была только однимъ лицемъ?

Думаемъ такъ: Стефанъ Лозка, какъ мы видѣли, родился около 1545 года, слѣдовательно, въ 20 годахъ XVII стол. былъ уже старцемъ очень преклонныхъ лѣтъ. Семидесятилѣтній возрастъ и сопряженныя со старостію болѣзни могли побудить Стефана Лозку сложить съ себя много лѣтъ занимаемую имъ должность и она передана была другому лицу—его однофамильцу (и, безъ сомнѣнія, близкому родственнику),—чѣмъ и объясняется одновременное существованіе въ теченіи нѣкотораго времени *двухъ мозырскихъ маршалковъ*: одного, состоящаго на дѣйствительной службѣ, а другаго, очевидно, находившагося въ отставкѣ. Что Стефанъ Лозка подъ конецъ своей жизни окончательно одряхлѣлъ, относительно этого находятся и положительныя данныя. Въ концѣ 1616 г. уніатскій митрополитъ Вельяминъ Рутскій занесъ въ судъ жалобу на Стефана Лозку, маршалка повѣту мозырскаго, его жену Галшку Гулевичевну и ихъ сына Михаила, по поводу наѣзда ихъ подданныхъ на принадлежащіе митрополиту грунты Нежиловскіе[1]). 3 генваря слѣдующаго года отъ имени позванныхъ лицъ представленъ былъ въ судъ отзывъ, гдѣ говорится, что „пани маршалковая, яко зацная бѣлоглова (женщина) неслушне до тое акціи потягнена“, такъ какъ она, при жизни своего мужа, по дѣламъ, лично его касающимся, не должна быть позываема на судъ, сынъ ея Михаилъ тоже незаконно вызывается, какъ „еще лѣтъ немаючій“, самъ же Стефанъ Лозка не можетъ явиться въ судъ *вслѣдствіе своего нездоровья* и *преклонной старости* (барзо старый)[2]). Что въ данномъ случаѣ ссылка на дряхлость Лозки

---

[1]) Арх. греко-ун. митр. при святѣйшемъ Синодѣ, связ. № 29. *(Выпись с книгъ городскихъ кіевскихъ, отъ 3 генв. 1617 г.).*

[2]) Ibid.

не была одною только, обычною въ то время, увертюкою уклониться отъ суда или затянуть почему-либо непріятную тяжбу, а должна быть признана фактомъ вполнѣ вѣроятнымъ,—это подтверждаютъ и другія данныя. Отъ 11 генваря того же 1617 г. сохранилось сознаніе вознаго о томъ, что онъ по нѣкоторымъ тяжебнымъ дѣламъ вручилъ еще 12 ноября 1616 г. позвы мозырскому маршалку Стефану Лозкѣ, его женѣ Галшкѣ Гулевичовнѣ и ихъ сыну Михаилу, *„зъ бытностію его опекуновъ“* [1]). Послѣднее обстоятельство всего лучше свидѣтельствуетъ о томъ безнадежно болѣзненномъ состояніи, въ какомъ въ разсматриваемое время находился Стефанъ Лозка; оно показываетъ, что мужъ Галшки Гулевичевны самъ уже настолько сознавалъ свою старческую дряхлость и предвидѣлъ близость своей кончины, что, сдѣлавъ предсмертныя распоряженія, счелъ необходимымъ еще при жизни назначить опекуновъ своему сыну.

Но, разумѣется, самымъ лучшимъ и неопровержимымъ доказательствомъ того, что *Стефанъ* Лозка, мозырскій маршалокъ, и *Іосифъ* Лозка, тоже мозырскій маршалокъ, суть не одно, а два различныя лица, можетъ служить указаніе на такіе документы, въ коихъ бы было упоминаніе объ Іосифѣ Лозкѣ въ означенной должности *послѣ смерти Стефана.* Хотя, къ сожалѣнію, акты мозырскаго повѣта,—безъ сомнѣнія, представлявшіе для подобной справки обильный матеріалъ,—не сохранились до нашего времени; но кое что немногое по данному вопросу (впрочемъ для нашей цѣли вполнѣ достаточное) мы можемъ указать и въ другихъ тоговременныхъ документахъ. Къ такимъ документамъ должно отнести, во первыхъ, уже упомянутую нами (и извѣстную самому г. Новицкому) жалобу Бутовича [2]) объ отказѣ кіевскаго подвоеводы Мышки-Холоневскаго признать росписки въ уплатѣ ему долга Бутовичемъ, выданныя по его, Мышки, довѣренности мозырскимъ маршалкомъ Юзефомъ Лозкой, *отъ 29 авг. 1618 г.* (слѣдовательно послѣ смерти Стефана Лозки). Внимательно прочитывая эту жалобу, нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Новицкаго, что будто бы здѣсь, между прочимъ, идетъ рѣчь, *объ умершемъ*

---

[1]) Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ, № 3111.

[2]) Кн. город. житомирск., хранящаяся въ *Кіевск. Центр. Архивѣ,* подъ № 13, л. 1205 об.

уже мужѣ Галшки Гулевичевны; потому что это обстоятельство (смерть мозырскаго маршалка), безъ сомнѣнія, была бы оговорена (таковая оговорка требовалась самымъ содержаніемъ документа). Далѣе. Въ житомірской гродской записцовой и поточной книгѣ 1630 г., хранящейся въ томъ же Кіевскомъ Центр. Архивѣ (№ 30), помѣщены, подъ №№ 151 и 152 (л. 193 об.—200) двѣ жалобы пана Александра Солтана и его жены на „ее милость панюю *Стефановую Лозчиную маршалковую мозырскую* и *сына ея пана Михаила Лозку, маршалковича мозырскаго*“. Первая жалоба касается самовольнаго захвата означенными лицами Рожевскаго млина (мельницы), принадлежавшаго Солтану; вторая—отобранія имущества жалающагося, которое, по его приказанію, перевозимо было его подданными изъ одного помѣстья въ другое. Излагая передъ судомъ свою жалобу по поводу послѣдняго захвата, Солтанъ говоритъ, что его самого въ то время дома не было: „а кгды тогожъ року и дня семнадцатого маръца жалуючій былъ въ Ставищахъ у *ее милости пани Юзефовое Лозчиной, маршалковой мозырской*, приехала тамже менованая пани *Стефановая Лозчиная* (т. е. Галшка Гулевичевна, *маршалковая мозырская*), где некоторый челядникъ, ужалившисе такъ великой зневаги и деспекту жалуючого, на которой напатрилисе, остерегли оного, поведаючи, же пани наша съ тою челядью въ погоню послала, докуль Богъ ведаетъ, што се з ними деетъ; онъ (Солтанъ), тотъ жаль оповедивши ея милости паней Юзефой Лозъчиной,.... отъѣхалъ“, и проч.—Изъ вышеприведенной документальной выдержки ясно видно, что въ 1630 году были двѣ женщины, носившія званіе „маршалковой мозырской“,—причемъ одна была женою *Стефана Лозки*, а другая—*Юзефа Лозки*,—а отсюда ясно, далѣе, что двухъ послѣднихъ лицъ смѣшивать нельзя. Наконецъ мы имѣемъ одинъ документъ отъ *24 ноября 1624 г.*,—слѣдовательно писанный спустя болѣе 6 лѣтъ послѣ смерти *Стефана Лозки*,—гдѣ въ числѣ лицъ, собственноручно скрѣпившихъ означенный документъ, встрѣчаемъ и слѣдующую подпись: *Ioseph Łozka, Marszałek Mozyrsky ręką swą.* Хотя означенная подпись и сдѣлана по польски,—что̀ свидѣтельствуетъ о значительной полонизаціи Іосифа Лозки, равно какъ и другихъ русскихъ дворянъ, подписавшихся одновременно съ нимъ тоже по-польски,—но такъ какъ подпись эта сдѣлана *подъ актомъ избранія на кіевопечерскую архимандрію Захаріи Копыстенскаго*, то это обстоятель-

ство, независимо отъ указаннаго ошибочнаго мнѣнія (смѣшенія двухъ лицъ въ одно), служитъ также сильнымъ противовѣсомъ и другому мнѣнію,—именно, что будто бы Іосифъ Лозка былъ католикомъ [1]).

Сказаннымъ отчасти восполняются свѣдѣнія о мужѣ фундаторши Кіево-братскаго монастыря Елизаветы Гулевичевны и его ближайшихъ родичахъ. Думаемъ, что уясняются и тѣ недоразумѣнія, какія привнесены по данному вопросу статьею г. Новицкаго.

Обращаемся къ даннымъ, уясняющимъ біографію самой фундаторши и ея ближайшихъ родственниковъ.

Паны Гулевичи принадлежали къ числу знатныхъ и родовитыхъ южно-русскихъ фамилій. Въ XVI столѣтіи, къ первой половинѣ котораго восходятъ отрывочныя свѣдѣнія о родѣ Гулевичей, онъ является весьма распространеннымъ и, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ вѣтвей владѣющимъ большими земельными имуществами, находящимися преимущественно въ волынскомъ воеводствѣ. Первымъ выдающимся лицемъ изъ этой фамиліи былъ луцкій епископъ *Θеодосій*,—дѣдъ нашей Елисаветы Гулевичевны,—упоминаемый иногда въ актахъ первой половины означеннаго столѣтія [2]). Онъ не предназначалъ себя съ юныхъ лѣтъ къ духовному званію: состоялъ первоначально на государственной службѣ [3]), былъ женатъ, имѣлъ довольно многочисленное семейство и только овдовѣвши, въ

---

[1]) Упомянутый актъ, найденный нами въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ, принадлежащихъ Кіево-печерской лаврѣ, напечатанъ въ прилож. къ нашему сочиненію *Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники*. Кіевъ 1883 г. (подъ № XL).

[2]) *Жизнь князя А. М. Курбскаго* (Акты, изд. Времен. Кіев. Ком., 1849 г.) т. II № 244; *Памятн. изд. Кіев. комм.* т. IV, отд. II, докум. № 1. Что упоминаемый въ означенныхъ документахъ луцкій епископъ Θеодосій Гулевичъ есть то лицо, о которомъ мы говоримъ, это можно видѣть изъ дарственной записи, выданной въ 1573 г. войскимъ Владимірскимъ Василіемъ Гулевичемъ луцкому земскому судьѣ на усадебное мѣсто въ луцкомъ окольномъ замкѣ. Здѣсь даритель говоритъ, что означенное мѣсто нѣкогда принадлежало его отцу—*„Луцкому владыкѣ Θеодосію“*. (Луцк. град. кн., хранящ. въ *Кіев. Центр. Архивѣ*, подъ № 2047; лис. 329 об.).

[3]) Сынъ еп. Θеодосія Григорій Θедоровичъ Гулевичъ въ одномъ изъ актовъ (1560 г.) говоритъ, что подворье въ замкѣ луцкомъ, доставшееся ему при раздѣлѣ съ братьями „на полу“ съ братомъ Михаиломъ,—*есть выслуга ихъ отца* (Луцкая гродская, записцовая, поточная и декретная книга, хранящаяся въ *Кіевскомъ Центр. Архивѣ*, подъ № 2038 л. 28 об.).

болѣе или менѣе преклонныхъ лѣтахъ, переменилъ свѣтскую одежду на святительскую мантію—что́, въ разсматриваемое время, въ средѣ южно-русской аристократіи было явленіемъ обычнымъ, заурядным. Изъ дѣтей епископа Ѳеодосія, носившаго въ міру имя *Ѳеодора*, извѣстны только сыновья. Ихъ было пять: *Григорій*, *Михаилъ*, *Романъ*, *Янушъ* и *Василій* [1]).

Григорій Ѳедоровичъ Гулевичъ занималъ видную въ то время должность *хорунжаго земли волынской* [2]); былъ женатъ на дочери кременецкаго старосты *Магдалинѣ* Дахновкѣ [3]); имѣлъ сыновей: *Григорія*, *Ѳеодора* и *Ивана* [4]), и дочерей: *Ганну*, *Богдану*, *Марушу*, *Катерину*, *Софью* и *Настасью* [5]); скончался въ преклонныхъ лѣтахъ въ половинѣ 1596 года [6]).

Михаилъ Ѳеодоровичъ Гулевичъ, женатый на Наста-

---

[1]) Всѣ они, какъ родные братья (и по сравненію съ другими документами сыновья еп. Ѳеодосія), перечисляются въ упомянутомъ въ предшествующемъ примѣчаніи документѣ. Въ заставномъ записѣ, данномъ Василіемъ Ѳеодоровичемъ Гулевичемъ женѣ своей Еленѣ Волчковнѣ 10 дек. 1559 г., между прочимъ, говорится, что село Качинъ съ приселками досталось ему, Василію Гулевичу, „дѣломъ ровнымъ отъ брати моеи рожонои: пана Григорія, Михаила, Романа и Януша Федоровичовъ Гулевичовъ". *Прилож.* XIII, 1.

[2]) Впервые мы встрѣчаемъ его въ этой должности въ 1565 г. (Гродск. Луцк. кн., хранящ. въ *Кіев. Центр. Архивѣ*, подъ № 2040 л. 401).

[3]) Гродск. Луцк. кн. *(въ Кіев. Центр. Архивѣ)*, № 2048 л. 149 об. срав. той же книги № 2047 л. 130 об., № 2074, л. 91, и слѣд.

[4]) Акт. кн. въ *Кіев. Центр. Архивѣ* подъ № 2078 л. 170—172, № 948 л. 680, 681, № 2101 лл. (3 счета) 83, 84, № 2074 л. 91 и слѣд.—О *Ѳедорѣ* Григорьевичѣ извѣстно, что онъ былъ женатъ на Ѳеодорѣ Ивановнѣ Курозвонской (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2086 л. 230 об., 231, 378 об., № 2101 л. 150). Изъ дочерей Ѳеодора Григорьевича *Маруша* Ѳеодоровна была замужемъ за княземъ Юріемъ зе Збоража *Воронецкимъ* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2125, л. 660—661).

[5]) *Прилож.* XIII, 5. Изъ указанныхъ дочерей Григорія Ѳеодоровича Гулевича: *Маруша* Григорьевна была замужемъ за *Иваномъ Хребтовичемъ-Богуринскимъ* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2101 л. 473 и слѣд.), *Софія Григорьевна* за *Кондратомъ Смыковскимъ* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2078 л. 170—172), *Настасья* Григорьевна за *Кондратомъ Хорошко*, писаремъ „у Поддубцахъ" (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2078 л. 612—614, № 2101 л. 696, № 2102 л. 243 об.).

[6]) Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2102 (3 счета лл. 118, 192); 12 мая 1596 г. упоминается еще, какъ живой (ibid. счета 2 лл. 242, 244). Нѣкоторыя свѣдѣнія о Григоріѣ Ѳеодоровичѣ Гулевичѣ (касающіяся преимущественно тяжебныхъ дѣлъ) можно находить еще въ акт. кн., хранящ. въ *Кіев. Центр. Архивѣ* подъ №№ *2035* (л. 66 об.), *2036* (л. 123 об.), *2038* (л. 58, 104 об., 401), *2039* (лл. 5, 44, 174. 283 об.), *2045* (л. 336 об., 445, 506), *2047* (л. 128) *2048* (л. 58 об. 80, 139, 417 об.), *2044* (л. 171 об., 201 об., 273) *2046* (л. 333, 552 об.), *2042* (л. 91).

сѣ изъ рода *Мышекъ Ворковскихъ*[1]), умеръ ранѣе своихъ братьевъ (въ началѣ 1560 г.) и, какъ видно, не занималъ никакой общественной должности. Послѣ его смерти осталась дочь Марія, опека надъ которою, порученная ея дядямъ Василію, Григорію и Роману Гулевичамъ, служила поводомъ къ прискорбнымъ недоразумѣніямъ между опекунами и родичами оставшейся вдовы[2]).

Романъ Ѳеодоровичъ Гулевичъ, занимавшій нѣкоторое время должность подстаросты владимірскаго[3]), женатъ былъ на *Пелагеѣ Матвѣевнѣ Сыропятиной*[4]); скончался въ 1565 г.[5]). Изъ дѣтей Романа извѣстны: *Ѳеодоръ*[6]), *Михаилъ*[7]) и *Демьянъ*[8]).

---

[1]) Актов. кн., хранящ. въ *Кіев. Центр. Архивѣ*, № 2045, л. 108 об. 110 об.

[2]) Ibid. Сравн. № 2042, л. 91, № 2038 л. 217 об.—Въ актахъ того времени упоминается *Иванъ Михайловичъ Гулевичъ* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2035 л. 108); но былъ ли онъ сыномъ Михаила Ѳеодоровича Гулевича, съ точностію сказать нельзя.

[3]) Акт. кн. хранящ. *Кіев. Центр. Архивѣ*, № 2038, л. 244.

[4]) Акт. кн., хранящ. въ *Кіев. Центр. Арх.*, № 2039, л. 264 об., Сравн. Акт. кн. № 2040, л. 78, 188 об. 474.

[5]) Его духовное завѣщаніе находится въ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2039, л. 161, об.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о Романѣ Ѳеодоровичѣ Гулевичѣ можно находитъ въ акт. кн., хранящихся въ *Кіев. Центр. Арх.* подъ №№ *2035* (лл. 38 об. 232 об., 241); *2036* (л. 27), *2038* (лл. 58 об. 217 об. 218, 233, 244, 250), *2039* (л. 42 об.).

[6]) Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2086, л. 725.—Скончался около 1598 г.; имѣлъ дѣтей *Филистина* и *Варвару*, оставшихся послѣ его смерти несовершеннолѣтними (ibid.).

[7]) Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* №№ 2111 (л. 105, 143, об., 149, 372), *2086* (л. 725). Скончался (былъ убитъ) 11 іюня 1599 г. (Акт. кн. того же Архива № 2111, л. 148 об., 141, 372); имѣлъ сына *Романа*, оставшагося послѣ смерти отца малолѣтнимъ (ibid. л. 143 об. 103. Сравн. № кн. 2123, лл. 216, 230).

[8]) Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2086, л. 725.—Занималъ должность поборцы воеводства Волынскаго. (Акт. кн. *Кіев. Центр. Архива* № 946, лл. 555, 716, 688 об., 775, 809—813, 860, 991—992, 1052 и др.); женатъ былъ на дочери кременецкаго подкоморія *Ивана Патрикія* съ *Курозвонъ Настасьѣ Патрикѣевнѣ* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2047, л. 261 и слѣд.; №№ 2086, л. 232, № 2124, л. 593, № 2115, л. 968); имѣлъ дѣтей: *Александра* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2111, л. 148 об. 149), *Юрія* (ibid. № кн. 2111, лл. 105, 163, 372, № 2115, лл. 953 об.—954), *Филона* (ibid.),—и трехъ дочерей (№ кн. 2115, л. 969); присутствовалъ на брестскомъ православномъ соборѣ 1596 г., осудившемъ отступниковъ владыкъ и вообще унію; скончался трагическою смертію, будучи убитъ во время своей поѣздки въ Луцкъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ *Александромъ* и роднымъ братомъ *Михаиломъ Романовичемъ* (подробности этого въ высшей степени важнаго для характеристики тоговременныхъ нравовъ дѣла можно найти въ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2111, лл. 105, 148 об.—149, 268 и слѣд. 370—375). Нѣкоторыя свѣдѣнія о Демьянѣ Гулевичевѣ находятся также въ актахъ, хранящихся въ упомянутомъ Архивѣ подъ №№ *2045* (473 об.), *2047* (л. 91 об.), *948* (лл. 8 об., 74, 76, 680—681), *2101* (лл. 93—94,

Янушъ Ѳеодоровичъ Гулевичъ,[1]) кажется, не занималъ никакой общественной должности. Изъ его дѣтей извѣстны: три дочери—*Анна*, бывшая въ замужествѣ за п. *Былицкимъ*[2]), *Настасья*, бывшая въ замужествѣ за княземъ *Матвѣемъ Зборажскимъ* изъ *Ворончина*, столникомъ земли Кіевской[3]) и *Ѳеодора*, въ замужествѣ *Павловичевая Брянская*[4]),—и два сына: *Михаилъ*[5]), и *Николай*[6]). Послѣдній занималъ должность ключника и городничаго земли Кіевской[7]); изъ дѣтей его извѣстны: *Анна Гулевичевна*, бывшая въ замужествѣ въ первый разъ за роднымъ братомъ Стефана Лозки—Лавриномъ Лозкою, подчашимъ кіевскимъ[8]), а во второй—за *Ярошемъ Кирдеемъ-Козинскимъ*[9]). (Эту-то *Анну Гулевичевну* очень часто наши историки смѣшивали съ фундаторшею Кіево-братскаго монастыря *Галшкою Гулевичовною*,—чему, очевидно, способствовали, съ одной стороны однофамильность ихъ мужей, съ другой—укоренившееся мнѣніе, что фундаторша означеннаго монастыря носила имя *Анны*)

Василій Ѳедоровичъ Гулевичъ, кажется, младшій изъ сыновей луцкаго епископа Ѳеодосія (въ актахъ, при совмѣстномъ ихъ перечнѣ, онъ всегда упоминается послѣднимъ) превосходилъ

227, 228, 500, 509), *2102* (л. 118 2-го счета), *2086* (лл. 218 об., 220, 232, 391 об.), *2087* (лл. 66, 82 об., 590).

[1]) Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2038, л. 58 об. *Прил.* XIII, 1.

[2]) Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2078, л. 577 и слѣд.

[3]) Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2078, л. 577—579. *Книга копій крѣпости на владѣніе кіево-печ. лавры* (рукоп. кіево-Выдуб. мон., док. № 14, л. 27—28).

[4]) Умерла ранѣе своихъ братьевъ и сестеръ, оставивъ послѣ себя малолѣтнихъ дѣтей *Ак. к. Кіев. Центр. Арх.* № 2078 лл. 577 и слѣд.

[5]) Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* №№ *2114* (лл. 14 об. и слѣд., 274), *2115* (лл. 45, 49, 290, 551, 813), № *2123* (лл. 215, 338 об. 339, 439, 519). Изъ сыновей его въ актахъ упоминается *Маркъ* (ibid. № кн. 2115, л. 687, 688 об. № кн. *2125* л. 419—420).

[6]) Акт. кн., хранящ. въ *Кіев. Центр. Архивѣ*, № 2078, л. 577 и слѣд.

[7]) Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2114 (л. 251 об., 252); *Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ*, №№ 3665, 3676 и 3911).

[8]) Арх. греко-ун. митр. процытованные въ предшествующемъ примѣчаніи, №№ и связка № 29.—Отъ этого брака имѣла дѣтей: *Варвару* (вышедшую замужъ за п. *Александра Красинскаго*), *Галшку* (т. е. Елизавету) и *Еву* (всѣ они называются *цорками* и властными потомками Лаврина Лозки и Анны Гулевичевны въ одномъ документѣ отъ 1624 г., хранящ. въ Архивѣ греко-ун. митр. при Св. Синодѣ въ той же связкѣ, подъ № 29).

[9]) *Арх. греко-ун. митр.* № 3883.

своихъ братьевъ и богатствомъ, и общественнымъ положеніемъ, и родственными связями. Сначала онъ занималъ должность *подстаростія Владимірскаго*[1]), затѣмъ въ 1565 г. возведенъ былъ въ званіе *войскаго Владимірскаго*[2]), удерживая нѣкоторое время и прежнюю должность[3]). Почетная должность войскаго оставалась за Василіемъ Ѳедоровичемъ до самой его кончины, послѣдовавшей въ половинѣ 1601 года[4]).

Василій Гулевичъ женатъ былъ два раза: впервые на *Еленѣ Волчковнѣ Жасковской*[5]), супружество съ которою, начавшееся около 1557—1559 гг.[6]), было—какъ можно думать—не особенно продолжи-

---

[1]) Въ первый разъ упоминается, какъ занимающій означенную должность въ апрѣлѣ 1561 г. (*Акт. кн. Кіев. Центр. Арх.* № 2035, л. 89).

[2]) Въ первый разъ упоминается въ этомъ званіи въ іюлѣ 1565 г. (*Акт. кн. Кіев. Центр. Арх.* № 2040, л. 260).

[3]) См. Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2040, л. 260, 273, 286, 290, 391, 393, 401, 414, 466.

[4]) Отъ 9 авг. 1601 г. извѣстна грамота Сигизмунда III, въ которой король говоритъ, что „мы маючи ласковый взглядъ на службы уставичные и вѣрные урожонаго Флориана Олешъко, секретаря нашего, умыслили есмо оному вредъ земскій войское Володимирское дати, *которое по урожономъ Василею Гулевичу въ тыхъ дняхъ зъ сего света зошлому* до шафунку нашого пришло“ (Акт. кн. Кіев. Центр. Арх. № 2113, л. 9—10). Нѣкоторыя свѣдѣнія о *Василіѣ Ѳедоровичѣ Гулевичѣ* находятся еще въ актовыхъ книгахъ Кіев. Центр. Архива, значащихся по описи подъ слѣдующими №№ *2035* (лл. 9 об., 94, 96, 102, об. 105, 121, 122 об. 127, 128, 133 об. 150, 160 об., 185, 186 об. 198, 199, 206, 220), *2036* (лл. 34 об. 94 об.) *2037* (лл. 107, 145, 147 об., 221 об. 227) *2038* (лл. 124, 128 об., 129, 138), *2039* (лл. 1, 4, 85 об. 179 и друг.), *2040* (лл. 44, 47, 197 об. 253, об. 260, 273, 290 об., 391 об., 393 об. 400, 414, 466), *2041* (лл. 73 об., 86 об., 90, 92, 130) *2042* (лл. 272 об., 274, 275) *2043* (л. 583) *2045* (лл. 68, 71 об., 72 об. 96, 187 об., 200, 214, 218 об.) *2047* (л 95 об. 144, 145, 163, 241, 286, 288, об. 322, 323 об., 329 об., 376 об.), *2048* (лл. 60, 64 об., 76, 82, 84 об., 98, 118, 114, 160, 253 об., 306, 335, 353, 396) *942* (лл. 19 об., 20, 42 об. 44 об., 48, 72, 74, 99, 103, 105, 106, 142, 190, 210, 210, 234, об., 244, 265, 287, 330, 331, 333, 350, 352, 361, 372, 383, 403, 404, 419) *946* (лл. 474 об. 487 об., 488, 688, 694, 809—813) *2044* (лл. 244, 328 об., 332, 342, 347, 416, 450, 523, 548, 574 об., 583, 611, 644 об.) *947* (л. 72) *949* (лл. 184, 209 об., 215, 216, 219, 249, об., 291, 494, 536, 620, 603—604) *977* (л. 757). *2078* (лл. 274, 275, 285, 286, 334, 625—627) *2087* (л. 367) *2070* (лл. 143, 147, 177, 179) *2101* (лл. 171 об. 172, 227, 331) *2102* (лл. 37, 62, 150—второго счета) и др.

[5]) *Приложж.* № XIII. 1, 2.

[6]) Извѣстна заставная запись, данная В. Гулевичемъ женѣ своей *Еленѣ Волчковнѣ* на разныя помѣстья, въ обезпеченіе якобы занятыхъ у нея денегъ,—отъ 10 дек. 1559 г. *Приложж.* № XIII. 1. Для лицъ, знакомыхъ съ брачными контрактами того времени, запись эта сильно напоминаетъ документы, даваемые непосредственно или, по крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ брака.

тельно и едвали не оставалось бездѣтнымъ. (Изъ дѣтей Василія Гулевича *только съ нѣкоторою вѣроятностію* можно считать рожденною въ этомъ бракѣ дочь *Анну*, о которой скажемъ ниже). Вторично вступилъ въ бракъ Василій Гулевичъ около 1570 г. съ *Наталіею Патрикѣевною*[1]), въ сожительствѣ съ которою имѣлъ трехъ сыновей: *Андрея* (старшій сынъ), женатаго на *Раинѣ*, дочери каштеляна брацлавскаго и старосты луцкаго Александра Семашки[2]), *Михаила*, женатаго (1596 г.) на дочери гродскаго владимірскаго судьи *Марушѣ Павловичевой*[3]), *Бенедикта*, женатаго на *Софьѣ Струсовнѣ* съ *Комарова*[4]),—и одну или двухъ дочерей,—именно, *Анну*, бывшую въ супружествѣ неизвѣстно съ какого времени за княземъ *Юріемъ Шузиною*[5]) (отъ перваго или втораго брака родилась эта дочь, опредѣленно сказать нельзя) и *Галшку*. Сія-то *Галшка*, младшая дочь войскаго владимірскаго Василія Гулевича, и была фундаторшею Кіево-братскаго монастыря. Бракъ ея съ маршалкомъ мозырскимъ *Стефаномъ Ложкою* не былъ первымъ. Первымъ ея мужемъ былъ *Христофоръ Поцѣй*, младшій изъ трехъ сыновей извѣстнаго брацлавскаго каштеляна, впослѣдствіи православнаго епископа, а затѣмъ уніатскаго митрополита, Ипатія Поцѣя. Это первое замужество состоя-

---

[1]) Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2114, л. 631, № 977, л. 757.—Врямя вступленія въ бракъ опредѣляется приблизительно чрезъ вычисленіе лѣтъ дѣтей, несомнѣнно рожденныхъ отъ этого брака.

[2]) Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, №№ *2078* (л. 330 331, 851), *2114* (л. 318—319), *2118* (л. 448). Его дѣти отъ этого брака: *Димитрій*, *Александра* (бывшая въ замужествѣ за п. Матвѣемъ Чаршинскимъ), *Полонія* (въ замужествѣ за п. Яномъ Горайомъ) и *Настасья* (въ замужествѣ за княземъ Василіемъ Масальскимъ).—(См. акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2124, л. 58). Нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія объ Андреѣ Васильевичѣ Гулевичѣ можно также находить въ Акт. кн., хранящ. *Кіев. Центр. Арх.* подъ №№ *946* (л. 25), *948* (л. 521 об., 522), *2115* (л. 310, 538 об., 540, 743, 744, 1110), *2087* (л. 468 об.), *2122* (л. 47, 108 об., 109), *2113* (л. 273 об. 274, 552, 639, 480).—Скончался около 1618 года.

[3]) Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2012, л. 323 наслѣд. Умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ послѣ себя сына *Александра* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 980, л. 321).

[4]) Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* №№ *976* (л. 336), *2116* (л. 110), *2117* (л. 360—361), *2118* (л. 434 об., 435). Имѣлъ сына *Николая* (Ibid. № 2124, л. 395). Нѣкоторыя свѣдѣнія о Бенедиктѣ Гулевичѣ можно находить въ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* подъ слѣдующими №№ *2078* (л. 139, 145, 147), *2113* (л. 141—143, 257; 724—730, 744—747), *2114* (л. 700 об., 701), *2115* (л. 1042—1043), *2116* (л. 562), *2117* (л. 376).

[5]) Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2078, л. 577—579 № *2074* л. 344, 646.

лось около 1593. Отъ 21 декабря этого года мы имѣемъ *заставной листъ* отца Галшки Гулевичевны—Василія Гулевича, данный имъ своему зятю Христофору Поцѣю на владѣніе помѣстьемъ Нѣсвичемъ, которое должно было находиться въ пользованіи послѣдняго до выполненія всѣхъ условій брачнаго контракта [1]). Сколько лѣтъ прожила Галшка Гулевичевна въ супружествѣ съ Поцѣемъ—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ не долго, такъ какъ въ 1606 году мы видимъ ее уже вступившею во второй бракъ со Стефаномъ Лозкою [2]). Отъ перваго брака у нея осталась дочь Екатерина, выданная замужъ за *Николая Млечко*, оршанскаго хорунжаго. По поводу этого замужества сохранился чрезвычайно интересный документъ—протестація Яна и Петра Поцѣевъ, родныхъ братьевъ Христофора, въ которой они обвиняютъ Галшку Гулевичевну въ самовольной выдачѣ своей дочери, безъ согласія ихъ — протестующихъ, какъ опекуновъ своей племянницы. Въ протестаціи говорится, что Катерина Потеевна, по смерти своего отца „еще въ летехъ зуполныхъ не будучая“ поручена была матери только „до мешканья дочастного“, вслѣдствіе чего Галшка Гулевичевна тъ дѣлахъ, касающихся дочери, не могла распоряжаться самостоятельно безъ согласія на то опекуновъ, каковыми по существующимъ узаконеніямъ были протестующіе, какъ родные братья умершаго Христофора Поцѣя. Между тѣмъ она (Елизавета Гулевичевна) отважилась „прерченую панну Катерину Потеевну“, „мимо владзу ихъ милостей прирожоную опекунскую и мимо права посполитые, о томъ постановленые и уфаленые, во всемъ ихъ зневажившн и кгвалтечи, за пана Миколая Млечъка, хоружого оршанского, безъ жадной въ томъ ихъ милостей отъ нее повинѣного пошанованъя и ознайменъя, часу недавняго потаемъне в станъ малженъской отдати, праве тымъ оныхъ стрыевъ рожоныхъ ее въ незычливую милость до цорки своей подаючи, до задованъя якое трудности правное ихъ мил. ее способляючи, а в милченъе противко себе о маетности лежачіе и рухомые немалыхъ во всѣмъ сборовъ по небожчику отцу ее пану Криштофе Потею, при ней панеи маршалко-

---

[1]) Прилож. № XIII. 6, 7.

[2]) Ibid. № XIII 10. 11.—Но, по всей вѣроятности, бракъ Елизаветы Гулевичевны со С. Лозкою долженъ быть еще нѣсколько придвинутъ къ началу XVII стол.—нѣкоторое основаніе для чего даетъ первый изъ процитованныхъ документовъ.

вой безъ жаднаго ихъ презъ небожъчика за пруднимъ с того света зошътъемъ обворованъя позосталыхъ, приводечи"... и проч. [1]). Впрочемъ недоразумѣнія между Елизаветою Гулевичевною и братьями ея умершаго мужа не ограничивались вышеприведенною жалобою. Еще прежде, въ 1606 г., т. е.—какъ мы предполагаемъ—вскорѣ послѣ вторичного выхода Елизаветы Гулевичевны замужъ,—у Яна и Петра Поцѣевъ были крупныя пререканія съ женою умершаго брата и ея вторымъ мужемъ Стефаномъ Лозкою изъ-за имѣнія Городокъ, которое принадлежало епископіи владимірской и, какъ видно изъ хода дѣла, подарено было Христофору Поцѣю его отцемъ, въ то время епископомъ луцкимъ [2]).

Стефанъ Лозка—какъ мы видѣли—родился около 1545 г. и въ 1574 г. былъ женатъ; слѣдовательно, въ началѣ XVII стол. мы встрѣчаемся съ нимъ какъ вдовцомъ уже довольно преклонныхъ лѣтъ. Что побудило выдти молодую вдову (Елизаветѣ Гулевичевнѣ, по приблизительному разсчету, въ 1605 году было не болѣе 30 лѣтъ) за шестидесятилѣтняго старика—разсуждать объ этомъ излишне. Но, очевидно, отъ подобнаго брака многочисленнаго потомства ожидать было трудно. Дѣйствительно, плодомъ этого супружества былъ одинъ только сынъ Михаилъ, упоминаемый, какъ „лѣтъ не маючій", въ актахъ отъ 1613 г. [3]). Проживши около 12—14 лѣтъ въ супружествѣ съ Елизаветою Гулевичевною, скончался—какъ мы видѣли—и Стефанъ Лозка въ концѣ 1617 или началѣ 1618 г. [4]).

---

[1]) Прилож. № XIII. 12.

[2]) Акт. кн. Кіев. Центр. Арх. № 971. л. 122 и слѣдующ.

[3]) Арх. греко-уніат. митроп., связ. № 29.

[4]) Послѣ смерти своего втораго мужа Елизавета Гулевичовна жила въ окрестностяхъ Кіева (всѣ извѣстные о ней за 1618—1619 гг. документы—суть тяжебныя дѣла, ведшіяся въ воеводствѣ Кіевскомъ,—см., напр., *Арх. греко-уп. митр.*, связка № 29. *Акт. кн. Кіев. Центр. Архива,* № 13 л. 1411); затѣмъ пересилилась въ волынское воеводство, гдѣ, кажется, постоянно и пребывала до самой своей кончины. Стефанъ Лозка во время своего вступленія въ бракъ съ Е. Гулевичевною былъ человѣкомъ очень состоятельнымъ. Въ его владѣніи находились нѣсколько родовыхъ помѣстій; имѣлъ онъ возможность дѣлать и новыя крупныя земельныя пріобрѣтенія, простиравшіяся стоимостію до 30000 зл. польскихъ (*прилож.* № XIII, 10). Сколько можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывочнымъ документамъ, по смерти мужа Е. Гулевичевнѣ, а равно и ея сыну Михаилу, досталось довольно цѣнное

Сообщенныя нами біографическія свѣдѣнія о фамиліи Гулевичей и Лозокъ, кромѣ общаго историческаго значенія, имѣютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и болѣе непосредственное отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія: могутъ въ извѣстной степени служить

имущество. Но тяжебныя дѣла, которыя приходилось вести вдовѣ мозырскаго маршалка съ разными лицами, семейныя огорченія (измѣна православію сына Михаила) и усилившаяся, можетъ быть, подъ вліяніемъ этихъ огорченій благотворительность—въ конецъ разстроили состояніе Елизаветы Гулевичевны. Умерла она сравнительно очень бѣдною женщиною. Важнымъ памятникомъ, какъ указанной благотворительности фундаторши Кіево-братскаго монастыря, такъ и того незавиднаго матеріальнаго положенія, въ какомъ она находилась къ концу своей жизни, служитъ, помѣщаемое нами въ приложеніяхъ (№ XIII. 14) и въ комментаріяхъ не нуждающееся, духовное ея завѣщаніе.—Означенное завѣщаніе Елизаветы Васильевны Гулевичевны написано было (по старому стилю) 2 апрѣля 1641 года, а занесено въ Гродскія Луцкія книги, послѣ ея смерти, 31 марта (по новому стилю) слѣдующаго 1642 г. Такъ какъ подобное представленіе въ судебныя мѣста духовныхъ завѣщаній для занесенія ихъ въ актовыя книги дѣлаемо было въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ кончины завѣщателей,—то, слѣдовательно, смерть Е. Гулевичевны слѣдуетъ относить приблизительно къ половинѣ марта 1642 г.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній о сынѣ Елизаветы Гулевичевны—Михаилѣ Стефановичѣ Лозкѣ, маршалковичѣ Мозырскомъ. Первѣе всего считаемъ необходимымъ исправить крупную ошибку въ отношеніи къ означенному лицу, допущенную нами въ своемъ сочиненіи о *кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ*. Именно, говоря объ избраніи Могилы на кіевскую митрополію, мы указали на обнародованный М. А. Максимовичемъ актъ этого избранія, изъ коего видно, что одновременно съ Могилою, на случай неутвержденія его королемъ, представлялся послѣднему и другой кандидатъ—винницкій подстаростій Михаилъ Лоска. „Это—говорили мы—былъ сынъ Стефана Лозки и его жены фундаторши кіевской школы Елизаветы Гулевичевны“ (стр. 537). Означенное наше мнѣніе оказывается ошибочнымъ. Другимъ кандидатомъ, избраннымъ одновременно съ Петромъ Могилою на кіевскую митрополію, былъ не Михаилъ Лозка, сынъ нашей Елизаветы Гулевичевны, никогда не состоявшій ни на какой государственной должности и въ то время еще человѣкъ молодой, едвали достигшій двадцатипятилѣтняго возраста, а Михаилъ *Ласка*, занимавшій общественныя должности еще въ концѣ XVI стол., слѣдовательно, уже человѣкъ очень преклонныхъ лѣтъ (вдовецъ).—Михаилъ Стефановичъ Лозка былъ женатъ два раза: впервые на Софьѣ зъ Высокого Лозчиной (Арх. греко-ун. митр. № 3787), въ супружествѣ съ которою былъ онъ не особенно долго и дѣтей не имѣлъ, и вторично на Варварѣ Юдицкой, оставшейся вдовою отъ перваго брака съ Яномъ Гласковскимъ *(Акт. книг. Кіев. Центр. Арх. № 2239. л. 914* и слѣд.). И отъ этого втораго брака у Михаила Лозки дѣтей не было (у второй его жены были дѣти отъ перваго ея брака—„potomstwo spłodzone z pierwszym małżonkiem Ioanem Głaskowskim“). Не занимая никакой общественной должности и—какъ можно думать—не обладая не только большими умственными способностями, но даже и житейскою сноровкою, Михаилъ Лозка не пріумножалъ, но постепенно умалялъ полученное имъ отъ отца богатое наслѣдіе. Такъ въ 1640 г. имъ проданы Николаю Центеру слѣдующія наслѣдственныя помѣстья, лежащія въ кіевскомъ воеводствѣ „място Рожевъ, Михайловъ замокъ съ фольварками, весь Ситниковщина съ фольварками,

руководною нитью для уясненія нѣкоторыхъ, недостаточно выясненныхъ вопросовъ въ первоначальной исторіи Кіево-братскаго монастыря. Выше было указано, что одно правильное чтеніе имени фундаторши означеннаго монастыря разшатываетъ часть легендарныхъ сказаній, которыми такъ изобильна первоначальная исторія Кіево-Богоявленскаго братства. Но можно на основаніи нѣкоторыхъ изъ представленныхъ свѣдѣній сдѣлать выводы и положительнаго характера (хотя-бы въ иныхъ случаяхъ и въ видѣ правдоподобныхъ догадокъ). Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ уясненіе тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ состоялась дарственная запись Елизаветы Гулевичевны.—Познакомимся предварительно ближе съ самою записью.

„Я Галшка Гулевичевна—читаемъ въ означенной записи—жена его милости пана Стефана Лозки, маршалка мозырскаго, съ соизволенія его милости на все, ниже изложенное, будучи здорова тѣломъ и умомъ,—явно и добровольно сознаю симъ моимъ добровольнымъ листомъ, что я, живя постоянно въ древней, святой, православной вѣрѣ Восточной церкви и пылая къ ней благочестивою ревностію къ распространенію славы Бога, въ Троицѣ Единаго, изъ любви и приверженности къ братіямъ моимъ—народу Русскому и для спасенія души своей, съ давняго времени вознамѣрилась сдѣлать добро

села Монастырщина и Класовщина *(Арх. греко-уніат. митр., связка № 29)*. Впрочемъ, до самой своей кончины Михаилъ Лозка оставался человѣкомъ довольно состоятельнымъ, вовсе ненаходившимся въ такомъ затруднительномъ финансовомъ положеніи, въ какомъ очутилась при концѣ своей жизни его мать. Послѣдняя независимо отъ этого имѣла огорченіе видѣть единственнаго сына своего совращеннымъ въ латинство. Когда совершилось это совращеніе, съ точностію сказать нельзя. Но можно думать, что за довольно продолжительное время до смерти Михаила. Не только вторая, но и первая его жена была католичка,—и уже въ 1637 г. отношенія Михаила Лозки къ православному митрополиту Петру Могилѣ были далеко не такими, какія должны бы существовать между верховнымъ пастыремъ и пасомыми.—Отъ Елизаветы Васильевны Гулевичевны—какъ мы видѣли—осталось духовное завѣщаніе. Такое же завѣщаніе осталось и послѣ ея сына. Но какъ первое свидѣтельствуетъ о беззавѣтной преданности праотцовской вѣрѣ Елизаветы Гулевичевны,—вѣрѣ, въ цѣлости и неповрежденности сохраненной ею до конца жизни, такъ второе служитъ доказательствомъ, сколь искусною рукою привлеченъ былъ въ лоно католицизма и какими крѣпкими цѣпями прикованъ былъ къ нему сынъ, знаменитой фундаторши Кіево-братскаго православнаго монастыря. (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2239 л. 914 и слѣд.). Пережилъ свою мать Михаилъ Лозка не много: онъ скончался въ концѣ марта 1648 года (ibid.).

для церкви Божіей и совершить благотворительное дѣло для нуждающихся въ немъ. Теперь, приводя въ исполненіе свое намѣреніе, я—правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народа Русскаго, находящимся въ повѣтахъ воеводствъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго, сословія духовнаго и свѣтскаго: инокамъ, священникамъ и діаконамъ, монашествующимъ и мірскимъ, также сіятельнымъ князьямъ, вельможнымъ господамъ дворянамъ и всемъ людямъ Русскимъ,—какогобъ они званія и сословія ни были, (однакожъ тѣмъ только, которые неизмѣнно пребываютъ и пребывать будутъ въ православной благочестивой вѣрѣ церкви Восточной обряда Греческаго, въ послушаніи и подъ благословеніемъ святѣйшаго Константинопольскаго Патріарха, собственнаго и законнаго верховнѣйшаго пастыря народа Россійскаго),—я дала, подарила, записала и отказала, и вѣчнымъ, неизмѣннымъ даромъ, на вѣчныя времена, даю, дарю, записываю и отказываю мое собственное наслѣдственное имѣніе, пользующееся правами и вольностями дворянскими,—собственный мой дворъ, въ цѣломъ его видѣ, вмѣстѣ съ землею, полученный мною отъ помянутаго мужа моего въ вѣчный даръ и находящійся въ г. Кіевѣ... *(слѣдуетъ описаніе границъ* означеннаго двора)... А то все дарую на монастырь Патріаршей Ставропигіи общаго житія, по чину Василія Великаго, также и на школу для дѣтей, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, и на всякій другой способъ богоугоднаго житія, который служилъ бы къ спасенію христіанскому и къ выполненію благотворительныхъ дѣлъ,—а притомъ и на гостинницу для странниковъ духовныхъ вѣры церкви Восточной; съ тѣмъ однакожъ, чтобы монастырь тотъ и школа и весь чинъ и строеніе распоряжаемы и устрояемы были по закону и чину Каѳолической Восточной церкви Греческаго обряда, по семи вселенскимъ соборамъ и по преданію святыхъ отцевъ Греческихъ. Еще же полагаю и то условіе: если бы кто изъ духовныхъ или изъ свѣтскихъ, высшихъ и низшихъ,—принадлежа къ обществу живущихъ на той фундаціи и защищая какое-либо тяжебное дѣло, заведенное кѣмъ-либо въ отношеніи той фундаціи и ея общежитія, потомъ отступился отъ него и между тѣмъ желалъ имѣть какое нибудь участіе въ самой фундаціи,—то таковаго и подобныхъ ему отступниковъ (будутъ ли то посторонніе, или кто изъ потомковъ моихъ) отъ участія и благотворительности сей фундаціи и записи нынѣшнимъ моимъ сознаніемъ отдаляю. Въ

той же фундаціи, по отдачѣ того имущества съ землею на славу Божію, вышеобъясненнымъ способомъ, ни я сама, ни потомки мои не должны имѣть никакого наслѣдованія, ни выгодъ; также и не должны никогда присвоивать себѣ права отчужденія помянутой фундаціи, подъ залогомъ десяти тысячъ злотыхъ польскихъ и подъ вознагражденіемъ всякихъ убытковъ и издержекъ, безъ всякихъ доводовъ и тѣлесной присяги, по одному голословному объявленію. А чтобы та фундація возъимѣла свое дѣйствіе,—я тотчасъ же въ тотъ дворъ съ землею духовныхъ и свѣтскихъ православныхъ, именно: правовѣрного іеромонаха, отца Исаію Купинскаго и другихъ изъ монашествующихъ, также и школу, ввела и ввожу, отдавая имъ то, равно и всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ, пребывающимъ, какъ упомянуто, въ православіи Восточной церкви, въ дѣйствительное владѣніе и завѣдываніе, при возномъ и дворянахъ, на то назначенныхъ. При семъ я обязываю потомковъ моихъ—никоимъ образомъ не дѣлать въ таковомъ завѣдываніи препятствія живущимъ тамъ православнымъ въ иночествѣ и въ школѣ, и во всякомъ строеніи тамъ пребывающимъ, подъ таковымъ же залогомъ десяти тысячъ злотыхъ польскихъ и подъ вознагражденіемъ всякихъ убытковъ и издержекъ, безъ всякихъ доводовъ и тѣлесной присяги, по одному голословному объявленію. Къ томужъ особенно предостерегаю, что, еслибы (отъ чего Боже храни) какимъ нибудь утѣсненіемъ или несправедливымъ судомъ вышеименованные иноки и христіане вытѣснены были изъ той фундаціи, мною пожертвованной, а также если-бы кто, какимъ нибудь способомъ, захотѣлъ завладѣть тою моею фундаціею и всѣмъ, что ни было бы тамъ построено и основано,—то означенный дворъ и земля цѣлостно должны быть возвращены моему дому и перейти къ моимъ потомкамъ по какой бы линіи они ни происходили. А потомки мои, и кто бы то ни былъ, принимая во владѣніе ту землю со всѣмъ на ней строеніемъ, инокамъ и при нихъ состоящимъ правовѣрнымъ, изгнаннымъ и вытѣсненнымъ оттуда, должны будутъ, на своихъ собственныхъ грунтахъ, выдѣлить такого же достоинства и цѣнности земли, съ правами и вольностями земель дворянскихъ, или денежную сумму, по оцѣнкѣ извѣстныхъ людей, заплатить и щедро налѣлить, подъ такимъ же залогомъ десяти тысячъ злотыхъ польскихъ и подъ вознагражденіемъ всякихъ убытковъ и издержекъ, безъ всякихъ доводовъ и присяги, по одному голослов-

ному объявленію. Обо всемъ этомъ владѣтели и завѣдыватели той моей фундаціи и ктиторы того монастыря будутъ имѣть право всякихъ противниковъ сей моей фундушевой записи позывать во всякій судъ: земскій, гродскій, трибунальскій, въ какомъ бы ни было повѣтѣ и воеводствѣ. Тѣ, будучи туда позваны, за первымъ позвомъ, на первый срокъ, какъ крайній, представши къ оправданію и не употребляя въ помощь себѣ никакихъ извиненій и защиты, должны будутъ заплатить залогъ и убытки, во столько, во сколько разъ эта запись нарушена была бы, и сколько разъ дѣлано было бы ей какое либо въ чемъ нибудь сопротивленіе. А когда уплаченъ будетъ тотъ залогъ и вознаграждены будутъ убытки и издержки, то впредь сія запись, съ нынѣшнею фундаціею, въ каждомъ судѣ и у каждаго закона, на каждомъ мѣстѣ во всей, полной и совершенной силѣ, на вѣчныя времена, имѣетъ быть хранима и содержима. Наконецъ еще и въ слѣдующемъ предваряю: если бы что-либо указывала нужда церкви Божіей и православные христіане, въ пользу которыхъ сія запись составлена, тогобъ отъ меня, Галшки Гулевичевны, супруги мозырскаго маршалка Лозки, требовали, какъ, напр., объясненія или исправленія сей фундаціи и записи,—то я должна буду выполнить сіе и предоставляю себѣ на то всякую свободу нынѣшнимъ прибавочнымъ условіемъ. И для того дала я сей мой фундушевый листъ и добровольную запись съ приложеніемъ печати и подписью руки моего мужа“.... и проч.

Таково почти дословное содержаніе дарственной записи Елизаветы Гулевичевны. Если мы примемъ во вниманіе сообщенныя нами свѣдѣнія, касающіяся біографіи Елизаветы Гулевичевны и ея втораго мужа, тогда тотъ съ перваго раза довольно странный фактъ, что жена *мозырскаго* маршалка даритъ на основаніе монастыря домъ въ *Кіевѣ*, найдетъ очень простое объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что Стефанъ Лозка (мужъ ея) очень долгое время жилъ въ этомъ городѣ, занимая здѣсь видную общественную должность,—причемъ, очевидно, пріобрѣталъ и недвижимую собственность, которая или, по крайней мѣрѣ, часть которой не была перепродана и по переходѣ его на службу въ Мозырь.—Самыя побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ состоялась означенная запись Елизаветы Гулевичевны могутъ быть освѣщенны болѣе всесторонне. Намъ извѣстно, что Стефанъ

Лозка, достигши до глубокаго старческаго возраста, оставилъ занимаемую имъ должность мозырскаго маршалка. Въ 1615 г. мы видимъ его въ Кіевѣ. Имѣемъ основаніе думать, что онъ и окончательно переселился въ окрестности этого города [1]), съ которыми у него были прочныя старыя связи и гдѣ у него находились издавна пріобрѣтенныя помѣстья. Мы знаемъ также, что Лозка предчуствовалъ близость своей кончины и, памятуя о ней, дѣлалъ предсмертныя распоряженія,—и если имъ назначена была еще при жизни опека надъ своимъ несовершеннолѣтнимъ сыномъ, то неестественно допустить, чтобы онъ не позаботился сдѣлать тѣ или другія распоряженія и относительно своего имущества. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что имъ составлено было и духовное завѣщаніе или другія, однородныя съ нимъ акты,—нѣкоторое подтвержденіе чему можно видѣть въ самой дарственной записи Елизаветы Гулевичевны. Знакомымъ съ южно-русскимъ бытомъ разсматриваемаго времени извѣстно, что акты, въ которые заносилась послѣдняя воля готовившагося къ смерти лица, въ большинствѣ случаевъ, составлялись лицами духовными, причемъ благочестиво настроенные завѣщеватели (не безъ вліянія составителей завѣщанія) нѣкоторую, иногда весьма значительную, долю своего достоянія отказывали на разныя благотворительныя дѣла. Мы предполагаемъ, что завѣщаніе и Стефана Лозки составлено было лицами духовными, предполагаемъ даже нѣчто болѣе опредѣленное,—именно, что оно составлено было монашествующими лицами кіево-печерской лавры. На эту мысль невольно наводитъ содержаніе дарственной записи Елизаветы Гулевичевны въ въ связи съ слѣдующими соображеніями: у Стефана Лозки передъ его кончиною были въ живыхъ самые близкіе люди—сынъ и жена. Послѣдняя естественно болѣе, чѣмъ кто либо другой, интересовалась духовнымъ завѣщаніемъ своего мужа и, по всему видно, она имъ обижена не была [2]) (къ чему—судя по человѣчеству—прилагалось нѣкоторое стараніе и съ ея стороны). Далѣе, также естественно ду-

---

[1]) Всѣ тяжебныя дѣла С. Лозки за 1615—1617 гг. велись въ воеводствѣ *Кіевскомъ*. (*Арх. Греко-ун. митр.*, связ. № 29).

[2]) Послѣ смерти С. Лозки въ вѣдѣніи Елизаветы Гулевичевны находилось нѣсколько помѣстій, безспорно ранѣе составлявшихъ собственность ея мужа (напр. богатое имѣніе Рожевъ).

мать, что особы, призванныя заактировать послѣднюю волю готовившаго къ смерти старца, не приминули предрасположить, какъ его, такъ и лице, въ интересахъ котораго дѣлалось завѣщаніе, къ пожертвованію на то или другое богоугодное дѣло, подъ вліяніемъ каковаго добраго совѣта и могла совершиться дарственная запись жены готовившагося къ смерти мозырскаго маршалка. Что означенная запись была сдѣлана подъ вліяніемъ и при участіи кіево-печерской лавры, это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Пожертвованіе дѣлается подъ непремѣннымъ условіемъ основанія монастыря по чину Василія Великаго, о размноженіи каковыхъ общежитій такъ много заботился выдающійся ревнитель „благочестнаго иноческаго житія“ кіево-печерскій (въ то время) архимандритъ Елисей Плетенецкій. Не забудемъ, что первымъ игуменомъ на подаренномъ фундушѣ былъ Исаія Копинскій, пребывавшій до того времени въ кіево-печерской обители (въ званіи завѣдующаго пещерами)[1]). Правда, въ дарственной записи отъ лица Елисаветы Гулевичевны говорится, что она „въ старожитной святой всходнее церкви православной вѣрѣ статечне живучи, и побожностью, ревностью къ ней палаючи, з давныхъ часовъ умыслила церкве Божой добро учинити“. Но мы думаемъ, что этотъ, такъ сказать, общій мотивъ не только не исключается указаннымъ частнымъ, но находится съ нимъ въ неразрывной связи: предрасположить на доброе дѣло всего легче того, кто имѣетъ къ тому склонность.—Въ дополненіе къ сказанному нелишне прибавить, что послѣ извѣстной дарственной записи Елисаветы Гулевичевны на фундацію Кіево-братскаго монастыря, совершенно не видно какихъ либо слѣдовъ, изъ коихъ можно было бы видѣть, что фундаторша стояла въ близкихъ отношеніяхъ къ возникшему, благодаря ея дару, монастырскому общежитію. Она ни единымъ словомъ не упоминаетъ о Кіево-братскомъ монастырѣ даже въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Благотворительная дѣятельность Гулевичевны сосредоточивалась на другихъ „потребныхъ церкви“ учрежденіяхъ. Можно думать, что даръ ея на фундацію Кіево-братскаго монастыря, хотя и былъ даромъ, безспорно, крупнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *единственнымъ*, какъ бы *случайнымъ*.

Елизавета Гулевичевна, жертвуя свой дворъ въ Кіевѣ, не огра-

[1]) Собственноручн. зап. Петра Могилы, хранящ. въ библ. Кіево-Соф. собора.

ничилась—какъ мы видѣли—желаніемъ устроить на немъ монастырь по чину св. Василія, но вмѣстѣ съ тѣмъ ввела на свой фундушъ и *школу*, а также поставила непременнымъ условіемъ, независимо отъ другихъ благотворительныхъ дѣлъ (очевидно разумѣется „шпиталь для убогихъ"), *устройство гостинницы* для странниковъ вѣры Восточной. Опять-таки, читая внимательно дарственную запись Гулевичевны, невольно вспоминается многозаботливый о благѣ церкви и русскаго народа кіево-печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій, бывшій не только ревнителемъ строгаго иноческаго житія, но и выдающимся любителемъ просвѣщенія, собиравшимъ къ себѣ отовсюду ученыхъ мужей и заслужившимъ отъ современниковъ названіе „ученыхъ людей прибѣжища, наукъ любящихъ промотора и школъ на разныхъ мѣсцахъ зычливаго фундатора [1])",—невольно вспоминается образъ того многоболѣзнующаго о бѣдныхъ архимандрита, которому въ свое время сказано было:

„И всюды где еноколвекъ есть преложонымъ,
Церковь, шпиталь, убогій, не есть обнажонымъ.
То бо вѣмъ твоя роскошь, то твое старане,
Абы церкви, убогимъ, было выховане [2]).

Говорятъ, что монашествующая братія, введенная Гулевичевною, всецѣло переведена была изъ истребленнаго пламенемъ братскаго монастыря; но при этомъ забываютъ, что въ записи основаніе иноческаго общежитія представляется дѣломъ новымъ и игуменство въ монастырѣ поручается Исаіи Копинскому,—какъ мы сказали—до того времени пребывавшему въ кіево-печерской Лаврѣ. Послѣднее обстоятельство даетъ твердое основаніе думать, что и остальная монашествующая братія была переведена изъ того же монастыря, какъ не разъ оттуда она переводилась и впослѣдствіи.—Утверждаютъ, что школа, введенная Гулевичевною въ подаренный ею дворъ—братская школа; но, если мы съ одной стороны примемъ во вниманіе все сказанное нами въ I, гл. относительно мнимаго существованія братства еще въ концѣ XVI стол.,—а съ другой—будемъ имѣть въ виду, что въ разсматриваемое время въ Лаврѣ существовала уже

---

[1]) Казанье погребове... 1625 г.

[2]) Вѣзерункъ цнотъ 1618 г.

школа, гдѣ преподавались „разные діалекты“, что для обученія въ сей школѣ собраны были изъ разныхъ мѣстъ искусные дидаскалы, и что она была разсадникомъ для другихъ подобныхъ училищъ въ маетностяхъ монастыря печерскаго [1]),—то мы скорѣе всего склонны будетъ думать, что первое звено и для школы на фундушѣ Гулевичевны—происхожденія лаврскаго.—То обстоятельство, что Елизавета Гулевичевна даритъ свой дворъ не однимъ только лицамъ духовнымъ, но и свѣтскимъ, жившимъ въ воеводствахъ кіевскомъ, волынскомъ и брацлавскомъ,—объясняется разнообразіемъ цѣлей, какія преслѣдовала фундаторша. Монастырь нуженъ для иноковъ, а школа съ гостинницею и для свѣтскихъ. Притомъ для фундуша нужна поддержка. Сама жертвовательница, какъ мы сказали, впослѣдствіи никакихъ отношеній (въ смыслѣ благотворительности) къ учрежденному ею монастырю *не имѣла, да едва ли и намѣревалась имѣть ихъ*. Нравственная обязанность оказывать подобную поддержку и возлагалась на обывателей означенныхъ воеводствъ, такъ какъ *ихъ* интересы наиболѣе были затронуты фундушемъ Гулевичевны. Они вмѣстѣ съ тѣмъ (eo ipso) становились какъ-бы и патронами означеннаго фундуша...

Переходимъ къ вопросу объ учрежденіи братства и соединеніи его съ фундушемъ Гулевичевны.

Мы уже говорили, какъ несостоятельно мнѣніе изслѣдователей, утверждающихъ, что Е. Гулевичевна пожерствовала свой дворъ для братскаго ставропигіальнаго монастыря, будто-бы существовавшаго съ конца XVI стол. и около 1614 г. истребленнаго пожаромъ. Повидимому, гораздо убѣдительнѣе мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые основаніе братства ставятъ въ неразрывную связь съ даромъ Гулевичевны и думаютъ, что послѣдній вызвалъ существованіе перваго. Но какъ не подкупаетъ это мнѣніе своего кажущеюся естественностію, мы затрудняемся согласиться и съ нимъ. Во первыхъ, не мыслимо, чтобы такое крупное историческое явленіе, какъ возникновеніе братства, могло быть вызвано пожертвованіемъ для него двора, а не вытекало изъ потребностей, предъявляемыхъ самою жизнію.

---

[1]) См. наше соч.—Кіев. митроп. Петръ Могила и его сподвижники, т. I, стр. 281.

Правда, возраженіе это въ значительной степени можетъ быть ослаблено замѣчаніемъ, что фундушъ Гулевичевны былъ только толчкомъ, давшимъ жизнь учрежденію, уже достаточно подготовленному въ средѣ кіевлянъ предшествовавшими событіями. Но и съ мнѣніемъ, выраженномъ даже въ такой формѣ, трудно согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ: Дарственная запись Е. Гулевичевны составлена была 14 октября 1615 г. (занесена въ гродскія книги на слѣдующій день). Время составленія братскаго *Уписа* съ точностію неизвѣстно; старѣйшая запись на немъ съ датою относится *къ 4 января 1616 г.*; но это не первая запись на *Упись*, составленіе котораго должно быть придвинуто, хотя-бы и немного, ко времени болѣе раннему. Между тѣмъ изъ того же *Уписа* мы узнаемъ, что кіевляне учреждаютъ братство *по благословенію и повельнію святѣйшаго Вселенскаго патріарха константинопольскаго кѵръ Тимоѳея... и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ* [1]). Тоже самое говорятъ кіевскіе братчики и въ немного позднѣе писанномъ письмѣ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, заявляя, что на основаніе братства они имѣютъ благословеніе и „*грамотное утвержденіе* святѣйшаго вселенскаго патріарха константинопольскаго“ [2]). Такимъ образомъ, учрежденію братства въ Кіевѣ предшествовали хлопоты объ этомъ учрежденіи, и хлопоты, какъ можно думать, не малые, во всякомъ случаѣ продолжительные. Совѣщанія въ Кіевѣ, составленіе къ патріарху просительнаго письма съ обычными подарками требовали времени; особенно не мало времени нужно положить на самую поѣздку въ Константинополь, переговоры тамъ съ патріархомъ (переговоры, какъ можно думать, не приведшіе къ вполнѣ желаемому концу), [3]) и обратный путь. Если все это могло занять по крайней мѣрѣ мѣсяца три—четыре, то начало учрежденія братства должно быть отнесено ко времени нѣсколько раннему половины октября 1615 г. (дата дарственной записи Е. Гулевичевны), почему мы и

---

[1]) Прилож. № I.

[2]) Архив. юго-запад. Рос., ч. I, т. VI. № CCXX.

[3]) Братство на первыхъ порахъ не получило ставропигіальныхъ правъ,—обстоятельство, не побуждавшее братчиковъ впослѣдствіи (послѣ 1620 г., когда патріархомъ Ѳеофаномъ дарована была Кіево-братскому монастырю ставропигія) особенно дорожить грамотою Тимоѳея (см. *Арх. юго-зап. Рос.* ч. I, т. VI, № CCXX).

думаемъ, что на первыхъ порахъ формирующееся кіевское братство къ фундушу Гулевичевны никакого отношенія не имѣло..

Основаніе братства въ Кіевѣ неизбѣжно должно быть поставляемо въ тѣсную связь съ тѣмъ религіозно-умственнымъ возрожденіемъ, которое коснулось наконецъ и этого города. Мы видѣли, что даже главная святыня Кіева—кіево-печерская обитель до конца XVI столѣтія пребывала „въ лѣности и мрачной суетѣ мірской". Но съ самаго начала слѣдующаго столѣтія въ исторіи обители происходитъ рѣшительный переворотъ. Она примыкаетъ къ религіозному движенію въ юго-западной Руси, вызванному усилившеюся пропагандою иновѣрія, и, благодаря этому, въ ней происходитъ рѣшительное и быстрое религіозно-нравственное обновленіе. Матеріальныя заботы отодвигаются на задній планъ, уступая первенствующее мѣсто заботамъ о спасеніи вѣры и борьбѣ съ враждебными православію началами, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигаются на первый планъ и тѣ религіозно-просвѣтительныя средства, которыя оказываются необходимыми для этой цѣли—благотворительныя учрежденія, школа, типографія, изданія книгъ, ученыя корпораціи, и т. п. Первымъ выдающимся представителемъ такого направленія въ исторической жизни Лавры былъ ея архимандритъ Елисей Плетенецкій (1599—1624 гг.)... Подобное же религіозное обновленіе замѣчается и въ самомъ Кіевѣ,—на что безъ сомнѣнія много вліялъ примѣръ высокочтимой обители. Защита своей праотцевской вѣры и здѣсь становится предметомъ ревностныхъ заботъ. Если отобраніе латино-уніатами запустѣвшаго кіево-софійскаго собора и не вызвало сильнаго протеста со стороны кіевлянъ, то дальнѣйшія посягательства „апостатовъ" на православные храмы встрѣчаютъ въ средѣ ихъ энергичный отпоръ, въ особенности съ конца перваго десятилѣтія текущаго вѣка (XVII), когда дѣло православія начинаютъ поддерживать козаки. Дошедшіе до насъ отъ того времени документы полны сѣтованій латино-уніатской партіи на „великія опрессіи", чинимыя имъ кіевскими мѣщанами и козачествомъ. Когда уніатскій митр. Ипатій Поцѣй прислалъ въ Кіевъ въ качествѣ своего оффиціала „апостата" Антонія Грековича, и „тотъ поповъ тутешнихъ Киевскихъ" хотѣлъ было подчинить своей власти,—это вызвало въ средѣ кіевлянъ цѣлую бурю: Грековичу не только не покорялось духовенство, но мѣщане, особенно же козаки, „которыхъ овде непогамованая сваволя"

хорошо была извѣстна уніатамъ,—„чинили ему погрозки“—обѣщались расправиться съ правою рукою Поцѣя *по своему* [1]), (что́ впослѣдствіи и исполнили, утопивъ Грековича)... Но кіевляне хорошо сознавали, что одна грубая сила—ненадежное подспорье для угнетаемаго православія. Необходимо было поднять религіозно-нравственное его значеніе. Необходимо было самимъ „пробудиться отъ нерадѣнія, лѣности, и мрачной суеты мірской и прозрѣть къ свѣту благоразумія“. Первымъ крупнымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о таковомъ пробужденіи и была мысль объ основаніи братства: „къ утѣшенію и утвержденію въ благочестіи народа русскаго, къ учрежденію дѣлъ благотворительныхъ, какъ по отношенію къ лицамъ духовнымъ (для умноженія христіанскихъ добродѣтелей честной иноческой жизни, для преподаванія полезныхъ наукъ и образованія, въ духѣ православія юношества), такъ и свѣтскимъ“ (защита вдодъ, сиротъ, вспомоществованіе бѣднымъ) [2]).—Что религіозное движеніе, вызванное борьбою съ иновѣріемъ и наконецъ коснувшееся Кіева,—было главною причиною учрежденія здѣсь братства, это видно между прочимъ изъ слѣдующаго взгляда на значеніе братствъ, высказаннаго кіевскими братчиками въ письмахъ къ московскому думному дьяку Ивану Тарасовичу Грамматину и царю Михаилу Ѳеодоровичу. „Что есть въ нашей земли братство православныхъ“?—писали они Грамматину,—и сами же отвѣчали: „братство нарицается, егда христіане православныи, живуще посредѣ иновѣрныхъ, посредѣ ляховъ, унѣятовъ и проклятыхъ еретиковъ и хотяще отъ нихъ отлучатися и съ ними ничто же смѣсно имѣти, сами со собою любовию совокупляются, имена своя воедино вписуютъ и братіами нарицаются, се же да твердѣе и скорѣе противовѣрныхъ отразити возмогутъ. Сие братство и мы, граждане и благороднии, духовныи и мирстии во градѣ Киевѣ, идеже иновѣрство возрастаетъ, сотворихомъ“ [3]).—Къ царю же Михаилу Ѳеодоровицу братчики писали: „На утвержденіе благочестіа и православныя апостолскія и отеческія вѣры, такожде на твердѣйшее отраженіе и отгнаніе ересей въ церковь Божию отъ врага всѣхъ общаго діавола насѣянныхъ, мы христіане

---

[1]) Арх. Греко-ун. митр. №№ 3135, 3155, 3170, 3175, 3197 и друг.

[2]) Прилож. № I.

[3]) Арх. Юго-зап. Рос. ч. I. т. VI. № CCXXI.

различныхъ сановъ, достоинствъ и упражненій суще, въ единство любве и въ тождество духа совѣтомъ, благодатію и помощію святыя живональныя Троица, совокуплшиися братство..... устроихомъ“ [1]).

Такимъ образомъ, братство въ Кіевѣ возникло въ 1615 году, независимо отъ фундуша Гулевичевны, вслѣдствіе благопріятствующихъ тому историческихъ условій. Когда кіевское братство только что начинало формироваться, оно, по общепринятому обычаю, должно было сосредоточиться около какой либо церкви. Положительныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса—что это была за церковь—нѣтъ. Здѣсь возможны только болѣе или менѣе правдоподобныя гаданія. Такъ какъ формирующееся въ Кіевѣ братство имѣло быть религіозно-оборонительнымъ и открывало для ревнителей православія широкій доступъ въ число своихъ членовъ, не ограничивая ихъ только извѣснымъ приходомъ,—то можно думать, что для означенной цѣли избрана была наиболѣе обширная и притомъ соборная церковь, каковою въ то время былъ недавно обновленный храмъ Успенія Пресв. Богородицы, находившійся среди Подола. Есть нѣкоторое основаніе думать, что современемъ наше предположеніе можетъ найти и фактическое подтвержденіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, просматривая рукописи Императорской Публичной Библіотеки, мы натолкнулись на прошеніе казаковъ къ Сигизмунду III, гдѣ они между разными питиціями занесли просьбу и объ утвержденіи нововозникшаго братства въ Кіевѣ *Пресвятой Богородицы*. Въ то время мы сочли такое названіе кіевскаго братства опискою и, занятые другими вопросами, къ сожалѣнію не обратили надлежащаго вниманія на означенный документъ и не отмѣтили ни его даты, ни № рукописи, гдѣ онъ помѣщенъ. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ и дѣйствительно описка (хотя и трудно объяснимая); но если дата документа относится къ 1615 году,—то указанное обстоятельство могло бы имѣть важное значеніе при опредѣленіи первой церкви, около которой въ самомъ началѣ своего существованія сосредоточивалось формирующееся Кіевское братство.

Несомнѣнно впрочемъ, что братство существовало независимо отъ фундуша Гулевичевны самое непродолжительное время и къ

---

[1]) Ibid. № CCXX.

концу 1615 года уже соединилось съ нимъ. Это слитіе, очевидно, обусловливалось какъ однородностію цѣлей, преслѣдуемыхъ обоими учрежденіями, такъ и выгодами отъ подобнаго соединенія для каждаго изъ нихъ: ново-основанный монастырь и школа находили для себя сильныхъ покровителей или точнѣе хозяевъ, а братство удобное помѣщеніе. Одною изъ причинъ, содѣйствовавшихъ къ соединенію братства съ фундушемъ должно отчасти признать и то обстоятельство, что оба эти учрежденія только что формировались, еще не имѣли прочнаго устоя и старыхъ традицій, вообще представляли почву удобную для обоюдныхъ соглашеній [1]).

Кіевское братство, какъ значится въ его *Уписѣ*—основано было „ведле порядку правъ братствомъ отъ святѣйшихъ патріарховъ, Львовскаго, Виленского, Могилевского и проч... ствержоныхъ". Уже одно это указаніе въ Уписѣ даетъ намъ полное основаніе заключать, что тѣ братскіе „повинности и порядки", которые приложены были къ Упису, но при немъ не сохранились, были однородны съ извѣстными по уцѣлѣвшимъ документамъ порядками другихъ церковныхъ братствъ, существовавшихъ въ то и до того времени въ юго-западной Руси. Но мы имѣемъ возможность и опредѣленнѣе указать на практиковавшій въ Кіевскомъ братствѣ уставъ. Извѣстно, что виленскіе братчики „въ лѣто 1588 благословеніемъ Ионисифора митрополита кіевскаго" напечатали чинъ своего братства [2]). Этотъ *Чинъ Виленскаго братства*, въ свое время широко распространенный по западно-русскимъ областямъ [3]), наши изслѣдователи считали поте-

---

[1]) Въ нашей литературѣ за послѣднее время поднятъ былъ вопросъ, въ какомъ году Кіевская Духовная Академія можетъ праздновать трех-сотлѣтіе своего существованія? Что не въ 1888 или въ 1889 гг., а въ 1915,—это не подлежитъ сомнѣнію. Вопросъ только можетъ быть въ томъ, къ какому мѣсяцу и числу пріурочить означенное празднество. Думаемъ, что къ 14 октября,—т. е. дню, когда составлена была дарственная запись Гулевичевны. Хотя въ данномъ случаѣ и не будетъ вполнѣ соблюдена хронологическая точность, но такъ какъ послѣднюю въ деталяхъ уставить нельзя, то означенное время, безъ сомнѣнія, представляется наиболѣе соотвѣтствующимъ дню празднества.

[2]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковны, и проч. ч. II, № 3.

[3]) Акты Зап. Рос. т. IV. № 4.

рянным для науки [1]), Но въ рукописи, недавно поступившей въ церковно-археологическій музей при Кіевской дух. Академіи, нами найденъ былъ обширный братскій уставъ съ замѣчаніемъ что онъ выписанъ „з виленскихъ артикуловъ братства св. животворящаго Духа“, для братства въ г. Кончузѣ [2]).—Сгрупировавъ всѣ извѣстныя намъ данныя объ утраченномъ *Чинѣ Виленскаго братства*, изд. 1588, и сопоставивъ ихъ съ содержаніемъ найденныхъ артикуловъ, мы пришли къ убѣжденію, что послѣднія представляютъ копію съ означеннаго чина [3]). Далѣе мы пришли къ выводу, что этотъ чинъ былъ принятъ въ руководство и въ Кіевскомъ братствѣ. На подобную мысль прямо наводитъ то обстоятельство, что въ нашемъ сборникѣ виленскимъ артикуламъ непосредственно предшествуетъ одна изъ извѣстныхъ граматъ іерусалимскаго патріарха Θеофана, данная имъ Кіевскому братству (помѣщена въ серединѣ между заглавіемъ устава и самымъ уставомъ),—обстоятельство естественно объяснимое тѣмъ, что переписчикъ имѣлъ подъ руками веленскіе артикулы Кіевской редакціи [4]).

Братскіе „порядки и повинности“, изложенныя въ уставѣ (или чинѣ), принятомъ Кіево-Богоявленскимъ братствомъ и практиковавшемся въ немъ, состояли въ нижеслѣдующемъ:

Братство широко и радушно открывало доступъ въ число своихъ членовъ для лицъ всѣхъ сословій, ревнующихъ о благочестіи,—для „становъ духовнаго шляхетскаго и посполитаго“, при томъ какъ для лицъ, находившихся въ самомъ городѣ, такъ и иногородныхъ [5]).

---

[1]) Ibid. прим. 3.

[2]) Означенный уставъ напечатанъ нами въ прилож. къ сочиненію—Кіев. митроп. Петръ Могила и его сподвижники (№ XXXVI).

[3]) Доказательства см. въ нашемъ сочиненіи—*Кіев. митроп. Петръ Могила его сподвижники*, (примѣч. къ докум. № XXXVI),

[4]) Измѣненія въ Виленскомъ уставѣ (отсюда и различныя редакціи) могли касаться несущественныхъ сторонъ, напр. количества взноса денегъ каждымъ братчикомъ, назначенія дней для общихъ сходокъ, и т. п.

[5]) Срав. каталоги братства Львовскаго (*Памят. Кіев. Ком.* т. III, отд. 1. № 12), Луцкаго (*Кіевлянинъ*, 1841 г. 317), Могилевскаго Богоявленскаго (*Могил. Губерн. Вѣд.* 1847 г. № 35); а также и самаго *Кіевскаго* (*Прилож.* № 1). Были примѣры, что въ братство вступали цѣлые приходы и корпораціи (*Лѣтоп. Львов. Братства Зубрицкаго* подъ 1591 г.).—По отношенію собственно къ Кіевскому братству см. *Прилож.* № VI.

Въ братство могли быть принимаемы и женщины [1]) тоже какъ „шляхетскаго, такъ и посполитаго“ званія, но присутствовать на братскихъ совѣщаніяхъ имъ не дозволялось и ихъ дѣятельность по отношенію къ братству ограничилась тѣмъ, что они „ведлугъ повинностей братій вписныхъ, албо що которой Господь Богъ до сердца подастъ и совите по силѣ изволеніемъ добрымъ, присылати мѣли“.

Желающій вступить въ братство долженъ былъ предварительно („первѣе нежели ся впишетъ“) ознакомиться съ братскими порядками. Затѣмъ, „взявши вѣдомость и маючи истинную, неотмѣнную волю“, придти въ братство и заявить о своемъ желаніи вступить въ число его членовъ, „слюбуючи постановеню брацства церковнаго досыть чинити“ [2]). Послѣ сего нововступавшій членъ въ церкви, передъ священникомъ, произносилъ присягу по слѣдующей формѣ: „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Я рабъ Божій *(имя рекъ)* приступаю до сего святого церковного брацтва и обѣщаюсь Богу въ Тройцы единому, и всему брацтву всею душею моею, чистымъ же и цѣлымъ умысломъ моимъ быти у братствѣ семъ..... Яко, единъ отъ вѣрныхъ братій, даже до моего послѣдняго часа неотступаючи, ниже спротивляючися во всѣхъ повинностяхъ его; но противникомъ спротивлятися. Да пріидетъ на мя и на ввесь домъ мой благость Божія, миръ и милость и благословеніе, данное брацтву сему во вѣчныя роди. А если бымъ мѣлъ отступити, или похулити, или въ чомъ спротивитися сему законному брацтву, да пріидетъ на мя и на ввесь домъ мой гнѣвъ Божій и отлученіе, уже и запрещеніе и клятва на таковыхъ реченная, въ брацтвѣ семъ описанная, даже до совершеннаго моего покаянія, и аще ли безъ покаянія скончаюсь, да буду и по смерти неразрѣшенъ, яко преступникъ закона Божія, отъ нея же сохрани мя и спаси Христе Боже мой, молитвами Пречистыя ти Матере и всѣхъ святыхъ твоихъ. Аминь“.—Послѣ присяги новый членъ записывался въ братскій реэстръ [3]) и давалъ опредѣленный (или по желанію бо́льшій) вкладъ въ братскую скринку.

---

[1]) Срав. *Лѣтоп. Львов. братства.*

[2]) Срав. Уставъ Луцкаго братства пунктъ 1 *(памят. Кіев. Ком.* т. 1, отд. I, № VII).

[3]) Срав. *Луцкій уставъ,* пунктъ 1.—Новопоступавшій братчикъ долженъ цѣловати честной крестъ изъ рукъ пресвитера *и каждому брату подать свою руку на вѣрности братству.*

Братство состояло изъ лицъ *должностныхъ* и *обыкновенныхъ* („уписныхъ“) *братій*. Выборъ должностныхъ лицъ происходилъ ежегодно, на главной братской сходкѣ, назначавшейся въ опредѣленный день (Ѳомину недѣлю). Всѣхъ должностныхъ лицъ избиралось *шесть* [1]). Два изъ нихъ назывались—*старшими братіями*, другія два—*строителями церковными* или *пономарами*, *вытрикушами* (т. е. церковными старостами), а остальные два — *шпитальными дозорцами*.— Главная власть сосредоточивалась въ рукахъ старшихъ братчиковъ. Они обязаны были „вѣдати о всѣхъ приходахъ церковныхъ“ и имѣть тщательное „стараніе о легаціяхъ и отказахъ“ братству, если бы таковыя были, и вообще заботиться о благѣ церкви Божіей. Старшіе братія назначали сходки; у нихъ хранилась братская казна (у одного ключъ, у другаго скринка) и всѣ документы, принадлежащіе братству [2]).—Обязанности *строителей церковныхъ* состояли въ томъ, чтобы „вѣдати о всѣмъ скарбѣ церковномъ“. Они имѣли въ своемъ завѣдываніи церковные сосуды, аппараты, клейноты (драгоцѣнности) и книги; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, во время божественной литургіи, ходили по церкви „съ таблицею“ и собирали пожертвованія, предназначавшіяся преимущественно „на оффѣру до службы Божой, на вино и ладонъ“,—во время богослуженія ставили около образовъ свѣчи, въ большіе праздники украшали ихъ, и т. п.— Обязанности *дозорцевъ шпитальныхъ* заключились въ томъ, чтобы „мѣти старане о поживаню убозства шпитального, яко и о нищихъ убогихъ школнихъ“. Въ ихъ вѣдѣніи находились денежныя суммы и вообще матеріальныя средства, предназначавшіяся благотворителями для означенной цѣли (у нихъ, между прочимъ, хранились и ключи отъ „пушки“, съ которою нѣкоторые „з убогихъ шпитальныхъ“ въ праздничные дни ходили по церкви, или стояли у дверей церковныхъ, „просячи на убогихъ“). Хотя, такимъ образомъ, обязанности должностныхъ лицъ были разграничены, но „до споряженія и справованя добрыхъ побожныхъ учинковъ“ они должны были „сноситися“ другъ съ другомъ „и радити якъ найлѣпѣй могло бы быти“.—По

---

[1]) По уставамъ братства Луцкаго и Львовскаго—*четыре*. Распредѣленіе между ними должностей и послугъ церковныхъ—смотря по достоинству, кто къ чему способенъ.

[2]) Были первыми судьями, судившими братчиковъ; представителями братства предъ гражданскимъ начальствомъ *(Лѣтоп. Львов. братства)*.

окончаніи года на главной братской сходкѣ должностныя лица обязаны были представить обстоятельный отчетъ о своей дѣятельности братству, которое, поблагодаривъ ихъ „за услугу вѣрную церкви Божой“, избирало на ихъ мѣсто новыхъ. Впрочемъ выборъ могъ пасть и вторично на старыхъ должностныхъ лицъ. Избранные братствомъ не могли отказываться отъ возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, подъ опасеніемъ штрафа (полъ-каменя воску).

Общія повинности всѣхъ „братій вписныхъ“ состояли въ слѣдующемъ: они обязаны были присутствовать на каждой братской сходкѣ; а кто-бы „за обвѣщеніемъ братій старшихъ и обесланемъ крижика на схадзку братерскую не ставился“, таковый „подпадалъ неотступной винѣ церковной, иле кротъ бы не ставился, фунтъ воску за каждый разъ“.—Исключеніе въ этомъ случаѣ допускалось только по отношенію къ членамъ, не могшимъ явится на собраніе вслѣдствіе особенно уважительныхъ причинъ („гвалтовныхъ, пильныхъ потребъ“),—но и при этомъ затруднявшійся прибыть на сходку братчикъ обязанъ былъ предварительно заявить о томъ „старшимъ“ и испросить у нихъ отпускъ. Послѣдній однако не долженъ повторятся часто. На сходкахъ старшіе братчики предварительно просматривали реэстры съ именами и фамиліями членовъ, — и если замѣчали, что кто либо не пришелъ въ собраніе, посылали къ нему двухъ братчиковъ съ напоминаніемъ объ исполненіи, согласно данному обѣщанію, братскихъ повинностей. Если братчикъ не повиновался, его увѣщевалъ братскій священикъ. Ослушавшійся и послѣдняго отлучался отъ братства.—Иногородные члены, не могшіе лично присутствовать на братскихъ собраніяхъ, имѣли право присылать вмѣсто себя „пословъ“; но во всякомъ случаѣ они обязаны были въ опредѣленные сроки дѣлать денежные взносы.

Во время сходокъ собравшіеся братчики, остерегаясь „порожныхъ и непотребныхъ розмовъ“, должны были „радити о церкви Божой“ и своемъ духовенствѣ,—„радити и пилное старане мѣти, абы наука вшелякая христіанскимъ дѣтямъ въ школѣ была“; заботиться объ ученыхъ дидаскалахъ, благочестивыхъ, старательныхъ трезвенныхъ, чтобы „за пилною наукою ихъ люди росли и хвала Божія множилася; „радити о выживеню убогихъ и шпитальныхъ“, а также и прочихъ бѣдныхъ людяхъ, которымъ негдѣ было „главы преклонити“.—Бесѣды должны вестись чинно, пристойно. Право слова пре-

доставлялось каждому братчику, но всѣмъ разомъ говорить возбранялось, „а поединомъ, еденъ по другомъ“,—при чемъ каждый желающій о чемъ либо заявить обязанъ былъ предварительно испросить о томъ позволеніе у старшихъ [1]). Бесѣда должна вестись голосомъ тихимъ, любовно, разумно. Братскія совѣщанія должны храниться въ глубокой тайнѣ. Даже „предъ подружіемъ своимъ и домовыми повиненъ былъ каждый утаити що было мовлено и ражено въ собраніи братій; а если бы ся показало на которомъ зъ братій, жебы былъ велерѣчивъ, тайны не хранячи не тилко въ дому своимъ, але и по мѣстцахъ публичныхъ, въ господахъ, гдѣ иновѣрніи знайдоватися мѣли, що колвекъ въ собраніи братій мовлено было и якая рада сполная всѣхъ была выявилъ бы з хлюбы якое, либо зъ неосторожности учинилъ бы, таковый подпадаетъ винѣ церковной неопустной полъ-каменя воску и стоянію въ кунѣ презъ недѣль шесть подъ часъ литоргіи“.—Поэтому доступъ стороннимъ лицамъ на братскія собранія строго воспрещался. Единственное исключеніе въ данномъ случаѣ касалось тѣхъ лицъ, которыя имѣли принести жалобу на вписного брата, но, окончивъ „свою справу“, сторонее лице обязано было тотчасъ же удалиться изъ собранія.

Для всѣхъ вписныхъ братій хранились въ церкви большіе ($^1/_4$ ф.) украшенные (маліованіе) свѣчи, съ которыми они стояли во храмѣ въ праздниченые дни (на литіи, поліелеѣ, 9-й пѣсни, и т. п.) Свѣчи хранились у строителей церковныхъ (ими же и раздавались). Братчикъ, по небрежности сломавшій свѣчу, подвергался штрафу. Для „знаменитыхъ гостей“ были въ запасѣ свѣчи и бо́льшаго размѣра.

По меньшей мѣрѣ четыре раза въ годъ должна была совершаться въ братствѣ торжественная литургія „за отпущеніе грѣховъ“ какъ живыхъ его членовъ, такъ умершихъ ихъ родственниковъ. Для служенія приглашалось и стороннее духовенство въ возможно большемъ количествѣ. Послѣ литургіи для него устроялась трапеза, на которую приглашались также убогіе и странники, во исполненіе божественныхъ словесъ: „егда твориши обѣдъ или вечеру не зови други свои, ни братій“ и проч.,—но зови нищія, малопомощнія, слѣпыя, и блаженъ будеши“. Въ это же время производились братчиками

---

[1]) Срав. *Пам. Кіев. Ком. т, I, отд, 1 № 10.*

пожертвованія въ кассу для убогихъ. О времени этого „милосерднаго учинку“ братствомъ заблаговременно извѣщались и не принадлежащія къ нему лица (шляхта) съ просьбою, дабы они означенному учинку „сообщниками“ были.—Кромѣ торжественныхъ литургій, на которыхъ поминались живые и умершіе братчики, а также ихъ родственники,—подобное поминовеніе совершалось и вообще при каждой литургіи, для каковой цѣли братство имѣло собственный помянникъ. За поминовеніе духовенству шла особая плата изъ суммъ, нарочито для того собиравшихся.

Братчики обязаны были взаимно помогать другу, при постигавшихъ ихъ несчастіяхъ и разореніяхъ,—или изъ собственныхъ средствъ или же изъ „братской скринки“. Впрочемъ на помощь могли разчитывать только тѣ, которыхъ постигало несчастіе „з волѣ Божіей“,—а не „з своей своволѣ“ („якій припадокъ не слушній“). „Аще добро твориши—приводятся въ уставѣ по этому случаю слова писанія,—разумѣй, кому твориши: добро твори смиренному, и не дождь нечестиву“.

Въ случаѣ постигшей болѣзни братчика объ этомъ оповѣщались на сходкѣ остальные члены братства и на нихъ возлагалась нравственная обязанность посѣщать болящаго. Кромѣ того, если послѣдній находился въ бѣдности, братчики приглашались на той же сходкѣ оказать ему денежное вспомоществованіе на лѣченіе, или же потребная для того сумма отчислялась изъ братской скрынки.

О смерти братчика давалось знать „въ прудномъ часѣ“ чрезъ обосланіе крижика или таблички жалостной. При погребеніи должны были присутствовать всѣ братчики, подъ опасеніемъ штрафа. Для несенія тѣла покойника назначалось шесть братій; остальные, должны были по парно идти за гробомъ со свѣчами въ рукахъ (для бѣдныхъ могилы приготовлялись на деньги братства). За погребеніе братчиковъ платы (кромѣ добровольныхъ взносовъ) не полагалось.—Могли обращаться къ братству съ просьбою усроять подобныя же торжественно-печальныя процессіи и не принадлежавшія къ нему лица, но они должны были вносить за это тѣ или другіе денежные вклады, расходовавшіеся на „потребы церковные“...

Всѣмъ братчикамъ предписывалось сохранять между собою совершенную любовь въ союзѣ мірѣ. „Належитъ всѣмъ братіямъ—говорится въ Уставѣ — жити въ любви не позверховной, але щирой,

единъ другаго шануючи, не виша себе и больша творяще,—и не тылко въ собраніи братій, але и на всякомъ мѣстѣ, абы союзъ братій былъ совершенный, досконалый". Но такъ какъ предполагалось, что люди немощны, а потому и между братіями могли происходить недоразумѣнія и притомъ крупныя, то предписывалось улаживать ихъ судомъ братскимъ. „Если бы—говорится въ Уставѣ—было якое застя, посварь, гнѣвъ, знаваждене бѣсовское межи братома, албо если бы братъ вписаный брату вписаному кривду якую колвекъ учинилъ и имѣлъ бы его укривжоный до права позвати, тогды первѣй нежели позоветъ, маетъ ознаймити братіямъ старшимъ и всѣмъ. Братія же маютъ о томъ стараня пилное мѣти, якъ бы ихъ, до права недопустивши, погодити и разсудити прю ихъ слушную. Але если бы братъ любо бы былъ и моцно укривжоный, первѣй нежели братіи ознаймилъ, албо не ознаймивши до права брата позвалъ, маетъ дати вины чверть каменя воску, для того ижъ то учинилъ противъ постановеню и порядку братій всѣхъ, пишетъ бо Апостолъ: смѣетъ ли кто отъ васъ вещъ имѣяй ко иному судитися отъ не праведныхъ, ко сраму вамъ глаголю: тако ли нѣсть единъ во васъ мудръ, иже можетъ разсудити межи братіею своею".

Таковы въ основныхъ чертахъ „порядки и повинности", изложенныя въ принятомъ Кіевскимъ братствомъ уставѣ. Они рисуютъ преимущественно внѣшне-формальную организацію братства, не представляя достаточныхъ данныхъ для характеристики внутренней его дѣятельности. Обильнымъ матеріаломъ для уясненія послѣдней могли бы служить находившіяся въ каждомъ братствѣ книги, куда заносились — употребляемъ современное названіе — *протоколы* братскихъ засѣданій. Къ сожалѣнію, подобныхъ книгъ, принадлежавшихъ собственно Кіевскому братству, не только отъ разсматриваемаго нами времени, но и отъ позднѣйшаго, не сохранилось. Этотъ пробѣлъ не можетъ восполнить ознакомленіе съ дошедшими до насъ протокольными книгами прочихъ братствъ (напр. львовскаго), такъ какъ при одинаковости или, по крайней мѣрѣ, существенномъ сходствѣ братскихъ уставовъ, самая дѣятельность братствъ значительно разнообразилась, пріобрѣтала извѣстныя индивидуальныя черты, — что̀ зависѣло не только отъ естественной разнородности состава членовъ въ братствахъ, но (это самое главное) и отъ неодинаковости условій,

среди которыхъ приходилось существовать тому или другому братству [1]). Впрочемъ, разнообразная въ частностяхъ, индивидуальная въ деталяхъ, дѣятельность всѣхъ церковныхъ братствъ была однородна по своимъ задачамъ — *возвысить религіозно-нравственное значеніе православія и охранять его отъ враждебнаго натиска пропагандистовъ иновѣрія*. Что подобныя задачи преслѣдовало и Кіевское братство на первыхъ же порахъ своего существованія,—объ этомъ, не зависимо отъ существующей при немъ школы (свѣдѣніямъ о которой посвящена будетъ слѣдующая глава), краснорѣчиво свидѣтельствуютъ приведенныя нами выдержки изъ писемъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу и думному дьяку Грамматину, а лучшею рекомендаціею успѣшнаго выполненія этихъ задачъ служитъ тоже отчасти уже извѣстное намъ заявленіе уніатскаго митрополита Рутскаго, при своихъ заботахъ о распространеніи уніи въ Кіевѣ находившаго, что *этимъ заботамъ великую препону полагаетъ новое, основанное здѣсь, схизматиками братство*,—и что *трудно и думать о чемъ нибудь добромъ* (т. е. благопріятномъ для латино-уніатовъ) *если оно не будетъ уничтожено* [2])...

Слѣдя исторію Кіево-богоявленскаго братства въ хронологическомъ порядкѣ, за первое пятилѣтіе его существованія можно отмѣтить только слѣдующія факты:

Соединившись съ фундушемъ Гулевичевны (вслѣдствіе чего братство и Кіево-братскій монастырь дѣлаются названіями однозначущими) кіевскіе братчики постепенно увеличиваютъ свои матеріальныя средства, обращая ихъ на благоустройство означеннаго фундуша. Независимо отъ обычныхъ членскихъ взносовъ, уже въ первое время своего существованія братство получаетъ и болѣе цѣнныя пожертвованія. Такъ въ 1618 году Анна Гулевичевна, жена подчашаго кіевскаго Лаврина Лозки (какъ мы, видѣли двоюродная племянница Елизаветы Гулевичевны) подарила „въ монастырь братскій для поминованія души своей дворовое мѣсто *Позщинское*, лежащее (зъ одной стороны) возлѣ церкви Николая чудотворца добраго, а з другой стороны (возлѣ дома)

---

[1]) Для поясненія сказаннаго достаточно указать на Львовское братство, отношенія котораго къ епископу Гедеону сообщали его дѣятельности въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ своеобразную окраску.

[2]) Основ. 1861 г. № 8.

Андрея Скочка",—на что̀ и дала братчикамъ дарственную, собственноручно подписанную запись. Важнѣе было и въ смыслѣ матеріальной поддержки, въ особенности же въ качествѣ силы охранительной, поступленіе въ число кіевскихъ братчиковъ славнаго запорожскаго гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго, вписавшагося въ братскій реэстръ „со всѣмъ своимъ войскомъ" [1]). Значеніе этого факта для братства краснорѣчиво характеризуетъ слѣдующее мѣсто въ *Виршахъ* К. Саковича, свидѣтельствующее объ отношеніи гетмана къ православію:

При менэствѣ (залецаю) Вѣру его, въ которой статечне
Трвалъ, заставляючи за ню досыть сердечне.
И завше зъ своимъ Войскомъ Кроля Пана просилъ,
Абы вѣру нашу святую успокоилъ,
Офѣруючися му тымъ хентнѣй служити,
Кгды бы рачилъ Релію нашу успокоити [2]).

Къ 1620 году братство уже настолько упрочило свое матеріальное положеніе, что приступило (едва-ли главнымъ образомъ не на средства, предоставленныя Сагайдачнымъ) къ постройкѣ на фундушѣ Елизаветы Гулевичевны новаго, сравнительно обширныхъ размѣровъ храма. Но означенный годъ наиболѣе замѣчателенъ въ исторіи братства по другимъ обстоятельствамъ, — по тому религіозно-нравственному вліянію, которое въ указанное время пріобрѣтаетъ оно, по той выдающейся роли въ дѣлахъ западно-русской церкви, какая выпадаетъ на его долю. Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ гощеніе въ Кіевскомъ братствѣ іерусалимскаго патріарха Θеофана и событія, тѣсно связанныя съ этимъ обстоятельствомъ.

Патріархъ Θеофанъ прибылъ въ Кіевъ въ срединѣ поста 1620 г. Радушно принятый здѣшнимъ братствомъ, онъ остановился въ его странно-пріимномъ домѣ. Прибытіе патріарха, какъ для кіевскихъ братчиковъ, такъ и вообще для всѣхъ православныхъ южно-руссцевъ было счастливою случайностію. Чтобы надлежаще понять это и уяснить значеніе дальнѣйшихъ событій, нужно припомнить то положеніе, въ какомъ находилась въ разсматриваемое время западно-рус-

[1]) Прилож. № VI.
[2]) Ibid.

ская церковь. Извѣстно, что во время брестской уніи только два епископа остались вѣрными православію: львовскій—Гедеонъ Балабанъ и перемышльскій—Михаилъ Копыстенскій. Послѣ смерти Балабана львовская каѳедра занята была Іереміею Тиссаровскимъ, получившимъ на то позволеніе и отъ польскаго правительства (ошибочно разчитывавшаго на склонность Іереміи къ уніи). Но перемышльская епископія по смерти М. Копыстенскаго (1610 г.) осталась незамѣщенною. Такимъ образомъ, съ 1610 г. во всѣхъ западно-русскихъ областяхъ былъ только одинъ православный епископъ. Понятно, что такое оскудѣніе православной іерархіи неблагопріятно отзывалось на интересахъ православія, созидая множество неудобствъ и вообще затрудняя нормальное теченіе церковно-исторической жизни. Если къ этому прибавить естественное сознаніе того униженія, какому подвергало польское правительство русскую церковь, лишая ее законной іерархіи, — то станетъ вполнѣ понятнымъ страстное желаніе южно-руссцевъ, сосредоточенное на возстановленіи послѣдней. Не проходило сейма, чтобъ объ этомъ ими не заносились петиціи. Но враждебно настроенное по отношенію къ православнымъ польское правительство не внимало этимъ петиціямъ, хотя и не разъ обѣщало „окончательно успокоить греческую религію“. Православные сравнивали свое положеніе съ египетскою неволею, дѣйствія правительства по отношенію къ вопросу объ іерархіи называли запрещеніями Фараона, — и не оставляли завѣтной мысли свергнуть съ себя эту неволю. Пріѣздъ въ Кіевъ іерусалимскаго патріарха былъ благопріятнымъ для того случаемъ. Независимо отъ того, что Ѳеофанъ имѣлъ полномочіе отъ константинопольскаго патріарха (въ вѣдѣніи котораго находились западно-русскія области[1]), самое положеніе дѣлъ въ Польской Коронѣ, угрожаемой войнами отъ сосѣднихъ государствъ и крайне нуждавшейся въ помощи южно-руссцевъ, въ особенности казачества,— представлялось наиболѣе удобнымъ для рѣшительныхъ дѣйствій въ интересахъ своей религіи. Стеченіемъ столь благопріятныхъ условій для возстановленія своей іерархіи православные и воспользовались, причемъ иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Кіевскому братству.

---

[1]) Съ п. Ѳеофаномъ путешествовалъ экзархъ п. константинопольскаго—„велебный Арсеній Архимандритъ Великія церкви въ Константинополѣ“. Пам. Кіев. Ком. т. II, отд. I № 4).

Мы не будемъ здѣсь распространяться о томъ, какія въ данномъ случаѣ дѣлались приготовленія православными и при какихъ обстоятельствахъ совершился самый фактъ возстановленія западнорусской іерархіи (такъ какъ это достаточно извѣстно въ нашей литературѣ, а нѣкоторыя частности уяснены нами ранѣе [1]),—мы обратимъ только вниманіе на ту первенствующую роль, какую играло въ этомъ дѣлѣ собственно Кіевское братство. Не говоря уже о томъ, что разсылавшіяся изъ Кіева отъ имени патріарха посланія съ увѣщаніями православнымъ безъ колебанія избрать лицъ, достойныхъ для посвященія въ санъ епископскій, „не бояшеся повеленій и запрещеній міра (т. е. польскаго правительства), якоже нѣкогда родители Моисеевы не бояшеся повеленія Фараонова“, — не говоря уже о подобныхъ грамотахъ, безъ сомнѣнія, составлявшихся въ средѣ Кіевскаго братства,—вліяніе послѣдняго при возстановленіи іерархіи ясно видно въ самомъ выборѣ, по крайней мѣрѣ, половины лицъ, предназначенныхъ для посвященія. Возведенный п. Θеофаномъ на кіевскую митрополію Іовъ Борецкій былъ передъ тѣмъ *ректоромъ Кіево-братской школы*; Исаія Копинскій, рукоположенный на епископію перемышльскую, *былъ первымъ игуменомъ Кіево-братскаго монастыря и его устроителемъ;* Іезекеиль Курцевичъ, посвященный на епископство владимірское и брестское, извѣстенъ какъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ Кіевскаго братства, заявившій, что онъ „*всегда готовъ съ нимъ пострадати добро и зло* и *кровь свою за благочестіе дати*“ [2])... Не слѣдуетъ также забывать и того, что самый фактъ возстановленія іерархіи могъ состояться только вслѣдствіе дѣятельнаго участія въ этомъ дѣлѣ сочувствующаго Кіевскому братству и вписавшагося въ него запорожскаго войска, которое, „оточивъ патріарха стражбою, аки пчелы матицу свою“, обезопасило его „отъ противныхъ волковъ“, т. е. отъ неизбѣжныхъ преслѣдованій со стороны польскаго правительства.

Если мы примемъ во вниманіе, что возстановленіе п. Θеофаномъ православной іерархіи, нанесло замысламъ латино-уніатской партіи

---

[1]) Кіевскій митроп. Могила и его сподвижники, т. I, стр. 299—303.—*Приложж.* примѣч. къ докум. № XXXVII.

[2]) Самое посвященіе Борецкаго и Копинскаго происходило въ *Братской церкви*. (О не основательности мнѣнія, что оно состоялось въ к.-печерской Лаврѣ, см. наше сочиненіе.—*Кіев. митроп. Петръ Могила* т. I, прилож., примѣч. къ докум. № XXXVII).

самый тяжелый ударъ, сообщило религіозному движенію въ средѣ православныхъ новое, болѣе благотворное движеніе и окончательно возвратило Кіеву значеніе церковнаго центра,—то нельзя не признать дѣятельнаго участія въ этомъ событіи Кіевскаго братства, — *однож изъ выдающихся его заслугъ за разсматриваемое время* (1615—1631 гг.).

Но удачно воспользовавшись пріѣздомъ патріарха Θеофана для блага вообще всей православной церкви, Кіевское братство не менѣе удачно (и еще ранѣе возстановленія іерархіи) воспользовалось этимъ событіемъ и въ своихъ собственныхъ интересахъ. Мы уже замѣтили, что хлопоты кіевлянъ у константинопольскаго патріарха Тимоѳея объ утвержденіи новоформировавшагося братства не могли быть названы вполнѣ удачными. Благословляя основаніе братства, онъ не далъ ему правъ ставропигіи, имѣвшихъ въ то время большое значеніе и высоко цѣнившихся. Права эти Кіевское братство находатайствовало у п. Θеофана, который (имѣя въ виду полномочіе константинопольскаго и другихъ патріарховъ) на память пребыванія своего въ городѣ Кіевѣ, на грунтѣ братскомъ, при церкви святаго Богоявленія и Благовѣщенія, водрузилъ крестъ [1]) и призналъ здѣсь достойнымъ быть ставропигіи патріаршей,—„которая, какъ говорится въ грамотѣ,—по управленію духовному никогда не будетъ и не должна подлежать, на вѣчныя времена, никакому духовному, ни митрополичьему, ни архіепископскому ни епископскому, ни иному какому либо начальству, суду и благословенію, кромѣ самой патріаршеской константинопольской Вселенской церкви“ [2]). Кромѣ того патріархомъ дана была (не много ранѣе), по просьбѣ братчиковъ и другая грамота, въ которой онъ, утверждая на вѣчныя времена кіевское братство, давалъ свое благословеніе на основаніе при немъ братства *младенческаго* (т. е. изъ молодыхъ людей, — юношей, недостигшихъ полнаго мужества), единомышленнаго и послушнаго о Господѣ братству старѣйшому, по примѣру прочихъ благочестивыхъ братствъ, существовавшихъ во многихъ городахъ литовско-польскаго государства [3]).—

---

[1]) Одинъ крестъ патріарха Θеофана доселѣ хранится въ церкви Кіево-братскаго монастыря.

[2]) Памят. Кіев. Ком. т. II, отд. I, № 4.

[3]) Ibid. т. I, № 3.—До какой степени желательны были для Кіевскаго братства означенныя грамоты и какъ оно высоко ихъ цѣнило,—въ особенности грамоту, дарующук ему ставропигіальныя права,—это видно изъ извѣстнаго намъ письма Кіевскихъ братчи-

Свѣдѣнія о состояніи Кіево-Богоявленскаго братства послѣ отъѣзда изъ Кіева патріарха не отличаются обиліемъ, — что, кажется, и давало историкамъ поводъ дѣлать предположенія (по обычаю выдававшіяся за факты) о разореніи и запустеніи братства. Преосв. Евгеній въ своемъ „краткомъ извѣстіи о началѣ Кіевской Академіи", говоритъ, что „по отъѣздѣ п. Ѳеофана, возставшее отъ католиковъ и уніатовъ гоненіе на новопосвященнаго имъ митрополита и епископовъ разрушило сіе заведеніе (Кіев. братство). А хотя церковь братскую обновилъ гетманъ войскъ запорожскихъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный и братство поддерживалъ, но училища возстановить не смѣлъ безъ дозволенія польскаго короля и уже въ 1629 году февраля 19 получилъ отъ короля Сигизмунда III грамоту, дозволяющую имѣть братству церковь для совершенія Божіей службы по закону греческому съ училищемъ и при нихъ братство милосердія по чину Великаго Василія и богадѣльню для убогихъ, старыхъ и увѣчныхъ". Тоже съ нѣкоторыми варіаціями повторено было и исторіографами Кіевской Академіи — преосв. Макаріемъ и В. Аскоченскимъ. Изъ нихъ первый, описывая состояніе братства по отъѣздѣ патріарха, говоритъ что тогда гонители православія „произвели, особенно въ Кіевѣ, страшные грабежи монастырей и церквей, — и братское училище, вмѣстѣ съ своею гостинницею и церковію, вновь потерпѣло совершенное разореніе [1]). Въ исторіи Аскоченскаго рисуется слѣдующая картина означеннаго разгрома: „Въ это бурное время (послѣ 1620 г.) братство было разсѣяно; ученики и учители умирали въ истязаніяхъ; церковь разграблена, гостинница разорена, и не остаться бы камню на камнѣ, если бы гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный съ своими казаками не остановилъ буйство грабителей и убійцъ" [2])... Но уже М. А. Максимовичъ съ недовѣріемъ отнесся къ повѣтствованіямъ означенныхъ исторіографовъ о разореніи, якобы испытанномъ кіевскимъ братствомъ по отъѣздѣ п. Ѳеофана, заявивъ, что объ этомъ не находится упоминанія (весьма

ковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, гдѣ они усерднѣйше просятъ возвратить имъ означенную грамоту (ранѣе посланную въ Москву и царемъ не возвращенную), потому что братство считаетъ ее за *многоцѣнный бисеръ*, и т. п.

[1]) Описаніе Кіево-Соф. собора, изд. 1825 г. прилож. № 41, стр. 210.

[2]) Исторія Кіев. Академіи стр. 20.

[3]) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ академіею ч. I, стр. 90—91.

естественнаго, если бы означенное событіе имѣло мѣсто) въ *Виршахъ* Саковича и что тогдашніе кіевскіе мѣщане не были такъ слабы и уступчивы, чтобы у себя, среди города, допустить противниковъ своихъ на такія неистовства“ [1])... Къ этому слѣдуетъ добавить, что, если бы кіевскіе мѣщане и оказались слабыми защитить свое новоустроенное братство, то болѣе чѣмъ достаточно сильно для этого было козачество, стоявшее въ близкихъ отношеніяхъ къ кіевскимъ братчикамъ и зорко слѣдившее за интересами православія. Къ тому же совершенно несправедливо мнѣніе, что въ Кіевѣ въ разсматриваемое (да и во всякое другое) время значительна была латино-уніатская партія. Напротивъ, уніаты со страхомъ и трепетомъ показывались сюда и, по правдѣ говоря, — они-то именно (а отнюдь не православные) и терпѣли здѣсь „опрессіи“ и воообще всякаго рода притѣсненія. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ фактовъ — трагической кончины оффиціала уніатскаго митрополита Антонія Грековича, утопленнаго казаками въ Днѣпрѣ, митрополичьяго слуги, схваченнаго ими же и привязаннаго къ пушкѣ, уніатскаго (Кіевскаго) попа, неизвѣстно куда запрятаннаго,—приведемъ здѣсь выдержку изъ донесенія въ Римъ уніатскаго митрополита Рутскаго, прекрасно характеризующую незавидное положеніе дѣлъ уніи въ Кіевѣ. „Дабы,—писалъ Рутскій въ 1626 году,—совершалась въ Кіево-софійскомъ соборѣ (по опредѣленію правительства отданномъ уніатамъ) служба Божія и святая месса, я послалъ туда въ 1622 году четырехъ законниковъ регулы св. Василія. Когда эти законники въ праздникъ Рождества Пресв. Богородицы шли до каѳедры для совершенія св. мессы, ихъ козаки схватываютъ, вяжутъ, кладутъ на ноги кандалы, бросаютъ въ лодку и везутъ Днѣпромъ до Трехтемірова, гдѣ находится казацкая крѣпость и гдѣ они скрываютъ свои драгоцѣнности. Здѣсь они держали ихъ въ заключеніи шесть недѣль, а затѣмъ отправили внизъ Днѣпромъ въ резиденцію ихъ вождя. Послѣ казацкаго совѣщанія они были освобождены изъ заключенія и отпущены, (какъ оказывается изъ другихъ источниковъ по желанію православнаго митроп. Іова Борецкаго.—См. *Synopsis*... изд. 1632 г.) *но съ предостереженіемъ, что-*

---

[1]) Записки о первыхъ временахъ Кіевскаго Богоявленскаго братства. *(Собр. сочиненій.* II, стр. 187—188).

бы ни одинъ изъ нихъ не осмѣливался жить въ Кіевѣ и явно исповѣдывать свою религію[1])...

Но, если отъ общихъ разсужденій обратимся къ фактамъ, непосредственно относящимся къ Кіево-Богоявленскому братству, то, не смотря на крайнюю ихъ скудость, можно придти къ несомнѣнному заключенію, что означенное братство не только продолжало существовать, но и пріумножалось въ силѣ и крѣпости. Не говоря уже о братской школѣ, не прекращавшей своей дѣятельности за разсматриваемое время (о чемъ будетъ особая рѣчь) доказательствомъ сказаннаго могутъ служить слѣдующія извѣстныя данныя о братствѣ 1620—1631 гг.

1) Въ 1621 году, іюня 5 дня Кіево-братскій монастырь пріобрѣлъ у Инокини Парасковіи Кучинской дворъ ея, находившій въ Кіевѣ подъ горою въ Сокольникахъ, противъ церкви Рождества Христова, заплативъ за него 1000 копъ грошей литовскихъ[2]).

2) Въ слѣдующемъ 1622 году запорожскій гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, предъ своею смертію, отказалъ братству „ялмужну значную“, состоявшую изъ нѣсколькихъ „тысячей“. 10 апрѣля того же года гетманъ скончался. Тѣло его погребено было „въ монастыри Братства Кіевскаго“, „при церкви школы словенское“. Похороны отличались особенною торжественностію, въ присутствіи войска запорожскаго, причемъ „спудеями“ Кіево-братской школы надъ гробомъ умершаго произносимы были сочиненныя Саковичемъ Вирши, гдѣ перечислялись и восхвалялись заслуги гетмана, какъ для православной церкви вообще, такъ и по отношенію къ братству, въ числѣ коихъ (какъ замѣчено Максимовичемъ) нѣтъ и намека на защиту Сагайдачнымъ братства отъ притѣсненій со стороны латино-уніатовъ[3]).

3) Въ концѣ 1623 г., по пути на Востокъ, посѣтилъ Кіевское братство полоцкій архіепископъ Мелетій Смотрицкій и присутствовалъ на монастырской трапезѣ[4]).

4) Въ 1624 г. кіевская мѣщанка Луція Митковичева подарила

---

[1]) Rocznik Towarzystwa Historyczno-literackiego w Paryżu. Rok. 1868. Paryż. 1869.

[2]) Памят. Кіев. Комм. II, отд. 1, стр. 292—293.—Срав. опись докум. на имѣнія, принадлежавшія Кіев. монастырямъ *(рукоп. Лавр. библ.)*.

[3]) Прилож. № VI.

[4]) Desiderosus abo scieszka do miłości Bożey y doskonałości żywota chrześciańskiego, изд. 1625 въ Краковѣ К. Саковичемъ (см. предисловіе *do czytelnika pobożnego)*.

братскому монастырю два мѣста лавочныя, находившіяся на Подолѣ близь Соборной (Успенской) церкви [1]).

5) Отъ 1625 года сохранились два, уже упоминаемыя нами, письма кіевскихъ братчиковъ—къ царю Михаилу Ѳеодоровичу и думному дьяку Ивану Грамматину съ просьбою о пособіи на окончаніе достраивающейся церкви. Изъ означенныхъ писемъ мы узнаемъ, что заложенный братствомъ не позднѣе начала 1620 г. храмъ съ предѣлами „Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже на Іордани, Благовѣщенія Пречистой его матери и преподобныхъ отцевъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ“ — *сооруженъ*, имѣетъ пять бань (куполовъ), но еще не покрытъ „бѣложелѣзіемъ“ и не украшенъ честными иконами. „Прилежно моляще“ царя о „дарованіи милостыни“ на окончаніе храма, и обращаясь съ просьбою къ Грамматину, дабы онъ „ко величеству царскому ходатайственъ былъ“,—кіевскіе братчики ни единымъ словомъ не упоминаютъ о постигшихъ ихъ бѣдствіяхъ, — что представлялось-бы дѣломъ не только *естественнымъ, но и положительно неизбѣжнымъ, если бы означенныя бѣдствія* (указываемыя исторіографами Кіевской Академіи) братству на самомъ дѣлѣ пришлось испытать. Правда, братчики въ письмахъ заявляли „о скудости своей“, ради которой не можетъ быть благоукрашенъ ихъ храмъ, но дѣлать заключеніе на основаніи этой фразы о разореніи братства было бы крупнымъ произволомъ, да притомъ на означенную фразу всего естественнѣе смотрѣть какъ на обычный припѣвъ всѣхъ просителей (о скудости своей постоянно говорили въ своихъ письмахъ къ московскимъ царямъ и богатые кіево-печерскіе архимандриты).—Что касается до самой церкви, на благоукрашеніе которой братчики обращались къ Михаилу Ѳеодоровичу за помощью,—то это, безъ сомнѣнія, былъ тотъ самый храмъ, который уже заложенъ былъ къ началу 1620, при которомъ п. Ѳеофанъ водрузилъ крестъ, „судивъ“ здѣсь достойнымъ быть ставропигіи патріаршей, и средства на постройку котораго даны были главнымъ образомъ гетманомъ Сагайдачнымъ. Для удостовѣренія въ этомъ достаточно припомнить что „новозаложенная“ братствомъ церковь именуется Ѳеофаномъ—„церковію святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы“. Мнѣніе Максимовича о созданіи Сагайдач-

[1]) Памят. Кіев. Комм. т. II, отд. 1, стр. 293.

нымъ братской церкви въ 1620 г. основывается на не точно понятомъ указаніи братскаго помянника, гдѣ, безъ сомнѣнія, говорилось *о началѣ ея постройки, а не о времени ея окончанія* [1]).

6) Въ началѣ слѣдующаго 1626 года кіевскіе братчики вновь обращались съ прошеніемъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, гдѣ, заявляя, что ими „построена уже церковь изрядне лѣпая, Богоявленіе Господа і Спаса нашего Іисуса Христа“,—прибѣгали къ „благоподатливому благоутробію царской милости“ объ оказаніи помощи „на сооруженіе честныхъ святыхъ іконъ и прочиихъ породъ и украшеній церковныхъ“ [2]).

7) Въ 1628 году братство купило у Петра Денисова, козака кіевскаго, дворовое мѣсто, находившее на Борисо-Глѣбовской улицѣ, за восемь (сотъ) копъ грошей литовскихъ [3]).

8) Въ 1629 году (февр. 19) обывателями воеводства кіевскаго испрошена была у короля Сигизмунда III грамота, которою онъ соизволялъ „устроить“ въ Кіевѣ на грунтѣ, подаренномъ Галшкою Гулевичевною, „братство милосердія по чину Василія Великаго, богадѣльню (шпиталь) и церковь“,—причемъ „дозоръ и обмышлеванье“ сихъ учрежденій поручался означеннымъ обывателямъ [4]).—М. А. Максимовичъ, называя эту грамоту несвоевременною, затрудняется объяснить по какому поводу она была испрошена (точнѣе дана [5]). Но каковъ бы ни былъ поводъ — ясна причина: усилившееся значеніе кіевскаго братства, безъ сомнѣнія, и до 1629 г. много хлопотавшаго

---

[1]) Сагайдачный—какъ мы знаемъ—скончался 10 апрѣля 1622 года. При занесеніи его имени для поминовенія въ братскій помянникъ, очевидно, могло быть отмѣчено только начало постройки братской церкви, на что гетманомъ пожертвована была значительная сумма, а не ея *окончаніе*, затянувшееся до 1626 г.—Въ одномъ изъ лаврскихъ помянниковъ постройка братской церкви Сагайдачнымъ пріурочивается къ 10 апрѣля 1622: здѣсь, очевидно, на неточное обозначеніе имѣло вліяніе время кончины жертвователя. — Вообще слѣдуетъ замѣтить, что на точность даты помянниковъ, преслѣдовавшихъ цѣли главнымъ образомъ религіозныя, а не строго-историческія, много полагаться нельзя.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. VI, № CCXXIX.

[3]) Памят. Кіев. Комм. т. II, отд. 1, стр. 293—(оскобленнаго слова—сотъ—въ изданіи нѣтъ, но это очевидная опечатка).

[4]) Памят. Кіев. Комм. т. II, отд. 1, № VI.

[5]) Преосв. Макарій и Аскоченскій ставятъ дарованіе означенной грамоты въ связи съ прекратившеюся польско-казацкою войною, извѣстною подъ именемъ Тарасовой. Но Тарасова война—какъ замѣтилъ М. А. Максимовичъ—была не въ 1628 году, какъ ошибочно значится у малороссійскихъ историковъ, а въ 1630 г. (Собр. соч. II, 187).

о королевской привилегіи, но получившаго ее только въ означенномъ году. Подобная *несвоевременность* королевскихъ привилегій (отсюда анахронизмъ въ нихъ) дѣло обычное въ то время. Для примѣра укажемъ на грамоту, данную тѣмъ же Сигизмундомъ Елисею Плетенецкому на кіево-печерскую архимандрію въ 1605 г.[1]), хотя онъ фактически былъ лаврскимъ настоятелемъ—какъ мы видѣли—еще съ 1599 г.[2]). Безспорно, существованіе Кіевскаго братства было для польскаго правительства дѣло нежелательное (какъ, напр., нежелательно было для него избраніе Лаврою *православнаго* архимандрита), но сила обстоятельствъ (опасеніе возмущеній) побуждали его исполнять желанія православныхъ, въ особенности сопровождаемыя просьбами корпорацій матеріально сильныхъ (въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, видную роль играло и козачество).

Что касается до религіозно-нравственаго значенія, какое къ концу разсматриваемаго времени пріобрѣло Кіевское братство, въ подтвержденіе этого можно указать на духовное завѣщаніе кіевскаго митрополита Іова Борецкаго[3]), въ которомъ онъ (обращаясь къ Петру Могилѣ), говоритъ: „за напершій и церкви Божой и всему православному народови Россійскому потребнѣйшій пунктъ остатнее воли моее кладу, абы школы въ братствѣ Кіевскомъ для цвиченя дѣтокъ христіанскихъ, а негде индей фундованы были, подъ не благословеніемъ приказую“.

Елизавета Гулевичевна—какъ мы видѣли,—жертвуя свой дворъ на религіозно-благотворительныя учрежденія, поставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы на ея фундушѣ существовали: *монастырь ставропигіальный*, *школа* и *гостинница*. Братство, сливаясь съ фундушемъ Гулевичевны, естественно обязано было (и обязывалось) исполнять волю жертвовательницы. Поэтому, разсуждая даже a priori, трудно согласиться съ голословнымъ мнѣніемъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, (Преосв. Евгеній, Макарій), полагавшихъ, что монастырь при Кіевскомъ братствѣ учрежденъ былъ только въ 1633 году,—и что права

---

[1]) А. Ю. и З. Р. т. II, подъ 1605.

[2]) См. примѣч. къ 1 главѣ настоящаго изслѣдованія.

[3]) Напеч. въ прилож. къ нашему сочиненію, Кіев. митр. Петръ Могила и его сподвижники т. I. № LXXI.

ставропигіальныя даны были собственно братской церкви, а не монастырю, въ то время якобы не существовавшему. Но имѣются и положительныя данныя, свидѣтельствующія о существованіи при Кіевскомъ братствѣ монастыря. Еще Максимовичъ замѣтилъ что въ Виршахъ Саковича (1622) говорится о погребеніи Сагайдачнаго „въ монастырѣ брацтва Кіевскаго [1]). О братскомъ монастырѣ говоритъ, какъ мы видѣли, Саковичъ и въ *Desiderosus'ѣ*, дѣлая (хотя и мимоходомъ брошенное) замѣчаніе о нѣкоторыхъ порядкахъ въ немъ, свидѣтельствующихъ о соблюденіи здѣшними иноками устава по чину Василія Великаго *(во время трапезы читались нраво-учительныя повѣствованія)* [2]). О существованіи монастыря при братствѣ свидѣтельствуютъ и другія приведенныя уже нами данныя (напр. купчая Прасковіи Кучинской, гдѣ говорится о продажѣ двора въ братскій монастырь). Безспорно, и патріархъ Ѳеофанъ далъ ставропигіальныя права не одной только церкви братской, но вообще всему братству, а слѣдовательно и монастырю, который въ то время тоже безспорно уже существовалъ, на что есть прямое указаніе и въ патріаршей грамотѣ отъ 26 мая 1620 г.[3])—Вообще, существованіе монастыря на фундушѣ Елизаветы Гулевичевны должно относить къ *14 октября 1615 г.*, т. е. ко времени дачи ею дарственной записи, гдѣ опредѣленно говорится, что жертвовательница, дабы ея фундація тотчасъ возъимѣла дѣйствіе, „впровадила и впроважаетъ“ въ подаренный дворъ духовныхъ и свѣтскихъ, именно *„священно-инока Ісаію Купинскаго и прочіихъ зъ черницевъ“*.... Хотя къ половинѣ октября во дворѣ Гулевичевны могли и не быть сдѣланы надлежащія приспособленія къ отправленію здѣсь всѣхъ церковныхъ службъ, для чего нужна была церковь,—но началомъ фактическаго существованія монастыря должно признать *самый вводъ* въ фундушъ монашествующихъ во главѣ съ ихъ настоятелемъ,—притомъ и самая постройка церкви (разумѣется небольшихъ размѣровъ, на скорую руку) не была замедлена: по крайней

---

[1]) Собран. сочиненій. II, 192.—См. прилож. № VI.

[2]) Предисловіе къ читателю.

[3]) Патріархъ, говоря о школѣ, между прочимъ, благословляетъ тамъ быть и *„иномъ* молодымъ“, имѣющимъ жить *„общежительно* способомъ монастыря, по закону св. Василія“.

мѣрѣ, безспорно, она уже была окончена къ самому началу слѣдующаго года [1]).

Свѣдѣнія объ игуменахъ Кіево-братскаго монастыря за разсматриваемое время скудны. Изъ нихъ историками упоминаются двое:

1) *Исаія Копинскій*, первый устроитель [2]) монастырскаго общежитія, вызванный для сей цѣли — какъ мы видѣли—изъ кіево-печерской Лавры. Его управленіе обителію было очень непродолжительно, такъ какъ въ 1616 г. онъ упрошенъ былъ на устроеніе монастырей—Густынскаго и Ладинскаго, подъ городомъ Прилукою, находившихся во владѣніяхъ князя Михаила Михайловича Вишневецкаго. Устроя Кіево-братскій монастырь Исаія Копинскій продолжалъ свое служеніе и кіево-печерской Лаврѣ,—что ясно видно изъ нижеслѣдующаго мѣста лѣтописца монастыря Густынскаго: „Идѣте"—говорилъ чувствовавшій приближеніе своей кончины первый игуменъ Густынскаго монастыря Іосафъ—„идѣте во святую обитель Лавру печерскую киевскую, таможде обрящете на святои пещеры сожителствующаго благоговѣина и исъкусна мужа, во всякихъ добродѣтелехъ исправленна, ему же имя Исаія, шестнадесяте бо лѣтъ яко Господеви работаетъ, во вседневныхъ же молитвахъ и постѣхъ Христови угождая, издетска бо остави родителя своя и бысть мнихъ и будети бо послѣжде зѣлныи ревнитель по благочестіи и святителскии достиже санъ, и в здешнихъ бо краяхъ воздвигнетъ Богъ многи монастырѣ; сего, братія моя, умолѣте, да будетъ вамъ во мене мѣсто отецъ, да и подастъ вамъ руку помощи ко всякому строенію вашему и ко созыданію обители тоея святыя. Братия же, слышавше сия словеса отъ блаженнаго старца и отца своего Іоасафа, умилишася сердцы своими и душа своя наполниша жалостию, воскорѣ отцева повеления послушаше, списавше хартію, вземше благословение отеческое, идяху ко блаженному Исаіи во святую обитель Лавру печерскую, и обърѣтше его тако, яко же имъ глагола старецъ; давши же ему хартію, моляху его прилѣжно, да будетъ имъ во отца и предстатель; сый же блаженный отецъ глагола имъ: миръ вамъ, отцы и

---

[1]) *Приложж.* № 1.

[2]) Такъ называетъ себя и самъ Исаія Копинскій въ грамотѣ отъ 5 генв. 1632 г. (См. *Памят. Кіев. Комм.* т. II, отд. 1. № IX).

братія. Се азъ зде сѣжу, яко лѣтъ шестнадесяте во святои сей пещерѣ преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія, и многи труды подъяхъ, и зыданія, яко же и сами видите, воздвигохъ, и нѣсмъ самъ азъ зде, но со братіами, двенадесятми и вящше имѣю подъ властію моею; азъ же есмъ и самъ подъ властію блаженнаго отца архимандрита и его благоволеніемъ, паче же и благословеніемъ, зде обрѣтаюся; да идете со мною ко блаженному архимандриту; и возвѣстиша ему отъ всѣхъ сихъ, блаженный же архимандритъ не отрицая имъ, но, по времени, глагола имъ, тамо васъ повелѣмъ ему посѣтити и устроиты вама вся. Пришедшу же времени по праздницы Успенія пречистыя Богородицы, шествова до ихъ блаженный отецъ Ісаия, доспѣ помощию Божиею и благословеніемъ преподобнаго архимандрита, до монастыря сего новоначатого“ [1])....

2) *Тарасій Левоничъ Земка*,—„мужъ, свѣдущій въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и русскомъ“ (несправедливо считаемый нѣкоторыми историками [2]), питомцемъ П. Могилы, посланнымъ имъ для завершенія образованія въ заграничныя школы) вызванъ былъ въ Лавру Елисеемъ Плетенецкимъ, гдѣ, начиная съ 1624 г. видѣнъ, изъ года въ годъ, типографомъ, проповѣдникомъ и соборнымъ старцемъ. Ему принадлежатъ предисловія къ тоговремен-

---

[1]) *Лѣтопись о первозачатіи и созданіи Густынскою монастыря.* Москва. 1848 г., стр. 6—7.—Дальнѣйшая судьба Исаіи Копинскаго слѣдующая: Около 1618—по сказанію того же лѣтописца Густынскаго монастыря—онъ занимался устроеніемъ Межигорской обители, свергнувшей съ игуменства („не вомѣстимъ бо бысть братіи“) Гедеона; въ октябрѣ 1620 г. прибывшимъ въ Кіевъ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ посвященъ былъ на епископію перемышльскую, но жилъ преимущественно (изъ опасенія преслѣдованій со стороны латино-уніатовъ) въ Украинскихъ городахъ; въ 1631 году *греческимъ верейскихъ митрополитовъ Кирилломъ, находившимся въ то время* (на пути въ Москву за милостынею), *въ южно-русскихъ областяхъ* посвященъ былъ въ санъ митрополита кіевскаго; „сѣдяше“ на означенной митрополіи „яко двѣ лѣтѣ, со всякомъ бѣдствованіемъ, и остави престолъ судомъ нѣкіимъ Божіимъ, понеже изнемогъ бѣ старостію“,—т. е. лишенъ былъ митрополіи, вслѣдствіе избранія на нея кіево-печерскаго архимандрита Петра Могилы, съ которымъ находился до самой своей кончины († 1640 г., октября 5) въ непріязненныхъ отношеніяхъ. (См. нашу статью: *Петръ Могила и Исаія Копынскій*, помѣщ. въ *Православномъ Обозрѣніи* за 1874 годъ, №№ 3 и 4, а также приложенія къ 1 т. нашего сочиненія: *Кіев. митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники*, №№ XCVI, XCVII, XCVIII и XCIX).—Изъ сочиненій Исаіи Копинскаго извѣстенъ *Алфавитъ духовный*, отличающійся мистико-аскетическимъ направленіемъ.

[2]) Аскоченскій, *Кіевъ съ его древ. училищемъ Академіею*, ч. I, стр.

нымъ лаврскимъ изданіямъ [1]), епиграммы [2]) и переводы нѣкоторыхъ богослужебныхъ отдѣловъ [3]). На настоятельство его въ Кіево-Богоявленскомъ монастырѣ впервые указано М. А. Максимовичемъ [4]). Подъ составленными Земкою виршами „на старожитный клейнотъ ихъ мил. пановъ Балабановъ", помѣщенными на оборотѣ заглавнаго листа *Лексикона Славяно-русскаго* (Памвы Берынды), *изд. 11 авгус. 1627 г.*, онъ подписался такъ: „Іеромонахъ Тарасій Левоничъ Земка, *игуменъ Богоявленскій Кіевскій и проповѣдникъ слова Божія монастыря Печерскаго*". Эта подпись, служа несомнѣннымъ фактомъ объ игуменствѣ Земки въ Богоявленскомъ монастырѣ, показываетъ, что онъ, подобно Исаіи Копинскому, занявъ означенную должность, непрерывалъ своего служенія и въ Лаврѣ. На игуменствѣ Кіево-Богоявленскомъ мы видимъ Земку и въ 1631 г... Очевидно, онъ удерживалъ его за собою до самой своей кончины, послѣдовавшей 13 сентября 1632 г., какъ это значится въ надгробной надписи ему, помѣщенной въ Тератургимѣ А. Кальнофойскаго. (изд. 1638 г.).

Къ этимъ двумъ извѣстнымъ игуменамъ Кіево-братскаго монастыря присовокупимъ еще одного, доселѣ неизвѣстнаго и по времени управленія обителію занимающаго серединное между ними мѣсто— *Сераѳіона*. Упоминаніе о немъ находится въ малороссійскихъ бумагахъ, хранящихся въ *Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ* въ Москвѣ (связка 2, № 5). Подъ указаннымъ № находится дѣло „о пріѣздѣ въ Путивль Кіево-брацкаго монастыря іеромонаха Ѳеодора съ прошеніемъ милостыни на строеніе церквей". Путивльскіе воеводы „Олешко Голодинъ да Ивашко Есиповъ" доносили царю Михаилу Ѳеодоровичу слѣдующее: „Нынешнего, Государь, 133 года (т. е. 7133 отъ сотв. міра, а отъ Р. Х. 1625) прислалъ въ Путивль изъ литов-

---

[1]) Предисловіе къ толкованію на Апокалипсисъ св. Андрея Архіеп. Кессаріи Каппадокійскія, 1625 г. (предварительныя свѣдѣнія объ Апокалипсисѣ); научное предисловіе къ Литургіаріону 1629 г.

[2]) Посвятительные вирши подъ гербомъ Далмата въ Бесѣдахъ на Дѣянія св Апостол., изд. 1624 г. и друг.

[3]) Въ Тріодіонѣ 1627 г. имъ переведены „на малороссійскую бесѣду общую", т. е. малороссійское нарѣчіе синаксари,—что сдѣлано по желанію „благородныхъ гражданскихъ и прочіихъ различнаго причта людей, неучившихся славенского языка глубокоразумнаго".

[4]) Собраніе сочиненій II. 179.

ское земли чорный старецъ и мы холопи твои, посылали его распрашивать. И въ распросѣ, Государь, сказался: зовутъ ево Ѳедоромъ ис Киева Богоявленского монастыря.... и въ нынешнемъ, Государь, 133 году апреля 10 послалъ ево *Киево-Богоявленскаго монастыря игумень Серѣпіонъ* и вся братя бити челомъ тебе Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Руси и отцу твоему великому Государю святѣйшему Филарету Никитичу, патріарху Московскому и всея Русіи, о милостыню на церковное строеніе. А строитъ онъ игуменъ *Серѣпіонъ* и братя того монастыря церковь новую. А вестей, Государь, тотъ старецъ сказалъ: король польскій въ Варшавѣ, а про королевича и про соймъ королевской, сказалъ, не вѣдаетъ [1])..... Да онъ же старецъ Ѳеодоръ прислалъ къ намъ холопямъ твоимъ четырѣ листа" (два извѣстныя намъ письма кіевскихъ братчиковъ отъ 10 апрѣля 1625 къ царю Мих. Ѳеодоровичу и дьяку Грамматину, третій, однороднаго съ предъидущими содержанія, къ патріарху).... „а четвертый листъ Острицкому архимандриту Петроне (sic) отъ *Богоявленскаго Игумена Серапіона* и братіи"....

Откуда взятъ былъ Серапіонъ на Кіево-Богоявленское игуменство—неизвѣстно. Но если мы примемъ во вниманіе, что какъ Исаія Копинскій, такъ и Тарасій Левоничъ Земка были взяты на оное изъ кіево-печерской Лавры, то естественно думать, что оттуда же былъ приглашенъ и Серапіонъ. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что настоятельство въ Кіево-братскомъ монастырѣ Копинскаго и Земки, *приглашенныхъ сюда изъ Лавры и продолжавшихъ и въ новой должности служеніе ей*,—факты многознаменательные, сильно покрѣпляющіе высказаное нами выше предположеніе о вліяніи кіево-печерской обители на устроеніе монастыря на фундушѣ Гулевичевны.

---

[1]) Далѣе извѣстіе о козакахъ, пошедшихъ „въ великій постъ, на сборной недѣли", походомъ на татаръ.

III.

Недостатокъ просвѣщенія въ юго-зап. Россіи въ концѣ XVI стол.—Сознаніе этого недостатка передовыми людьми и заведеніе ими школъ.—Значеніе Кіево-братской школы.—Языки, преподававшіеся въ сей школѣ: *Славянскій, Греческій, Латинскій и Польскій.*—Науки, преподававшіеся въ школѣ. Учебники и пособія. Греческая грамматика 1591 г. Грамматика Л. Зизанія, 1596 г. Грамматика М. Смотрицкаго 1614 г.—Школьные порядки и воспитательно-дисциплинарная часть.—Ректора Кіево-братской школы *Іовъ Борецкій, Кассіанъ Саковичъ, Мелетій Смотрицкій, Ѳома Іевлевичъ.* Сохранившіяся имена наставниковъ и учениковъ. Общее замѣчаніе о до-могилянскомъ періодѣ.

Извѣстно, что до конца XVI столѣтія уровень просвѣщенія въ юго-западной Россіи находился не на высокой степени. Школъ было мало, да и въ тѣхъ обученіе ограничивалась сообщеніемъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній: учили чтенію (церковно-богослужебныхъ книгъ) и письму. Но со времени люблинской уніи и появленія въ литовско-русскихъ областяхъ іезуитовъ, когда усилившаяся пропаганда католицизма серьезно стала угрожать православію, въ средѣ наиболѣе дальновидныхъ и принимавшихъ къ сердцу интересы родины южно-руссцевъ явилось сознаніе въ неотложной необходимости научнаго образованія. Окруженные иновѣріемъ, мощнымъ наукою и, благодаря ей, отторгавшимъ отъ православной церкви многихъ ея сыновъ,—южно-руссцы пришли къ убѣжденію, что то „велми зашкодило панству русскому, же не могли школъ и наукъ посполитыхъ разширяти, и оныхъ не фундовано: бо коли бы были науку мѣли, тогда за невѣдомостію своею не пришли бы до таковые погибели“; потому что православные, „не маючи своихъ наукъ, у науки Римскіе свои дѣти давати почали, которые зъ науками и вѣры ихъ навыкли, и такъ малу по малу науками своими все пан-

ство русское до вѣры Римской привели, ижъ потомкове княжатъ Русскихъ зъ вѣры православной на Римскую выкрестилися, и назвиска и имена собѣ поотмѣняли, якобы николи не знались быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ“ [1])..... Результатомъ такого сознанія было заведеніе ревнителями православія школъ, причемъ главная заслуга въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ западно-русскимъ братствамъ, въ средѣ которыхъ укоренился вполнѣ справедливый взглядъ на научное образованіе, какъ на лучшее средство, ведущее къ возвышенію религіозно-нравственнаго значенія православной церкви и какъ на надежнѣйшій оплотъ противъ наступавшей иновѣрной пропаганды. Въ ряду же братствъ, оказавшихъ въ этомъ отношеніи незабвенныя услуги православію, первенствующее мѣсто неотъемлемо принадлежитъ братству Кіевскому. Возникнувъ (какъ и самое братство въ Кіевѣ) позднѣе многихъ южнорусскихъ училищъ, Кіево-братская школа почти сразу же стала въ уровень съ ними въ научномъ отношеніи и уже на первыхъ порахъ своего существованія представляла надежный оплотъ для православія въ мѣстномъ краѣ. Затѣмъ вскорѣ,—благодаря заботамъ просвѣщеннѣйшаго архипастыря своего времени П. Могилы, принявшаго ее подъ свою опеку,—возведенная на степень высшаго учебнаго заведенія, съ разширеннымъ кругомъ наукъ, она стала и долгое время была единственнымъ, удовлетворявшимъ потребностямъ времени, разсадникомъ просвѣщенія, распространявшимъ свои лучи не только по всей южной Руси, но даже, въ значительной степени, и по сѣверо-восточнымъ областямъ нашего отечества,—*разсадникомъ*, выпустившимъ изъ своихъ стѣнъ не мало „знаменитыхъ просвѣщеніемъ и добродѣтелями пастырей, государственныхъ чиновниковъ и во всѣхъ состояніяхъ отличныхъ гражданъ“. Правда, обнимая взоромъ всю почти трехъ-сотъ-лѣтнюю дѣятельность означеннаго учрежденія (въ разныя времена, носившаго разныя названія—школы, коллегіи, теперь—академіи) встрѣчаемся съ явленіями и грустными, видимъ научные интересы въ немъ какъ бы ослабѣвавшими, отодвигаемыми на задній планъ... но даже и въ эти тяжелыя годины въ средѣ учащаго персонала всегда находились лица, преданныя наукѣ и старав-

[1]) Акты Зап. Рос. т. IV. № 149 стр. 204—205.

шіяся твердою рукою держать ея знамя... Впрочемъ, мы забѣгаемъ уже впередъ. Обращаемся къ начальному (до-могилянскому) періоду нашей Alma Mater.

Къ сожалѣнію, дошедшія до насъ данныя о Кіево-братской школѣ за начальный періодъ ея существованія весьма скудны и отрывочны,—такъ что представить, на основаніи ихъ, сколько нибудь полную картину школьнаго преподаванія и порядковъ въ Кіевскомъ братствѣ за означенное время (1615—1631 гг.) нѣтъ возможности. Правда, въ данномъ случаѣ немалую помощь изслѣдователю могутъ оказать дошедшія до насъ свѣдѣнія, касающіяся другихъ братскихъ школъ, имѣвшихъ между собою въ разсматриваемое время весьма много общаго, какъ много общаго имѣли между собою и самые братскіе уставы. Но, во первыхъ, педагогическихъ памятниковъ, относящихся и къ другимъ братскимъ школамъ, сохранилось тоже очень немного,—и даютъ они, сравнительно, тоже немногое; а, во вторыхъ, въ примѣненіи ихъ собственно къ Кіевской школѣ слѣдуетъ пользоваться съ осторожностію, изъ опасенія частное, мѣстное не сдѣлать общимъ. Особенно очень рискованно извѣстныя данныя собственно о Кіевской школѣ, но позднѣйшаго времени, переносить (какъ это зачастую дѣлается) на древнѣйшій періодъ ея существованія. Здѣсь ошибки и натяжки—дѣло неизбѣжное. Имѣя въ виду сказанное, мы при своихъ разсужденіяхъ о научной постановкѣ дѣла въ Кіево-братской школѣ, будемъ пользоваться свѣдѣніями о прочихъ братскихъ школахъ (въ примѣненіи ихъ къ первой) въ томъ только случаѣ, когда общій ихъ характеръ является, по нашему мнѣнію, не подлежащимъ сомнѣнію.

Мы сказали, что братства устраивая школы, справедливо усматривали въ нихъ надежное средство къ возвышенію религіозно-нравственнаго значенія православной церкви и твердую опору противъ иновѣрной пропаганды. *Подобными же цѣлями* руководилилось и Кіевское братство при основаніи своей школы: „отъ наукъ—говорятъ братчики въ Уписѣ—хвала всемогущаго Бога на земли множится, потѣха родичомъ изъ сыновъ наказанныхъ ростетъ, Речи посполитой оброна моцная и оздоба предивная ростетъ“ [1]). Еще опре-

[1]) Прилож. № I.

дѣленнѣе свой взглядъ на значеніе школы для православія кіевскіе братчики высказываютъ въ письмѣ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу: „училище отрочатомъ православнымъ милостию Божиею языка славено-росскаго, еллино-греческаго и прочихъ даскаловъ великимъ иждивениемъ устроихомъ, *да не отъ чуждаго источника пиюще, смертоносного яда западния схисмы упившеся, ко мрачно-темнымъ римляномъ уклонятся*“ [1]).

Педагогическая дѣятельность Кіево-братской школы (какъ и прочихъ тоговременныхъ южно-русскихъ школъ) очевидно имѣла быть направленною примѣнительно къ этой, ясно намѣченной цѣли. Что такъ и на самомъ дѣлѣ было,—это видно даже и изъ тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній объ означенной дѣятельности, которыя сохранились до нашего времени.

Патріархъ Ѳеофанъ въ грамотѣ своей, данной братству 26 мая 1620 г., называетъ братскую школу, школою „еллино-словенскаго и латино-польскаго письма“. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ грамоты, гдѣ это мѣсто читается безъ слова—*польскаго*, заключается очевидный пропускъ [2]), то разсужденія (чѣмъ въ свое время занимался М. А. Максимовичъ) о томъ, сколькимъ языкамъ учили въ древней (до-могилянской) братской школѣ—излишни. Несомнѣнно, что здѣсь воспитанники обучались четыремъ языкамъ: *славянскому*, *греческому*, *латинскому* и *польскому*. Но есть основаніе думать, что не на всѣ эти языки обращалось одинаковое вниманіе.—Въ тоговременныхъ памятникахъ Кіево-братская (до-могилянская) школа называлось иногда просто „словенскою“ [3]) и, кажется, обученіе именно *славянскому языку* здѣсь и занимало первенствующее мѣсто. Уже это обстоятельство, безъ сомнѣнія, стоитъ въ тѣсной связи съ намѣченными для школы того времени задачами.

Ревнители католицизма и уніи, въ интересахъ своей пропаганды желавшіе, чтобы русское юношество обучалось въ польско-латинскихъ школахъ, съ пренебреженіемъ отзывались о славянскомъ язы-

---

[1]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI № CCXXIX.

[2]) См. примѣч. къ докум. № IV, прилож. стр. 14—15.

[3]) См. запись въ Кіево-михайловскомъ помянникѣ о кончинѣ Сагайдачнаго (вполнѣ приведена нами выше, стр. 76—77, примѣч.).

кѣ, какъ непригоднымъ для научнаго образованія. Извѣстный іезуитъ Петръ Скарга въ своемъ знаменитомъ сочиненіи *О единствѣ церкви Божіей* говоритъ, что Греки обманули (wielce oszukali) русскихъ, передавши имъ свою вѣру на славянскомъ, а не на греческомъ языкѣ;—они сдѣлали это съ тою цѣлію, чтобы русскій народъ „никогда *до перваго уразумѣнія* (въ вѣрѣ) и *наукъ не достигъ*“. Ибо славянскій языкъ не способенъ передать богословскія и научныя понятія. „Не было еще на свѣтѣ и не будетъ ни одной академіи или коллегіи, гдѣ бы богословіе, философія и другіе свободные науки“ излагаемы были на языкѣ славянскомъ [1]).—Но здравый смыслъ русскаго народа не дозволилъ ему увлечься краснорѣчіемъ знаменитаго іезуита. Наиболѣе дальновидные ревнители православія ясно понимали, что сохраненіе своей вѣры и народности стоятъ въ тѣсной связи съ сохраненіемъ роднаго, славяно-русскаго азыка, и что пренебреженіе послѣднимъ можетъ повлечи за собою послѣдствія самыя печальныя. Митрополитъ Михаилъ Рогоза (до измѣны своей православію) причины того печальнаго положенія западно-русской церкви, въ какомъ она находилась къ концу XVI стол. усматриваетъ именно въ томъ, что „ученіе святыхъ писаній оскудѣ, *паче же словенскаго россійскаго языка, и вси человѣцы приложишася несъвершенному лядскому писанію и сего ради въ различнія ереси впадоша, не вѣдуще въ Богословіи силы совершеннаго граматическаго словенскаго языка*“ [2])... Подобный взглядъ на значеніе славянскаго языка и печальныя послѣдствія отъ пренебреженія имъ, быстро укореняется въ южно-русскомъ обществѣ, находя въ лицѣ лучшихъ его представителей многочисленныхъ апологетовъ. Не говоря уже объ извѣстномъ ревнителѣ православія — *Іоаннѣ Вишенскомъ*, написавшемъ противъ упомянутой книги Скарги цѣлое опроверженіе, гдѣ защитѣ славянскаго языка и превосходствѣ его предъ латинскимъ отводится первенствующее мѣсто, — не говоря уже о Вишенскомъ, какъ чело-

---

[1]) *O iedności Kościoła Bożego pod iednym pasterzem..* и проч. Первое изданіе вышло въ 1577 году, съ посвященіемъ князю К. К. Острожскому; второе, подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: *O rządzie i iedności kościoła Bożego.*—и проч. въ 1590 г., съ посвящ. королю Сигизмунду III. За послѣднее время это соч. Скарги напеч. въ VII т. *Рус. Истор. Биб.*

[2]) Окружное посланіе Кіев. митр. Михаила отъ 20 янв. 1592 года (*Акты Зап. Рос.* IV № 32).

вѣкѣ строго консервативнаго направленія и въ своихъ разсужденіяхъ переступавшемъ границы должнаго,—мы для подтвержденія сказаннаго приведемъ мнѣніе о значеніи славянскаго языка людей, близко стоявшихъ къ школѣ и притомъ вовсе неотрицательно относившихся (какъ это дѣлаетъ Вишенскій) даже и къ западно-европейскому образованію. Въ „грамматикѣ“, изд. 1621 года въ Вильнѣ [1]), помѣщено „сказаніе како состави св. Кириллъ философъ азъбуку славенску“,—гдѣ, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „Суть нѣцыи глаголюще, чесо ради словеньская письмена, ни бо тѣхъ Богъ сътвори, ни ангелъ, ни суть законни яко жидовская и еллинская, иже отъ закона суть и пріятны Богомъ. и мнять таковіи яко единемъ имъ сътвори Богъ письмена, и не вѣдятъ, что глаголютъ окаяннїи, яко треми языки токъмо Богъ повелѣ книгамъ быти рѣша. якоже и въ евангеліи глаголется, иже бѣ титъла написана на крестѣ Господни—еврѣйски, и гречески, и латински, а славеньски нѣсть ту. И того ради глаголютъ не суть славеньскіи книги отъ Бога. Но что възъглаголемъ о тацѣмъ безумнымъ; обаче да речемъ къ нимъ отъ святого писанія, якоже научихомся, яко вся взможна суть отъ Бога, а не отъ инаго. и іно, якоже и псалмистъ глаголетъ, хвалѣте Господа вси языци, и похвалите его вси людіе, а не едиными треми письмены и языки, якоже они баснословятъ. Не сотвори Богъ жидовска языка прежде, ни Еллинска, ни Римска, но Сиръскій имъ же Адамъ глагола“... Далѣе—послѣ разсужденій о томъ, что греческій алфавитъ образованъ былъ не однимъ, а многими лицами (Кадмосъ, Симонидъ, и проч.), на что потребовался длинный промежутокъ времени,—читаемъ: „А словенская писмена единъ святый Константинъ, нарицаемый въ мнишескомъ чину Кириллъ философъ сътвори.... і аще вопросиши книгочія греческія, глаголя, кто вамъ есть письмена устроилъ, или въ кое время, то мало ихъ вѣдятъ. Аще-ли же вопросиши словенскихъ букварей, глаголя, кто вамъ письмена створилъ есть, и книги преложилъ вси вѣдятъ и отвѣщавше рекутъ: св. Константинъ философъ, нарицаемый Кириллъ, и проч.“ [2]).—Знаме-

---

[1]) Полное заглавіе: *Грамматіка албо сложеніе писмена хотящимъся учити словеньского языка малолѣтнымъ отрочатомъ.* (Экзем. есть въ Имп. Пуб. библ.).

[2]) При составленіи означеннаго сказанія издатели немало пользовались *Мнихомъ Храбромъ* („о письменахъ“)—см. *Шафарика.* Славянскія древности т. II, кн. 2. прилож. № XXV.

нитый кіево-печерскій архимандритъ Зяхарія Копыстенскій въ упоминаемой уже нами „предмовѣ“ до князя Святополка Четвертинскаго [1]) обращается къ нему, между прочимъ, съ слѣдующими словами: „Есть заправды и то межи иншыми непосполитая, ижъ ваша княж. милост. прирожоный свой славенскій діалектъ або языкъ любишъ и выславуишъ, и силу его розумѣючи, радъ книги того діалекту читаешъ, и многихъ до читаня и коханья въ немъ побужати рачишъ. И слушне: маетъ бо вѣмъ языкъ славенскій таковую въ собѣ силу и зацность, же языку грецкому якобы приугодне съгласуетъ, и властности его съчиняется: и въ перекладъ свой приличне, и неяко природне онъ беретъ и пріймуетъ, и въ подобныи спадки склоненій и съчиненія подаючи. венцъ, и найзвязнѣйшее сложное грецкое слово, подобнымъ такъже звязнымъ, и сложнымъ по славенску выложити есть можно: чого иншимъ жаднымъ, анѣ латинскимъ недоказати языкомъ: чого доводомъ есть, же латинскіи переводчики таковии слова, обширне зъ околичностями на свой прикладаютъ языкъ, многими околичностями ширити мусятъ. Отколь безпечнѣйшая есть речъ и увѣреннѣйшая философію и ѳеологію славенскимъ языкомъ писати и зъ грецкого переводити, нѣжли латинскимъ: который оскудный есть, же такъ реку до трудныхъ, высокихъ и богословскихъ речій недоволный и недостаточный: для тогожъ въ книгахъ латинскихъ барзо много словъ ся грецкихъ находитъ. и гдыбысмо зъ книгъ языка латинского хотѣли всѣ грецкіи выбрати слова, сталъ бы ся якъ единъ отъ иныхъ и не дармо славный и мудры вѣковъ нашыхъ політикъ и истори къ глубокій, въ книзѣ подъ именемъ Мачузского выданой, языкъ, латински, до ученой конскои едноходы: а грецкій до прироженои равнаетъ. Зъ вѣку заисте той славенскій языкъ есть знаменитъ, которого Іафетъ и его поколѣнье уживало: широко и далеко ся ростягалъ, и славный былъ: для чого отъ славы славенскимъ названый естъ: зажъ бо всѣмъ не славный естъ, гды отъ заходу Бѣлого моря и Венецкихъ и Рымскихъ ся тыкаетъ границъ, а отъ полудня з Греціею въ сусѣдствѣ и въ братерствѣ живетъ: на всходъ зась солнца надъ чорнымъ моремъ до Персіи притагаетъ, а у ледовитого моря ся опираетъ. Не погорожали тымъ языкомъ славенскимъ и царскіи и кролевскіи дворы, мѣлъ заисте у

[1]) Помѣщ. въ толков. І. Златоустаго на 14 бесѣд. *Ап. Павла* (Кіев., 1623 г.).

нихъ свою знаменитую повагу. Припомню приклады, Меховита историкъ полскихъ дѣевъ, пишетъ, ижъ кролевая Ядвига читовала Библію словенскую, и до вырозуменья ей мѣла выкладъ отцевъ святыхъ славенскимъ языкомъ, который зъ Библіею читала. другій прикладъ: за Казимира кроля въ Краковѣ друковано по славенску книги вѣры и набоженства такового, яковое мы по сіи дни ведлугъ чину церкве Всходнеи заховуемо".

Сказаннымъ достаточно уясняются то значеніе, какое усвояемо было славянскому языку лучшими представителями южно-русскаго общества, надежды, возлагаемыя отъ процвѣтанія его въ школахъ, а вслѣдствіе этого становятся понятными и причины, почему изученію сего языка отведено было въ школьномъ обученіи первенствующее мѣсто.

Второе мѣсто въ южно-русскихъ школахъ, а въ числѣ ихъ и въ Кіево-братской, принадлежало языку *греческому*, по преобладающему значенію котораго въ сравненіи съ латинскимъ, разсматриваемый нами періодъ школьнаго обученія въ юго-западной Руси нѣкоторыми изслѣдователями не безъ основанія именуется „періодомъ греческаго вліянія". Важное мѣсто, занятое въ южно-русскихъ школахъ означеннымъ языкомъ не нуждается въ особенныхъ объясненіяхъ. Достаточно вспомнить, что съ конца XVI столѣтія связи юго-западной Руси съ Грецією усиливаются, и что, заводя школы, южно-руссцы обращаются за содѣйствіемъ для ихъ благоустройства къ греческимъ іерархамъ, которые и оказываютъ просимое содѣйствіе посылкою для означенной цѣли знающихъ свое дѣло наставниковъ (Кириллъ Лукарисъ, ректоръ Острожской школы, Никифоръ грекъ). Неурядицы на родинѣ и матеріальные выгоды, какіе представлялись въ нѣкоторыхъ, наиболѣе обезпеченныхъ школахъ дидаскаламъ, побуждали греческихъ ученыхъ и по собственной иниціативѣ ѣхать въ Россію и исполнять здѣсь учительскія обязанности,—причемъ иногда эти обязанности принимали на себя даже лица высокаго іерархическаго положенія (Архіепископъ Арсеній Элассонскій, бывшій два года дидаскаломъ во львовской школѣ). Слѣдуетъ также имѣть въ виду древнія традиціи, связывавшія Русь съ Византіею и настоятельную необходимостъ въ знакоствѣ съ греческимъ языкомъ вслѣдствіе усилившихся сношеній съ Восточными іерархами, грамоты которыхъ нужно было *умѣть* читать, а также *умѣть* и отвѣчать на

нихъ. Если къ этому присовокупить сильно ощущавшійся недостатокъ въ свято-отеческихъ твореніяхъ, желаніе восполнить этотъ недостатокъ новыми болѣе исправными переводами и притомъ по источникамъ авторитетнымъ,—то вполнѣ понятно будетъ, почему въ школьномъ обученіи на греческій языкъ (послѣ роднаго) обращено было наиболѣе серьезное вниманіе. Взглядъ на значеніе этого языка лучшихъ представителей южно-русскаго общества ясно виденъ изъ приведеннаго нами выше отзыва о немъ Захаріи Копыстенскаго; о довольно широкомъ примѣненіи его въ южно-русскихъ школахъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ памятники на греческомъ языкѣ, принадлежащіе перу наставниковъ и воспитанниковъ южно-русскихъ школъ (Греческая грамматика, изд. 1591 г. во Львовѣ, Просфонима и друг. панегирики на греческ. языкѣ). Самыя названія учителей дидаскалами, а учениковъ—спудеями нельзя не считать признакомъ значительнаго преобладанія въ означенныхъ школахъ греческаго элемента.—Высказано было мнѣніе, что будто въ Кіево-братской школѣ греческій языкъ введенъ только въ 1620 г. патріархомъ Ѳеофаномъ; до того же времени здѣсь учили только русской грамотѣ и латинской словесности [1]). Но документальное свидѣтельство объ обученіи здѣсь означенному языку съ самыхъ первыхъ поръ существованія школы и притомъ по учебнику съ опредѣленнымъ названіемъ, находится въ напечатанной нами въ прилож. (№ XXXIV) къ сочиненію о *Кіев. митр. Петрѣ Могилѣ* роспискѣ (1617 г.) ректора означенной школы Іова Борецкаго, гдѣ онъ „вѣдомо чинитъ, что засталъ виненъ паномъ братіямъ братства церковнаго Святое Пречистое мещаномъ львовскимъ золотыхъ польскихъ двадцать за книжки грамматики грецкіе друка львовскаго“.

Латинскій языкъ не процвѣталъ въ до-могилянскихъ школахъ. Нѣкоторые ревнители православія строго консервативнаго направленія желали даже, чтобы онъ вовсе исключенъ былъ изъ школьной программы. Такъ Іоаннъ Вишенскій сильно укорялъ львовское братство за то, что нѣкоторые изъ его наставниковъ „только байки литорскія знаютъ“ и „привержены къ хитростнымъ *латинскимъ* наукамъ“; а потому „къ церковному послѣдованію, славословію, благо-

[1]) Опис. Кіев. Собора. *Прилож.* № 41.

даренію и молитвѣ мало потребны суть“ [1]). Поэтому, опасаясь, чтобы православные „дѣти свои хитростію и ересію *латинскою* не отравили и не поморили“, „залецаетъ и пораду даетъ, чогося они учити имѣютъ, дабы спасли, благочестіе задержали и христіанство своей вѣры не стратили“.—„Во первыхъ—говоритъ Вишенскій—ключь, или грецкую или словенскую грамматику да учатъ. По грамматицѣ же, во мѣсто лживое діалектики (зъ бѣлого черное, а зъ черного бѣлое перетворяти учащее) тогда бо учатъ богомолебного и праведнословнаго часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силогизмъ и велерѣчивое реторики, тогда учатъ богоугодный и молебный псалтирь; во мѣсто философіи, надворнѣе и по воздуху мысль разумную скитатися зиждущее, тогда учатъ плачивый и смиреномудривый охтаикъ, а по нашему церковнаго благочестія догматы, осмогласникъ: таже конечное и богоугодное предспѣяніе въ разумѣ, дѣлное богословіе; тогда учатъ святую евангельскую и апостольскую проповѣдь съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ“... „И такъ заключаетъ Вишенскій—не ходи, любимый брате, до латинское хитрословное лжи: бо вѣру згубишь“ [2]).—Хотя голосъ Вишенскаго противъ латинскаго языка и вообще латинской науки и не оставался единичнымъ; но потребности въ научномъ образованіи въ средѣ южно-руссцевъ были уже довольно сильны. Невключеніе въ школьную программу латинскаго языка, бывшаго не только ключемъ къ тоговременной наукѣ, но имѣвшаго вмѣстѣ съ тѣмъ въ литовско-польскомъ государствѣ громадное общественное значеніе,—могло бы поставить южно-русскіе школы въ слишкомъ приниженное положеніе сравнительно съ польскими учебными заведеніями, и титло *неуковъ*, и безъ того сплошь и рядомъ прилагавшееся къ воспитанникамъ сихъ школъ, безъ сомнѣнія, прилагалось бы къ нимъ еще чаще. Сильвестръ Коссовъ въ своемъ Exegesis'ѣ, отстаивая необходимость болѣе широкой

---

[1]) Изъ неизданныхъ посланій І. Вишенскаго, помѣщенныхъ нами въ VII т. І. ч. *Арх. Юго-Зап. Россіи* (имѣетъ выдти въ свѣтъ въ концѣ этого года).

[2]) *Зачапка мудраго латынника съ глупымъ русиномъ въ диспутацію, а попросту глаголюще въ гаданіе или бесѣду*,—полемическое сочиненіе нач. XVII стол. (помѣщ. въ *прилож.* къ І. т. нашего сочиненія—*Кіев. митроп. Петръ Могила*, подъ № XVIII).—Сочиненіе это подписано псевдонимомъ инока Христофора,—но что подъ псевдонимомъ кроется Вишенскій, это для лицъ, ознакомившихся со всѣми его посланіями, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію.

постановки латинскаго якыка въ южно-русскихъ школахъ говоритъ по поводу этого слѣдующее: „Первая причина—почему нашему народу потребна латинская наука—та, чтобы нашей Руси не называли *глупою Русью*. А то поѣдетъ бѣдняга Русинъ на трибуналъ, на сеймъ, на сеймикъ, въ городской или земскій судъ,—смотришь *безъ łaciny, płaci winy*: ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла; глядитъ только то на того, то на другаго, вытаращивъ глаза какъ ворона“ [1]). Поэтому братства заботились о введеніи въ свои школы и латинскаго языка. Но процвѣтанію его здѣсь, кромѣ уже указаннаго нами недружелюбнаго взгляда консервативной части общества на латинскую науку, много мѣшали и другія обстоятельства, къ числу коихъ слѣдуетъ отнести тѣ притѣсненія и ограниченія, которымъ подвергались они со стороны иновѣрнаго польскаго правительства (львовской братской школѣ добиться права pro tractandis liberis artibus стоило многихъ хлопотъ), въ особенности же *ощутительный недостатокъ въ способныхъ для сего преподавателяхъ*. Виленское братство, въ 1619 году извѣщая львовскихъ братчиковъ о сооруженіи (1617 года) каменнаго дома для славяно-греко-латинской школы, заявляетъ, что *латинская наука* у нихъ „скудости ради своихъ учителей чтется нѣмцами“. Это обстоятельство крайне огорчало братство и оно всячески заботилось о томъ, чтобы „своего рода и благочестія трудолюбны учители имѣти“; но старанія его долгое время не увѣнчивались успѣхомъ“ [2]).—Что касается въ частности Кіево-братской школы, то преподаваніе здѣсь латинскаго языка,—какъ можно думать,—велось нѣсколько съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ другихъ тоговременныхъ школахъ (за исключеніемъ развѣ львовской). Игнатій Іевлевичъ въ автобіографической запискѣ заявляетъ о довольно значительномъ успѣхѣ своемъ въ изученіи означеннаго языка въ Кіево-братской школѣ (1630—1631 гг.),—во всякомъ случаѣ несравненно болѣе значительномъ, чѣмъ какой имѣлъ онъ, учась полатыни у частныхъ учителей [3]). Но, разумѣется, значеніе латинскаго языка въ означенной школѣ за расматриваемое время было только *тѣнью* въ сопоставленіи съ тѣмъ значеніемъ, какое онъ пріобрѣ-

---

[1]) Прилож. № XII. стр. 82.

[2]) Акты Зап. Рос., IV. № 217.

[3]) Прилож. № XI. стр. 75—76.

таетъ здѣсь въ слѣдующій (могилянскій періодъ),—и Сильвестръ Коссовъ былъ вполнѣ правъ, заявляя, что они (т. е. профессора коллегіи могилянской) *лучше насаждали въ русскіе умы латинскій языкъ, чѣмъ бывшіе до нихъ наставники* [1]).

Что касается до преподаванія въ Кіево-братской *школѣ польскаго языка*, то оно введено было здѣсь тоже съ первыхъ поръ ея существованія, (сомнѣніе, высказываемое по этому поводу М. А. Максимовичемъ [2]),—послѣ сдѣланныхъ нами разъясненій о варіантахъ въ грамотѣ Ѳеофана,—не имѣетъ для себя опоры).—Включеніе въ школьную программу означеннаго языка (преподававшагося и въ другихъ тоговременныхъ братскихъ школахъ, напр., *Виленской*, *Могилевской*), безъ сомнѣнія, вызывалось насущными потребностями времени. Это былъ языкъ господствующій въ литовско-русскихъ областяхъ. Безъ него нельзя было ступить и шагу. Если даже незнаніе латинскаго языка, пустившаго глубокіе корни въ литовско-польскомъ государствѣ, нерѣдко ставило южно-руссцевъ въ неловкое положеніе,—то безъ знакомства съ польскимъ для нихъ закрыта была бы почти вся тоговременная литература, не только принадлежавшая перу польскихъ писателей, но и своихъ отечественныхъ. Достаточно вспомнить, что въ юго-зап. Россіи почти всѣ сочиненія религіозно-полемическаго содержанія выходили въ свѣтъ на языкѣ *польскомъ* Для ревнителей православія прискорбно и нежелательно было *забвеніе*, *приниженіе* языка славянскаго, вслѣдствіе чего изученію его и отведено было въ школахъ первенствующее мѣсто; но исключеніе изъ школьной программы (благодаря указанному взгляду на родной языкъ) языка господствующаго, имѣвшаго громадную литературу, не могло входить въ ихъ планы.

Обращаемся къ предметамъ, преподававшимся въ до-могилянской Кіево-братской школѣ.

Іоаннъ Вишенскій въ своей *Зачатѣ* ограничиваетъ—какъ мы видѣли—школьное преподаваніе изученіемъ „*грамматики славянской, часослова, псалтиря, октоиха, „дѣльнаго“* (т. е. нравственнаго) *бо-*

---

[1]) Прилож. № XII, стр. 80.

[2]) Собр. сочиненій II, стр. 195.

гословія и св. писанія съ „толкованіемъ онаго простымъ, а не хитрымъ“. Эта программа принадлежитъ рьяному противнику западноевропейскаго образованія, начинавшаго *понемногу* проникать въ юго-западную Русь, и потому представляетъ собою minimum требованій школьныхъ программъ, безспорно принятыхъ во всѣхъ южно-русскихъ училищахъ, даже тѣхъ, которые стояли сравнительно въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ и были менѣе обезпечены въ матеріальномъ отношеніи. Но въ болѣе выдающихся тоговременныхъ школахъ кругъ преподаваемыхъ предметовъ былъ значительно обширнѣе. Изъ словъ самаго же Вишенскаго можно видѣть, что въ нихъ изучались: *реторика, діалектика и философія.* Дошедшіе до насъ уставы братскихъ школъ, а также нѣкоторые другіе тоговременные памятники вполнѣ подтверждаютъ это. О преподаваніи *діалектики, реторики* и иныхъ *философскихъ писемъ* говорится въ уставѣ Луцкой школы [1]). Въ предисловіи къ „Грамматикѣ доброглаголиваго еллино-славенскаго языка“, изд. во Львовѣ въ 1591 г., авторъ, отъ лица братства сказавши, что „сія (т. е. грамматика) первая ключъ отверзаяй умъ розумѣти писанія“,—продолжаетъ: „отъ нея же яко по степенехъ всю лѣствицу, по чину ученій, трудолюбивіи достизаютъ—*діалектики, риторики, мусики, ариѳметики, геометріи и астрономіи,* и сими седми, яко же нѣкіимъ сѣсудомъ разсужденія почерпаемъ источникъ философіи, разумѣвающе уже и врачевства ко благоискуству превосходимъ всесовершеннаго богословія“.—Изъ этихъ словъ, если и нельзя заключать, чтобы въ данное время (*въ 1591 году*) въ львовской школѣ преподавались *всѣ* перечисленные предметы, но несомнѣннымъ представляется желаніе автора, чтобы всѣ они включены были въ школьную программу. „Со усердіемъ—заключаетъ онъ свое предисловіе, обращаясь къ „любителямъ ученія“,—наказаніе пріимѣте (т. е. издаваемую грамматику) да не ктому прочее своихъ лишаетеся, и яже нынѣ нами изображенная радостнѣ сія пріймѣте, и во малѣ болшихъ благодатію Божіею сподобитеся“. Желаніе львовскаго братства разширить свою школьную программу вскорѣ осуществилось. Въ 1592 году ему удалось выхлопотать у польскаго правительства грамоту, предоставлявшую право содержать школу

---

[1]) 21. пункт. устав. Памят. Кіев. Комм. т. I. отд. I. стр. 83.

„pro tractandis liberis artibus [1]),—подъ каковыми свободными науками и разумѣлись перичисленные нами выше предметы, составлявшіе программу среднихъ учебныхъ заведеній въ Польской Коронѣ.

Сгруппируемъ свѣдѣнія о распорядкѣ преподаванія въ до-могилянскихъ братскихъ школахъ и учебникахъ, въ нихъ принятыхъ.

Такъ какъ въ братскія школы принимались за-частую дѣти, вовсе неподготовленные, то обученіе въ нихъ начиналось съ азбуки; затѣмъ слѣдовали—*часословъ и псалтирь*, (въ связи съ изученіемъ церковныхъ службъ и пѣнія), далѣе—грамматика и прочія науки. Въ луцкомъ школьномъ уставѣ говорится: „школы славенское наука починается: напервѣй научившися складовъ литеръ, потомъ грамматики учатъ, притомъ же церковному чину учатъ, читаню, спѣваню.... а такъ тому научатся до болшихъ приступаючи къ діалектицѣ и риторикѣ... и инымъ философскимъ писмамъ школѣ належащимъ“.—Мелетій Смотрицкій въ предисловіи къ своей *Грамматикѣ* (изд. 1619 г.) пишетъ: „Дѣткамъ учитися починаючимъ, *Букварь*, звыкле рекши Алфавитарь, з тои же грамматики вычерпленный, абы склоненіями грамматичными з лѣтъ дѣтинныхъ з мовою заразъ навыкали, до наученя подаваный нехай будетъ. *По часословѣ* зась и *псалтири* (которыи *опусканы быти не маютъ*) выученію ся овая грамматика з выкладами, то есть, з показованемъ и уживанемъ еи пожитковъ, наступитъ“.—Что касается до древнихъ языковъ, то элементарное ознакомленіе съ ними (и первѣе всего съ греческимъ) начиналось довольно рано, непосредственно по обученіи славянской грамотѣ [2]); но болѣе основательное изученіе продолжалось въ высшихъ классахъ.

Относительно дѣленія на классы братскихъ школъ имѣются свѣдѣнія положительныя; но опредѣленныхъ указаній, какія именно предметы преподавались въ каждомъ изъ нихъ—нѣтъ. Виленская школа (въ 1619 г.) дѣлилась на пять отдѣленій (училищъ); изъ нихъ

---

[1]) *Лѣтопись Львов. братства. Д. Зубрицкаго* (подъ 1592 г.).—О преподаваніи во Львовской школѣ ученія *грамматическаго, діалектическаго и риторическаго* еще до 1592 года—см. А. З. Р. т. IV. № 24.

[2]) Луцкій школьный устав. пункт. 20.

въ *трехъ* читалась *латинская наука*, въ четвертомъ—*русская*, въ пятомъ *славянскій* и *греческій* языки [1]).—Что касается до Кіево-братской Богоявленской школы, то въ ней по словамъ ея воспитанника Игнатія Іевлевича были (въ 1630—1631 гг.) слѣдующія четыре отдѣленія: 1) *русская школа*, 2) *инфима*, 3) *грамматика* и 4) *синтаксима*.—Въ послѣднихъ классахъ, должно полагать, преподавались (кромѣ грамматики) реторика, логика и діалектика. Вообще же, слѣдуетъ замѣтить, что въ древнихъ южно-русскихъ школахъ дѣленіе на классы было менѣе *дробно*, чѣмъ въ тоговременныхъ польскихъ коллегіяхъ или въ Кіево-братской школѣ (точнѣе коллегіи) періода могилянскаго,—что́ обусловливалось, съ одной стороны, болѣе ограниченною въ сравненіи съ послѣдними школьною программою, а съ другой, могло зависѣть и отъ недостатка наставниковъ (въ иныхъ случаяхъ отъ недостатка и въ матеріальныхъ средствахъ). Даже въ Лаврской могилянской школѣ,—какъ новой, не смотря на усиленныя старанія своего просвѣщеннѣйшаго основателя не изобиловавшей на первыхъ порахъ научными средствами,—отдѣленія были соединяемы. Такъ, по свидѣтельству того же Игнатія Іевлевича, *синтаксима*, *грамматика* и *инфима* были здѣсь „вкупѣ“; также „вкупѣ“ были и *реторика* съ *поэтикою*.—Что касается до *философіи* и *богословія*, то отдѣльныхъ классовъ для нихъ въ Кіево-братской школѣ не было; едва-ли были они и въ другихъ братскихъ училищахъ того времени,—хотя въ отрывкахъ „философскія писма“, безъ сомнѣнія, въ нихъ и читались, а изученію священнаго писанія и свято-отеческихъ писаній отводилось почетное мѣсто.

Учебниковъ, употреблявшихся въ южно-русскихъ школахъ домогилянскаго періода, *дошло* до нашего времени очень не много. Изъ нихъ извѣстны только:

1) Кграматыка словеньска языка. з газоѳилакіи славного града Острога власное отчизны яснѣ вельможного княжати и пана Константина Константиновича княжати на Острогу.... и проч. (изд. 1586 г., въ Вильнѣ, въ друкарни дому Мамоничовъ) [2]).

---

[1]) А. З. Р. IV. № 217.

[2]) Небольшая книжка около 14 лис.—Неполный экземпляръ наход. въ библ. князя П. П. Вяземскаго; болѣе полный—въ библ. Перемышльскаго собора Іоанна Крестителя.

2) Αδελθοτης. Граматика доброглаголиваго Еллино-славенского языка совершеннаго искуства осми частей слова. ко наказанію многоименитому Россійскому роду, (изд. 1591 г. во Львовѣ) [1]).

3) Грамматика Славенска съвершеннаго искуства осми частій слова, и иныхъ нуждныхъ. Ново съставлена А. З. *(Лаврентіемъ Зизаніемъ)*, изд. 1596 г. въ Вильнѣ.

---

[1]) Заглавіе этой грамматики приводится у нашихъ и польскихъ библіографовъ различно: у однихъ, какъ въ текстѣ у насъ, у другихъ слѣдующимъ образомъ: *Грамматика сложена отъ различныхъ грамматикъ, студеями иже в Львовской школѣ* (Описаніе книгъ Толстаго. *Строева,* стр. 64.—*Филаретъ.* Исторія рус. церкви, періодъ 4-й, изд. 1862 г., стр. 86, примѣч. 173, и др.). Отсюда явилось мнѣніе о двухъ изданіяхъ означенной грамматики (*A. Iocher. Obraz bibliograficzno - historyczny literatury i nauk w Polsce* изд. 1840, т. I, стр. 70), — причемъ оба изданія или относимы были къ одному и тому же 1591 г. *(Iocher)*,—или первое изданіе ко времени болѣе раннему. Послѣднему мнѣнію благопріятствовало, по видимому, то обстоятельство, что Виленскіе братчики еще въ маѣ 1588 г. въ своемъ посланіи благодарили львовскихъ гражданъ за посылку имъ „святыхъ писаній грамматическихъ языка греческаго и славянскаго".—Археографическая Коммиссія, издавая означенное посланіе въ IV т. *Актовъ З. Россіи,* сдѣлало къ нему примѣчаніе, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: „проф. Максимовичъ въ статьѣ своей Книжная старина южно-рус. говоритъ, что грамматика доброглаголиваго Еллинославенскаго языка первоначально напечатана во Львовѣ, въ братской типографіи въ 1591 году: *слѣдовательно, это изданіе позднѣйшее и можетъ быть вовсе иное* (т. е. не то, о которомъ говорится въ посланіи виленскихъ братчиковъ)". Подобнаго же мнѣнія держатся и другіе изслѣдователи (см., напр., соч. Н. Оглоблина *Арсеній арх. Элласонскій и его Описаніе путешествія въ Московіи*).—Но означенное мнѣніе о двухъ изданіяхъ *Львовской греческой грамматики* есть плодъ недоразумѣнія,—для убѣжденія въ чемъ достаточно обратить надлежащее вниманіе на слѣдующее: 1) Второе заглавіе означенной Грамматики (приводимое Строевымъ и друг.) находится на 5 страцѣ Αδελθοτης (1591 г.),—причемъ означенная страница имѣетъ *форму листа заглавнаго,* слѣдовательно неточное заглавіе у Строева объясняется просто тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ имѣлъ подъ руками неполный экземпляръ львовской грамматики (безъ первыхъ четырехъ листиковъ). 2) Въ указаниомъ посланіи Виленское братство пишетъ львовскому по поводу грамматики слѣдующее: „Посласте намъ *начало* преображеніе святыхъ писаній Грамматическихъ языка греческаго и славеньскаго, наказующе ны, да пріймемъ со благоразуміемъ, да и прочимъ сподобимся, по евангельскому реченію. Сія убо разсмотрѣвше достойно, молихомъ Спаса нашего, да яко же начатъ, такожде и да совершитъ во васъ благодать сію. *Если же сподобитъ вы оно благодарственное и спасителное начало совершити,* молимъ, да избытокъ благодати ихъ будетъ и въ нашемъ лишеніи. И съ-проста рещи сто или двѣсти книгъ пошлите намъ, учинивши имъ цѣну слушную; а мы, съ подяковаьемъ вашей любви, возвѣщенная пошлемъ".— Изъ приведеннаго мѣста ясно видно, что Виленскому братству Львовскимъ посланы были только первые листы начавшейся печатаніемъ Грамматики, окончаніе которой могло и не состояться (какъ было и на самомъ дѣлѣ) въ 1588 г. Очевидно, что упоминаемая въ письмѣ Виленскихъ братчиковъ Грамматика есть та самая, которая вышла въ свѣтъ въ 1591 г.

4) Наука ку читаню, и розумѣню писма славенскаго: ту тыжъ о святой Троицы, и о вѣчловеченіи Господни. (Стефана *Зизанія*, изд. 1596 г.).

5) Грамматики Славенскія правилное Сунтагмы. (Мелетія *Смотрицкаго*, изд. 1619 въ Евю).

6) Грамматика албо сложеніе писмени хотящимся учити Славеньскаго языка, младолѣтнымъ отрочатомъ. (Изд. 1621 г. въ Вильнѣ).

Кромѣ поименованныхъ учебниковъ, кажется, къ числу ихъ должно отнести еще *Катехизисъ* Стефана Зизанія, (около 1595 г.). Книжка эта до нашего времени не дошла. О существованіи ея мы узнаемъ изъ полемической брошюры Желиборскаго, подъ заглавіемъ: *Kąkol kłory rozsiewa Stefanek Zizania w cerkwiach Ruskich w Wilnie.* (Wilno, 1595 г. [1]).

Изъ числа учебныхъ пособій, появившихся къ концу разсматриваемаго нами времени, извѣстенъ—*Лексиконъ Славено-росскій и именъ тлъкованіе, Памвы Берынды,* изд. 1627 г., въ Кіевѣ.—Весьма вѣроятно, что въ видѣ учебныхъ пособій употреблялись въ школахъ также и нѣкоторыя другія, соотвѣтствующія учебнымъ программамъ, книги, въ родѣ, наприм., *Собранія въкратцѣ словесъ отъ Божественнаго писанія* (изд. 1618 г.), полемическія сочиненія противъ иновѣрцевъ и вообще книги религіозно-нравственнаго содержанія. Это естественное предположеніе оправдывается до извѣстной степени реэстрами книгъ, находившихся въ братскихъ библіотекахъ.

Указанныя учебники (№№ 1—6)—происхожденія школьнаго, т. е. составленны наставниками братскихъ школъ, иногда даже не безъ содѣйствія лучшихъ учениковъ (Αδελθοτης, 1591 г.). Повсемѣстное распространеніе сихъ учебниковъ по тоговременнымъ южно-русскимъ школамъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Не зависимо отъ другихъ соображеній, относительно этого имѣются и положительныя факты: братства при тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ обмѣнивались своими изданіями [2]), при чемъ книги наиболѣе нужныя посылались въ большомъ количествѣ, а *учебники* даже цѣлыми сотнями [3]).—Въ част-

[1]) Подробнѣе см. наши *Библіографическія замѣч. о церковно-слав. книгахъ XVI—XVII стол.* (Труды Кіев. Дух. Акад. 1876 г., № 1, стр. 129—135.

[2]) А. З. Р. т. IV, № 4.

[3]) Ibid.

ности, что касается до Кіево-братской школы, то о принятіи здѣсь въ качествѣ учебника Грамматики — Αδελθοτης свидѣтельствуетъ упомянутая росписка ректора сей школы Іова Борецкаго, оставшагося „повиннымъ мѣщаномъ львовскимъ польскихъ золотыхъ 20“ за купленныя у нихъ книжки означенной грамматики [1]).—О грамматикѣ Смотрицкаго, какъ учебникѣ, принятомъ Кіево-братскою школою, можно съ увѣренностію говорить уже потому, что авторъ ея, какъ увидимъ, былъ здѣсь *ректоромъ*. Въ близкихъ отношеніяхъ къ кіевскому братству, безъ сомнѣнія, стоялъ и другой авторъ Грамматики 1596 г.—Лаврентій Зизаній Тускановскій,—приглашенный въ кіево-печерскую лавру Е. Плетенецкимъ и подвизавшійся здѣсь въ началѣ 20 гг. XVII столѣтія [2]). Не говоримъ уже о томъ, что его Грамматика до 1619 г. была единственнымъ учебникомъ въ своемъ родѣ и уже это обстоятельство открывало ей широкій доступъ во *всѣ* южно-русскія школы. По какимъ изъ поименованныхъ букварей учили въ Кіево-братской школѣ—вопросъ не важный, такъ какъ методъ обученія во всѣхъ ихъ одинаковый.

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о самыхъ учебникахъ.

Буквари представляли собою родъ небольшихъ дѣтскихъ энциклопедій, имѣвшихъ въ виду, кромѣ обученія чтенію, сообщать первоначальныя религіозныя истины. Начинались они *азбукою славянскою* (а, б, в, г, и т. д.), затѣмъ слѣдовали *склады* (ба, ва, га, и проч.), отдѣльныя слова и изреченія для упражненія въ чтеніи, — причемъ въ позднѣйшихъ букваряхъ фразы для заучиваній приспособлены были къ тому, что бы дать элементарныя свѣдѣнія о грамматическихъ формахъ, *(Буки*, буду; будиши-ты; будитъ-тои; будива-мы два; будимо со мною мнози; будѣте безъ меня мнози) и приводились нѣкоторые примѣры „по просодіи“ *б:* бу́ди, будѝ, *в:* ва́рите, варитѐ, и „орографіи“ (Бг҃ъ Бъ҃ Бга҃ Ба҃ Бже Бе҃). Затѣмъ слѣдовали общеупотребительныя молитвы (Царю небесный, Тресвятое, утренія и вечернія молитвы), исповѣданіе вѣры и нравственныя изреченія, преимущественно изъ притчей Соломоновыхъ (сыну, ляжь медъ понеже есть добрый.

---

[1]) *Кіевскій митроп. Петръ Могила и его сподвижники*, Т. I, прилож. № XXXVI.

[2]) Казанье на честномъ погребѣ Е. Плетенецкаго... 1621 г.—Бесѣды Златоустаго на 14 посл. Апостола Павла, изд. въ Кіевѣ, 1623 г. (предисловіе).

и сотъ медовы сладокъ есть гортани твоему. такоже и наука мудрости души твоеи).—Въ концѣ помѣщались трактаты сравнительно болѣе обширные. Такъ, напр., *въ Азбукѣ 1596 г.* (изд. въ Вильно) находятся: *изложеніе о православной вѣрѣ* (л. 34 — 39), *о вочловеченіи Господни* (л. 39 обр. 40) и о *знаменіи крестномъ*. Въ трактатахъ этихъ, изложенныхъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ (первые два) сообщаются основныя понятія въ истинахъ христіанской религіи, потребность въ чемъ была на столько сильна, что за отсутствіемъ собственныхъ руководствъ по сему предмету, православные въ прежнее время принуждены были обращаться за помощію къ руководствамъ католическимъ, дѣлая изъ нихъ, соотвѣтствующія цѣли, выборки [1]). При изложеніи основныхъ понятій христіанской религіи, въ учебникахъ обращалось преимущественное вниманіе на то, чтобы вкоренить въ умы питомцевъ *убѣжденіе въ истинности православія сравнительно съ другими вѣроисповѣданіями и научить ихъ пріемамъ религіозной полемики.* Въ какихъ размѣрахъ достигалась предположенная цѣль, объ этомъ можно отчасти судить по нижеслѣдующей выдержкѣ, приводимой нами изъ перваго указаннаго трактата *(Изложеніе о православной вѣрѣ)*:

Странный. Кто еси ты?

Православный. По прирожденю человѣкъ, а з ласки Божеи сынъ его естемъ.

Стран. Якимъ же способомъ естесъ ты сыномъ Божіимъ?

Правосл. Понеже окрестихомся банею пакибытейскою, то есть

---

[1]) Въ 1585 г. изданъ былъ въ Вильнѣ *Катехизмъ или наука всѣмъ православнымъ христіаномъ въ повченію велми полезно з латинского языка на русскій ново-преложено*". Катехизисъ раздѣляется на пять небольшихъ главъ, трактующихъ: 1) о вѣрѣ и преданіи апостольскомъ; 2) о надеждѣ и молитвѣ Господни; 3) о любви и заповѣди Божіи; 4) о сакраментахъ; 5) о повинности справедливости христіанское.—Отвѣты на вопросы даются самые краткіе (напр., *Вопр.* Которые именуетъ грѣхи главные? *Отв.* Оные, съ которыхъ якобы з главы и источникъ некихъ всякіе иные грѣхи исходятъ. *Вопр.* Колико есть грѣховъ главныхъ. *Отв.* Седмь: гордость, лакомство, нечистота, гнѣвъ, зависть, объядене, лѣность)... Имѣя въ виду *общее* содержаніе катехизиса, нѣтъ основаній предполагать, чтобы онъ изданъ былъ не православными, а католиками въ видахъ своей пропаганды, хотя окончательное рѣшеніе этого вопроса возможно только, если найденъ будетъ полный экземпляръ означенной брошюры (въ *Импер. Публ. библ.* въ Катехизисѣ 1585 г. 11 листиковъ, въ малую-8-ку; по расчету ихъ должно быть около 40).

ижемъ ся отродилъ отъ воды и отъ Духа, и причастился тѣла и крове Христовы.

Стран. Што есть крещеніе?

Правосл. Омытье грѣха первороднаго, албо крещеніе естъ тайна, приводячая насъ къ усыновленію, и отроджуючая въ животъ вѣчный.

Стран. А причастіе тѣла и крове Хрпстовы што естъ?

Правосл. Причастіе естъ зъединочене намъ съ Христомъ и участность всѣхъ его добродѣйствъ, а упевнене живота вѣчнаго.

Стран. Кождый ли въ яковой колвекъ реліи крестился, естъ сыномъ Божіимъ?

Правосл. Не кождый. Толко православный, то естъ въ православной вѣрѣ окрещеный.

Стран. Што естъ православная вѣра?

Правосл. Въ единого Бога Отца, и въ единого Господа Іисуса Христа Сына Божого, и въ единого Духа Святого Господа, правовѣрити. (Ищи въ первомъ и во второмъ вселенскомъ соборѣ).

Стран. Што естъ Богъ?

Правосл. Богъ естъ существо безвинно вина всяческимъ, всесильный, всемогучій, всякого существа и естества преестественъ.

Стран. Что естъ существо, то естъ истность?

Правосл. Существо естъ вещъ самобытная, жаднои речи не потребуючая ко своему составленію.

Стран. Колко существъ въ Бозѣ вызпаваешъ?

Правосл. Едино существо, якъ и естество въ Бозѣ исповѣдаю.

Странный. Колко воль, то естъ хотеній?

Православный. Едину волю. (Ищи у вопросѣхъ святого Кѵрила Александрійского).

Стран. Колко составъ, то естъ Ѵпостасій албо Персонъ?

Правосл. Три, Отца и Сына и Святаго Духа.

Стран. Якъ же ты православный вѣришъ въ единого Бога?

Правосл. Вѣрую въ единого Бога... и проч.

Затѣмъ послѣ нѣсколькихъ вопросовъ общаго характера, *въ Изложеніи* слѣдуютъ вопросы, направленные къ уясненію спорнаго между католиками и православными догмата объ исхожденіи Св. Духа,—что́, очевидно, и составляло главную цѣль самаго трактата. Приводимъ это мѣсто въ *Изложеніи* въ полномъ его видѣ.

Странный. Вѣруючи въ Святую Тройцу, абымъ не впадалъ въ ересь, чого ся маю варовати?

Православный. Двѣ речи пилно потреба заховати, то естъ истность Бозства не роздѣляти, а трохъ персонъ въ едину не сливати.

Стран. Въ Святой Тройци персонъ Бозскихъ яковый порядокъ, которая естъ персона отъ которои?

Правосл. Якъ естъ Богъ единъ также и отъ единои персоны двѣ суть, то естъ отъ единого Отца Сынъ родится, и Духъ Святый исходитъ.

Стран. А отъ Сына для чого Духъ Святый не маетъ исходити?

Правосл. Для того, абы два початки и двѣ винѣ исхожденію не были.

Стран. А вшакъ то естъ единъ Богъ. Сынъ въ Отцы и Отецъ въ Сынѣ, а не два?

Правосл. Единъ Богъ, але двѣ персонѣ.

Стран. А двѣ персонѣ ведле единого Бога, вмѣсто одинои не могутъ ли быти отъ которихъ и Духъ Святый, якъ отъ единаго початку, моглъ исходити?

Правосл. Не могутъ, абовѣмъ не сливаемъ въ Святой Тройци персонъ, яко Савелій, а не роздѣляемъ истности, якъ Арій.

Стран. Якъ тамъ, кгды Отецъ, и Сынъ, и Духъ Святый небеса и землю сотворили, не розумѣемо трохъ Створителевъ, также и тутъ кгды Отецъ и Сынъ Духа Святого испущаютъ двохъ початковъ не маемъ розумѣти?

Правосл. Ижъ ихъ едина можность и сила, которою сотворены сутъ небеса и земля, для того единъ естъ Сотворитель. а ижъ межи персонами не едина естъ ідіома, то естъ власность, але кождои особная. прото отъ двухъ якъ отъ единои третяя не можетъ быти.

Стран. И ты самъ тоежъ мовишъ, же единъ естъ Створителъ, хотя три персоны, теды отъ двохъ персонъ якъ отъ единои Духъ Святый можетъ походити?

Правосл. Виджу, же ты Духа Святого въ порядокъ створеня покладаешъ, яко Македоній пневматомахъ, албо не вѣдаешъ же иншій способъ въ персонахъ Бозскихъ, а иншій въ створеню ведле волѣ Сотворителя заховуется.

Стран. А кгдыжъ ихъ едина можность и сила, а Отецъ маетъ моцъ Духа Святаго испущати, теды и Сынъ.

Правосл. Если розумѣешъ Духа Святого исхожденіе ведле силы и моци, теды и Духъ Святый Сына родитъ, поневажъ естъ зъ Отцемъ единои моци.

Стран. А Духъ Сына для чого не можетъ родити, кгдыжъ естъ едино. а Отецъ родитъ Сына то и Духъ Святый.

Правосл. А нѣ Духъ Святый Сына родитъ, а нѣ Сынъ Духа Святого испущаетъ. або вѣмъ якъ естъ неслушне Сыну отъ двохъ ся родити, также и святому Духу отъ двохъ исходити.

Стран. Поневажъ писмо святое повѣдаетъ, иж Духъ Святый походитъ отъ Отца презъ Сына, то маемъ розумѣти отъ Сына.

Правосл. Нѣ, бо не тоежъ то естъ *презъ* што *отъ*, и по кгрецкому διὰ и ἐκ, не тоежъ значитъ.

Стран. Духъ Святый естъ Сыновъ, то и отъ Сына походитъ.

Правосл. Не походитъ, бо иншее естъ быти чіимъ, а иншее быти отъ кого, а называется Духъ Святый Сыновъ для того, иж не естъ чужіе, але единого и тогожъ Бозства.

Стран. Поневажъ тоежъ естъ Сыново бозство што и Отцово, а отъ Бозства походитъ Духъ Святый, теды и отъ Сына.

Правосл. Если бы такъ было, то и Духъ Святый будучи тогожъ Бозства самъ отъ себе бы походилъ, што естъ безместно.

Стран. Божее естъ испущати Духа, а Сынъ естъ Богъ. то и отъ Сына походитъ.

Правосл. И Духъ Богъ, то и отъ себе походитъ.

Стран. Все што колвекъ Отецъ маетъ, и Сынъ маетъ, а Отецъ маетъ Духа Святого испущати, то и Сынъ.

Правосл. Штожъ колвекъ стѣгается взглядомъ прироженя и истности, яко царство, сила, слава, и прочая, маетъ не толко Сынъ, але и Духъ Святый. а што взглядомъ присвоитости каждои особно персоны, того нѣмаетъ нѣ Сынъ нѣ Духъ Святый, бо то што родити, и испущати, самому толко Отцу присвоито. Якъ тыжъ и Отецъ того нѣ маетъ, што маетъ Сынъ и Духъ Святый, то естъ родитися и исходити, не бываетъ бо Отецъ нѣколи Сыномъ, а нѣ Духомъ Святымъ.

Стран. Христосъ дунулъ на ученики и рѣкъ: пріймѣте Духъ Святъ, теды и отъ Сына походитъ!

Правосл. То дхненье а не персона, даръ Святого Духа грѣхи отпущати, а не Параклитъ, которого имъ розсказалъ ждати.

Стран. Есть ли которая ѵпостасъ першая отъ другой, или послѣднѣйшая?

Правосл. Нѣ единои не естъ першеи а не послѣдней. але всѣ три равно суть предвѣчны, равно чесны, равно силны. Кгды былъ Отецъ, тогдыжъ былъ и Сынъ и Духъ Святый, а не было того часу коли бы не была которая колвекъ персона отъ Святои Тройцѣ [1]).

Греческая грамматика—Αδελθοτης—изд. 1591 г., составлена, безъ сомнѣнія подъ непосредственнымъ руководствомъ „митрополита Димонитскаго и Элассонскаго" Арсенія, который, прибывши въ 1586 г. во Львовъ, занимался здѣсь обученіемъ въ братской школѣ въ теченіи 2 лѣтъ. Объ этой грамматикѣ—какъ мы видѣли—самими составителями замѣчено, что она „сложена отъ различныхъ грамматикъ". Но въ основу ея, какъ давно уже замѣчено, положена была грамматика Константина Ласкариса, впервые изданная въ 1476 г. [2]).—Αδελθοτης напечатана на двухъ языкахъ—греческомъ (четные страницы) и параллельно съ нимъ—славянскомъ [3]). Изученіе обоихъ языковъ въ школѣ, очевидно, велось одновременно,—на что указываютъ и дошедшіе до насъ школьные уставы. Во львовскомъ уставѣ 1587 г. говорится: „также учатъ на кождый день, абы дѣти единъ другого пыталъ по грецку, абы ему отповѣдалъ по словенску, и тыжъ пытаются по словенску, абы имъ отповѣдано по простой мовѣ. И тыжъ не маютъ з собою мовити простою мовою ено словенскою и грецкою" [4]). Тоже самое дословно читается и въ луцкомъ школьномъ уставѣ [5]).—Опредѣленіе грамматики составителями Αδελθοτης дается такое: „Грамматика есть художество, учащее насъ умная писати. и

---

[1]) Краткій трактатъ о *вочеловѣченіи Господни* могъ быть направленъ противъ распространенной въ литовско-русскихъ областяхъ секты антитринитаріевъ. Трактатъ (тоже краткій) *о знаменіи крестномъ*, замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ проводится раскольничій взглядъ на перстосложеніе.

[2]) *Iocher*, Obraz bibliograficzno-histor literatury i nauk w Polsce. I 70.

[3]) Впрочемъ, подобный разпорядокъ выдержанъ не всюду.

[4]) Въ изданномъ Головацкимъ школьномъ уставѣ львовскаго братства мѣсто это пропущено; но оно находится въ одномъ изъ рукописныхъ уставовъ, хранящихся въ архивѣ Львовскаго Ставроп. Института *(связка* № XXV). Въ этомъ же спискѣ находится слѣдующая приписка: „а обычае всея школы и порядки вси, въ семъ листѣ много бы писати".

[5]) Памят. Кіев. Комм. т. 1. отд. 1. № 10.

яко къ кому мѣрительно, или числительно вещественна, съ разсужденіемъ повѣдающа". Или: „Грамматика естъ художество зрителное и и дѣлателное, еже благоглаголати и благописати учащее насъ". Или: „Грамматика есть искуство при творцехъ же и исписателехъ яко на мнозѣ глаголаемыхъ писмо, еже являетъ твореніе и исписаніе".

Учебникъ начинается отдѣлами „О раздѣленіи писменъ" (гласныя, долгія, краткія, двоевременныя) „О слозѣ" (долгій, краткій, общій) „о реченіи" и „словѣ" („слово есть реченій сложеніе, мысль самосовершенну являющее"). Затѣмъ слѣдуетъ дѣленіе слова на восемь частей: *различіе*, (т. е. членъ) *имя*, *мѣстоимя*, *глаголъ*, *причастіе*, *предлогъ и союзъ*; указываются склоняемыя изъ сихъ частей и несклоняемыя. Далѣе идетъ болѣе или менѣе обстоятельная рѣчь о каждой части въ отдѣльности.—Въ концѣ приложенъ длинный списокъ „строптивыхъ" глаголовъ, т. е. не походящихъ подъ общія, вышеизложенныя правила, и сдѣланы краткія замѣчанія о *просодіи*. На послѣднемъ листѣ помѣщенъ Символъ вѣры, съ обозначеніемъ, какія члены его составлены на первомъ вселенскомъ соборѣ (противъ Арія) и какія на второмъ (противъ духоборца Македонія).

Намъ нѣтъ нужды вдаваться въ обстоятельный разборъ Львовской грамматики (равно какъ и другихъ послѣдующихъ грамматикъ: это дѣло филологовъ); мы ограничимся замѣчаніемъ, что не смотря на нѣкоторыя, можетъ быть, по мнѣнію спеціалистовъ въ данномъ случаѣ, и крупные недостатки означеннаго учебника (куда нельзя не отнести по мѣстамъ неясность въ изложеніи),—появленіе его было важнымъ фактомъ, не мало содѣйствовавшимъ успѣшному изученію греческаго языка въ южно-русскихъ школахъ. Для школы весьма важно было уже имѣть систематически изложенное руководство, а въ этомъ отношеніи Αδελθοτης особеннаго упрека не заслуживаетъ.

Славянская грамматика Лаврентія Зизанія составлена была не безъ вліянія греческой Львовской грамматики. Отсюда довольно замѣтный ея недостатокъ: стремленіе автора облечь славянскій языкъ въ не всегда сродные ему формы языка греческаго. Но грамматика Лаврентія значительно полнѣе Львовской, снабжена болѣе обстоятельными объясненіями и имѣетъ нѣкоторыя особенности въ самомъ планѣ.—Въ изложеніи та особенность, что оно составлено въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ со славянскаго языка переведены на тоговременный разговорный, а

иногда дополнены и особыми объясненіями—„*толкованіями*“. Опредѣленіе грамматики такое: „оно есть извѣстное вѣжество, еже благоглаголати и писати“, или по толкованію: „грамматика есть певное вѣдане, же бысмы добре мовили и писали“. Она раздѣляется на 4-ре части: *ортографію, просодію, етимологію* и *синтаксисъ*. Видовъ *слова* или *частей*, какъ и въ греческой грамматикѣ *восемь*—и разсматриваются они почти въ томъ же порядкѣ какъ въ Ἀδελθοτης. Одну изъ крупныхъ особенностей грамматики Лаврентія въ сравненіи со Львовскою греческою составляютъ помѣщенныя въ ней краткія правила относительно сложенія стиховъ. Послѣднія могутъ быть слагаемы по тремъ „метрамъ“: *ироическому, елегіаческому и іамвическому*. Правила составлены примѣнительно къ греческому стихосложенію,—причемъ при составленіи стихотвореній авторъ совѣтуетъ слѣдовать греческимъ поэтамъ.—Въ концѣ учебника приложены: 1) „толкованіе молитвы, которой научилъ Господь Іисусъ Христосъ учениковъ своихъ“,—толкованіе краткое, но ясное, вразумительное,—каковое обстоятельство, безъ сомнѣнія, и послужило къ довольно широкому его распространенію въ юго-западной Руси[1]), и 2) „*Лексисъ*, сирѣчь рѣченія, въ

---

[1]) Оно встрѣчается въ тоговременныхъ рукописныхъ сборникахъ (см. напр. *рукоп. сборн.* Румянц. Москов. Публич. Музея, № 373, гдѣ помѣщенный на лл. 2—8 „Выкладъ молитвы, которой научилъ Іисусъ Христосъ учениковъ своихъ“, есть ничто иное какъ означенное толкованіе Л. Зизанія). Для ознакомленія съ „Толкованіемъ Зизанія“ приведемъ объясненіе 5 прошенія молитвы Господней: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*. „Тутъ—читаемъ въ толкованіи—просимо о хлѣбъ двояки, взглядомъ того, же тыжъ и человыкъ естъ двоякій, то естъ отъ душѣ и отъ тѣла. О телесномъ тогды хлѣбѣ мыслячи, просимо о три речи. О першую, кгды мовимо хлѣбъ, прикладаючи и насущный, то естъ который приличный нашему существу, жадаемо не толко о самый хлѣбъ але и о всѣ тѣлу нуждны потребы. А о другую просимо, абы намъ далъ хлѣбъ нашъ а не чужій, то естъ зъ своен працѣ живитися, а не з людского добра. А о третюю, абы нынѣ далъ, а не завтра.—Тутъ насъ учитъ Христосъ Избавитель нашъ, абысмо ся молили не о панства того свѣтніи, анѣ о жадны преложенства, а не тыжъ о несталое богатство мѣзерного свѣта того. але толко о хлѣбѣ, безъ которого не можемъ обыти, и тотъ же быхъ мы непорожне или, але въ потѣ лица нашего. Не каже тыжъ ся намъ простирати на томъ свѣтѣ много лѣтъ собѣ обецаючи жити. але толко поки нынѣшній день естъ и што на теперъ потреба о тое кажетъ просити, а не болшей. абысмы стараньемъ завтрешнимъ и печалми житейскими розуму нашего не потлумили и любве противко Бога не нарушали. О духовномъ зась хлѣбѣ мыслячи, то естъ о словѣ Божемъ, просимо, абы намъ далъ хлѣбъ нашъ, то естъ нашей науки христіянскои слухати, а не еретическихъ вымысловъ, а не поганскихъ наукъ. Кгдыжъ и они кормятся, але не своимъ хлѣбомъ, анѣ словомъ, Божінмъ, але прелестю шатанскою. бо якъ тѣло отъ того хлѣба насущного коръмится

кратцѣ събраныи изъ словенского языка на простый русскій діалектъ истолкованы“ [1]).

Достоинства *Грамматики М. Смотрицкаго* и ея значеніе для дальнѣйшаго развитія славянскаго языковѣденія достаточно извѣстны, чтобы о нихъ распространяться. Болѣе полная, чѣмъ учебникъ Зизанія, и ближе стоящая къ духу языка славянскаго, она имѣетъ еще ту особенность, что здѣсь впервые сдѣлана попытка ко введенію тоническаго стопосложенія.

Учебниковъ по другимъ предметамъ до нашего времени не дошло или съ точностію указать ихъ нельзя.—*Латинскій языкъ*, безъ сомнѣнія, изучался по руководствамъ, принятымъ въ польскихъ училищахъ,—и едва-ли уже съ этого времени не проникнулъ въ южнорусскія школы преслоутый *Альваръ*,—хотя, разумѣется онъ здѣсь и не такъ старательно изучался, какъ въ школахъ и въ особенности коллегіяхъ польскихъ. По крайней мѣрѣ въ реэстрѣ книгъ львовскаго ставропигіальнаго братства, составленномъ въ *1601 году* [2]), „Грамматика Олвара“ имѣется; занесены также и еще двѣ латинскія грамматики—*Кленарди* и неизвѣстнаго автора въ восьми частяхъ („партесъ осмъ“). Вообще латинскими книгами львовское братство сравнительно бѣдно не было: всѣхъ ихъ въ упомянутомъ реэстрѣ обозначенно 18; въ томъ числѣ—„Овидіусъ“, „Официумъ Цицеронисъ“, „Виргиліусъ“, „Мануни Фразесъ“, „Дикціонаръ“, и друг.).

О преподаваніи *реторики* и *діалектики* въ древнихъ южнорусскихъ школахъ существуетъ мнѣніе, что первая изучалась „болѣе практическимъ способомъ, чѣмъ по теоріи“; руководствомъ же для вто-

---

и посилокъ беретъ, такъ власне душа Словомъ Божіимъ кормится и змоцняется. просимо тыжъ ту о хлѣбъ насущный, о покармъ тотъ, которій естъ з нашего существа. о пречистое и животворящее тѣло и кровъ Христову, абы намъ далъ годне его примовати не на осужденіе, але на збавлене. о нашъ животворящій хлѣбъ просимо, а не о суптелно змышленый оплатокъ“.

[1]) *Каратаевъ* (Описаніе славяно-русскихъ книгъ, изд. 1883 г. т. I., стр. 272) говоритъ, что *Лексисъ* помѣщенъ въ *Азбукѣ* 1596 г. Но онъ, кажется, введенъ былъ въ заблужденіе экземпляромъ означенной Азбуки, находящемся въ Импер. Публ. Библіотекѣ, гдѣ *Лексисъ* дѣйствительно помѣщенъ, но попалъ туда случайно. Впрочемъ *Лексисъ* едвали не былъ изданъ и отдѣльно.—Для примѣра толкованій въ немъ дѣлаемъ небольшую выдержку: „*Адонай=Господь, Панъ. Абіе=заразъ. Авва=тато, отецъ. Ангелъ=вѣстникъ, албо повѣдачъ. Агнецъ=барашекъ. Агница=малая—овечка*“, и проч.

[2]) Прилож. къ нашему сочиненію—*Кіевскій митр. Петръ Могила*, № XXII.

рой могла быть всего скорѣе діалектика Дамаскина,—доказательствомъ чего служитъ „множество славяно-русскихъ списковъ ея XVI—XVII столѣтія“ [1]). Мы однако склонны думать, что и преподаваніе указанныхъ наукъ велось при пособіи латинскихъ руководствъ, которыя могли быть (вслѣдствіе слабой постановки въ школахъ латыни) переводимы на русскій языкъ. Изъ Луцкаго устава видно, что въ тамошней школѣ изучалась *реторика и діалектика* по переведеннымъ на славянскій языкъ руководствамъ [2]). Въ Архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ при св. Синодѣ, подъ № 1070, находится „выпись с гродскихъ книгъ воеводста виленскаго“, отъ 14 авг. 1614 г., заключающая въ себѣ жалобу отъ имени учителя братской школы „шляхтича учтиваго“ пана Мартына Войславскаго, избитаго латино-уніатскими педагогами, когда онъ къ нимъ пришелъ. Для нашей цѣли интересенъ поводъ, побудившій Войславскаго—*педагога братской православной школы*—пойти къ педагогамъ латино-уніатскимъ: послѣдніе просили его къ себѣ, *„хотячи ему библію латинскую и діалектику продати“*. Въ упомянутомъ реэстрѣ книгъ львовскаго братства помѣщена *„діалектика Мѣнанъ и реторика“*. Къ этому нелишне прибавитъ, что Іоаннъ Вишенскій не возставалъ бы такъ ожесточенно противъ преподаванія въ тоговременныхъ южно-русскихъ школахъ діалектики, если бы она преподавалась по Дамаскину, и не называлъ бы ее наукою „зъ бѣлаго черное, а съ чернаго бѣлое претворяти учащею“.—Вообще мы думаемъ, что хотя обученіе въ южно-русскихъ братскихъ школахъ до-могилянскаго періода и характеризуется (и справедливо) преобладаніемъ въ нихъ элемента греческаго (точнѣе нужно сказать—славяно-греческаго), но въ это уже время въ школьномъ преподаваніи замѣтны сильные слѣды вліянія и *латино-польскаго*. Это неизбѣжно должно было случиться (особенно къ концу разсматриваемаго періода) уже потому, что большинство наставниковъ въ сихъ школахъ сами доканчивали свое образованіе въ коллегіяхъ латино-польскихъ.—Обращаемся въ частности къ Кіево-

---

[1]) *Педагогія древ. братскихъ школъ. М. Линчевскаго.* (Труды Кіев. дух. Академіи 1870 г. сент. 132—133).

[2]) „А такъ нынѣ тому учатся, до болшихъ приступаючи, къ діалектице и реторице, *которые науки по словенску переведенные, русскимъ языкомъ списано діалектику и реторику* и проч.

богоявленской братской школѣ. Хотя свѣдѣній о риторическихъ учебниковъ, принятыхъ въ этой школѣ, до нашего времени и не дошло,—но сохранились три риторическія произведенія, вышедшія изъ подъ пера ея ректора—Кассіана Саковича. Это—помѣщенныя нами въ приложеніяхъ *Вирши на смерть гетмана Сагайдачнаго* и двѣ *панегирическія рѣчи* для произнесенія ихъ при погребеніи какого либо „заѣнаго человѣка". Принадлежа профессору реторики, указанныя произведенія представляютъ собою *примѣрные образцы высокой пробы* и очевидно совмѣщаютъ въ себѣ maximum тѣхъ достоинствъ при риторическихъ упражненіяхъ, приближеніе къ которымъ было желательно и *требовалось* отъ обучавшихся этой наукѣ.—Но, разумѣется, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что означенныя произведенія составлены подъ сильнымъ вліяніемъ реторикъ, господствовавшихъ въ латино-польскихъ коллегіяхъ (въ которыхъ Саковичъ—какъ увидимъ—и обучался) и представляютъ довольно вѣрное отображеніе подобныхъ же произведеній, выходившихъ изъ сихъ коллегій. Та витіеватость, тѣ риторическія фигуры, стремленіе блеснуть отрывочными свѣдѣніями изъ миѳологіи, римскихъ и греческихъ древностей, географіи, исторіи,—вообще блестки, ложной эрудиціи, а отчасти похлебство и ласкательность, щекотавшія человѣческую суетность,—все это,—хотя можетъ быть и не въ столь грандіозныхъ размѣрахъ, какъ въ произведеніяхъ латино-польскихъ (особенно іезуитскихъ) писателей, — замѣчается и въ *Виршахъ* Саковича (только талантливость автора при теплотѣ чувства, до извѣстной степени, сглаживаетъ означенные недостатки тоговременной реторики).—Латино-польское вліяніе не въ меньшей мѣрѣ замѣчается и въ *образновыхъ* рѣчахъ Саковича. Тѣ хорошо извѣстные пріемы схоластической латино-польской науки, укоренившіеся въ южно-русскихъ панегирическихъ произведеніяхъ послѣдующаго времени и всецѣло перешедшія и въ церковное проповѣдничество (см. *Ключъ разумѣнія*, Іоаникія Голятовскаго,—въ особенности приложенную къ нему *науку короткую, албо способъ зложеня казаня*),—пустили довольно крѣпкіе ростки въ Кіево-братской школѣ уже и за разсматриваемый нами періодъ. Въ рѣчахъ Саковича на первомъ планѣ поставляется готовая схоластическая форма съ голословнымъ и общимъ для нея содержаніемъ.—Для примѣра укажемъ хотя-бы на слѣдующее мѣсто въ первой изъ его рѣчей, служившихъ образомъ, какъ должно восхвалять по-

чившую зацную особу: „о зацности зась уроженя его, и фамиліи ихъ Мил. п. непотреба В. М. припоминать (абымъ ся незадалъ солнцу свѣтлости придавать) вѣдома бо вѣмъ есть В. ММ. зацность и старожитность дому ихъ Мил. П: Имя рекъ, не только въ томъ краю и повѣтѣ, але и по иншихъ краяхъ, ажъ тыжъ и въ чужихъ земляхъ. Кройники свѣдчатъ якіе рицерѣ съ той фамиліи выходили, свѣдчатъ и дѣлности и мужества: венцъ безпечне речи ся можетъ, же тая фамилія выводитъ мужовъ высокихъ становъ и достоинствъ годныхъ. Не вспоминаю тутъ для короткости часу, якіи менэства въ справахъ рицерскихъ въ томъ нашомъ змерломъ мужу найдовалися, которыхъ онъ (тамъ а тамъ) доказалъ, же праве пасованого рыцара славу относилъ. Свѣдками того живыми и очевистыми суть раны, близны, и пострѣлы его, которыи онъ зъ одваженьемъ здоровя, боронячи милои Ойчизны подыймовалъ: прото слушне смерть таковыхъ оплакивати маемъ, албо рачей насъ самыхъ, же такихъ людей утрачаемъ, которыи церкви Божей, ойчизнѣ нашей, и вшисткимъ пожитечны были“..... и проч. [1]).

Сказанное о реторикѣ, очевидно, вполнѣ приложимо и къ *діалектикѣ*, преподаваніе которой, можно думать, возлагалось на одного и тогоже наставника. Что касается до *философіи*, то отдѣльнаго класса для нея въ Кіево-братской школѣ не было (какъ его не было и въ другихъ братскихъ школахъ того времени). Вообще, преподаваніе философіи въ древнихъ братскихъ школахъ стояло не на высокой степени, ограничиваясь выборкою нѣкоторыхъ философскихъ отрывковъ, переводимыхъ на славянскій языкъ (см. *уставъ луцкой школы*).—Не на высокой степени стояло и *Богословіе*, понимаемое въ смыслѣ *науки*. Хотя главная задача школьнаго ученія состояла въ томъ, чтобы вкоренить въ умы воспитанниковъ твердое знаніе истинъ православной вѣры, обоснованныхъ на св. Писаніи, постановленіяхъ вселенскихъ соборовъ и свято-отеческихъ

[1]) На профессора реторики, очевидно, возлагалось и преподаваніе *Гомилетики*, которая входила въ означенную науку, какъ одна изъ существенныхъ ея частей. Вообще на лучшую постановку проповѣдничества въ то время обращено было *серьезное* вниманіе,—что опять-таки стояло въ ближайшей связи съ потребностями времени: вызвано было, съ одной стороны, противодѣйствіемъ иновѣрной пропагандѣ, а съ другой—желаніемъ придать православному богослуженію бо́льшую торжественность. При монастыряхъ и братствахъ установлена была особая должность *іерокириковъ* (проповѣдниковъ). При братствахъ обязанности проповѣдничества, въ большинствѣ случаевъ возлагались на учителей (*Кириллъ Трапезвилліонъ, Стефанъ Зизаній,*—въ кіевск. братствѣ—*Кассіанъ Саковичъ,*—какъ самъ онъ говоритъ объ этомъ въ своихъ замѣткахъ на *Лѣвосѣ*.

писаніяхъ, и дать чрезъ то надежную опору для борьбы съ иновѣріемъ; но цѣли этой южно-русскія школы въ начальный періодъ своего существованія достигали чрезъ непосредственное ознакомленіе съ источниками христіанскаго вѣроученія, кратко изъясняемыми и толкуемыми примѣнительно къ духу православія. Научной же богословской системы въ школахъ еще не имѣлось. Заимствовать ее „изъ чуждаго источника и примѣнять къ потребностямъ обученія въ духѣ православія—какъ это сдѣлано впослѣдствіи—южно-руссы не рѣшались. Составленіе же собственной системы естественно замедлялось вслѣдствіе молодости самой науки въ Россіи. Притомъ это дѣло требовало большой осмотрительности. Возбужденная борьбою съ католическою и протестантскою пропагандою богословская мысль въ юго-зап. Руси не успѣла еще получить окончательной опредѣленности и устойчивости въ духѣ строго-православномъ. Южно-русскіе богословы иногда высказывали мнѣнія, не вполнѣ согласныя съ ученіемъ православной церкви, и не всегда были согласны между собою (*Зизаній* отвергалъ частный судъ, *Ортологъ* его признавалъ). *Катихизисъ* Зизанія непосредственно послѣ своего изданія подвергся жестокимъ нападкамъ со стороны латино-уніатской партіи. Разумѣется, это дѣлаетъ ему только честь; но едва-ли всѣ мнѣнія, высказанныя въ немъ, были строго-православными,—какъ это можно заключать даже по дошедшимъ до насъ извлеченіямъ изъ означеной брошюры [1]).—Впрочемъ, отсутствіе научной богословской системы въ южно-русскихъ школахъ до извѣстной степени восполнялось религіозно-полемическими сочиненіями, въ значительномъ количествѣ выходившими изъ подъ пера ревнителей православія, гдѣ спорные пункты между церквами православною и иновѣрными излагались съ большею обстоятельностію [2]).

Математическія и *историческія* науки, преподаваніе коихъ не высоко стояло и въ послѣдующее время,—безъ сомнѣнія, еще ниже стояли въ древнихъ братскихъ школахъ. Полагаемъ, что обученіе первыхъ ограничивалось элементарными правилами и краткою пасхаліею. Правда въ Евхаристиріонѣ (1632 г.) въ числѣ наукъ, изу-

[1]) См. подробнѣе наши *Библіограф. замѣчанія о старопеч. церковно-славянскихъ книгахъ.* (Труды К. Д. А. 1876 г. № 1).

[2]) Ознакомленіе воспитанниковъ южно-русскихъ школъ съ полемическими сочиненіями не подлежитъ сомнѣнію. Объ этомъ иногда заботились сами ихъ авторы. (См. *прилож.* къ соч. *Кіев. митр. Петръ Могила* и проч. № XVIII).

чаемыхъ въ лаврской могилянской школѣ, указываются: „*Геометрія*, которая учитъ землѣ размѣреня“ и „*Астрономія*“, сообщающая свѣдѣнія „о бѣгахъ небесныхъ“; но, имѣя въ виду сообщаемыя воспитанниками южно-русскихъ щколъ даже позднѣйшаго времени свѣдѣнія, почерпнутыя изъ математическихъ наукъ (см. *Ключъ Разумѣнія І. Голятовскаго*), смѣло можно утверждать, что руководства по означеннымъ наукамъ представляли въ то время, въ большинствѣ случаевъ, ходячіе выдумки и басни астрономическіе (напр. перечисленіе дней мѣсяца съ различными предостереженіями).—О преподаваніи *историческихъ* наукъ вовсе не упоминается въ школьныхъ уставахъ; безъ сомнѣнія, историческіе факты сообщались самые отрывочные и служили прикладными знаніями къ другимъ предметамъ (напр., реторики, чтобы при случаѣ блеснуть ерудиціею).

Можно думать, что значительно выше стояло въ южно-русскихъ школахъ того времени обученіе *пѣнію*,—каковое обстоятельство должно поставлять въ связи съ наиболѣе насущными потребностями, предъявляемыми самою жизнію. Въ южной Руси (какъ и сѣверо-восточной) было въ употребленіи крайне неблагозвучное, такъ называемое, хомовое пѣніе. Между тѣмъ здѣсь, рядомъ съ православными храмами, стояли костелы католическіе, въ которыхъ—въ особенности съ водворенія въ польско-литовскихъ областяхъ іезуитовъ—на благолѣпіе и торжественность обстановки при богослуженіи обращаемо было преимущественное вниманіе. Естественно, что пропагандисты католицизма не упускали случаевъ дѣлать невыгодное для православныхъ сравненіе между ихъ богослужебными порядками и своими. Отсюда—вполнѣ понятныя заботы ревнителей православія снять укоризну съ своей церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранить поводъ къ учащавшимся посѣщеніямъ православными католическаго богослуженія [1]). Реформа въ пѣніи, надо полагать, совершалась подъ вліяніемъ латино-польскихъ образцовъ, на что есть и положительныя указанія, хотя и принадлежащія противному лагерю. Такъ напр., Мелетій Смотрицкій, по переходѣ своемъ въ унію, защищая послѣднюю, писалъ по адресу православныхъ: „Говорите, о проклятая унія! А давно ли говорили: о проклятая проповѣдь, о проклятое *искусное пѣніе!* Од-

[1]) См. любопытную выдержку изъ тоговременной рукописи, имѣющую отношеніе и къ данному вопросу, въ нашемъ сочиненіи—*Кіев. митр. Петръ Могила и его сподвижники*. т. I, стр. 214—215, прим. 110.

накоже теперь, *когда все это переняли, то считаете добромъ* [1]).— Заботы объ улучшеніи пѣнія и обученіи ему въ южно-русскихъ школахъ должно отнести еще къ самому начальному періоду ихъ существованія. Когда въ 1591 году прибылъ во Львовъ митрополитъ Михаилъ Рогоза, то братство привѣтствовало его въ церкви и въ своей школѣ стихами (на греческомъ и славянскомъ языкахъ), которые *пѣлись отроками* (учениками), *раздѣленными на три лика* [2]). Что касается до Кіева и въ частности Кіево-братской школы, то о лучшей постановкѣ здѣсь пѣнія много заботился ея ректоръ, а впослѣдствіи митрополитъ кіев. Іовъ Борецкій. Кассіанъ Саковичъ въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ [3]) говоритъ, что въ южно-русскихъ православныхъ церквахъ, подобно тому какъ въ Московіи, служба отправляется безъ надлежащаго вниманія, спѣшно,—а самое пѣніе—не благозвучное, съ искаженіемъ текста славянскаго; такъ напр., вмѣсто *о рѣктихъ мнѣ*, поется: *о рекоше ихо мени*,—вмѣсто *Христосъ Богъ нашъ=Христосо Бого наше*, и проч. Но при этомъ собственно о кіевскомъ пѣніи замѣчаетъ, что объ улучшеніи его много заботился *Іовъ Борецкій*,—хотя будто бы его старанія и не увѣнчаны были полнымъ успѣхомъ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о *порядкахъ школьныхъ*, а также о постановкѣ въ школѣ *воспитательно-дисциплинарной* части, дошли и до нашего времени, хотя тоже не въ изобиліи. Свѣдѣнія эти касаются отдачи дѣтей *въ науку*, ихъ поведенія въ школѣ и внѣ ея, *дисциплинарныхъ взысканій* и наконецъ требованій, предъявлявшихся относительно *благоповеденія* самихъ наставниковъ, имѣвшихъ служить образцемъ для своихъ питомцевъ.

Такъ какъ учебный годъ въ то время, какъ и теперь начинался

---

[1]) Exethesis, albo expostulatio to iest rozprawa między Apologią y Antidotem (изд. 1629 г. во Львовѣ).

[2]) *Просфоника Преосвященному архіеп. Кгръ Михаилу Мишрополиту Кіевскому*—и проч. Львовъ, 1591 г.—Означенный панегерикъ (въ славянскомъ текстѣ) изданъ нами въ *Кіев. Епарх. Вѣд.* 1874 г.

[3]) Замѣтки эти сдѣланы на Λιθος'ѣ (1644 г.), направленномъ противъ *Perspektiwy* Саковича (1642 г.). Они представляютъ весьма важный матеріалъ для характеристики южно-русской обрядности того времени; изрѣдка встрѣчаются въ нихъ и историческія указанія. Экземпляръ Λιθοσ съ означенными замѣтками (ими испещрены всѣ поля книги) находится въ библіотекѣ Варшавскаго Университета. Со временемъ мы надѣемся помѣстить ихъ въ полномъ видѣ въ приложеніяхъ ко II тому своего сочиненія о *Кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ*.

съ осени, именно съ сентября мѣсяца [1])—то къ означенному времени преимущественно и былъ пріуроченъ пріемъ учениковъ въ школу. Но относительно этого строгихъ правилъ не существовало: принимались дѣти и въ срединѣ учебнаго года [2]). Доступъ въ школу открытъ былъ для всѣхъ сословій, какъ для лицъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ [3]).—Прежде отдачи сына для обученія родители должны были присмотрѣться къ школьному порядку, дабы впослѣдствіи не раскаяваться и прежде времени не отрывать ученика отъ науки. Самое поступленіе въ школу обставлено было такою формальностію: отдающій въ науку сына или родственника долженъ взять съ собою одного или двухъ свидѣтелей—„да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ“—и войти съ учителемъ въ соглашеніе относительно обученія мальчика согласно со школьными порядками. Здѣсь же условливались о платѣ за обученіе, послѣ чего ученикъ заносился въ школьный списокъ (реэстръ [4]). Что касается до платы, то она въ разныхъ школахъ, да и въ одной и той же, въ разныя времена, была не одинакова. Притомъ, при опредѣленной нормѣ, установлявшейся въ извѣстное время (рукоп. протоколы засѣданій Львов. братства), были отъ нея уклоненія, что́, очевидно, зависѣло отъ бо́льшей или меньшей состоятельности родиделей или родственниковъ ученика [5]). Въ школьномъ реэстрѣ Львовскаго братства за 1587 годъ читаемъ:—„Карпо далъ сына своего Стецка до школы русское на науку грошей (заплатилъ) 16“. „Попъ Иванъ Болбеха далъ сына своего Иванца до школы русское на науку... грошей 12. „Панъ Иванъ Красовскій отдалъ хлопцовъ два.... своихъ Романа и Андрея, отъ одного 12 грошій, а другій шесть грошій“. „Варвара Грицковская отдала презъ пана Леска сына своего Ѳедька, грош. 6“ и т. п.—Кромѣ денежныхъ взносовъ

---

[1]) Акт. Львов. Ставр. Архив. fasc 418.—Срав. *Прилож.* № XI.—*Кіев. митроп Петръ Могила и его сподвижники,* т. 1, прилож. № LXXXIX.—Учебный годъ раздѣлялся на кварталы, т. е. на четыре части (первый Луцкій уставъ пун. 1).

[2]) Школьный реэстръ львовской братской школы (рукоп. Архив. Львов. Ставр. Института, facs. 47).

[3]) Ibid.—См. подписи студеевъ Кіево-братской школы подъ *Виршами* Саковича *Прилож.* № VI).

[4]) Уставы школъ Львовской и Луцкой.

[5]) Безъ сомнѣнія, имѣлось при опредѣленіи количества взноса и то, въ какой классъ включаемы были ученики.

были приношенія за обученіе и натурою. Въ томъ же школьномъ реэстрѣ львовскаго братства читаемъ: „Я Иванъ Богатырь Крамаръ отдаю сына своего Михаила Стефану даскалу рускому на науку славенскаго писма, и маю платити на кварталъ 12 грошей полскихъ и возъ дровъ на зиму“ „Попъ Стефанъ самъ презъ себе далъ хлопца Арсенія... 12 грошій и возъ дровъ“, (въ нѣкоторыхъ записяхъ послѣ денежнаго взноса прибавка: „и што ласка его“).—Съ воспитанниковъ бѣдныхъ плата вовсе не взималась: „Маруша Стецковская *вдова* отдала сыновъ своихъ презъ попа Лекса сиротъ двоихъ: Іакова и Григорія (на мѣстѣ, гдѣ заносилась плата обозначено—*сироты*). Въ реэстрѣ того братства за 1588 читаемъ: „Катерина вдова дала сына ея Юлка“ (на мѣстѣ платы: *нищій* [1])... Мало того, безпощные бѣдняки и содержались на счетъ школы, находя въ ней для себя кровъ, пищу и одежду.

Ученики должны были приходить въ школу и выходить изъ нея въ опредѣленное время[2]). Передъ началомъ ученія читались положенныя молитвы. Каждое утро учитель дѣлалъ перекличку учениковъ и если замѣчалъ, что кого либо нѣтъ, посылалъ узнать о причинѣ его не прихода въ школу (не заигрался-ли гдѣ, не лѣнится-ли, не проспалъ-ли, и т. п.). Посланные должны были обо всемъ этомъ разузнать и виновнаго привести къ учителю. Сидѣли ученики въ школѣ соотвѣтственно успѣхамъ: лучшіе занимали первыя мѣста, худшіе—послѣднія. „Богатые предъ убогими—говорилось въ школьныхъ уставахъ—ни чѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою. Ибо всѣ мы братія о Христѣ; всѣ мы члены одной главы Христа, и ни одинъ членъ, напр. глазъ рукѣ и рука ногѣ не можетъ сказать: ты мнѣ не нужна“. Учителю тоже вмѣнялось въ обязанность не дѣлать никакого различія между богатыми и бѣдными.

Всѣ ученики, поочереди и понедѣльно, должны были исполнять слѣдующія обязанности: ранѣе другихъ придти въ школу, подмести ее, затопить зимою печку, и потомъ сидѣть у дверей, наблюдая обо всѣхъ, кто выходитъ и входитъ. Они должны были записывать и доносить о тѣхъ, которые бы не учились, шалили, стояли

---

[1]) *Рукоп. Львов. Ставроп. Институт. fasc. № 47.*

[2]) Въ лѣтніе мѣсяцы ранѣе, въ зимніе позже.

енблагопристойно въ церкви, вели себя неприлично по пути изъ школы и т. п.—Въ классахъ послѣ молитвы учителемъ спрашивались заданные съ вечера уроки, а потомъ уже шло дальнѣйшее обученіе. Послѣ обѣда мальчики, каждый для себя должны были списывать на таблицѣ свои уроки, заданные имъ отъ учителя; исключая малолѣтнихъ, которымъ учитель самъ обязанъ былъ писать. А выучивъ въ школѣ трудныя слова, должны другъ друга спрашивать, отходя домой, или собираясь въ школу. А вечеромъ пришедши изъ школы домой, дѣти передъ родственниками, а посторонніе всякаго сословія ученики, живущіе на квартирахъ, передъ своимъ хозяиномъ, должны прочитать тотъ урокъ, который въ школѣ учили, съ объясненіемъ его, какъ то бываетъ въ школѣ. А что учили въ тотъ день, должны списать вечеромъ на дому, и принесть въ школу по утру, и показать своему учителю, дабы всякій плодъ ученія былъ извѣстенъ: отъ плода бо древо познано будетъ".—По субботамъ дѣлалась провѣрка всего пройденнаго въ теченіе недѣли. Въ это же время производилась расплата за лѣность нерадивыхъ учениковъ, которымъ приходилось *„и памятнаго по чаши школьной испити"*. Вообще надо полагать, что къ тѣлесному наказанію въ южно-русскихъ школахъ разсматриваемаго времени прибѣгали нерѣдко. На заглавномъ листѣ Виленской *грамматики* (точнѣе азбуки) 1621 г. находится литографированное изображеніе, гдѣ представлена внутренноссь школы: столъ, засѣдающіе около него учителя и передъ ними ученикъ въ положеніи *піющаго памятную чашу школьную*. Самые азбуковники, представляющіе изъ себя—какъ мы замѣтили—родъ дѣтскихъ энциклопедій, въ значительной степени наполнены изреченіями, разсчитанными на то, чтобы вкоренить въ умахъ питомцевъ и ихъ родителей пользу, проистекающую отъ тѣлеснаго наказанія. Въ той же грамматикѣ 1621 г. находимъ, напр., слѣдующія изрѣченія: „Не отъимай отъ дѣтища твоего казни; безуміе бо есть привязано въ сердци отрочати, жезломъ изженіши его". „Дѣтищу, иже даютъ волю его, напослѣдокъ посрамотитъ матерь свою, аще-ли накажеши его жезломъ, не умретъ отъ того. Ты бо жезломъ біеши его, душу же его отъ ада избавиши. Аще ты въ юности накажеши его, и онъ успокоитъ тебя на старость твою". „Иже щадитъ жезлъ свой, ненавидитъ сына своего, а любяй и, прележно наказуетъ"... и проч. Таже самая мысль про-

водится и въ сочиненіи *О воспитаніи чадъ*, изд, въ 1609 г. во Львовѣ [1]).

По субботамъ же учителямъ вмѣнялось въ обязанность „немалое время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ

---

[1]) Полное заглавіе: *Иже въ Святыхъ Отца нашего Іоанна Златоустаго. Бесѣда избранная о въспитаніи чадъ. Въ Львовѣ. Въ друкарни братской. Лѣта отъ Рождества Христова 1609. Индиктіона 7, Іуніа 29.* — Брошюрка эта, о потерѣ которой жалѣли изслѣдователи, находится въ библіотекѣ греко-уніатской консисторіи во Львовѣ. Но надежды, возлагавшіяся на нее, какъ важный памятникъ для характеристики педагогіи древнихъ южно-русскихъ школъ, не оправдываются. Вся она состоитъ изъ перевода означенной въ ней бесѣды Іоанна Златоустаго, изреченій Василія Великаго и Ливанія Софиста, почти безъ всякихъ примѣненій ихъ къ жизни современной. Сравнительно болѣе интересно предисловіе къ брошюрѣ, изложенное стихами. Приведемъ изъ него небольшую выдержку, имѣющую нѣкоторое отношеніе къ предмету нашихъ изслѣдованій. Сказавши, что переводъ бесѣды Златоустаго, предпринятъ авторомъ вслѣдствіе заботливости „о цнотливомъ васъ (учениковъ) въ молодости выхованю, и пилномъ о дѣточкахъ отцевскомъ стараню“— авторъ продолжаетъ:

Якобы от Бога не подняли караня:
Давши сынумъ, зразу доброе выхованя.
Звлаща надъ все, тое хотячи уважати:
Жебы васъ заразъ въ науку заправовати.
С котрои якъ зъ жродла все доброе походитъ:
И презъ ню чловѣкъ, чловекомъ ся находитъ.
Котрую такъ наддеръ, святые поважаютъ:
Же злотым уроженямъ еи называютъ.
Тои то родзай, нѣкгды нехай ся не зводитъ:
Але ся завше, въ народѣ людскомъ находитъ.
О котруй, цный народъ Русскій занедбаваетъ:
И за подлѣйшую речъ собѣ покладаетъ.
Зачимъ въсякій нерядъ, и все злое походитъ:
И до погорженя, цный тотъ народъ приходитъ.
Же для простоты, много ся ихъ ругаютъ:
И не наукою очи замыдляваютъ.
Прето тыжъ, за барзо слушную ся намъ здало:
Абы се о васъ до отцувъ вашихъ подало.
Якобы преднѣйшимъ тымъ добрымъ не възгоржали:
И въпродъ въсего, о науце ся вамъ старали.
Сконтъ имъ же самымъ, от васъ, зъ лѣпшимъ венцъ бываетъ,
Же кождый сынъ, зъ науки отца поважаетъ.
До котрои ся вы тылко, о дѣти мѣйте:
И що ест вамъ съ пожитком сами разумѣйте.
На Златоустаго радѣ, полѣгаючи
И его злотымъ словамъ, цѣло уфаючи.... и проч.

дѣтьми, поучая ихъ страху Божію и строгой нравственности", т. е. какъ они должны вести себя въ церкви, дома, предъ родителями, старшими, учителями. Именно, имъ внушалось неопустительно въ воскресные и праздничные дни посѣщать богослуженіе, стоять тамъ со страхомъ Божіимъ, со всевозможною тишиною, внимательно слушать все читаемое и поемое; исполнять христіанскій долгъ исповѣди и св. причастія (четыре раза въ году); къ мѣстамъ, посвященнымъ Богу, какъ то: монастырямъ, церквамъ, училищамъ питать почтеніе (снимать шапки). Внушалось родителямъ и учителямъ оказывать послушаніе и покорность; старшимъ уваженіе (кланяться, снимать шапки), дурныхъ товариществъ не заводить, еретическихъ книгъ не читать, и т. п.

Такъ какъ главный надзоръ за религіозно-нравственною жизнію воспитанниковъ ввѣрялся попеченію наставниковъ, то братства прилагали сильное стараніе о возможно лучшемъ подборѣ послѣднихъ. Учитель долженъ быть „благочестивъ, смиреномудренъ, кротокъ, воздержень не пьяница, не блудникъ, не лихоимецъ, не сквернословъ, не гордый, не баснословитель, не пособникъ ересей; но споспѣшникъ благочестія, во всемъ представляющій собою образецъ благихъ дѣлъ".— Иногда нѣкоторыя братства для преподаванія латинскихъ наукъ, не имѣя въ наличности своихъ православныхъ наставниковъ, приглашали и иностранцевъ (нѣмцевъ—Виленское братство). Но это—какъ мы видѣли—дѣлаемо было въ видѣ исключенія, по крайней необходимости. За преподаваніемъ такихъ учителей былъ особенный надзоръ. Впрочемъ подъ надзоромъ братства были и всѣ остальные дидаскалы, для каковой цѣли братчики на общихъ собраніяхъ избирали изъ среды себя довѣренныхъ лицъ [1]).

Но особенно большія старанія прилагали братства при выборѣ въ своихъ школахъ главныхъ для нея начальниковъ—ректоровъ, дававшихъ тонъ и направленіе всему школьному преподаванію. Поэтому уже одно знакомство съ этими лицами можетъ до извѣстной степени служить основаніемъ для сужденій о той или другой постановкѣ школьнаго обученія въ находившихся подъ ихъ вѣдѣніемъ учебныхъ заведеній.

---

[1]) Школьные уставы Луцкій и Львовскій. Лѣтопись Львовскаго братства Зубрицкаго.

Мы имѣемъ возможность указать почти на всѣхъ ректоровъ Кіево-братской школы разсматриваемаго времени. Именно, ректорскую должность занимали здѣсь въ періодъ отъ 1615 по 1631 г. слѣдующія лица:

Іовъ Борецкій. (1615—1619) Іовъ Борецкій, въ мірѣ носившій имя Іоанна Матвеевича, былъ родомъ изъ Галиціи, — изъ мѣстечка *Борсчи*, откуда очевидно происходитъ и самая фамилія Борецкихъ [1]). Гдѣ получилъ образованіе Борецкій—свѣдѣній не сохранилось, но имѣя въ виду его ученую дѣятельность и довольно либеральные по тому времени взгляды на западно-европейскую науку, безошибочно можно думать, что онъ слушалъ лекціи въ коллегіяхъ заграничныхъ [2]). При своемъ глубокомъ знаніи древнихъ языковъ, Іоаннъ Борецкій былъ знатокомъ свято-отеческихъ твореній: „учитель сый благочестія и достовѣренъ *въ Божественныхъ писаніяхъ*“—какъ говорится о немъ въ предисловіи *къ Аѳологіону* (изд. 1619 г. Кіев.), большею частію имъ не только переведенному съ греческаго языка на славянскій, но и *исправленному и истолкованному*. Служеніе Іова Борецкаго братскимъ школамъ восходитъ къ началу XVI столѣтія. Въ 1604 году онъ упоминается въ бумагахъ львовскаго братства, какъ *ректоръ* его школы, преподававшій здѣсь *латинскій языкъ*. Въ это время онъ былъ уже женатъ [3]). Но въ слѣдующемъ году Борецкій оставилъ львовскую школу (можетъ быть вслѣдствіе недоразумѣній съ братчиками по поводу вознагражденія [4]), и, кажется, жилъ нѣкоторое время у князя К. К. Острожскаго [5]). Когда переселился онъ въ Кіевъ съ точностію неизвѣстно. Въ актахъ того времени упоминается попъ Иванъ Воскресенскій еще въ

---

[1]) Мнѣніе, что Іовъ Борецкій былъ родомъ изъ Черниговской губерніи (*Арх. Юго-Зап. Рос.* ч. 1, т. V предис. стр. 27), *невѣрно*.—Прямое указаніе на мѣсто родины Борецкаго находится въ одной изъ его грамотъ, помѣщенныхъ въ прилож. къ нашему сочиненію—*Кіевскій митроп. Петръ Могила и его сподвижники* (№ LXVII).

[2]) Въ четверостишіи, помѣщенномъ въ изданной 1605 г. въ Дерманѣ брошюрѣ, (*Листъ* Мелетія патріарха) Борецкій называется—Апольлови коханымъ и въ Парнаси на лонѣ музъ выхованымъ.

[3]) Жена его была *Никофора Ѳеодоровна Чеховичевна*. Такъ она называется въ помянникѣ Кіево-михайловскаго монастыря (стр. 67).

[4]) Основаніе для этого предположенія даетъ напечатанный нами въ прилож. къ сочиненію—*Кіев. митр. Петръ Могила*—документъ, № XXVIII.

[5]) Принималъ участіе въ переводѣ грамотъ Мелетія патріарха.

1611 году [1]); но на основаніи одноименности дѣлать заключеніе, что это былъ именно нашъ Борецкій, рискованно. Отъ начала 1615 г. имѣются уже, хотя косвенныя, но вѣскія доказательства о пребываніи въ Кіевѣ Борецкаго [2]), кажется вызваннаго сюда Елисеемъ Плетенецкимъ, заботившимся о привлеченіи въ Лавру ученыхъ мужей [3]), (Борецкій, какъ человѣкъ женатый, не могъ жить въ монастырѣ, поэтому ему данъ приходъ). Первое свидѣтельство о ректорствѣ Борецкаго въ Кіево-братской школѣ относится къ 1617 г.; но имѣемъ полное основаніе думать, что оно началось съ 1615 г.,—т. е. со времени возникновенія Кіевскаго братства и школы при немъ и продолжалось или до 1619 (до времени поступленія Борецкаго на Кіево-Михайловское игуменство) или даже до 1620 г. [4]).—Дѣятельность Борецкаго и его значеніе въ исторіи западно-русской церкви, какъ ревностнаго борца за православіе, хорошо извѣстны и не нуждаются въ разъясненіи. Замѣтимъ только, что Борецкій и по вступленіи на митрополію не прекращалъ тѣсныхъ связей съ Кіево-братскою школою, оставаясь ея защитникомъ и покровителемъ до самой своей кончины,—(† 2 марта 1631 г.), и заслуживши отъ ея спудеевъ названіе *милостивца и мецената* (надгроб. надпись).

Кассіанъ Саковичъ. (1620—1624). Для опредѣленія времени ректорства Саковича въ Кіево-братской школѣ имѣются слѣдующія данныя: отъ 1622 года извѣстны его *Вирши* на жалостный погребъ Сагайдачнаго; о пребываніи своемъ въ Кіево-братскомъ монастырѣ въ концѣ 1623 дода или началѣ слѣдующаго онъ говоритъ самъ, упоминая мимоходомъ о пріѣздѣ въ это время въ Кіевъ Мелетія Смотрицкаго, съ которымъ онъ имѣлъ въ братскомъ монастырѣ сви-

---

[1]) Арх. Греко-ун. митроп. № 3155 (выпись съ книгъ воевод. Кіев. отъ 1611 г.).

[2]) Въ помянникѣ Кіево-мих. монастыря читаемъ: „Ѳеодоры, дщери Іоанна Борецкаго. яже преставися *въ лѣто 1615 марта 25 въ субботу, маючи недѣль 19 отъ рождества своего, на четвертокъ день рожденія*“. Такая *точность даты* ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что фактъ кончины занесенъ въ помянникъ непосредственно или очень скоро послѣ нея.

[3]) Слѣдуетъ имѣть въ виду постоянные труды Борецкаго (особенно на первыхъ порахъ) по изданію Лаврою богослужебныхъ книгъ.

[4]) Жена Борецкаго тоже постриглась. Свѣдѣнія о дѣтяхъ Борецкаго, см. *Матеріалы для Исторіи возсоединенія Руси, Кулиша.* т. I. № XXI... *Археол. сбор. докум., объясняющ. исторію Съв.-Запад. Руси* VII. 87. Прилож. къ сочиненію—*Кіев. митр. Петръ Могила*, № LXXI.

даніе [1]); наконецъ въ указанныхъ нами рукописныхъ замѣткахъ Саковича на *Лиѳосъ* находится слѣдующее, тоже мимоходомъ брошенное, но чрезвычайно важное для насъ свѣденіе (на стр. 27): *Pomnię, gdy był Rektorem szkoł waszych Kiiowskich przez lat 4*, widział... и проч. (идетъ рѣчь о приготовленіи мура въ кіево-печерской лаврѣ). Такъ какъ въ первой половинѣ 1624 года Саковичъ уже оставилъ Кіевъ и переселился, по просьбѣ извѣстнаго ревнителя православія Лаврентія Древинскаго, въ Люблинъ,—то, слѣдовательно, начало ректуры его въ Кіево-братской школѣ падаетъ на 1620—1624 годы [2]).

Кассіанъ, въ мірѣ Каллистъ, Саковичъ родился около 1578 года [3]), въ Подтеличѣ, отъ православнаго священника [4]).—Въ дѣтствѣ случилось съ нимъ несчастіе, впослѣдствіи, при нравахъ тогдашней полемики, дававшее его противникамъ пищу для насмѣшекъ надъ нимъ: по недостатку присмотра свинья отгрызла ему ухо [5]). Образованіе получилъ въ академіяхъ Замойской и Краковской [6]). Слушая лекціи въ

---

[1]) Desiderosus... 1625 (предисловіе до читателя).

[2]) Въ началѣ 1620 г. имъ издано было сочиненіе въ Краковѣ *(Problemata)*. На этомъ сочиненіи Саковичъ подписался еще свѣтскимъ именемъ *Каллиста*.

[3]) Въ предисловіи къ своему сочиненію Επανορθωσις albo Perspektiwa y obiaśnienie błędow... (изд. 1642 г., въ Краковѣ) Саковичъ говоритъ,—что онъ принялъ католичество, когда ему уже *na siodmy ktzyżyk poszło*.

[4]) Авторъ Λιθος'а (изд. 1644 г.), полемизируя съ Саковичемъ, между прочимъ, говоритъ: „ale u nas tego y niesłychać chyba *twoy ociec w Podteliszu*... tak odprawował (постриженіе волосъ при крещеніи) (стр. 170); и въ другомъ листѣ: To coś w tym paragraphie iako bezmozgli iaki naąwazdał... wszystko *to ociec twoy, który w Podteliczu popom był*.... czynił (стр. 358).

[5]) Стихи къ Саковичу въ *Лиѳосъ* заканчиваются словами:

Дай же покой Руси, если хватитъ духа,
А то, Касьянъ, лишишься ты другаго уха!

Въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ Саковичъ, отвѣчая на замѣчанія автора Лиѳоса, что ему пристойнѣе разсуждать о свиньяхъ, съѣвшихъ у него ухо, чѣмъ установлять новые обряды и таинства,—говоритъ слѣдующее: Wiedz lichowierny Mohłio, że choć byś ty y po trzy, albo y po 4 miał oczy y po dwa nosy, ale niemasz głowy, wszak się powiadasz gdzie moie ucho. Iest wiele ludzi godnych y zacnych tak switckich iako y duchownych, ktorzy albo w chorobie, albo przypadkiem lakim, członka iakiego, oka albo palca y nosa y ucha..... a to ich dobrey sławie nieszkodzi, choć ciału szpetność nanosi, y dowiesz się iż ia ieszcze w pieluszkach w kolebce wpoł roku przez wyroki... od wieprza z kolebki liszony iestem ucha, w czym żadney moiey winy nie było, alić tego komu było zlecono pilnować.

[6]) Perspektiwa.—стр. 20 и друг.

первой, былъ инспекторъ Адама Киселя, впослѣдствіи каштеляна черниговскаго [1]). Затѣмъ нѣкоторое время жилъ при дворѣ перемышльскаго уніатскаго епископа Аѳанасія Крупецкаго,—гдѣ (какъ говорили впослѣдствіи православные) велъ жизнь буйную, распутную и даже убилъ мужа, волочась за женою [2]). Означенному свидѣтельству, разумѣется, много довѣрять нельзя,—такъ какъ непосредственно послѣ этого мы видимъ Саковича уже ректоромъ Кіево-братской школы.—(Кажется, здѣсь онъ принялъ и постриженіе).

Саковичъ былъ человѣкъ весьма талантливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне легкомысленный и честолюбивый [3]),—что̀ при неустойчивости его характера, заставляло его шататься въ разныя стороны и всюду наживать себѣ враговъ. Въ 1625 году онъ, разсорившись съ люблинскимъ братствомъ, перешелъ въ унію. Но, не ужившись и здѣсь, не только перешолъ въ католицизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался рьянымъ противникомъ уніи, въ своихъ сочиненіяхъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ и язвительностію бичуя слабыя стороны уніатской церкви, іерархіи, обрядности и т. п., и дѣлая личныя нападки противъ нѣкоторыхъ изъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ [4]). Не особенно довѣряли Саковичу и католики: принимая въ свою церковь, они обязали его *подпискою* вновь не переходить въ унію. А уніатъ *Янъ Дубовичъ* (*Obraz prawosławney cerkwi Wschodney,* 1645 г.) прямо заявлялъ, что Саковичъ „уже *три раза* перемѣнялъ религію; не удивительно, что онъ перемѣнитъ ее и въ *четвертый*, а онъ кстати и по турецки въ Кіевѣ учился“.—Свою многомятежную жизнь Саковичъ окончилъ въ 1647 г. въ Краковѣ, не достигнувъ высокого іерархическаго положенія (скончался пробощемъ [5]).

---

[1]) Tak y mnie dawał pop (тѣло и кровь Христову во время причащенія) we wsi Bataliczach pod Krylowem na Wołyniu, *gdym z Zamościa przyiszdziwał na swięta z iego M. panem Adamem Kisielem teraznieyszym kasztallanem Czernihowskim do rodzicow iego mości będąc inspektorem Iego M.* (Perspektiwa, 20).

[2]) Библіографическія находки во Львовѣ Я. Ѳ. Головацкаго Спб. 1871.

[3]) Въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ Саковичъ вспоминаетъ, что Петръ Могила, будто бы говорилъ „gdybym miał pod moim peszłuszeństwem oyca Ioanna Dubowicza *y oyca Kassiana Sakowicza, tedy bym wszystkę Ruś do siebie przyciągnał.*

[4]) Наиболѣе любопытна въ этомъ отношеніи Perspektiwa Саковича.

[5]) Саковичъ написалъ и издалъ въ теченіи своей жизни довольно много сочиненій;

Мелетій Смотрицкій. 1626—1628 гг. Несомнѣнное свидѣтельство о ректорствѣ Смотрицкаго въ Кіево-братской школѣ находится въ *Exegesis'ѣ* С. Коссова [1]). Мы относимъ его къ указываемому времени по слѣдующимъ соображеніямъ. Пріурочить ректуру Смотрицкаго къ 1615—1616 г., когда еще не имѣется положительныхъ свѣдѣній о ректорствѣ въ здѣшней братской школѣ Іова Борецкаго, мы не можемъ, потому что имѣются несомнѣнныя данныя о пребываніи его въ это время (какъ *и предъидущее*) въ Вильнѣ или ея окрестностяхъ [2]). Есть извѣстіе, что въ 1618 году М. Смотрицкій посѣтилъ Волынскіе и Кіевскіе края, но поѣздка его была не продолжительна и притомъ въ это время Кіево-братская школа не имѣла уже нужды въ ректорѣ. Въ 1620—1624 г. ректоромъ былъ Саковичъ. Съ половины 1628 г. Мелетій Смотрицкій прерываетъ связи съ православіемъ и живетъ въ Дермани. Между тѣмъ, положительно извѣстно, что Смотрицкій въ 1626—1628 гг., въ теченіи *трехъ лѣтъ, жилъ* въ Кіевѣ [3]).— Правда, Мелетій былъ тогда архіепископомъ полоцкимъ; но въ разсматриваемое время обстоятельства сложились для него крайне неблагопріятно. Вслѣдствіе гоненія, воздвигнутаго на православныхъ въ Вильнѣ (по случаю убіенія Іосафата Кунцевича) онъ удалился изъ этого города и предпринялъ путешествіе на Востокъ. По его возвращеніи оттуда гоненія отъ латино-уніатовъ поутихли. Но Мелетіемъ были крайне недовольны православные,—въ особенности Виленское братство, которое кровно обижено было своимъ архіепископомъ и настоятелемъ за выхлополанныя имъ у патріарховъ грамоты, подрывавшія автономію братствъ [4]). Въ Вильно ѣхать Мелетій опасался и *остался жить въ Кіевѣ*. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ это время ему (при

всѣ они перечисляются у польскихъ библіографовъ, за исключеніемъ кажется упоминаемаго нами *Desiderosus'a*, 1625 г.

[1]) См. *Прилож.* № XII.

[2]) Vita M. Smotryscii, *Iac. Susza.* изд. 1864 стр. 16, 17 и друг.—Тоговременныя полемическія сочиненія: *Examen Obrony*, 1621 и др.

[3]) Указаніе объ этомъ находится въ одномъ почти до послѣдняго времени неизвѣстномъ сочиненіи латино-уніатскаго писателя, отрывки изъ котораго помѣщены нами въ *прилож.* къ сочиненію Кіев. митр. Петръ Могила (стр. 348—349). Здѣсь о Смотрицкомъ говорится, что онъ жилъ при Борецкомъ *cztery lata* (время нѣсколько преувеличено).

[4]) Подробдыя свѣдѣнія о всемъ этомъ см. въ нашемъ сочиненіи—*Кіев. митр. П. Могила* т. I. гл. III.

одѣйствіи его *пріятеля въ то время*—митроп. Борецкаго) и предложена была ректура въ Кіево-братской школѣ [1]). Такимъ образомъ, Мелетій Смотрицкій былъ первымъ *ректоромъ—епископомъ* въ этой школѣ,—что стало повторяться въ ней только по преобразованіи ея въ Академію, и то—за самое послѣднее время...

Мелетій Смотрицкій лице слишкомъ извѣстное въ нашей литературѣ, чтобы была надобность распространяться о немъ. Талантливый еще болѣе Саковича, блестяще образованный по тому времени, при громадной ерудиціи обладавшій замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ и искусною діалектикою,—Мелетій производилъ на современниковъ громадное впечатлѣніе: его сравнивали съ Златоустомъ. Но къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ устойчивыхъ религіозныхъ убѣжденій, былъ славолюбивъ—и покончилъ тѣмъ же, чѣмъ и Саковичъ—измѣною православію. Впрочемъ, до этой измѣны имъ многое сдѣлано въ интересахъ православной церкви; безъ сомнѣнія, не мало сдѣлано имъ полезнаго и для Кіево-братской школы, въ особенности если онъ занимался здѣсь (что очень вѣроятно) преподаваніемъ столь хорошо изученной имъ славяно-русской грамматики.

Ѳома Іевлевичъ. (1628—1631 гг.). О его ректорствѣ въ Кіево-братской школѣ впервые объявлено М. А. Максимовичемъ, нашедшемъ объ этомъ указаніе въ Межигорскихъ актахъ 1631 [2]). Помѣщаемая нами въ приложеніяхъ автобіографическая записка Игнатія Іевлевича—новый документъ объ этомъ ректорствѣ, которое—начавшись, надо полагать, съ 1628 г., продолжалось до начала 1632. Ѳома Іевлевичъ выѣхалъ изъ Кіева въ Могилевъ—по свидѣтельству его племянника, автора означенной записки—на первой недѣлѣ поста означеннаго года. Оставленіе Іевлевичемъ ректуры въ Кіево-братской школѣ безъ сомнѣнія, стоитъ въ связи съ рѣшеннымъ къ тому времени вопросомъ о соединеніи означенной школы съ лаврскою могилянскою. Свѣдѣній объ этомъ ректорѣ никакихъ не имѣется; можно только думать, что онъ былъ родомъ изъ Могилева. За время ректорства Іевлевича от-

---

[1]) Не этимъ-ли обстоятельствомъ отчасти объясняется и то раздраженіе противъ п. Ѳеофана, въ частности и Кіев. братства,—какое замѣчается въ грамотѣ п. Константинопольскаго отъ 15 декабря 1626 г.,—грамотѣ выданной по просьбѣ братствъ Львовскаго и Виленскаго (см. прилож. къ сочиненію—*Петръ Могила и его сподвижники* № XLVI.

[2]) Собраніе сочин. II. 180.

мѣченъ его племянникомъ между прочимъ слѣдующій фактъ: осенью 1630 года въ Кіевѣ было сильное повѣтріе; ученики были роспущены; самъ ректоръ до конца декабря жилъ въ помѣстьи принадлежавшемъ Кіево-Михайловскому монастырю—*Юрьевкѣ*; ученіе въ школахъ началось со 2 генваря слѣдующаго года.

Гораздо скуднѣе свѣдѣнія объ учителяхъ Кіево-братской школы разсматриваемаго времени. Они ограничиваются краткою замѣткою Игнатія Іевлевича, что во время его обученія въ означенной школѣ здѣсь магистрами были: *въ русской школѣ—уставникъ Ѳеодоръ, родомъ москаль, въ инфимѣ—Яковъ Мемлевичъ*, въ послѣдствіи бывшій переяславскимъ протопопомъ, въ *грамматикѣ—Савва Андреевичъ Могилѣвіанинъ*; въ *синтаксимѣ—Василій Борезецкій*, бывшій впослѣдствіи уважаемымъ юристомъ при Трибуналѣ Коронномъ (умеръ отъ отравы). Всѣ они были люди—*свѣтскіе, благородные* (zacni) достойные (godni).

Имена нѣкоторыхъ учениковъ Кіево-братской школы, сохранились въ Виршахъ Саковича. Именно, здѣсь указаны слѣдующіе, произносившіе стихи надъ гробомъ Сагайдачнаго студеи: 1) *Стефанъ Почаскій*, 2) *Петръ Созоновичъ Балыка*, 3) *Іоаннъ Саковичъ*, 4) *Ѳеофілактъ Іоанновичъ Бурмистровичъ* К(іевскій), 5) *Іоаннъ Тарнавскій*, протопоповичъ К(іевскій), 6) *Ѳеодоръ Скаревскій*, 7) *Леонтій Балыка* Бурмистровичъ К(іевскій) 8) *Іеремія Ставровецкій* 9) *Іоаннъ Стецкій*, 10) *Николай Отрешкевичъ*, 11) *Іоаннъ Казаринъ*, 12) *Іоаннъ Пелчицкій* 13) *Евтихій Самуиловичъ*, 14) *Матѳей Кізимовичъ*, 15) *Григорій Кондратовичъ*, 16) *Димитрій Кривковичъ*, 17) *Лукашъ Беринда*, 18) *Георгій Вороничъ*, 19) *Карпъ Михайловичъ*, 20) *Симеонъ Шулга*.

Надо думать, что въ этомъ спискѣ помѣщены имена отчасти лучшихъ воспитанниковъ школы, а отчасти дѣтей лицъ наиболѣе вліятельныхъ. Пріятно было родителямъ видѣть своего сына, выступившимъ на арену витійства при торжественной обстановкѣ, въ собраніи многочисленнаго общества,—и естественно думать, что подобное удовольствіе ректоръ школы предоставилъ тѣмъ родителямъ, отъ которыхъ онъ могъ разсчитывать на сравнительно большую матеріальную поддержку.

Къ числу питомцевъ означенной школы за разсматриваемое время слѣдуетъ также отнести *Игнатія Іевлевича*, на автобіографическую записку котораго мы не разъ ссылались.

Скудны наши свѣдѣнія о до-могилянскомъ періодѣ Кіево-братской школы даже при значительномъ восполненіи ихъ данными, собственно касающимися педагогіи другихъ тогоѵременныхъ братскихъ училищъ, но имѣющими, такъ сказать, признаки универсальности. Впрочемъ и эти свѣдѣнія достаточны, чтобы на основаніи ихъ сдѣлать общую характеристику разсматриваемаго періода.

Поставивъ главною своею задачею воспитаніе юношества въ строго православномъ духѣ Кіевское братство—по примѣру другихъ тогоѵременныхъ братствъ—положило въ основу школьнаго преподаванія изученіе роднаго славянскаго языка, справедливо усматривая тѣсную связь между православною вѣрою и своею народностію; затѣмъ отвело почетное мѣсто языку греческому, какъ языку народа, отъ котораго принята Россіею вѣра, съ которымъ связывали ее древнія традиціи, и отъ котораго она ожидала помощи въ тревожное время религіозныхъ волненій. Не окрѣпло еще возбужденное борьбою съ иновѣріемъ богословское мышленіе въ средѣ даже лучшихъ представителей южно-русскаго общества, не могло быть высоко въ научномъ отношеніи поставлено и преподаваніе богословія,—вслѣдствіе чего сообщались по сему предмету свѣдѣнія элементарныя, отрывочныя,—но оно проникнуто было древне-православными традиціями и любовію къ вѣрѣ праотцевъ, основывалось на своемъ, а не чуждомъ источникѣ. Заботясь о разширеніи школьной программы, ревнители просвѣщенія внесли въ нее латинскій языкъ, знаніе котораго было неотъемлемымъ признакомъ учености, а также нѣкоторые свѣтскіе предметы, преподававшіеся въ польскихъ коллегіяхъ. Этотъ шагъ велъ къ необходимому сближенію съ латино-польскою наукою и необходимо долженъ былъ отразиться на характерѣ и методѣ преподаванія этихъ предметовъ, представлявшей собою сколокъ—хотя въ это время еще величины и не особенно значительной—съ преподаванія однородныхъ наукъ въ латино-польскихъ коллегіяхъ. Особенно замѣтные слѣды латино-польскаго вліянія отображаются на наукахъ риторическихъ. Витіеватость, напыщенность за-

бота исключительно о фразѣ, блестки ложной эрудиціи, — неотъемлемыя принадлежности польской панегирической литературы,— начинаютъ пріобрѣтать право гражданства и въ однородныхъ по содержанію произведеніяхъ южно-русскихъ, проникая и въ церковное краснорѣчіе. Въ этомъ отношеніи до-могилянскій періодъ представляетъ собою переходную ступень къ періоду послѣдующему въ наибольшей степени, чѣмъ какую онъ представляетъ по отношенію къ другимъ наукамъ.... Оцѣнивая значеніе школы разсматриваемаго періода примѣнительно къ насущнымъ потребностя времени, нельзя не признать за нею громадныхъ заслугъ. Здѣсь на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить заботы школы о выработкѣ религіозно-нравственныхъ началъ въ питомцахъ, а также широкій доступъ которыя былъ открытъ ею для всѣхъ, жаждущихъ просвѣщенія—и знатныхъ и простыхъ, и богатыхъ и бѣдныхъ,—то равенство между воспитанниками, о которомъ съ такимъ благородствомъ говорятъ школьные уставы. Мало того, что двери школы не были закрыты для сиротъ и бѣдныхъ: они находили себѣ здѣсь кровъ и пропитаніе,—чего нельзя не признать одною изъ самыхъ симпатическихъ сторонъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній.—Многое было сдѣлано школою и въ смыслѣ обогащенія воспитанниковъ научными свѣдѣніями. Но въ этомъ отношеніи она не могла еще стать въ уровень съ потребностями, вызываемыми самою жизнію. Кругъ преподаваемыхъ предметовъ въ до-могилянскихъ школахъ хотя и былъ довольно обширенъ, но самые науки изучались не въ полной и строгой системѣ, а отрывочно. Въ особенности не на высокой степени стояло здѣсь преподаваніе языка латинскаго, знаніе котораго считалось въ то время необходимою принадлежностію людей образованныхъ. Вслѣдствіе этого школы разсматриваемаго времени не могли вполнѣ замѣнить для южно-русцевъ коллегій иновѣрныхъ, въ особенности іезуитскихъ, ослѣплявшихъ современниковъ огромною, хотя бы въ большинствѣ случаевъ и ложною, ерудиціею, научными формами преподаванія, замѣчательнымъ педагогическомъ тактомъ,—не говоримъ уже о латынѣ, которая положена была въ основу обученія. Важно было то, что недостатокъ научныхъ средствъ въ своихъ школахъ сознавали сами православные и потому, по выходѣ изъ нихъ, нерѣдко отправлялись для завершенія своего образованія въ коллегіи иновѣрныя. При этомъ имѣлись въ виду добрыя цѣли: южно-руссцы хотѣли, оставивъ

въ сторонѣ неправославные идеи, ознакомиться только съ научными пріемами, господствовавшими въ латино-польскихъ коллегіяхъ, облечься во всеоружіе тоговременной науки, чтобы впослѣдствіи обратить его противъ своихъ же учителей; но это не всегда удавалось. Трудно было пройти сквозь горнило іезуитскихъ школъ совершенно свободнымъ отъ господствовавшаго въ нихъ направленія. Измѣна праотцевской вѣры лицами, испившими науки изъ чуждаго источника, стала явленіемъ не рѣдкимъ. Такимъ образомъ, зло, бывшее послѣдствіемъ неимѣнія южно-руссами собственныхъ учебныхъ заведеній не прекращалось и послѣ заведенія ихъ. Очевидно, для того, чтобы въ корнѣ уничтожить это зло, православнымъ южно-русcцамъ нужно было возвысить уровень образованія въ собственныхъ школахъ, необходимо было увеличить ихъ научныя силы до равенства съ научными силами противной стороны и, такимъ образомъ, обезпечить своимъ питомцамъ всесторонніе образованіе.—Чуствовалась потребность въ коренной реформѣ школъ.....

Мы приблизились къ Могилянскому періоду Кіево-братской школы, (скоро уже коллегіи). Сообщимъ свѣдѣнія о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя служатъ связью этого періода съ предъидущимъ, нами разсмотрѣннымъ.

IV*).

Петръ Могила; его заботы о поднятіи уровня образованія въ западно-русскихъ школахъ; посылка молодыхъ людей, въ видахъ подготовленія къ профессорскому званію, въ заграничныя коллегіи. Условіе, заключенное съ И. Козловскимъ и С. Коссовымъ. Открытіе въ Лаврѣ коллегіи (1631 г.). Волненіе въ средѣ кіевлянъ по этому поводу, перешедшее въ открытое возмущеніе. Документальныя данныя о соединеніи Лаврской Могилянской школы съ Кіево-братскою.

---

6 Сентября 1627 года избранъ былъ на кіево-печерскую архимандрію молдавскій воеводичъ Петръ Могила, возведенный впослѣдствіи въ санъ митрополита кіевскаго. Это былъ человѣкъ, высоко стоявшій между современниками по своему уму и образованію и ревностный борецъ за дѣло православія, на служеніе которому имъ посвящены были всѣ свои силы. Съ именемъ сего іерарха соединены самыя выдающіяся явленія въ исторіи западно-русской церкви, но между ними, по своему вліянію на ходъ церковно-историческихъ событій, безспорно первое мѣсто должно быть отведено основанію просвѣщеннымъ архипастыремъ высшаго учебнаго заведенія, почти при самомъ началѣ своего существованія соединеннаго съ Кіево-братскою школою.

Мы уже замѣтили, что до-могилянскія школы не вполнѣ удовлетворяли усилившейся въ средѣ южно-русскевъ потребности къ просвѣщенію, побуждая ихъ обращаться за послѣднимъ въ заграничныя коллегіи. Если сами православные сознавали недостатки въ на-

---

*) Глава эта представляетъ извлеченіе (съ сокращеніями и нѣкоторыми дополненіями и поправками) изъ 5 главы прежняго сочиненія автора: *Кіев. митроп. Петръ Могила и его сподвижники.* (Кіев. 1883 г.).

учномъ отношеніи своихъ школъ, то недостатки эти еще очевиднѣе были для латино-уніатовъ, по крайней мѣрѣ, они при всякомъ случаѣ со злорадствомъ указывали на нихъ „Для чего—съ насмѣшкою обращались они къ православнымъ южно-руссамъ—„для чего вы до вызнавцовъ костела римскаго удаетеся, и наукъ ихъ лапаете и вшелякимъ способомъ ласкъ собѣ у нихъ еднаете?—А то для того, абысте отъ нихъ могли чого научити... бо ваша наука слаба, и мусите отколь-иноль на нее ся здобыти, а звлаща отъ вызнавцовъ костела римского[1])". Мелетій Смотрицкій, по переходѣ своемъ въ унію, не однократно насмѣхался надъ невѣжествомъ православнаго духовенства и вообще всѣхъ южно-русскцевъ, причемъ дѣлалъ весьма неодобрительные отзывы о православныхъ школахъ, „Всѣ ваши попытки—говорилъ Мелетій—поднять просвѣщеніе не удаются. Плохи были ваши школы прежде, а теперь стали еще хуже... Въ нихъ ваши дѣти только и получаютъ тотъ прибытокъ, что изъ телятъ становятся волами" [2]).

Недостатотъ научныхъ средствъ въ западно-русскихъ школахъ того времени, а равно происходившія отсюда неблагопріятныя послѣдствія Петромъ Могилою, какъ человѣкомъ умнымъ и всесторонне образованнымъ, хорошо были сознаваемы. Онъ видѣлъ въ этомъ *великій ущербъ* для православія; считалъ отсталость въ научномъ отношеніи русскаго народа великимъ поношеніемъ... Просвѣщеннѣйшій архипастырь далъ себѣ *обѣтъ* снять съ своихъ единовѣрцевъ такое поношеніе, а надежнѣйшимъ средствомъ для достиженія этого считалъ основаніе въ юго-зап. Руси такихъ учебныхъ заведеній, которыя-бы, по духу своему будучи строго православными, въ научномъ отношеніи нисколько не уступали лучшимъ коллегіямъ западно-европейскимъ и польскимъ,—которыя бы, стоя въ уровеньсъ потребностями времени, могли доставлять своимъ питомцамъ полное всестороннее образованіе и, такимъ образомъ поѣздки южно-русскцевъ за-границу, съ цѣлію восполнить пробѣлы домашняго воспитанія дѣлами излишними.

---

[1]) Русская Историч. Библіотека, издаваемая археограф. коммисіею. т. VII, столбцы 104—105.

[2]) *Paraenesis*, изд. 1629 г. стр. 32. *Exethesis* изд. 1629, стр. 100.—Замѣчаніе Смотрицкаго о неблестящемъ положеніи южно-русскихъ школъ даннаго времени сравнительно съ предшествующимъ имѣетъ нѣкоторое основаніе. (См. сочиненіе—„Кіев. митроп. Петръ Могила" и его сподвижники т. I, глава V, стр. 419—424.

Свое торжественное обѣщаніе—водрузить знамя науки на русской почвѣ—нашъ іерархъ сталъ приводить въ исполненіе тотчасъ же по своемъ вступленіи на архимандрію. По свидѣтельству одного изъ воспитанниковъ кіево-могилянской коллегіи еще первой половины XVII стол., Могила (вскорѣ по принятіи архимандричьяго сана), „ославъ отъ всея капитулы кіевскія въ Царьградъ къ св. патріарху, испроси отъ него благословеніе завести школы въ Кіевѣ латинскихъ и польскихъ училищъ, и прежде избравъ монаховъ угодныхъ, разослалъ ихъ въ разныя государства ради наукъ, между которыми былъ покойникъ Иннокентій Гизель [1])". Впослѣдствіи это свидѣтельство нашими историками [2]) было дополнено. Въ числѣ лицъ, посланныхъ Могилою за-границу для обученія словеснымъ и высшимъ наукамъ, они, кромѣ Гизеля, поименовываютъ еще Сильвестра Коссова, Тарасія Левонича Земку, Исаію Трофимовича—Козловскаго, Софронія Почаскаго и Игнатія Оксеновича Старушича. Но, въ большинствѣ случаевъ, означенное дополненіе (очевидно исключительно основанное на томъ предположеніи, что педагогическая дѣятельность почти всѣхъ поименованныхъ лицъ принадлежитъ времени могилянскому) сдѣлано неудачно. Такъ Тарасій Левоничъ Земка,—какъ это замѣчено еще М. А. Максимовичемъ—съ 1624 г. до самой своей кончины († сент. 1632 г.) видѣнъ постоянно, изъ году въ годъ, въ печерскомъ монастырѣ—типографомъ, проповѣдникомъ, соборнымъ старцамъ; а также съ 1627 г.—какъ мы видѣли—игуменомъ Кіево-богоявленскаго братскаго монастыря. Точно такъ же Исаію Трофимовича—Козловскаго въ 20 и 30 годахъ XVII стол. мы видимъ живущимъ въ Виленскомъ братствѣ, а со времени поступленія Могилы на архимандрію встрѣчаемъ его въ Лаврѣ только какъ временнаго, почетнаго гостя, уже въ то время славившагося своими научными познаніями [3]) Сильвестръ Коссовъ въ 1630 и началѣ 1631 г. былъ наставникомъ Львовской школы [4]). (Да притомъ, если бы Козловскій и Коссовъ

---

[1]) Изъ письма Гавріила Домецкаго къ новгородскому митрополиту Іову, конца XVII стол. (см. Прибавл. къ творен. св. отцевъ 1846 г., ч. VI, стр. 37.

[2]) Преосвящ. Евгеній, преосв. Макарій (въ исторіи Кіевской Академіи), Акскоченскій, Костомаровъ, и друг.

[3]) Собственноруч. записки П. Могилы.—Предисловіе къ Antopologii Диплица, изд. 1631 г.

[4]) Упоминается въ качествѣ наставника въ бумагахъ Львовскаго братства.

дѣйствительно были посылаемы въ заграничныя училища Моиглою и притомъ на собственный счетъ,—то обязательства съ его стороны, о которыхъ говоримъ ниже, развѣ, по отношенію къ этимъ лицамъ, не представлялись бы излишними?) Объ Оксеновичѣ—Старушичѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній за первое время существованія Кіево-могилянской коллегіи; его служеніе здѣсь принадлежитъ сравнительно позднѣйшему времени. Софроній Почаскій, молодой ученой, воспитывавшійся въ Кіево-братской школѣ въ началѣ 30-хъ годовъ XVII стол., (онъ первый подъ именемъ Стефана Почаскаго обозначенъ въ числѣ 20 спудеевъ, читавшихъ составленныя Саковичемъ вирши надъ гробомъ Сагайдачнаго), занявшій профессорскую должность въ Кіево-могилянской коллегіи съ самого ея основанія [1]), дѣйствительно могъ быть въ числѣ молодыхъ людей посланныхъ Могилою въ заграничныя школы для приготовленія къ профессорскому званію. Но опять—это одно только предположеніе.—Но какъ бы то ни было, самый фактъ посылки Могилою способныхъ людей въ иностранныя училища для довершенія образованія не подлежитъ сомнѣнію; фактъ этотъ, независимо отъ свидѣтельства о немъ почти современника, находитъ для себя опору, какъ въ томъ высокомъ уваженіи, какое питалъ Могила къ западно-европейскому образованію, такъ и въ недостаткѣ наличныхъ профессоровъ, способныхъ удовлетворять широкимъ требованіямъ нововозникавшей коллегіи. Въ автобіографической запискѣ Іевлевича, въ числѣ магистровъ Кіево-братской школы за 1630—1631 гг. упоминается, какъ мы видѣли, Савва Андреевичъ *Mohilowianin*. Названіе это, прилагаемое къ сему магистру, даетъ твердое основаніе предполагать, что онъ былъ однимъ изъ питомцевъ Могилы, посланныхъ имъ для завершенія образованія за границу [2]).

---

[1]) См. предисловіе къ Евхаристиріону, изд. 1632 г.

[2]) Разумѣется, до нѣкоторой степени страннымъ представляется, почему онъ поступилъ въ Кіево-братскую школу. Но обстоятельство это не необъяснимо: могъ и самъ Могила, по просьбѣ братства, уступить для его школы одного изъ своихъ питомцевъ; могъ просить Могилу объ этомъ его близкій другъ—Іовъ Борецкій, покровительствовавшій братству; могли, наконецъ, возникнуть крупныя недоразумѣнія у Могилы съ нѣкоторыми изъ его питомцевъ, побудившія послѣднихъ оставить своего мецената.—Послѣднее предположеніе считаемъ самымъ вѣроятнымъ, имѣя въ виду тотъ фактъ, что Савва Андреевичъ въ 1632 г. (послѣ послѣдовавшаго соединенія Лаврской могилянской школы съ братскою, когда старшимъ братчикомъ и главнымъ начальникомъ соединенныхъ школъ дѣлается *Петръ Моги-ла) уѣзжаетъ изъ Кіева въ Могилевъ*. (Прилож. № XI, стр. 76).

Говоря о своемъ обученіи уже въ Кіево-могилянской коллегіи, тотъ же Іевлевичъ замѣчаетъ, что въ то время магистромъ въ синтаксимѣ былъ Рафаилъ Зажецкій (Zarzecki) тоже *Mohilowianin*.

Посылка Могилою молодыхъ людей заграницу и его намѣреніе открыть высшую коллегію въ Лаврѣ сдѣлались извѣстны кіевскому братству и возбудили въ немъ тревогу. Братство увидѣло въ этомъ обстоятельствѣ подрывъ своей школѣ. Могла быть, въ особенности со стороны консервативной партіи, и другая причина къ неудовольствію,—именно опасенія какъ бы новая школа съ разширенною программою не сдѣлалась разсадникомъ ересей, тѣмъ болѣе, что на Могилу въ то время, вслѣдствіе близкихъ его отношеній къ М. Смотрицкому (измѣнившему православію) смотрѣли подозрительно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ это еще время братство заявило Могилѣ о неудобствѣ раздѣленія научныхъ силъ между двумя школами и просило его подготовляемыхъ имъ для своей коллегіи профессоровъ помѣстить въ братской школѣ, разширивъ въ ней кругъ предметовъ. По крайней мѣрѣ Іовъ Борецкій въ своемъ духовномъ завѣщаніи уже проситъ объ этомъ Могилу, *„подъ неблагословеніемъ заказуя, дабы школы въ братствѣ Кіевскомъ для цвиченя дѣтокъ, и не гдѣ индей фундованы были“*.... Но Петръ Могила, кажется, въ это время не думалъ исполнять желанія братчиковъ [1]). Въ половинѣ іюня 1631 года мы видимъ его въ Львовѣ, погруженнаго въ заботы о скорѣйшемъ открытіи школы. Памятникомъ этой заботливости служитъ дошедшее до нашего времени обѣщаніе Могилы, составленное въ братской Успенской церкви и данное имъ двумъ, приглашаемымъ въ школу, профессорамъ—іеромонаху Исаіи Трофимовичу и монаху Сильвестру Коссову. „Видя (писалъ Могила) великую потерю для душъ человѣческихъ отъ неучености духовенства и необученія юношества и желая, при благости и помощи Божіей, по собственной моей воли, предотвратить столь великую потерю, а также пріобрѣсти удалившихся отъ православія,—я вознамѣрился фундовать школы для того,

---

[1]) Высказанное нами прежде (Кіев. митр. П. Могила т. I, стр. 430 и слѣд.) предположеніе о сближеніи П. Могилы въ началѣ 1631 г. съ Кіевскимъ братствомъ, а также нѣкоторыя соображенія по этому поводу, основанныя на времени записи Могилы на братскомъ Уписѣ (11 марта 1631 года), теряютъ опору послѣ того, какъ нами возстановлена точная дата означенной записи (смотр. настоящаго изслѣдованія стр. 34—36).

чтобы юношество наставляемо было во всякомъ благочестіи, въ добрыхъ нравахъ и свободныхъ наукахъ". Далѣе Могила заявляетъ, что для этой цѣли онъ собралъ къ себѣ братію изъ нѣсколькихъ лицъ и желая имѣть о нихъ надлежащее попеченіе, намѣревается какъ на пищу и одежду имъ, такъ и на другія надобности, назначить содержаніе изъ своихъ собственныхъ средствъ, и вообще обѣщаетъ всячески и во всемъ быть ихъ опекуномъ и покровителемъ. „Но чтобы—продолжаетъ Могила—то дѣло Божіе имѣло успѣхъ безъ остановки и призванные на то братія собирались безъ всякой отговорки, я находящимся при мнѣ въ сіе время, честнымъ отцамъ и братіямъ, т. е. іеромонаху Исаіи Трофимовичу и монаху Сильвестру Коссову, и тѣмъ, которые потомъ къ нимъ присоединятся, отъ всего моего сердца предъ Господомъ Богомъ даю обѣтъ—все то, что будетъ значиться въ фундушѣ, который будетъ данъ имъ отъ меня, безъ отлагательства и хлопотъ приводить въ исполненіе въ Кіевѣ, въ печерскомъ монастырѣ, или гдѣ мнѣ и имъ разсудится. Таковый фундушъ я долженъ дать имъ законный, не подлежащій сомнѣнію, и какъ можно скорѣе, такъ что исполненіе сего моего обѣта они должны ожидать не далѣе года". Давая во всѣмъ этомъ торжественное обѣщаніе, Могила въ заключеніе присовокупляетъ: „и гдѣ бы я не преставился съ сего свѣта, не окончивъ того Божіяго дѣла, обязуюсь обезпечить оное духовнымъ завѣщаніемъ, назначивъ душеприкащиками людей уважаемыхъ и значительныхъ, чтобы они приводили то въ исполненіе безъ всякаго нарушенія моей воли" [1]).—По всей вѣроятности тогда же, изо Львова, посланы были Могилою письма къ константинопольскому патріарху съ просьбою о ниспосланіи благословенія на новоустрояемыя школы (патріаршее благословеніе было получено осенью того же 1631 года).

Къ началу учебнаго года Могила прибылъ съ приглашенными имъ наставниками вы Кіевъ и тотчасъ началъ дѣлать быстрыя приготовленія къ открытію въ Лаврѣ школы. Но на первыхъ же порахъ его дѣятельность въ этомъ отношеніи встрѣчена была несочувственно и даже враждебно со стороны многихъ лицъ. Прежде всего вышли крупныя непріятности съ иноками примыкавшаго къ

---

[1]) Памят. Кіев. ком. т. II. № VII.

Лаврѣ троицкаго больничнаго монастыря. Дѣло въ томъ, что для новооткрывшейся школы и размѣщенія новыхъ наставниковъ требовались болѣе или менѣе обширныя зданія. Устроить школы и помѣстить „новопостриженную братію“ (учителей) Могила призналъ наиболѣе удобнымъ въ троицкомъ монастырѣ (находившимся на правой сторонѣ отъ св. воротъ при выходѣ изъ Лавры); причемъ больничнымъ старцамъ предположилъ отвести соотвѣтствующее мѣсто по правую сторону тѣхъ же воротъ. Но троицкіе иноки, во главѣ съ своимъ игуменомъ Арсеніемъ, воспротивились этому, заявляя, что если архимандритъ хочетъ фундовать школы, то пусть избираетъ для нихъ какое-либо другое мѣсто, а ихъ—старцевъ—не тревожитъ. Впрочемъ, Могилою это сопротивленіе было уничтожено скоро: онъ наказалъ несговорчивыхъ иноковъ, смѣстилъ упорнаго игумена и, поставивъ новаго, вошелъ съ нимъ въ согласную съ своими предположеніями сдѣлку [1])... Гораздо бо́льшая непріятность ожидала Могилу впереди. Едва началось ученіе въ новой коллегіи, какъ въ средѣ Кіевскаго общества (очевидно недовольнаго Могилою за его отказъ быть фундуторомъ школъ исключительно въ Богоявленскомъ братствѣ), возникли крайне неблагопріятные толки о характерѣ преподаванія могилянскихъ профессоровъ: ихъ обвиняли въ шаткости убѣжденій, въ приверженности къ уніи. Подобные толки сильно волновали особенно простой народъ; а когда они дошли до казаковъ, то волненіе разрѣшилось открытымъ возмущеніемъ. „Отъ неученыхъ поповъ и козаковъ—пишетъ Домецкій—веліе было негодованіе: на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ дотуду не бывало и спасались... Было хотѣли самаго Петра Могилу и учителей до смерти побити: едва ихъ уговорили“. „Какіе перуны, какіе громы посыпались тогда на насъ, невозможно и описать чернилами“,—говоритъ С. Коссовъ, самъ подвергавшійся описываемой имъ опасности. „Было такое время, что мы, исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ начинять нами желудки днѣпровскихъ осетровъ или же, того огнемъ, другаго мечемъ, отправятъ на тотъ свѣтъ“.

Указываемое нами возмущеніе извѣстно. Оно приводится или цитуется рѣшительно всѣми историками, писавшими о кіево-моги-

---

[1]) *Описан. Кіево-печер. лавры.* Прибавл.

лянской коллегіи; но только всѣми ими относится къ 1634 или даже 1635 гг. (очевидно на томъ основаніи, что Exegesis—защита школъ кіевскихъ—изданъ въ послѣднемъ изъ означенныхъ годовъ). Но что указанное возмущеніе дѣйствительно происходило въ 1631 году, какъ утверждаемъ мы,—это не можетъ подлежать сомнѣнію. *Во первыхъ*, мы имѣемъ относительно этаго прямое свидѣтельство современника событія. Сильвестръ Коссовъ прямо относитъ означенное возмущеніе къ тому времени, когда они (т. е. учителя, приглашенные въ ново-открывающуюся коллегію) съ митрополитомъ П. Могилою, *тогда (na on czas) еще архимандритомъ, только что прибыли въ Кіевъ и, охраняемые святыми стражами* (т. е. кіево-печерскими угодниками), *примѣнили primus Minervae tinus. Во вторыхъ*, самое содержаніе Exegesis'a направлено не противъ обвиненія учителей въ приверженности къ *уніи и латинству* (объ этомъ не говорится ни слова), но противъ обвиненій въ протестантизмѣ и соціанствѣ, — и притомъ обвиненій не со стороны кіевлянъ и вообще православныхъ (которые въ это время охотнѣе, чѣмъ прежде отдавали своихъ дѣтей въ кіево-могилянскую коллегію), а со стороны латино-уніатовъ [1]). Послѣдніе ко времени изданія Exegesis'a крайне были недовольны успѣхами могилянской коллегіи и употребляли всѣ усилія, чтобы подорвать ея значеніе. Въ 1634 году ими выхлопотанъ былъ даже приказъ у короля Владислава VI, гласившій, чтобы Могила уничтожилъ (zniosł) основанныя имъ школы въ Кіевѣ и Винницѣ [2]). Безъ сомнѣнія, въ это время появилось изъ латино-уніатскаго лагеря какое-то, въ настоящее время неизвѣстное, сочиненіе, направленное противъ могилянскихъ школъ, гдѣ проводилась мысль ограничить ихъ права или же и вовсе уничтожить коллегію, какъ еретическую,—что и вызвало появленіе въ свѣтъ Exegesis'a [3]). Въ послѣднемъ не указывается прямо (по имени) авторъ или главный виновникъ означеннаго, враждебнаго могилянскимъ школамъ, сочиненія.— Но въ настоящее время мы можемъ, кажется, дать относительно этого

---

[1]) Прилож. № XII.

[2]) Грамоты короля, касающіяся этого, помѣщ. въ рукописи, находящейся въ библіотекѣ Краковскаго Университета. (№ 44). Будутъ напечатаны нами въ 2 выпускѣ настоящаго изслѣдованія.

[3]) Обо всемъ сказанномъ см. подробнѣе въ нашемъ сочиненіи—*Кіев. митр. Петръ Могила*, стр. 436—444.

отвѣтъ положительный. Вишневскій полагалъ, что Exegesis вызванъ былъ нападками на коллегію К. Саковича [1]). Пекарскій, опровергая Вишневскаго, считаетъ за несомнѣнное, что онъ вызванъ былъ нападками Смотрицкаго, такъ какъ въ брошюрѣ Коссова есть обращеніе къ обманщику (udawca),—названіе, дѣйствительно идущее Смотрицкому за его образъ дѣйствія при переходѣ въ унію, а также извѣстіе, что этотъ притворщикъ уже заснулъ, т. е. умеръ [2]). Но всѣ, въ *совокупности взятые* признаки, которыми Коссовъ надѣляетъ автора, направленнаго противъ кіевскихъ школъ, сочиненія,—не идутъ ни къ Саковичу, ни къ Смотрицкому. Здѣсь говорится, что „udawca“ уже не разъ бывалъ причиною разныхъ навѣтовъ и возмущеній противъ русскаго народа, *въ особенности когда посылалъ своего легата въ Грецію, желая узнать былъ-ли дѣйствительнымъ патріархомъ іерусалимскимъ оный святой отецъ Θеофанъ, посѣтившій въ 1620 году наши края.* Нечего говорить, что здѣсь рѣчь идетъ не о Саковичѣ или Смотрицкомъ. Очевидно, что подъ удавцею здѣсь разумѣется *уніатскій митрополитъ Вельяминъ Рутскій*, дѣйствительно, (какъ узнаемъ изъ литературной полемики, возникшей по поводу пріѣзда въ Русь патріарха Θеофана), *посылавшій въ означенною цѣлію своего посла въ Константинополь, много нанесшій вреда православнымъ и не задолго до изданія Exegesis'a умершій...*

Но возвращаемся къ прерванному разсказу.

Попасть въ желудки днѣпровскихъ осетровъ — перспектива крайне незавидная, между тѣмъ—въ особенности, коль скоро приняли участіе въ возмущеніи противъ школъ и козаки, — далеко не несбыточная. Петръ Могила, легко расправившійся съ недовольными его распоряженіями троицкими иноками, не имѣлъ возможности справиться съ разъярившеюся чернью и долженъ быть пойти на уступки,—долженъ былъ дать свое согласіе на соединеніе фундуемой имъ высшей коллегіи съ Кіево-Богоявленскимъ братскимъ училищемъ, выговаривая себѣ, впрочемъ, инициативу въ этомъ дѣлѣ и главное опекунство и надзоръ надъ соединяемыми школами.

Оффиціальными памятниками означеннаго соединенія школъ служатъ слѣдующіе, дошедшіе до нашего времени, документы:

---

[1]) Histor. liter. polskiey т. VIII, 489.

[2]) Представители Кіев. учености *(Отеч. Зап. 1862 г. № 4, стр. 369).*

1) Актовая запись обывателей кіевскаго воеводства и всѣхъ кіевскихъ братчиковъ, данная П. Могилѣ,—гдѣ они заявляютъ, что, видя великое удобство, потребность и пользу въ основаніи школъ въ городѣ Кіевѣ, *при церкви братской Богоявленія Господня*, они просили преподобнѣйшаго господина отца Петра Могилу, воеводича молдавскаго, на сіе время архимандрита печерскаго, дабы онъ школы, которыя началъ устроять въ кіево-печерскомъ монастырѣ, и находящихся при нихъ учителей — братію монастыря печерскаго, благоволилъ перенесть на вышеупомянутое мѣсто; что его мил. отецъ П. Могила охотно согласился на это, обѣщая основать здѣсь именно школы, но съ условіемъ быть *старшимъ братомъ, пожизненнымъ блюстителемъ и защитникомъ*, какъ самыхъ школъ, такъ и братскаго монастыря, со всѣми находящимися въ его вѣдѣніи имѣніями, доходы съ которыхъ должны быть обращаемы исключительно на монастырскія и школьныя потребности; что братчики согласились на это опекунство, поставивъ отъ себя слѣдующія условія: во 1-хъ, чтобы заботы Могилы о монастырѣ и школахъ были раздѣляемы съ годичными братскими старостами, которые, впрочемъ, не должны быть противны совѣту и волѣ его милости, но во всемъ обязаны будутъ слушаться его, какъ старшаго брата, блюстителя и пожизненнаго опекуна; во 2-хъ, чтобы не былъ нарушаемъ фундушъ монастыря, и наконецъ, въ 3-хъ, чтобы опекунство Могилы было только *личное*, а не по сану архимандрита, такъ что послѣ его смерти выборъ новаго опекуна предоставлялся бы исключительно братству [1]).

2) Грамота (отъ 5 генв. 1632 г.) митрополита Исаіи Копинскаго съ прочими православными епископами и духовенствомъ, гдѣ—какъ и въ предшествующемъ актѣ—говорится о добровольномъ желаніи Могилы соединить фундуемыя имъ въ Лаврѣ школы съ братскими и указываются извѣстныя уже условія, на которыхъ предполагается это соединеніе,—причемъ лично отъ себя Копинскій ставитъ еще слѣдующее условіе: „на возглашеніяхъ и эктеніяхъ должно быть поминаемо тамъ (т. е. въ училищномъ монастырѣ) имя митрополита, потому что какъ съ начала то святое мѣсто стараніемъ нашимъ было фундовано, такъ и теперь за нашимъ благословеніемъ имѣетъ устрояться“ [2]).

---

[1]) Памят. кіев. комм. т. II, № VIII.

[2]) Ibid. № IX.

3) Войсковой листъ отъ (отъ 12 марта 1632 г.) гетмана Петржицкаго и всего запорожскаго войска, однородный по содержанію съ предшествующими документами, въ коемъ войско, съ своей стороны упрашивая печерскаго архимандрита о фундованіи школъ въ братствѣ, обѣщается имѣть ихъ подъ своею защитою и стоять за нихъ до самой смерти [1]).

4) Войсковой листъ того же гетмана съ приказаніемъ атаману и прочимъ товарищамъ, находившимся въ Кіевѣ, содѣйствовать предположенному соединенію школъ братской Кіево-богоявленской съ Лаврскою [2]).

Могилою дано было обѣщаніе присоединить лаврскую школу къ братской еще въ концѣ 1631 года, но самое соединеніе школъ рѣшено было отложить до начала слѣдующаго года. Поэтому до лѣтнихъ мѣсяцевъ 1632 г. обученіе „собранными“ Могилою учителями производилось еще въ Лаврѣ. О характерѣ этого обученія и предметахъ, введенныхъ Могилою въ школьную программу, нѣкоторыя, хотя и не изобильныя, свѣдѣнія дошли и до нашего времени. Но рѣчь о нихъ болѣе умѣстна при изложеніи слѣдующаго, могилянскаго періода въ исторіи Кіевской Академіи,—изслѣдованію о которомъ и будетъ посвященъ второй выпускъ предпринятаго авторомъ труда.

---

[1]) Ibid. № X.

[2]) *Приложж.* № X.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе . . . . . I—III

I.

Спорный вопросъ о времени, къ которому должно быть отнесено основаніе Кіево-Богоявленскаго братства и школы при немъ.—Послѣдовательный ходъ мнѣній относительно этого вопроса, „Историческія записки“ мѣстной академической корпораціи 1765 и 1771 гг., пріурочивающія основаніе Кіево-братскаго монастыря къ 1588 г.; воспроизведеніе ихъ въ „Старинѣ и Новизнѣ 1773 г. новая историческая записка академической корпораціи 1773 г. о томъ же предметѣ, несогласная во взглядѣ съ предшествовавшими; мнѣнія по данному вопросу преосв. Евгенія, преосв. Макарія, В. Аскоченскаго и друг. Возраженія и замѣчанія М. А. Максимовича и И. И. Малышевскаго. Критическій разборъ документальныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ основаніе Кіево-Богоявленскаго братства относится къ XVI стол.—Новыя попытки доказать существованіе Кіевскаго братства и школы при немъ съ 1589. Кіево-братскій уписъ, какъ первый достовѣрный документъ, дающій опредѣленное указаніе на время основанія братства. Рѣшеніе нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникающихъ при ознакомленіи съ означеннымъ уписомъ.—Значеніе записи Галшки Гулевичевны при рѣшеніи вопроса о началѣ братства въ Кіевѣ. Несостоятельность доказательствъ, приводимыхъ въ защиту мнѣнія о посѣщеніи Кіева патріархомъ Іереміею. Путь этого патріарха при двукратномъ по сѣщеніи имъ западно-русскихъ областей. Другія доказательства, приводимыя въ подтвержденіе мнѣнія о существованіи братства въ Кіевѣ въ XVI стол.—Происхожденіе братствъ, постепенное развитіе ихъ организаціи и успѣшное распространеніе по юго-западной Руси. Сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства, обусловливаемое религіозно-нравственнымъ состояніемъ этого города въ концѣ XVI и нач. XVII стол.—Общіе выводы.—Примѣчаніе о несомнѣнныхъ якобы воспитанникахъ Кіево-братской школы въ періодъ ея мнимаго существованія (до 1615 г.) . . . . Стр. 1—119

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Упись Кіевскаго братства,

начатый въ 1615 г.

(**104 л.**)[1]). Въ имя Святыя Живоначалныя Единосущныя и нераздѣлимыя Тройца Отца и Сына и Святаго Духа единаго истинаго Бога нашего, Емуже честь и поклоненіе, слава и хвала отъ вещественныя и невещественныя твары, нынѣ и въ безконечныя вѣки, аминь.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ, вся яже къ спасенію нашему многаго ради и человѣколюбнаго милосердія своего на земли совершаяй и к волной человѣкоспасителной страсти грядій, ученикомъ своимъ глаголаше: Сія заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга, по семъ бо, рече, и познаютъ васъ, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою: еже и божественный верховный Апостолъ Петръ востекъ на верхъ добродѣтелей любовь въ божественныхъ посланіяхъ своихъ препоручаетъ: подадите, рече, въ вѣре вашей добродѣтель, въ добродѣтели же разумъ, въ разумѣ же воздержаніе, въ воздержаніи же терпѣніе, въ терпѣніи же благочестіе, въ благочестіи же братолюбіе, въ братолюбіи же любовь; и паки: братство возлюбите, Бога бойтеся, царя чтите. Ихъже и по спасительному на небеса Христа Бога вознесенію друголюбное божественный Апостолъ и Евангелистъ Лука прославляя, провозвѣщаетъ Θеофилу, глаголяй: вѣрующихъ, рече, бяше душа едина и сердце

---

[1]) Счетъ листовъ по рукописи Архива Св. Синода, по которой печатается настоящій документъ и нѣкоторые изъ послѣдующихъ.

едино и не бяше вныхъ никтоже нищъ, требованію бо нищихъ послужиша сильнѣйшихъ руцѣ. Сему же убо божественному и спасителному и человѣколюбному поученію, и мы грѣшніи послѣдующе, благодатію благаго Бога и Господа нашего Іисуса Христа, хотящаго всѣмъ человѣкомъ спастися и в разумъ истинный прити, едва поздѣ нѣкогда возбнувше отъ многаго нерадѣнія и лѣности и мрачнаго суетія мирскаго, хотѣхомъ прозрѣти къ свѣту благоразумія, пріемше въ умъ предстатіе страшнаго онаго судища мздовоздаянія. Предстательствомъ пречистія Преблагословенныя Владычицы нашея Богородица и присно Дѣвы Марія, силою честнаго и животворящаго Креста, и молитвами всѣхъ святыхъ [1]): Начинаемъ (**104 л. об.**) сіе душеспасителное друголюбное соединеніе Братство церковное въ Богоспасаемомъ граде Кіеве благословеніемъ и повеленіемъ Святѣйшаго вселенского патріархи Константинопольского кyръ Тимоѳея, начальнѣйшого по Христѣ пастыря нашего, и прочихъ Святѣйшихъ патріарховъ, Александрійского, Антіохійского и Іерусалимского, на утѣшеніе и утвержденіе в благочестіи нашому Россійскому роду сыномъ всходнего православія, обывателемъ воеводства Кіевского такъ духовнаго вшелякого яко и свѣтского шляхетского стану и всее речи посполитое местское и всѣмъ Христоименитымъ людемъ, на выконаніе христіанскихъ милосердныхъ учинковъ такъ духовныхъ, въ размноженью и вкорененью христіанскихъ добродѣтелей честнаго иноческого житія, въ подаваню наукъ учивыхъ и въ цвиченью дѣтей народу христіанского, отъколь хвала всемогущаго Бога на земли множится, потѣха родичомъ из сыновъ наказанныхъ ростетъ, речи посполитой оброна моцная и оздоба предивная фундуется и цвѣтеть, яко и телесныхъ въ обороненю вдовъ, сиротъ и въ поротованю всякихъ людей упадлихъ: якося в собѣ самый кгрунтъ и предсявзятье того святаго Милосердного Братства волею Вседержителя Бога закладаетъ. Спись и братское нерозерванное любве поприсяжоній звязокъ и зъедноченье, ведле порядку правъ братствомъ отъ Святѣйшихъ патріарховъ, Львовского, Виленского,

---

[1]) Въ рукописи послѣ словъ *всѣхъ святыхъ* помѣщена и позднѣйшая приписка на подлинникѣ, съ оговоркою ея: „Въ подлинномъ подписано подъ симъ такъ: Варлаамъ Ясинскій, православный Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи, той реестръ ствержаю рукою власною“.

Могилевского, и иныхъ Короны Польское мѣстъ церквамъ наданныхъ, благословенныхъ и ствержоныхъ. Нашто мы вси нижеменованные персоны обоихъ духовного и свѣтского становъ люде, единымъ сердцемъ и едиными усты позволивше и крестнимъ цѣлованіемъ единъ за всѣхъ и всѣ за единого при благочестіи стоячи, Духомъ любве горячое звязавшися, нижей описанные христіанскіе братскіе повинности и порядки хранити, въ той Реестръ братскій вписуемся.

Въ подлинномъ по окончаніи вышеписаннаго братерскаго обовязка, вынесши на другой листъ, въ заглавіи вписного Реестра написано тако:

(**105 л.**). За згодною прозбою всѣхъ ихъ милостей и отцевъ нашихъ Духовныхъ и стану шляхетского обывателей Кіевскихъ всякого стану, вписныхъ братства Церкви и Монастыря Богоявленіе въ Кіевѣ, Ставропигіи Святѣйшаго вселенского прирожонаго отца и пастыря Россійской Церкви Патріархи Константинопольского, старшимъ братомъ, опекуномъ и фундаторомъ того святаго братства, обители и школъ любовнѣ въ тотъ братскій реестръ подписуюсь: **Петръ Могила**, милостію Божіею архимандритъ Свято-Великой чудотворной Лавры Печерской Кіевской, яко любопослушникъ Святѣйшаго Вселенского Константинопольского патріархи, въ лѣто 1631 мѣсяця Марта 11 дня, рукою власною.

Авоназый Пузына Епископъ Луцкій и Острозскій, Архимандритъ Жидичинскій.

Andrzey Lithynski z Lithynic.

Сильвестръ Косовъ Префектъ школъ Кіевскихъ братскихъ рукою власною.

Антоній Пацевскій инокъ Монастыря Печерского.

Іоиль Іеромонахъ рукою власною.

Исаія Трофимовичъ Монастыря Печерского Кіевского вписалемся до братства Кіевского Церковного душею и рукою.

Софроній Почаскій инокъ Монастыря Печерского рукою.

Аванасій Ивашковскій інокъ Монастыря Печерского рукою.

Арсеній Бережницкій ниокъ Монастыря Печерского.

Іеромонахъ *Θеодосій Оранскій.*

Иларіонъ Инокъ Симовскій Монастыря Печерского.

Іоиль Глынковичь намѣстникъ Монастыря св. Николы.

Іеромонахъ *Антоній Горбацкій.*

(**105 л. об.**). Во иноцехъ *Захарія Копистенскій* исповѣдникъ, яко и ненавидящи злое прилѣпляющеся благому, составленое въ Кіевѣ градѣ братство пріимаю и облобизаю, повинующеся Апостолу глаголющу: братолюбіемъ же другъ къ другу лыбезни. На сіе же и руку мою подписую. Писалъ дня 4 Генваря по старому правдивому року 1616

Азъ во Іеромонасехъ худѣйшій *Тарасій Л: Земка* братство православныхъ Кіевское при храмѣ Святыхъ Богоявленій похваляю, и самъ въ немъ быти и при немъ стояти желаючи въ реестръ и имя свое вписую рукою.

Азъ треокаянный *Іезекіель Куневичь* Архимандритъ Монастыря Трехтимировскаго, видя яко врагъ и ненавистникъ спасенія нашего пакоститъ во благочестіи нашемъ, и сего ради видихъ вещъ зѣло добру составленія Братства во гради Кіеви и того ради всегда есмь готовъ с ними пострадати добро и зло и кровь мою за благочестіе дати и для того и руку мою подписую, власною рукою.

Даніель Стрыбиль рукою власною, повиненъ буду на каждій рокъ по десети золотыхъ такъ тежъ и лигумины давать.

Азъ *Григорій Дегиловскій* рукою власною, а буду повиненъ дать подъездка до дороги, а естьли бы не подъездка теды камень воску.

Многогришній и недостойный рабъ Божій *Іванъ Путята* меншій братъ Святаго Братства Кіевского храму святого Богоявленія рукою властною, на што преможенъ буду.

И прочихъ въ Братство безчисленного вписавшихся.

Съ подлиннымъ свидѣтельствовали:

Учитель философіи іеромонахъ *Кассіанъ.*

Намѣстникъ іеромонахъ *Іеронимъ.*

Примѣчаніе. Настоящій документъ, равно какъ нѣкоторые и изъ послѣдующихъ, напечатанъ впервые во II томѣ *Памятниковъ, изданныхъ временною комисіею для разбора древнихъ ar-*

тоѣ, Высочайте уштвержденною при кіевскомъ, подол. и волынскомъ генералъ—губернаторѣ (подъ № 2), будучи заимствованъ издателями изъ рукописнаго сборника митрополита Евгенія, переданнаго имъ въ библіотеку Кіевской Дух. Академіи. Сборникъ этотъ—какъ нами замѣчено въ изслѣдованіи (стр. 28)—представляетъ копію съ извѣстной *исторической записки 1773 г.* о состояніи Кіевской Академіи (*Архивъ св. Синода*, дѣло 1773 г. № 359), съ приложеніемъ разнаго рода документовъ, имѣющихъ отношеніе къ разсматриваемымъ въ запискѣ предметамъ,—но копію не вполнѣ исправную: независимо отъ орѳографіи, сильно измѣненной копіистами, въ Евгеніевскомъ сборникѣ, хотя и не часто, встрѣчаются нѣкоторые, иногда существенные пропуски и даже прямое искаженіе текста. Такъ, напр., слѣдующее мѣсто въ настоящемъ документѣ: („Начинаемъ братство церковное) *на выконаніе* христіанскихъ милосерднихъ *учинковъ*“,—въ рукописномъ сборникѣ м. Евгенія, а вслѣдъ за нимъ и въ *Памят. Кіев. Коммиссіи*, читается такъ: „*на выхованіе* христіанскихъ милосердныхъ *учениковъ*“, и т. п. Переиздавая настоящій и нѣкоторые другіе документы по болѣе исправной рукописи, мы имѣли въ виду, главнымъ образомъ, существенное ихъ значеніе для предмета нашего изслѣдованія и возможность непосредственной провѣрки по нимъ нѣкоторыхъ цитатъ.

II.

Дарственная запись Галшки Гулевичовны.

1615 г. 14 октября.

Выпись съ книгъ земскихъ воеводства Кіевскаго.

(**88 л.**). Лѣта Божого нароженья тысеча шестьсотъ петнадцатого, мѣсяця Октобра пятогонадцать дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Кіевскихъ, од дня святого Михаила Свята Рымского, въ року на дате вышъпомененомъ припалихъ и назавтрее того Свята судовне отправовать зачатыхъ, пред нами Яномъ Аксакомъ Судьею, а Петромъ Злотополскимъ подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Кіевскими, ставши очевисто у суду урожоная ее милость пани Галшка Гулевичовна Стефановая Ложчиная, Маршал-

ковая повету Мозирскаго, съ притомностью и позволеньеемъ помененого малжонка своего, сознала водлугъ листу доброволного вечистое фундаціи своее запису, которого от себе съ печатью и съ подписомъ руки своее и печатью и съ подписомъ руки малжонка своего помененого его милости пана Стефана Лозки Маршалка повету Мозырского, такъже съ печатми и съ подписами рукъ людей зацныхъ, дала, даруючи, записуючи и вечне фундуючи добра свои власные дедичные, правъ и волностій шляхецкихъ будучіе, то есть дворъ свой власный съ пляцомъ въ месте Кіеве, межи певными границами лежачій, зо всими до того двора и пляцу приналежачими пожитками, приходами и всякими належностями, долгостью и широкостью якосе здавна тотъ домъ зъ пляцомъ и зо всимъ на все мелъ, и теперь маетъ. А то на монастырь заложеня Патріаршеского общего житія, по великомъ Василью, такъже на **(88 л. об.)** школу дѣтемъ такъ шляхетскимъ, яко и местскимъ, притомъ и на гостинницу странныковъ духовныхъ веры церкви всходнее каѳолицкое будучихъ, о чомъ ширей тотъ запись ее милости в собе обмовляетъ, которого переднами Судомъ положивши, во всемъ его устнымъ и доброволнымъ сознаньемъ своимъ ствердивши и змоцнивши, просила абы принятъ и у книги земскіе Кіевскіе уписанъ былъ: мы Судъ, оного для вписаня до книгъ пріймуючи, передсобою читать казали, и такъ се в собѣ маетъ: „Я Галшка Гулевичовна, малжонка его милосты пана Стефана Лозки Маршалка Мозырского, съ позволенемъ его мил. на нижей написанные речы въ семъ листе помененыя и выражоные, будучи я на тѣле и умысле добре здоровая, явно и доброволне сознаваю тымъ моимъ доброволнымъ листомъ записомъ, ижъ я въ старожитной святой всходнее Церкви православной вѣре статечне живучи, а побожностью ревностью въ ней палаючи, на размножене хвалы Бога въ Тройцы Единого из любве и милости братій моихъ народу Россійского, для збавеня души своее, здавныхъ часовъ умисливши Церкве Божой добре учинити, и милосердный учинокъ прагнучимъ того показати, тогожъ нынѣ скуткомъ выконываючи, правовернымъ и благочестывымъ христіаномъ народу Россійского, въ повѣтехъ воеводствъ Кіевского, Волынского и Браславского будучимъ, станомъ духовнымъ и свѣцкимъ, инокомъ, священникомъ и діакономъ чину мнишского, и чину мирского, также освѣцонымъ княжатомъ, велможнымъ паномъ шляхте, и якогожъ колвекъ иного заволаня и стану людемъ Россійскимъ, а

еднакъ тымъ тылко, которые въ православной благочестивой церкви всходней набожества Греческого вѣре, в послушенстве, тежъ благословенстве Святѣйшого Патріарха Константинопольского, власного и належачого зверхнѣйшого Пастыря народови Россійскому, неодменне **(89 л.)** трваютъ и трвати будутъ, даламъ, дароваламъ, записаламъ и фундаваламъ и на вѣчные часы даромъ вѣчнымъ и неотозванымъ даю, дарую, записую и фундую добра мои власные дедичные, права и вольности шляхетское будучіе. Дворъ мой власный на всемъ и зъ пляцомъ, которые отъ помененого пана малжонка моего вѣчною даровизною маю во месте Кіеве лежачій межи улицами певными, то есть з одной стороны улицы, которая ведетъ отъ ринку ку Днепрови мимо дворъ Пана Василія Ходики Креницкаго Скарбного Кіевского; а з другое такъже улицы, которая ведетъ отъ рынку ку Днепрови мимо дворъ Крыштофа Золотара и Петра Нечая мещанъ Кіевскихъ; а третее с приходу отъ рынку ку двору Соленика; а четвертое тыломъ о тынъ ку дворови небожчика Ѳедора Миткевича, бывшаго Бурмистра Кіевского, зо всими до того двора и пляцу правы, пожитками, приходами и всякими належностями и приналежностями, и такъ широко и долго, яко здавна в собѣ ся маетъ, ничого собѣ самой а ни потомству своему тамъ не заставуючи: а то на монастырь Ставропигионъ Патріаршеского общего житія по Василію Великому, такъже тежъ и на школу детемъ такъ шляхетскимъ яко и местскимъ, и на иный способъ богоугоднаго житія, который бы служилъ ку збавеню христіанскому и ку выконаню милосердныхъ учинковъ. А притомъ и на гостинницу странныковъ духовныхъ, вѣры церкви всходнее будучимъ, такъ еднакъ, абы той монастирь и школа и увесь чинъ и строеніе по закону и по чину Церкви Каѳолическое всходнее набоженства Греческого, и подлугъ семи Вселенскихъ Соборовъ и по преданію Святыхъ Отецъ Греческихъ ряжено исправовано. Ещежъ варую и то, ижъ естлибы ктолюбо зъ духовныхъ, **(89 л. об.)** любо з свецкихъ зъ болшихъ и зъ меншихъ, будучи въ сполечности зъ живучими на той фундаціи и ставаючи в справе, зъ якоеколвекъ причины, презъ кого колвекъ, взглядомъ тое фундаціи и общего житія на ней заданое, напотомъ отступилъ и хотѣлъ бы якую належность собѣ мети до тое фундаціи, любъ общій любъ съ потомковъ моихъ, теды вѣчне таковыхъ и тымъ подобныхъ отступниковъ отъ належностн и добродѣйства тое фундаціи и того запису

нынешнимъ моимъ вызнанемъ отдаляю, а въ той же фундаціи по отданю того добра з пляцомъ на хвалу Божую вышменованымъ способомъ, ани я сама, ани потомкове мои не маемъ мѣти жадного вступу ани вжитку, ани тежъ подаваня на помененую фундацію привлачати собѣ не будутъ мочи вѣчними часы, подъ закладомъ десети тысячей золотыхъ полскихъ и подъ нагороженемъ вшелякихъ шкодъ и накладовъ, кромь вшелякого доводу и присеги телесное, на голое речене слова, и абы тежъ тая фундація скутокъ свой брала, теды заразъ въ той дворъ и на его пляцъ духовныхъ и свецкихъ православныхъ, а меновите благовѣрного Священно-Инока отца Ісаія Купинского и прочіихъ з черицовъ, такъ же тежъ и школу въпровадиламъ и впровожаю, онымъ такъ и всимъ духовнымъ и свѣтскимъ, яко се поменило, православія Церкви всходнее будучимъ, скутечное держане и посессію поступаючи при возномъ и при шляхте на то приданими. Потомки тежъ свои на то обликгую, же жаднымъ способомъ перешкоды въ той посессіи тамъ мешкаючимъ православнымъ в иночестве и в школе и всякомъ строеніи тамъ пребываючимъ, чинити не маютъ, подъ закладомъ таковымъже десяти тысечей золотихъ польскихъ и подъ нагороженемъ вшелякихъ шкодъ и накладовъ, **(90 л.)** кромъ вшелякого доводу и присеги телесное, толко на голое речене слова; до того особливе варую, если бы, чого Боже уховай, презъ якое утисненье или през якіе колвекъ пересуды иноцы и христіане вышей помененые вытиснены и одсужены были одтое фундаціи данины моее, а ктоколвекъ и якимъ колвекъ способомъ хотелъ бы поседати тую мою фундацію и все штобы тамъ было зъбудовано и зафундовано, теды той дворъ и пляцъ зо всимъ се вернути въ домъ мой маетъ и на власные, отъ якое кольвекъ линіи идучіе, потомки мои спадати будетъ, которые то зась потомки мои и хто колвекъ таковый беручи въ посессію пляцъ той и зо всимъ на немъ будованемъ, инокомъ и при нихъ стоячимъ правовѣрнымъ, изгнаннымъ и вытесненнымъ оттоля, повинны будутъ такоежъ ваги и цены кгрунту шляхецкого права и волности, на своихъ грунтехъ власныхъ выделити, або сумою пиняжною подлугъ шацунку певнихъ людей заплатити и совѣто нагородити, подъ закладомъ такимъ же десети тысечей золотихъ полскихъ и под нагороженемъ вшелякихъ шкодъ и накладовъ, кромъ вшелякого доводу и присеги телесное, толко на голое речене слова: о што все державцы и посессорове тое

фундаціи моее и ктиторове того Монастыря будутъ мочи всякихъ противниковъ того запису фундушу моего позывати до вшелякого суду земского, кродского, трибуналского, въ который колвекъ повет и воеводство. Где будучи запозваны, за першимъ позвомъ, на року першомъ яко завитомъ ставши, усправедливитися, жадныхъ вымовъ и оборонъ собѣ ку помочи не беручи, заруку и шкоди заплатити будутъ повинны толко кротъ, колко бы тотъ записъ нарушонъ былъ, и спротивленіеся якое в чомъ колвекъ оному ставало, а по заплаченю (90 л. об.) тыхъ зарукъ и по нагороженю шкодъ и накладовъ предсе сесъ запись зъ нинешнею фундаціею, у кождого Суду и права, на каждомъ местцу, при цалой зуполной и досканалой моци захованъ и держанъ быти маетъ на вѣчніе часы, а наконецъ еще и то варую, же еслибы потреба указала Церкви Божое, а православные христіяне, которымъ записъ той служитъ, того бы по мне Галшце Гулевичовне Ложчиной Маршалковой Мозирской жадали, то есть обясненя албо поправы тое фундаціи и запису, теды то повинна буду учинити, и заховую собѣ на то всякую волность нынѣшнею приданою кондиціею, и на томъ дала той мой фундушовый листъ и доброволный записъ, с притисненіемъ печати и с подписомъ руки малжонка моего, его милости Пана Стефана Лозки, Маршалка повету Мозырскаго, яко того, отъ которого тую данину и вѣчную даровизну маю, и съ притисненемъ печати и подписомъ руки моее власное. А для лепшое веры и певности и твердости тое преднаписанное фундаціи и данины моее ужила есмъ о приложене печатей и о подписи рукъ до того листу моего ихъ милости пановъ и пріятелей моихъ обывателей того воеводства Кіевского добре оселихъ, его милости пана Миколая Стецкаго тивона Кіевского, его милости пана Максима Трипольского, и его милости пана Семена Шишку Ставецкаго, которые при томъ были и того добре свидомы, и то на прозбу мою учинили, а при печатей своихъ до того листу моего руками своими подписали. Дѣялосе и писано въ Кіеве подъ роками земскими, року тисяча шесть сотъ петнадцатого мѣсяца Октобра чотирнадцатого (91 л.) дня".—У того листу доброволного запису печатей притисненихъ пять, а подписъ рукъ въ те слова: *Стефанъ Лозка* Маршалокъ Мозырскій рукою. *Галшка Гулевичовна Стефановая Лозчиная* Маршалковая Мозырская рукою власною. *Миколай Стецкій* тивонъ Кіевскій рукою своею. *Максимъ Ѳедоровичъ Трипольскій* рукою власною. *Семенъ Ставецкій*

Шишка рукою власною. Который то листъ доброволный записъ за поданемъ и очевистымъ признанемъ вышъреченое особы, а за принятьемъ нашимъ Судовымъ увесь слово в слово у книги земскіе Кіевскіе есть уписанъ; съ которыхъ и сесъ выпись подъ печатьми нашими есть выданъ. Писанъ въ Кіеве.

На подлинной такъ:

Θедоръ Сущанскій *Проскура* Писаръ Земскій Кіевскій. (М. П.) (М. П.) Корыкговалъ *Сиенкевскій.*

Jan Aksak
Sęd. Ziem. Kijowskiy.

Съ подлинною свидѣтельствовали:
Учитель філософіи іеромонахъ *Кассіанъ.*
Намѣстникъ іеромонахъ *Іеронимъ.*

Примѣчаніе. Впервые дарственная запись Галшки Гулевичевой напечатана была въ *Памятн. Кіев. Коммиссіи,* (т. II, № 1); нами издается она по вышеупомянутой рукописи *Архива при св. Синодѣ* (Историческ. Записка 1773 г. о состояніи Кіев. Дух. Академіи).

III.

Грамота іерусалимскаго патріарха Θеофана, утверждающая Кіевское старѣйшее братство, съ учрежденіемъ при немъ братства младшаго.

1620 года мая 17.

(**93 л. об.**) Θеофанъ милостію Божіею Патріархъ святаго града Іерусалима, святаго Сіона, Сиріа, Аравія, Киликіа, Иверія, Канагалилеа, обон-полъ Іордана, и всея Палестины.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа, любы Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа, смиренія же нашего благословеніе.—

Всѣмъ въ православіи сіающимъ, иже въ малѣй Россіи, въ области же короны славнаго и преименитаго Королевства Полского сущимъ христіаномъ, сыномъ церкви Сіонскія, изряднее же обывателемъ Кіевскимъ. Понеже благодатію Божіею, идуще из великія Россіи отъ

благочестиваго Князя Михаила Ѳедоровича Московскаго, случися намъ нарочитъ многословущъ градъ богохранимъ Кіевъ посѣтити, и въ немъ благочестія цвѣты украшенную, паче же соузомъ любы еже о Господѣ спряженную братію, иже о непорочнѣй еже въ Господа нашего Іисуса Христа подвизающуюся вѣрѣ зрѣти: о семъ всѣхъ благъ дателя, содѣтеля, Бога благодаряще, молимъ, да во разпространѣніе славы въ Тройцы, въ Единомъ же существѣ славимаго имени своего, избереть себѣ исповѣдниковъ, и всѣхъ в едино тѣло церкви, на краеугольнемъ въ Сіонѣ положеннѣмъ камени, подъ смиренную главу Христа своего соберетъ и съединитъ. Что бо сице споспѣшествуетъ во всяко дѣло благо, еже о Христѣ Іисусѣ, яко соузъ братолюбія, безъ него же вѣра и прочая вся добродѣтели ничтоже ползуютъ; *о семъ бо*, рече, *познаютъ вы, яко мои есте ученицы, аще любите другъ друга.* Сего ради въ благочиннѣйшее исправленіе, и вящшее еже о церквахъ Божіихъ попеченіе, и сихъ разширеніе, смиренія нашего благословеніемъ новодруженное братство богоспасаемаго града Кіева благословихомъ и хартіею нашею благословенною (**94 л.**) въ вѣчніе роды укрѣпихомъ, к нему же моленіемъ любоподражательныхъ братій во еже во множайшее распространѣніе славы имени Господня въ богоспасаемомъ семъ градѣ Кіевѣ, по образу прочихъ благочестивыхъ братствъ въ мнозѣхъ градовѣхъ государства великаго Государя Полскаго сущихъ, братство младенческое старѣйшему братству единомыслное и повинующееся, о Господѣ заложити изволше благословихомъ, и симъ начертаніемъ нашимъ благословляемъ и вписуючимся въ братство въ вѣрѣ благостояти и по чину старѣйшаго братства, паче же прочихъ древнѣйшихъ братствъ, хранящеся впасти въ сѣть непріязненную, строити себѣ повелѣваемъ: и надъ всѣми сими любовь к всѣмъ о Господѣ, и смиреніе стяжати, и благочестія неотступнымъ быти, украшающе юность свою всякою добродѣтелію, яко еже быти всѣмъ во образъ: „видѣвше же ваша добрая дѣла, прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ“. Сія же вся совершивше желаннаго живота вѣчнаго сподобитеся. Его же буди всѣмъ намъ получити, молитвами Пресвятыя Богородицы присно Дѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, изряднее же святаго славнаго и всехвалнаго Апостола Іакова брата Божія и первѣйшаго первосвятителя іерусалимскаго, от них же и на насъ другопріемателнѣ благодать всесвятаго животворящаго Духа превзиде, и на мѣстехъ святыхъ на них же спасеніе наше содѣяся служителемъ

и хранителемъ устрои. Благословеніе смиренія нашего и молитва да будетъ со всѣми вами. Аминь.

Писанъ въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ лѣта отъ Адама ҂ѕр҃ки, отъ воплощенія жъ Бога Слова ҂а҃х҃к, индикта г҃ мая въ 31 день.

Въ подлинной грамотѣ подписано по гречески.

(М. П.)

Примѣч. Впервые означенная грамота напечатана у Амвросія въ *Истор. Рос. Іерархіи*, ч. I, стр. 459—462 (изд. 1607 г.) и *Памят. Кіев. Врем. Комм.* т. II, № 3.

IV.

Грамота іерусалимскаго патріарха Θеофана, учреждающая при Кіевскомъ Богоявленскомъ братствѣ патріаршую Ставропигію.

1620 года, мая 26 дня.

(92 л.) Θеофанъ милостію Божіею Патріарха святого града Іерусалима, святаго Сіона, Сирія, Киликія и всея Аравіи, Кана-Галилея, обонполъ Іордана и всея Палестины.

Смиреніе наше теперешнимъ листомъ вѣдомо чинитъ всѣмъ, ижъ мы будучи въ земли Руской великого Государства Московскаго, за панованья благочистиваго и Богохранимаго царя православнаго Михаила Θеодоровича, великими церкве Божое, святаго мѣста Іерусалима кгвалтовными потребами притисненные, и оттоль назадъ идучи чрезъ панство великаго короля Польскаго Жикгмонта третего, и пришедши во свѣтлую державу панованья его полудное Россіи до Богоспасаемаго града Кіева, видечи мѣсто Кіевъ, здавна во благочестіи всходнее Церкви добросталое, монастырми чудотворными и церквами старожитне уфундованое и оздобленое, православними Россійскаго роду преложеными обоего стану духовнаго и свѣцкого, шляхты и посполитыхъ людей, наполненое: Богу дяки отдавши, невымовне утѣшилисмися, и поклонъ учинивши належный на мѣсцахъ знамените святыхъ въ монастырѣ Печерскомъ обители Пресвятой Богородицы, где и мощи преподобныхъ угодникъ Божіихъ различ-

ныя видѣвше лобизахомъ, и имъ достойную честь святыни воздати судихомъ. въ монастырѣ св. Николы Пустынномъ. въ монастырѣ Святого Михаила церкви Золотоверхой. въ монастырѣ Святыя Троицы Свято-Кyрилскомъ. въ монастырѣ Святого Преображенія Спасова Межигорскомъ, где и Николы святого чудотворца и святыхъ верховныхъ Апостолъ Петра и Павла храмы. въ монастырѣ Успенія Пресвятыя Богородицы Терехтемирове, и розные церкви мирскіе въ самомъ мѣсте Кіевѣ, почавши отъ церкви Соборной Успенія Пресвятоя Богородицы митрополіи Кіевское посредѣ града муромъ, и церкви Спаса Святаго деревомъ новоотновленные и коштомъ великимъ благочестивыхъ гражданъ Кіевскихъ украшенные, и иніе. Такъ и домы многихъ христолюбивыхъ наведелисмы, где отъ всѣхъ купно и отъ каждого зъособна, яко и отъ благочестивыхъ и церкви восточное (**92 л. об.**) благопослушныхъ и всякія побожности полныхъ сыновъ, человѣколюбіе и достойную честь пастырству нашему принявши, всѣхъ благословенія гроба святого Христова и молитвъ смиренія нашего сподобилисмо, и сею грамотою нашею обще со всѣми домашними ихъ, въ православіи пребывающими, вѣчно сподобляемъ и благословляемъ, а особливе церковь новозаложенную святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, страннопріимный дворъ Братства церковнаго, гдесми увесь часъ забавы нашей отъ самаго пріѣзду до мѣста Кіева, по силѣ дарованія Божія, отъ обывателей мѣста гощоныя страннолюбнѣ препочивали. При которомъ и школу наукъ Елинно-словенскаго и Латино-полскаго письма, въ цвѣченю побожного живота, въ подаваню наукъ належныхъ, где вызнаня вѣры непорушно и догматъ святыми вселенскими седми соборами церкви восточной уставленныхъ, неотмене хотящимся учити, а звлаща младенческому уму наука презъ учителей тоежъ церкви щире показывана и вливана быти маетъ. Такъ тежъ и братство церковное, братство милосердія, которое есть связкомъ досконалости въ томъ же мѣстѣ Кіевѣ ко созданю тѣла церкви Христовы, ко обмислу около пріимованя странныхъ, около цвиченя христіанскихъ дѣтей въ наукахъ и житію честномъ, около церкви Божое порядку и оздобы пристойное. Такъ тежъ схадки и совѣты о томъ часте видѣвши, благословили мы, и благословляемъ и укрѣпляемъ, а до того властію и благодатію Всесвятого и Животворящаго Духа, маючи зуполную мощь и позволеніе отъ сполъбрата и сослужителя смиренія нашего

Кѵръ Тимоѳея вселенскаго патріарха Константинопольскаго, належного пастиря Русскихъ земель, и самое митрополіи Кіевское и Галицкое отца. Маючи мы при собѣ Ексарху его велебнаго Арсенія Архимандрита великія церкви въ Константинополи, и прочихъ сполъ братіи нашей (**93** л.) Кирилла Александрійскаго, Аѳанасія Антіохійскаго святѣйшихъ патріарховъ: Видячи церкви Божое великое озлобленіе отъ апостатовъ, законопреступныхъ пастырей ихъ бывшихъ въ земли Русской, на знакъ бытности нашей въ мѣстѣ Кіевѣ на кгрунте братскомъ, при церкви святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія, крестъ водружаемъ, и Ставропигіонъ патріаршеское достойно быти судивше благословляемъ, которое жадной духовной Митрополічей, Архіепископской, Епископской, ани жадной иной въ духовномъ исправленіи зверхности судови и благословенству николи подлѣгати не маетъ, и не будетъ повинно вѣчними часы, окромъ самой Патріаршеской Константинополской Вселенской столицы. И тамъ цвѣченя духовного, такъ иноковъ молодыхъ, што способомъ монастыря по закону святаго Василія общежительно быти, яко и христіанскихъ дѣтей, во всякомъ благочестіи и чистотѣ и бѣглости писма, въ школу мѣти хощемъ и благословляемъ. Повелѣваючи, и въ Святомъ Духу всякому такъ духовному яко и свѣцкому якого колвекъ стану людемъ запрещаючи, абы тому святому патріаршескому Ставропигію, братству, школи и странноприемству противны не были, подъ анаѳемою вѣчнаго непрощенія. Всѣмъ же православнымъ и благочестно догмати Святыя Вселенскія Соборныя Апостольскія Восточныя Церкви, и отеческая во Духу запрещенія вѣрно хранящимъ, во грядущее всѣхъ благополученіе, нашего же смиренія благословеніе и молитва да будетъ. Аминь. Писанъ въ Богоспасаемомъ Градѣ Кіевѣ, въ лѣто отъ бытія міру ҂ зр҃ки индикта третяго, плотскаго же смотренія Бога Слова Господа нашего Іисуса Христа ҂ а҃х҃к, мѣсяца маія к҃s дня.

Примѣчаніе. Настоящая грамота была напечатана два раза: въ *Истор. Рос. Іерархіи* Амвросія, ч. I стр. 463—468 (изд. 1807 г.) и *Памят. Кіевс. Времен. Коммис.* т. II, № 4. Но указанныя изданія имѣли одно *весьма существенное* разночтеніе: у Амвросія то мѣсто патріаршей грамоты, гдѣ говорится о кіевобратской школѣ, читается такъ: „школу *Елино-словенскаго и Латино-польскаго письма*“; въ *Памятникахъ же Врем. Кіевской*

Коммис., означенное мѣсто читается: „школу *Елинно-Словенскаго и Латинскаго письма*“. Отсюда выходила значительная разница въ заключеніяхъ о преподаваніи языковъ въ тогдашней кіевской школѣ (см. *Записки о первыхъ временахъ Кіево-Богоявлинскаго братства М. А. Максимовича*, § 9). М. А. Максимовичъ держался чтенія кіев.-коммиссіи (ibid.); но онъ ошибался. Сличеніе *Евгеніевскаго Сборника* (откуда заимствована Коммисіею Ѳеофанова грамота) съ рукописью, съ которой онъ списывался *(Историч. записка 1773 г. о состояніи Кіев. Академіи, съ прилож. документовъ)*, показываетъ, что переписчикомъ въ означенномъ мѣстѣ допущена была описка: именно пропущено слово—*польскаго*.

V.

Грамота іерусалимскаго патріарха Ѳеофана Кіевскому братству, заповѣдующая любовь и единодушіе.

1621 года, января 7 дня.

(**94 л. об.**). Ѳеофанъ милостию Божіею Патріархъ Божія града Іерусалима, святаго Сіона, Аравіа, Финикіа, Кана-Галилеа, обонполъ Іордана и всея Палестины.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа, любы Бога Отца и причастіе Святаго Духа, смиренія нашего благословеніе всѣмъ благочестивымъ христіаномъ въ малой Россіи в областяхъ Коруны великаго и непобѣдимаго Королевства Полскаго сущимъ сыномъ церкви Россійскія восточнія: изряднѣе же обывателемъ града, благодать вамъ, милость и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа и Всесвятаго и Животворящаго Духа, Единосущныя и нераздѣлныя Троицы. Понеже благодатіею Божіею идущимъ из великія Россіи отъ благочестиваго Князя Михаила Ѳеодоровича Московского случися намъ богоспасаемъ, многословущъ градъ вашъ Кіевъ посѣтити, и еже у васъ неувядаемо въ благочестіи процвѣтающихъ, паче же соузомъ любви братолюбія спряженныхъ слишитѣ: что бо сице споспѣшествуетъ ко созданію тѣла церкви смиреннаго и непорочнаго агнца Божія, яко соузъ братолюбія, безъ него же вѣра и прочая вся добродѣтели ничто же ползуютъ. О семъ благодаряще Бога, Его же

и молимъ, да и въ прочихъ градѣхъ и странахъ вездѣ, въ честь и похвалу Триипостаснаго Единосущнаго имени своего, благочестивыхъ единыя истинныя, на краеугольнѣмъ въ Сіонѣ положеномъ камени основанія, еже въ Господа нашего Іисуса Христа (отъ него же и христіане нарекохомся), вѣры изберетъ и утвердитъ исповѣдниковъ, и всѣхъ во ограду небеснаго рая собранія и зрѣния лица славы своея насладитися сподобитъ: прочихъ ревнителей сея истинныя вѣры и хранителей догматъ святыя вселенскія церкви, аще око наше чувственное не видѣ, но точію слухомъ услышавше о исправленію ихъ, мисленнима очима сихъ видяще, зѣло душею возрадовахомся. О сихъ всѣхъ благодареніе содѣтелю Богу возсылаемъ, яко не волитъ ни единому человѣку погибнути, но еже спастися и в разумъ истинный прійти: еще злохитрій (**95 л.**) и коварный древній врагъ, всякому добру ненавистникъ, разсѣятель же злобы своея, да всяко дѣло благо разрушитъ, всяцеми образы навѣтовати тщится, и яко же избирая изъ начала собѣ сосуды лукавія человѣки, иже образъ благочестія имуще, сили же его отвергшеся, иже неутвержденныхъ и простыхъ человѣкъ отъ вѣры возвращаютъ, и во свою всепагубную ересь отводятъ. Сего ради, чадца, ощутивше отступныхъ ухищреніе, всѣмъ бо симъ въ послѣдніи времена подобаше бывати, да вѣрніи искусни являтся, претерпѣвый же до конца спасется. Молитъ васъ смиреніе наше, и отеческимъ благоправіемъ повелѣваетъ вамъ не разслабѣвати душею, и не унивати тѣломъ, но еже бодренымъ и готовымъ быти, вземше вся оружія Божія на прогнаніе врага: нѣсть бо наша брань, по Апостолу, ко плоти и крови, но къ началамъ и ко властемъ и къ миродержителямъ тмы вѣка сего и къ духовомъ злобы поднебеснымъ. Вышше (же всего) любовь стяжите, юже благочиннѣ совершати Богу обѣщастеся, и на раздеженіе ея братство водрузѣте, въ немъ же васъ и всѣхъ купно духовныхъ же и мірскихъ всякого возраста и сана въ православной вѣрѣ живущихъ, сею благословенною хартіею нашею благославляемъ, и тое братство ваше Боговожделенное симъ писаніемъ нашимъ во вѣчніи роди утверждаемъ: да пребываете въ немъ богобоязненно со всяцѣмъ усердіемъ, другъ друга пріемлюще, ко другъ другу зависти не движуще и ни очесомъ завидяще, но паче исполняющеся духомъ кротости, послѣдующе преданіемъ древнѣйшихъ братствъ. О семъ бо, рече Господь: познаютъ вы, яко мои есте ученицы, аще любите другъ друга. Сія же вся совершивше, чаемаго жи-

вота вѣчнаго сподобитися: его же буди всѣмъ намъ получити молитвами пречистія Богородицы Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, изряднѣе же святого славного и всехвалнаго Апостола Іакова, брата Божія, и первѣйшаго первосвятителя Іерусалимского, отъ него же и на насъ другопріимателнѣ благодать Всесвятаго и Животворящаго Духа на мѣстѣхъ сихъ святыхъ, на нихъ же спасеніе наше содѣяся, служити и строити превзійде; благословеніе же смиренія нашего и молитва да будетъ со всѣми вами. Аминь. Писанъ въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ въ лѣто отъ бытія міру 7128, плотскаго же смотренія Бога Слова 1621, мѣсяца Іаннуарія 7 дня.

Примѣч. Означенная грамота впервые напечатана у Амвросія въ *Исторіи Рос. іерархіи*, ч. I, стр. 469—472 (изд. 2-е), —и за тѣмъ въ *Памятн., изд. времен. Кіев. коммиссіею*, т. II, отд. I, № 5.

VI

Вирши, сочиненныя ректоромъ Кіево-братской школы Кассіаномъ Саковичемъ и произнесенныя учениками означенной школы при погребеніи гетмана запорожскаго войска Петра Конашевича Сагайдачнаго.

1622 года.

(**Загл. листъ**). *Вѣршь на жалосный погребъ Зацного Рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, Гетмана Войска Его Кор. Милости Запорозкого, Зложоныи презъ инока Касіана Саковича Ректора школъ Кіевскихъ въ Брацтвѣ. Мовленые отъ его студеовъ на погребѣ того цного рыцера въ Кіевѣ, въ недѣлю проводную, року Божого, тисяча шестъ сотъ двадцать-второго.*

ѳ царст. г.

Не вѣсте ли яко Властелинъ великъ паде въ сій день въ Ізраили.

(**Об. загл. л.**). На гербъ сильного войска Его Кор. мил. Запорозкого.

Въ подлинникѣ отгравированъ гербъ войска запорожскаго, представляющій вооруженнаго козака.

Кгды мензства Запорозцовъ Кролеве дознали,
Теды за Гербъ такого имъ рыцера дали.
Который ото готовъ Ойчизнѣ служити,
За волность еи и свой животъ положити.
И якъ треба землею албо тыжъ водою:
Вшеляко онъ способный и прудкій до бою.

(1 стр.). ПРЕДМОВА.

Зацнесильному войску Его Кор. милости, Запорозкому: ласки Божое, доброго здоровя и щасливого надъ неприятелми отчизны звитязтва зъ несмертельной славы набыванемъ, Авторъ, отъ въ Троици единого Бога зычитъ.

Вѣрность подданныхъ противъ Пану то справуетъ,
Же имъ што найболшого есть въ людехъ, даруетъ.
Найболшую речъ межи всѣми сужу волность,
Которой въ стосованю уступуетъ годность.
Того ми посвѣдчити могутъ всѣ створеня,
Которыи зъ натуры прагнутъ свобоженя.
Золотаа волность: такъ еи называютъ:
Доступити еи всѣ пилне ся стараютъ.
Лечъ она не каждому можетъ быти дана,
Толко тымъ што боронятъ Ойчизны, и Пана.
Мензствомъ еи Рыцерѣ въ войнахъ доступуютъ,
Не грошми: але кровю ся еи докупуютъ.
(2 стр.) Войско Запорозкое волности набыло
Тымъ: же вѣрне Ойчизнѣ, и Кролюмъ служило.
Кройники о ихъ менствѣ старые писали,
Якъ они неприятелей Ойчистыхъ бивали
Моремъ, сухомъ, частокроть пѣшо, и тыжъ конно:
Хотяй ся неприятель ихъ убиралъ збройно.
Племя то есть зъ насѣня оного Іафета,
Который зъ Симомъ покрылъ отчіе секрета.
За Олекга Росского монархи плывали
В чолнахъ по мору: и на Царъградъ штурмовали.
Ихъ то продки зъ Росскимъ ся Монархою крестили
Владимеромъ: и въ вѣрѣ той статечне жили.

При которой и они такъ стоятъ статечне,
Же за ню умирати готови конечне.
Бывали межи войскомъ тымъ Князѣ и Паны,
С которыхъ выходили добрыи Гетманы.
Якимъ и тотъ ихъ Гетманъ Петръ Конашевичъ былъ,
Который справъ Рицерскихъ дѣлностю всюды слылъ.
О Войску Запорозкомъ кождый можетъ знати,
Якъ оно Ойчизнѣ есть потребно, уважати.
Украина тымъ войскомъ вцале зоставаетъ.
А где Запорозцовъ нѣтъ, татаринъ впадаетъ.
Свѣдками того суть (охъ) мѣста Подолскіи:
И краи Подгорскіи, ажъ тыжъ и Белзкіе.
Где много поганинъ крве христіянскои розлялъ,
А живо позосталыхъ тыхъ въ неволю забралъ.
(3 стр.) Козакъ нѣмаючи нѣ зброи, нѣ шишака,
Стигаетъ татаръ: бы моглъ допасти лошака.
Чинитъ здоровю своему часто одваженя,
Бы толко неволникъ моглъ мѣть высвобожена.
Прото которыи бы хтѣли вотовати
Жебы ихъ знести, албо туркови выдати:
Теды певне въ тужъ бы якъ овцѣ сѣть впали,
Кгды бы своихъ сторожовъ псовъ волкомъ выдали.
Они Ойчизнѣ нашой суть обороною,
Отъ татаръ поганыхъ и турковъ: заслоною.
Але южъ до васъ мову мою обертаю
Зацное Рыцерство: всѣхъ васъ напоминаю:
Абысте въ вѣрѣ своей святой моцно трвали:
И вѣрность Кролю Пану въ всемъ заховали.
За которую волность вамъ есть дарована,
Же прочъ самого Кроля не маете Пана.
Отъ вшелякихъ податковъ, и судовъ волными
Естесте: заслугами своими годными.
Тую волность за клейнотъ дорогій ховайте,
Заслугами своими еще причиняйте.
И ты днешній Гетмане зацный Олефѣру,
Щасливе справуй войскомъ тымъ, а ховай вѣру

Богу: и народови тыжъ христіанскому.
Чимъ будешъ завше страшный племени поганскому.
И съ тымъ Рицерствомъ славы доброи набывай
А мене въ ласце своей зо всѣмъ войскомъ ховай.
(4 стр.) Которому книжечку тую офѣрую,
И подъ именемъ всего войска въ друкъ дарую.
И што ся тутъ на славу Гетмана писало
Петра Конашевича: на васъ ся стягало.
Кгдыжъ Гетманъ не самъ презъ ся лечъ войскомъ есть славный.
А войско тыжъ Гетманомъ, доводъ то есть явный.
Гетманъ безъ войска штожъ есть, войско тыжъ безъ него;
Згола нѣчого не есть единъ безъ другого.
Речъ кончачи: Творцу васъ Богу полецаю,
Щасливого звитязтва завше вамъ жадаю.

Вашимъ милостямъ моимъ Велце ласкавымъ Панамъ и добродѣомъ, всему Рыцерству Его Кор. Мил. Запорозкому.

Унижоный и зычливый слуга и молитвенникъ

Многогрѣшный инокъ *Касіанъ Саковичъ*,
Ректоръ школъ Кііовскихъ

т̃п: т̃с: ж̃б:

Здѣсь, въ началѣ 5 страницы, находится изображеніе Петра Конашевича Сагайдачнаго, на конѣ и въ гетманскомъ убранствѣ; сбоку—гербъ гетмана (крестъ, стоящій на верху полукружія подковы).

ПЕРВЫЙ СПУДЕЙ.

Естъ для чого гойныи слезы выливати:
Сердцы, усты, и шатми жаль свой освѣдчати:
Бо ото смерть горкая, невчесне порвала
Славного Рыцера, с котрого похвала

(6 стр.) Кролю Пану, и Речи Посполитой была:
Бо его слава въ многихъ краяхъ земныхъ слыла.
Славное войско годно такого Гетмана,
Который пилне стерегъ чести своего Пана.
Умѣлъ мудре тымъ силнымъ войскомъ керовати,
Доброго любилъ: злого зась звыклъ былъ карати.
Для тогожъ и звитязства часто доказовалъ,
Же карность зъ послушенствомъ въ своемъ войску мѣвалъ.
Пилне онъ того стерегъ, бы война съ христіаны,
Христіаномъ не была, лечъ толко съ поганы.
Которыхъ онъ водою и сухомъ воевалъ:
И плѣненыхъ христіанъ зъ моцы ихъ выдиралъ.
Слушне о томъ Гетманѣ каждый держать може,
Же былъ правый Гетманъ, дай му вѣный покой Боже.
За великую собѣ мѣлъ то нагороду,
Кгды зъ неволѣ вызволилъ кого на свободу.
Кгдыжъ война для тыхъ толко причинъ маетъ быти,
Себе отъ кривдъ и иныхъ такъже боронити.
О цный Гетмане славный въ людехъ по всѣ вѣки,
Нехай тя пріймет Христосъ въ небесныи лики.

Стефанъ Почаскій.

(7 стр.) ВТОРЫЙ.

Милость въ сердцу палаетъ якъ мовитъ Сенека,
Ведлугъ времени праве каждого чловека.
В потѣхахъ съ пріателемъ сполне ся радуетъ:
А въ противныхъ зась речахъ сполъ зъ нимъ ляментуетъ.
Тая по своихъ милыхъ тескнитъ хоть нерада,
Утративши милого друга, альбо брата.
Тая великого насъ жалю наполнила:
Кгды презъ смерть того мужа отъ насъ отдалила.
Который своимъ менъствомъ слынулъ въ всѣхъ краяхъ:
В Татарскихъ, Турскихъ, наветъ и въ Полночныхъ странахъ.
Не разъ онъ громилъ орды Татаровъ на шлакахъ,
И загоны ихъ разилъ въ великихъ оршакахъ.

Дозналъ моци Рыцера того Турчинъ сильный [1]),
В томъ тогорочномъ бою, якъ то былъ мужъ дѣлный.
Же въ маломъ почтѣ своихъ, Турскимъ многимъ полкомъ,
Менжне спиралъ, поганскимъ розѣдлымъ волкомъ,
За ойчизну межне ся имъ заставляючи,
Здоровя своего намнѣй не охороняючи.
Волѣлъ самъ якъ Кодрусъ Кроль въ Атенахъ въ Греціи [2]),
Смерть поднять, бы ойчизна толко была вцѣлѣ.
(**8 стр.**) Кгдыжъ лепѣй есть стратити животъ за ойчизну,
Нѣжли непріятелю достатся въ коризну.
Кто бовѣмъ за ойчизну не хочетъ вмирати,
Тотъ потомъ зъ ойчизною муситъ погибати.
Цный Сагайдачный волѣлъ самъ рану подняти,
Нѣжлибы поганину христіанъ выдати.
Отъ которои раны ото умираетъ,
Але слава и мензство его зоставаетъ.
Такъ якъ Спартанского Кроля Леонидеса,
Который менжне Кроля воевалъ Ксерксеса.
Шестьсотъ толко зъ собою Рыцеровъ маючи,
Впалъ зъ ними Ксерксово войско рубаючи:
Которого по пятькроть стотисячый было,
Лечъ отъ шестехъ сотъ, двадцять тисячъ го убыло:
Тамже и тые шестьсотъ на пляцу зостали,
Але ся живо поймать нѣкому не дали,
Которыхъ мензство будетъ такъ долго слынути,
Поки въ своихъ берегахъ Нилъ будетъ плынути.
Такимъ способомъ Рыцеръ славы набываетъ,
Кгды ся зъ неприятелемъ менжне потыкаетъ.

Петръ Созоновичъ Балыка.

(**9 стр.**) ТРЕТІЙ.

Попрожну фрасуетъ ся всякъ живый человѣкъ,
Поневажъ короткій есть его на свѣтѣ вѣкъ.

---

[1]) На поляхъ противъ этого мѣста напечатано: *Въ Волошехъ, рокъ 1621.*

[2]) На поляхъ: *Юстинусъ, книга 2.*

Богатство, мудрость, слава, сила все преходитъ,
Нѣчогося трвалого въ мѣрѣ не находитъ.
Што можемъ въ томъ Рыцеру нашомъ оглядати,
Же такъ неиначей есть, латво узнавати.
Чили онъ не мѣлъ силы, здоровя, и грошій;
Не былъ ли славный, менжный, на тѣлѣ хорошій;
Чили не мѣлъ докторовъ на свою хоробу;
Лечъ на смерть нѣтъ лѣкарства отдается гробу.
Чловекъ якъ тѣнь, сонъ, трава, якъ цвѣтъ увядаетъ,
Нагъ ся родитъ, нагъ сходитъ, все ся тутъ зостаетъ.
Видишъ якъ міръ, и похоть зъ свѣтомъ преминаетъ,
А творяй волю Божію вѣчне пребываетъ.
Учѣможъся чужими приклады карати:
Лакомства, и злыхъ дѣлъ пилне ся варовати.
Кгдыжъ нѣчого спросного не внійдетъ до неба,
Поки ся не очиститъ душа якъ потреба.

Іоаннъ Саковичъ.

(10 стр.) ЧЕТВЕРТЫЙ.

Идешъ отъ насъ Гетмане милый,
Коронѣ той велце зычливый.
Крвю обляный, пострѣломъ Турскимъ,
Кончишъ животъ, вырокомъ Бозскимъ.
Смѣле ойчизны боронячи:
Здровя за ню покладаючи.
Еднакъ потомнымъ вѣкомъ, слава
Вѣчная, по тобѣ зостала.
Котроись набылъ своимъ менздвомъ:
З славнымъ Запорозкимъ Рицерствомъ,
Которогось вожемъ былъ славнымъ,
Непріателюмъ ойчизны страшнымъ.
Докончилесь на земли бою,
Отпочинь же въ вѣчномъ покою.
По тыхъ земныхъ трудахъ и працахъ:
Вытхни собѣ въ горныхъ палацахъ.
Которыхъ есь собѣ пожадалъ:
Добрыми дѣлы ихъ набывалъ.

Θеофілактъ Іоанновичъ
Бурмистровичъ К:

(11 стр.) ПЯТЫЙ.

Я тыжъ вамъ хочу килка прикладовъ вказати:
Яко ся звыкли люде на смерть готовати.
Розмаитыи собѣ побудки чинячи:
Гробы, трунны, надъгробки предъ смертю рядячи.
Што не толко чинили сами христіане,
Але тыжъ изъ невѣрныхъ многіи погане.
Абы такимъ способомъ на смерть памятали,
До неися добрыми дѣлы готовали.
Філядельфъ Кроль Египетскій бы на смерть памяталъ,
Образъ еи при своемъ столѣ завше мѣвалъ:
При которомъ Голову якого мертвого
Кладено, и волано на Кроля живого:
Познавай мовитъ Кролю, чія то Голова;
Прійдетъ тотъ часъ кгды будетъ такаяжъ и твоя,
Которую снать такъже будутъ вказовати,
Если Кролевская есть, будутъ узнавати.
То чинилъ Філяделфъ Кроль, и его Дворяне.
Штожъ на то рекутъ нынѣшніи Христіане;
Которыи въ роскошахъ вѣкъ свой провожаютъ,
На Смерть, Судъ, пекло, Царство мало памятаютъ.

Іоаннъ Тарнавскій, Протопоповичъ К

(12 стр.) ШЕСТЫЙ.

Кгды Кгрецкіи Цесары на Панства въѣжджали,
Теды ихъ всѣ з трыумфомъ въ мѣсто впровожали,
Долгощасливого имъ Царства вѣншуючи,
Розмаитыи дары имъ офѣруючи:
Тымъ тыжъ часомъ Мулярѣ до нихъ приходили,
Розныхъ Мармуровъ штуки предъ нихъ приносили,
Пытаючи: зъ якого бысь собѣ Мармуру
Казалъ уробити гробъ; Велможный нашъ Цару.
То чиняно Цесаромъ въ Константинополю:
Абы завше въ памяти мѣли Божю волю.

И щастю того свѣта жебы не уфали,
Але на смерть каждого часу памятали.
Вѣдаючи же того свѣта честь, и слава,
И богатство преходитъ якъ тѣнь, сонъ, и пара.

Θеодоръ Скаревскій.

СЕДМЫЙ.

Северусъ Императоръ, за живота казалъ
Собѣ Трунну зробити: и въ нюй ся укладалъ:
(13 стр.) Оную цалуючи, и облапляючи,
Такъ до онои Трунны своеи мовячи:
О трунно, якъ же мушу въ тобѣ ся змѣстити!
Што ся не могу всего свѣта насытити:
Ты мя замкнешъ своими четырма дощками,
Который теперъ владну многими краями.

Леонтій Балыка, Бурмистровичъ К:

ОСМЫЙ.

Салатинъ Кроль много Панствъ на собѣ маючи,
Тотъ хоробою зложонъ смертною будучи:
Казалъ свою Кошулю Возному носити,
По мѣсту Алкаиру, и такъ голосити:
Ото кроль такъ Великій много Панствъ маючи,
Тую то Кошулю возметъ, вмираючи.
Годный то прикладъ, бысмы нань всѣ памятали
Же тыжъ зъ собою толко возмемъ, уважали.

Іереміа Ставровецкій.

ДЕВЯТЫЙ.

Філиппъ Кроль Макидонскій отецъ Александровъ,
Тотъ подбивши подъ свою моцъ многихъ Монарховъ,

(14 стр.) Жебы ся щастямъ тогосвѣтнимъ не вывышалъ,
И за несмертелного Царя не почиталъ,
Казалъ едному зъ своихъ Пахолятъ входити
Што день къ собѣ на впокой, и тое мовити:
Памятай Кролю, жесь есть человѣкъ смертелный,
Прійдетъ тотъ часъ: же будешъ въ землю погребенный,
Будутъ ся кости твои по земли валяти,
Если суть Царскіе, нѣхтъ ихъ не будетъ знати.
Што потымъ Діогенесъ на око указалъ:
Кгды го Александеръ Кроль межи костми засталъ,
А онъ кости умерлыхъ людей прекидаетъ.
Што то мовитъ чинишъ; Кроль его запытаетъ:
Шукаю мовитъ, отца твоего головы,
Лечъ не могу познати ни руки, ни ноги,
Все ся въсполъ помѣшало: не знать убогого,
Анѣ тыжъ богатого, анѣ учоного.
То чинили многіи сего свѣта Паны,
Хоть не вѣрили Въскресенію, якъ поганы.
А мы хоть Въскресенію изъ мертвыхъ вѣримо,
А предся вѣруючи добре: зле чинимо.

Іоаннъ Стецкій.

(15 стр.) ДЕСЯТЫЙ.

Двохъ Архіепископовъ еще вамъ приточимъ:
Яко ся готовили на смерть, и речь скончимъ.
Василій, которого зовемъ, Великій:
Тотъ кгды отправлялъ службы въ зацныи Праздники:
В свѣтлыхъ рызахъ, и въ барзо коштовной Коронѣ,
При великомъ духовныхъ, и свѣтскихъ съборѣ.
И кгды му зъ уважностью всѣ услуговали
Якъ Архіереови: честь му выряжали.
Наштo смотрячи Валенсъ праве ся здумѣвалъ,
Кгды Василій въ Крещеня Праздникъ литургисалъ.
Видячи же овечки Пастыря чтили,
При немъ душѣ бы свои были положили.

Тому теды Святому Отцу, единъ мовлялъ
З духовныхъ, жебы въ такой чести смерть памяталъ.
И жебы казалъ собѣ гробу докончити,
Въ которомъ бы по смерти своей моглъ почити.
Смотри якъ то мужъ Святый самъ собѣ не уфалъ,
Боячи ся и въ Церкви абы въ пыху не въпалъ.
На которую собѣ лѣкарство давати
Казалъ скончень гробу, и смерть въспоминати.

Николай Отрешкевичъ.

(16 стр.) ПЕРВЫЙНАДЦАТЬ.

Іоаннъ тыжъ Ялмужникъ, предъ смертю зачалъ
Гробъ собѣ готовати, але го не кончалъ.
А то, жебы му часто смерть припоминано,
Кгды бы о докончену гробу его пытано.
То Архіепископы святыи чинили,
Которыи, такъ якъ мы, нѣкгды не грѣшили.
А предся абы пилне на смерть памятали,
Такіи побудки къ ней собѣ чиневали.
Были тыжъ и въ Егіпетскихъ скитахъ, што живали
Въ печерахъ, и зъ нихъ на свѣтъ мало выхожали.
Грѣхи свои во тыхъ гробахъ оплакиваючи,
Смерти своеи въ нихъ што день ожидаючи.
Маешъ тутъ приклады человѣче многіи:
Выбирай которыи тобѣ суть згожіи.

Іоаннъ Козаринъ.

ВТОРЫЙНАДЦАТЬ.

Александеръ Великій, обецалъ даровати
Едного Філософа, ошто бы хтѣлъ жадати.
(17 стр.) Філософъ о глейтъ просилъ, которымъ бы отъ Смерти
Боронилъ ся: кгды мовитъ, схочетъ на мя натерти.
Реклъ му Александеръ: же собѣ бымъ то рачей
Зычилъ, бымъ невмиралъ, лечъ не може быть иначей:

Кождый кто ся уродилъ, муситъ и умерети.
Жаденъ ся человѣкъ Смерти не можетъ оперети.
Нѣмашъ на ню лѣкарства, нѣмашъ и обороны,
З самыхъ Царей здираетъ свѣтныи ихъ Короны.
Не боитъся жолнѣрства, въкругъ Царя стоячого
З оружіемъ и стрѣлбою, его вартуючого.
Але беретъ съпосродку ихъ его спячого,
О смерти своей барзо мало мыслячого.
Не могу теды тобѣ такого глейту дати,
За которымъ бысь ся моглъ смерти уваровати.
Поневажъ и самъ тойже смерти подлегать мушу,
Хотемъ Кроль такъ великій, предъся выймегъ з мя душу.
Реклъ му Філософъ: прото и ты есть смертельный,
Чемужъ ти Панованя, умыслъ ненасыченый.
Усилуешъ подбити подъ моцъ свою всѣ Панства,
Жебытъся жаденъ человѣкъ невыдиралъ съ подданства.
Жіешъ такъ якобысь нѣкгды немѣлъ умерети,
Хочешъ всѣ богатства на земли пожерети.
(18 стр.) Вчомъ славы порожнеи на томъ свѣтѣ шукаешъ,
А же маешъ вмерети, на то не памятаешъ.
О піенкная отповѣдь, хоть мудрца поганского.
Могла бы преразити чловѣка христіанского,
Абы на короткій бѣгъ житя свого памяталъ,
Збиранья лакомого на свѣтѣ ся варовалъ.

Іоаннъ Пелчицкій.

ТРЕТІЙНАДЦАТЬ.

Кто бы хтѣлъ достатечне справы описати
Петра Конашевича, и на свѣтъ подати,
Муселъ бы у Кгрецкого Поеты Гомера
Зычить розуму, альбо тыжъ у Димостена.
Которыи валечныхъ своихъ Кгрековъ дѣи:
Выписали достатне, яко по лінѣи.
Лечъ намъ трудно зъ оными въ розумѣ зровнати,
Кгдысмы такихъ въ наукахъ працъ нехтѣли мати.

Еднакъ хоть простымъ Рытмомъ, предся незамолчимъ
Дѣлности того Мужа вкротце приточимъ.
А первей о его вамъ скажемъ уроженю,
По томь въ лѣтехъ молодыхъ о его цвиченю.
Уродился онъ въ краяхъ Подгорскихъ Премысскихъ,
Выхованъ въ Вѣрѣ Церкви Всходней зъ лѣтъ дѣтинскихъ
(19 стр.) Шолъ потомъ до Острога, для Наукъ уцтивыхъ,
Которыи тамъ квитли, за Благочестивыхъ
Княжатъ: которыи ся въ Наукахъ кохали,
На Школы маетностій много фундовали:
Абы ся Млодь въ Наукахъ уцтивыхъ цвичила,
Церкви, и тыжъ Ойчизнѣ пожитечна была.
Дай Боже, бы тая тамъ Фундація трвала:
Жебы ся оттоль Хвала Божія помнажала.
Тамъ теды Конашевичъ часъ немалый живши,
И Наукъ въ Писмѣ нашомъ Словенскомъ навыкши,
Потомъ видячи ся быть способнымъ до мензства:
Шолъ до Запрозкого Славного Рыцерства.
Межи которымъ презъ часъ не малый жиючи,
И Рицерскихъ дѣлностей тамъ доказуючи.
Гетманомъ потомъ собѣ Войско го обрало,
И зъ нимъ менжне Татаровъ, и Турковъ бивало.
За своего Гетманства взялъ въ Турцехъ мѣсто Кафу:
Ажъ и самъ Цесаръ Турскій былъ въ великомъ страху:
Бо му Чотырнадцать тисячъ тамъ люду збилъ,
Катарги едины палилъ, другіи потопилъ.
Много тогды зъ неволѣ Христіанъ свободилъ:
За што го Богъ зъ Воинствомъ его Благословилъ.

Здѣсь, въ началѣ 20 стр., находится литографированное изображеніе города *Кафы,* осаждаемаго запорожцами. На поляхъ картины—надпись: *Кафу воевалъ, року 1606.*

Бо за найбольшую нехъ собѣ нагороду
Почитаетъ Рыцеръ: игды кого на свободу

Вызволитъ: за што грѣховъ собѣ отпущенье
Одержитъ: а по Смерти въ Небѣ вѣмещѣнье.
Дознавалъ не поединъкроть Турчинъ поганинъ
Его мензства, и прудковоенный Татаринъ.
(21 стр.) Повѣсть и Мултянская земля, и Волошинъ,
Якъ ихъ тотъ Гетманъ зъ своимъ Рыцерствомъ полошил
Досвѣдчилъ и Інфлянтчикъ того Войска Силы,
Кгды ихъ тыи Рыцеры якъ траву косили.
Пулночныи тыжъ краи будутъ пямятати
Долго, его мужество, бо ся имъ далъ знати,
Великого звитязства тамъ доказуючи,
Мѣста и Городы ихъ моцныи псуючи.
И завше онъ дѣлностю своею вто трафлялъ,
Якъ бы безъ шкоды своихъ, непріятелювъ досталъ.
А кгды якого мѣста въ Христіанствѣ досталъ,
Теды Церкви въ покою оставляти казалъ.
Смотрѣте якъ то Гетманъ былъ Благочестивый:
По звитязствѣ памятал на Станъ свой уцтивый,
Што му не належало, того ся не тыкалъ,
Замойского Гетмана то онъ наслѣдовалъ:
Который тежъ Рыцерству въ Мултанѣхъ заказалъ,
Жебы жаденъ зъ нихъ Церквамъ крывды не выряжалъ.
Нерыхло другій такій повстанетъ Замойскій,
Што бы умѣлъ рядити такъ Пюромъ и Войски.
Дознализмы по смерти его дость отмѣны,
Военъ домовыхъ и тыжъ постронныхъ безмѣры.
(22 стр.) Оттоль уважаймы, якъ много на Гетманахъ
Добрыхъ, належитъ Панству, и на мудрыхъ Панахъ.
Лечъ я до своего ся Гетмана вертаю
Петра Конашевича, и въ немъ залецаю,
При мензствѣ, Вѣру его, въ которой статечне
Трвалъ, заставляючи ся заню досыть сердечне.
И завше зъ своимъ Войскомъ Кроля Пана просилъ,
Абы Вѣру нашу Святую успокоилъ.
Офѣруючися му тымъ хентнѣй Служити,
Кгдыбы рачилъ Релію нашу успокоити:
Для которои, междуособная Война

Дѣется межи людми, въ Панствѣ Кроля Пана,
Кгдыжъ за Вѣру готовъ есть Правый Христіанинъ
Умирати: а не дасться привести до новинъ.

Евтихій Самуиловичъ.

ЧЕТВЕРТЫЙНАДЦАТЬ.

А Кгды тую прозьбу Кроль зъ Сенатомъ откладалъ:
Тымъ часомъ Патріарха вчасне къ намъ завиталъ,
Зъ Землѣ Святой Мѣста Іерусалима:
Отколь вышла на вывесь свѣтъ Правдивая Вѣра.
(23 стр.) Которого тотъ Гетманъ зъ Войскомъ наведивши
Въ Кіевѣ, и поклонъ му достойный отдавши
Съ Православными, почалъ Раду въ томъ чинити:
Жебы могли Пастырей Православныхъ мѣти
Въ Церкви своей, на мѣстцахъ Владыковъ Унѣтовъ,
Которыхъ маетъ Народъ нашъ, за Езуитовъ:
Кгдыжъ Унѣяти зъ ними единомудрствуютъ,
Всѣхъ подбити подъ владзу Папѣ, усилуютъ.
Обравши теды згодне всѣ, зъ Людей Духовныхъ,
Честныхъ Мужей, и въ Писмѣ бѣглыхъ, Особъ годныхъ:
Патріарсѣ Святому ихъ презентовали,
О Посвяченя ихъ на Владыцства, жадали.
А кгды Святѣйшій Отецъ, зъ Ексархомъ обачилъ
Слушность въ жаданю, Особъ тыхъ Посвятити рачилъ:
Іова Борецкаго, на Митрополію,
И Владыкъ, на каждого ихъ Епископію.
Заставиши теды намъ Святыню въ Россіи
Святѣйшій Патріархъ: Самъ ехалъ до Кгреціи.
Которого тотъ Рыцеръ, въ Войскомъ Запорозкимъ
Отпровадилъ въ покою, къ Границомъ Волоскимъ.
Чинячи то за Его Кор. Мил. позволеньемъ,
И тыжъ Войска Запорозкого повеленьемъ.
(24 стр.) О якій тамъ плачъ былъ, кгды ся Войско вертало
Назадъ! и зъ Святѣйшимъ ся Отцемъ южъ жегнало,
Сердце ихъ правѣ мдлѣло зъ набожного жалю,
Въ ономъ ихъ зъ собою ся въ дорозѣ розстаню.

Тую теды послугу годне отправивши,
И Благословеніе Войску одержавши,
Вернули ся въ покою до своихъ Салашовъ,
И ледво троха вытхли: али Турчинъ нашолъ,
Зъ многоличбнымъ поганствомъ, на Отчизну нашу,
Южъ назначивши свого, до Мѣстъ нашихъ Башу.
Который въ Запорозкомъ Войску хтѣлъ снѣдати,
А въ Полскомъ зась Обозѣ мыслилъ обѣдати.
Але Богъ, въ которого моцы есть звитязство:
Додалъ моци нашему Войску, на Поганство.

Же хоть шесть кроть неровно, предъся утѣкали
Турци предъ нашими, кгды на нихъ натирали:
Снѣданя имъ, посполу зъ обѣдомъ даючи,
А на Вечеру начесть до Плютона шлючи.
Которои нехтячи другіи чекати,
Радинеради назадъ мусѣли вступати.
Дозналъ теды Поганинъ, моцы Іисуса Христа,
Которого блюзнили злыи его уста.

(25 стр.) Же нашихъ священниковъ хтѣлъ въ плугъ запрягати
И въ Домахъ Божіихъ, конѣ обецалъ ставляти.
Але гордому, все ся то вспакъ обернуло:
Же мало што Войска зъ нимъ назадъ ся вернуло.
Такъ то Богъ гордымъ завше звыклъ ся спротивляти:
Покорнымъ зась, и тихимъ благодать давати.
И зъ нашихъ, хоть много тамъ побитыхъ, и ранныхъ
Зостало, оружіемъ Турчиновъ поганыхъ:

Еднакъ если зъ Сповѣдю шли, на тую Войну,
Возмутъ заплату въ Небѣ, за мужество, гойну:
Же за Христіанскую кровъ ся заставляли,
Ойчизны боронячи, кровъ свою выляли:
На томже пляцу тотъ нашъ Гетманъ пострѣленый,
Пріихалъ до Кіева, наполы умерлый:

Где розмаитыхъ лѣкарствъ долгій часъ заживалъ,
На Докторы отъ Кроля самого коштъ мѣвалъ.
Бо ктожъ бы не зычилъ былъ такому Гетману
Здоровя; што вѣрне служилъ Ойчизнѣ и Пану.

А кгды тѣлу лѣкарство намнѣй не помагало,
И овшемъ въ болшую хоробу затягало:
Почалъ далей о душномъ лѣкарствѣ мыслити,
Якъ бы отъ змазъ грѣховныхъ моглъ ея очистити,
(26 стр.) На которую плястры такіе прикладалъ:
Жаль, и слезы гойныи за грѣхи выливалъ:
Ку Смерти ся отъ кильку недель готуючи,
Сповѣдю, и жалостю грѣхи ветуючи.
Тайну седмъкроть принялъ Маслосвященія,
Такъ тежъ тайны Святого зъ нимъ Причащенія.
Маетность свою роздалъ, едину на Шпиталѣ,
Другую зась на Церквы, Школы, Монастырѣ.
Итакъ все спорядивши, живота доконалъ,
При Церкви Братской честно въ Кіевѣ похованъ.
Вкотрое ся Братство, зо всѣмъ Войскомъ вписалъ,
И на него Ялмужну значную отказалъ.
С того Гетмана кождый Рыцеръ нехъ ся учитъ,
Якъбы тыжъ мѣлъ на свѣтѣ тотъ животъ свой кончитъ.
Ото онъ въ Вѣрѣ своей Святой трвалъ статечне,
И ойчизны своей боронилъ тыжъ менжне.
И маетностю добре своею шафовалъ,
Не на костки, и карты, и збытки оберталъ.
Але, яко есь слышалъ, на речи добрыи,
Души его по смерти барзо потребныи.
Видѣлъ онъ и Львовское Братство, хоть далеко,
Церковъ ихъ въ Мѣстѣ надѣлилъ, неледаяко:
(27 стр.) Суму значную грошій до Брацтва лекговалъ,
А жебы науки тамъ были: пилне жадалъ.
И такъ отъ всѣхъ повсюду Богомолье маетъ,
За тымъ нехъ душа его въ небѣ почиваетъ.

Матѳей Кізимовичъ.

ПЯТЫЙНАДЦАТЬ.

Недивъ Цная Малжонко жеся обливаешъ
Слезами, и отъ жалю праве омдлѣваешъ [1]).

[1]) На поляхъ: *Анастасіа, Молжонка его, Дому Ихъ мил. Панемъ Повченскихъ*

Бось утратила свого Малжонка милого,
Кролю и Посполитой речи зычливого.
Которого мужества, Турчинъ и Татаринъ
Бояльсѧ, досвѣдчивши, же былъ добрый Воинъ,
Для негось и ты у всѣхъ людей была славна,
А теперь твоя свѣча ясная южъ зъгасла.
Южъ ся съ тобою вѣчне Другъ твой розлучаетъ,
Богу тя въпродъ въ опеку, и Войску вручаетъ.
Жій побожне якъ вдова въ своей уцтивости,
Защо въ Бога и въ людей набудешъ милости.
Богъ есть сиротамъ Отецъ, а судіа Вдовамъ,
Караетъ кто бы хотѣлъ чинити кривду вамъ.

Григорій Кондратовичъ.

(28 стр.) Пожегнанье Малжонки, и Войска.

ШЕСТЫЙНАДЦАТЪ.

Престань южъ Малжонко моя ляментовати,
И слезъ тыхъ болше надомною выливати,
Допусти тѣло мое южъ земли отдати:
В которой буду Суда Божьяго чекати.
Вшакъ вѣдаешъ, же кождый хто ся на свѣтъ родитъ
Муситъ тыжъ умерети: прожно ся тутъ гордитъ.
Ямъ тыжъ былъ колись людемъ на свѣтѣ знаемый,
А теразъ отъ всѣхъ праве естемъ опущоный.
З самыми толко дѣлы, къ Судіи отхожу,
Тебе о Молитвы, за Душу мою прошу:
Мене вспоминаючи, на себе памятай,
Же тыжъ мусишъ вмерети, пилне то уважай:
Южъ ся с тобою нынѣ вѣчне розлучаю
Дорогая Малжонко, зъ жалемъ тя жегнаю:
В подземный отхожу край тѣломъ почивати,
Хиба ся ажъ на Судѣ будемъ оглядати,
Где каждый зъ насъ што сѣялъ тутъ, тамъ будетъ жати:
Небомъ, и Пекломъ, будутъ тамъ нагорожати.

Дай намъ Боже зъ собою тамъ ся оглядати,
И Христа Бога въ Небѣ вѣчне выхваляти.
(29 стр.) Жегнаю ся и зъ вами Славное Рицерство,
Надъ которыми мѣлемъ тое Преложенство:
Еслимъ кого образилъ, молю васъ простѣте,
Всѣхъ моихъ винъ, и образъ, прошу запомнѣте,
И просѣте за мене всѣ Господа Бога,
Бы ми волная была до Неба дорога.

Дімитръ Кривковичъ.

СЕМЫЙНАДЦАТЪ.

Несмертельной Славы достойный Гетмане,
Твоя Слава въ молчаню нѣкгды не зостане.
Поки Днѣпръ зъ Днѣстромъ многорыбные плынути
Будутъ: поты дѣлности тежъ твои слынути.
Не зайдешъ въ глубокое нѣкгды запомнѣня,
Анѣ тя лѣта пустятъ въ долгое молчѣня.
Бо если выхваляетъ Кгреціа Нестора,
Ахіллеса, Аякса. а Троя Гектора.
Атенчикове славятъ Кроля Периклеса,
И славного оного зъ нимъ Темистоклеса.
Римъ зась зъ смѣлости свого хвалитъ Курциуша:
И зъ щасливыхъ потычокъ славитъ Помпеюша.
(30 стр.) Теды тежъ и **Россіа Петра Саидачного**
Подасть людемъ, въ памятку вѣку потомного:
Абы его Послугы Крвавыи всѣ знали,
И предъ Народы годне его вспоминали:
Же то его въ томъ долѣ тѣло есть покрыто,
И на нагробку слова такіе вырыто:

Тутъ зложилъ Запорозкій Гетманъ свои кости,
Петръ Конашевичъ, ранный въ войнѣ: Для Волности
Отчизны. Кгды нань Турцы моцно натирали,
И Пострѣловъ смертельныхъ килька му задали:
Которыми зраненый, Живота доконалъ,
Вѣры Богу, и Кролю, и Войску доховалъ.

И умеръ боронячи Мира ойчистого.
За што узычъ му Творче Неба вѣчистого:
Якъ Ревнителю Вѣры Благочестивои:
Въ которой былъ выхованъ зъ молодости своеи.
Року Тисеча шесть сотъ Двадесятъ второго,
Погребенъ въ Монастыри Брацтва Кіевского.
На который Тисячій килка оффѣровалъ,
А жебы тамъ Науки фундовано жадалъ.

Лукашъ Беринда.

(31 стр.) В Гетманѣ якіи цноты маютъ быти.

ОСМЫЙНАДЦАТЬ.

При томъ жалосномъ актѣ хочу указати:
Якіи Цноты Гетманъ повиненъ мѣвати.
Боязнь Божую первей всего нехъ мѣваетъ,
А при ней трезвость, чуйность, статечность ховаетъ.
Надто Чистость, охъ Чистость, повиненъ ховати,
А кгвалтовниковъ еи збыть сродзе карати.
Въ науце тыжъ военной нехъ будетъ цвиченый,
Голодомъ и холодомъ тыжъ призвычаеный.
Бо не завше въ Обозѣ свѣжая Волина,
Добра зъ саламахою подчасъ Кабанина.
Нѣмашъ тамъ Каплуновъ, анѣ тлустыхъ Кокошій,
Нѣмашъ Ложовъ складаныхъ, нѣ Домовъ хорошихъ.
О напояхъ коштовныхъ тамъ нѣпомышляй,
Але на водѣ, если рачишъ переставай.
Такимъ невчасомъ Гетманъ муситъ навыкати,
Который съ похвалою хочетъ воевати.
И нетрудно такому Войску о звитязство,
Што навыкло терпѣти такое убозство.
(32 стр.) Зась што хлѣба бѣлого зъ масломъ заживаетъ,
Якъ Нѣмцѣ, такое вънетъ зъ голоду вмираетъ.
Штося явно в тойрочной войнѣ показало,
Же ихъ по всѣхъ гостинцахъ много поздыхало.

Ба и конь барзо тлустый прудко уставаетъ,
Кгды му Жолнеръ оброку завше недодаетъ.
Маетъ тыжъ Гетманъ въ Войску мѣти справедливость,
Добрыхъ миловати, злыхъ зась карать за ихъ злость.
Філософъ единъ Грецкій зданье свое повѣлъ,
Штобы о Менжномъ Гетманѣ розумѣлъ:
Реклъ: же лѣпше есть мѣти Лва надъ Еленями
Гетманомъ, а нѣжели Еленя надъ Лвами.
Гетманъ глупый самъ згинетъ, и Войско погубитъ.
Каждый то зъ васъ признаетъ, же Авторъ не мутитъ.
Гетманства урядъ такърокъ чемусте зложили
З едного; а другому его полецили.
Сами причину лѣпше умѣете дати,
Бо о васъ шло, я на тотъ часъ волю молчати.
Тыи цноты кгды кождый Гетманъ будетъ мѣти,
Можетъ найбольшимъ Войскомъ щасливе рядити.

Георгій Воронічъ.

(33 стр.) ДЕВЯТЫЙНАДЦАТЪ.

О Запорозкомъ Войску кто Писма читаетъ,
Тотъ имъ Менство и Славу, хоть не радъ признаетъ.
Бо завше въ немъ такіе Рицери бывали,
Што менжне непріателей ойчистыхъ бивали.
И жадное Рицерство въ насъ не естъ такъ Славно
Якъ Запорозкое, и непріателюмъ страшно.
Скуткомъ самымъ, ахъ Боже, не дай дознавати,
Безъ нихъ, якъ много Войска легло, досытъ знати
В Волошехъ, тыми часы, за Княжатъ и Пановъ,
И за самыхъ Велможныхъ Коронныхъ Гетмановъ.
Многіи тамъ Рыцери на пляцу зостали,
Сердца поганомъ протизъ Христіанъ додали.
Ба и в такърочной войнѣ Богъ вѣстъ якъбы было,
Кгды бы Запорозкое Войско не прибыло.
Которое съ Короннымъ Войскомъ обокъ ставши.
Менжне поганъ разило, въ помощъ Бога взявши,

Оттоль вѣдаймо, чого згода доказуетъ,
Домы, Панства, и Царства вцале заховуетъ.
Дай Боже згоду, межи всѣми Христіаны,
И звитязство Христіанскимъ Царомъ надъ Поганы.

Карпъ Міхайловичъ.

(34 стр.) ЕПЛОКІЪ

Смертю пораженого, до Живыхъ.

Охъ мнѣ нендзному, якъ то обжаловать маю:
Же въ такъ великомъ добрѣ шкоду подыймаю.
Нехотѣлемъ помнѣти по всѣ мои часы,
На тыи остатніи кола, и невчасы.
Видалемъ часто иншихъ, кгды ихъ погребано,
Землею, и камѣньемъ въ гробехъ прикладано.
Алемъ ся чужею не каралъ пригодою,
Теперъ бы то не было зъ моею шкодою.
Слухалемъ злои рады моихъ товарышовъ,
Для котороимъ на гакъ барзо страшный пришолъ.
Уфалемъ Молодости, которая мылитъ,
Ровно зъ Старымъ подъ Косу Смерти ся хилитъ:
Ледво окомъ мгнешъ, алитъ внетъ Голова спадетъ,
Кгды зъ своею Косою Смерть на тя нападетъ.
Не боится Практика, и Юстінѣана
Самого посѣкла, хоть умѣлъ добре Права.
Недбаетъ на Бурмистрѣ, и на ихъ Лавники,
Писаромъ, и Подпискомъ поламуетъ шики.
(35 стр.) Не оглядаетъ ся на Сеймъ, и Трибуналы,
Анѣ на ихъ Декрета, анѣ Кримѣналы.
Не даетъ Промаіори, и на Мунѣмента,
Несподѣване она шлетъ до Ахеронта,
Посѣкла Премудрого, она, Соломона,
И оного силного Рыцера Самсона.
Не выкупилъ ся Крезусъ отъ неи Богатствомъ,
И не оборонилъся ей Ксерксесъ Воинствомъ.

Бо ей Самъ Праводавца Богъ, тое право далъ,
Абы подъ еи Владзу каждый члекъ подлегалъ.
Еноху съ Ілією троха зфолькговала,
Еднакъ острую Косу на нихъ зготовала:
Бо ихъ помордуетъ чловекъ Затраченья,
Взявши отъ Бога зъ Неба на то порученья.
Коситъ она и Княжатъ, сполъ зъ ихъ Княгинями,
Громадитъ Кашталяновъ, и зъ Воеводами.
Подтинаетъ твердыи дубы Васанскіи.
И высокіи древа, Кедры Ливанскіи.
В Гутѣ Вулкановой ей роблено Сокиры,
И стрѣлы гартовано острыи безъ мѣры:
Тыми она трафляетъ до своего целю,
Въ сердце чловеку: штовенцъ бываетъ въ веселю.
(36 стр.) Южъ му въ тотъ часъ не радитъ Кгаленъ зъ Пѣкгулками,
Анѣ поможетъ мудрый Докторъ зъ Сыропками,
Южъ прожное лѣкаровъ всѣхъ будетъ старанье,
Кгды смертъ учинитъ межи гуморы мѣшанье.
Южъ въ тотъ часъ Скрынѣ съ талярами,
Нѣ Шкатулы важныи съ Портукгалами:
Нѣчого не помогутъ чловеку смертному,
Если не были въ добромъ шафунку живому.
Все згола Чловека при Смерти опущаетъ,
На што колвекъ ся онъ на томъ свѣтѣ спущаетъ.
Толко идетъ житіе зъ нимъ Богобойное,
Которое му чинитъ сумнѣнье волное.
Тогожъ всего на собѣ дознал (охъ) мой Пане,
Же вѣтромъ было мое на свѣтѣ мешкане.
Теперемъ позналъ, якъ на свѣтѣ треба жити,
Хто по одестю зъ свѣта не хочетъ тужити.
Ледво мя по Смерти, и пріятель мой милый
Можетъ стерпѣти въ дому, до малои филѣ.
А если ся мя доткнетъ своею рукою,
Внетъ еи мыетъ, якъ отъ смердячого гною,
Брыдкость внетъ чуетъ, и хуть тратитъ до еденья.
Для самого по Смерти трупіого виденья.
(37 стр.) Окропный лежитъ, Сонъ му згола не смакуетъ,

И якобы отмѣну на здоровью чуетъ.
Итакъ не можетъ быти бѣдный вспокоеный,
Ажъ кгды обачитъ мя, жемъ южъ въ землю вгребеный:
Где надо мною вѣрный приятель заплачетъ,
А другій отъ радости по мнѣ и поскачетъ.
И ледво мя по Смерти до Гробу впровадятъ,
Алитъ ся внетъ о мою Маетность вадятъ.
Тѣло зась въ земли будетъ отъ червій точено,
Которое роскошне тутъ было тучено.
Душа тежъ певне муситъ мѣти нагороду,
Любъ то въ Пеклѣ неволю, любъ въ Небѣ свободу.
Слухайтежъ вы Живыи, Умерлого мовы,
А умирати въ кождый часъ будьте готовы:
Бо то Розумъ, то Мудрость, побожне тутъ жити,
Кто ся хочетъ вѣчного Царства дослужити.
До которого рачъ насъ Христе домѣстити,
Бысмы ся съ тобою в немъ могли веселити.

Симеонъ Шулга.

(38 стр.) ДО ЧИТЕЛНИКА.

Ласкавый Чителнику, штось тыи Вѣршѣ читалъ,
Прошу: жебысь Гетмана того не запоминалъ:
Уважаючи его ку Ойчизнѣ зычливость,
И ку Церкви Христовой Набожную жарливость.
Такътыжъ Аврора Вѣршовъ тыхъ ласкаве споминай,
А вчомъ погрѣшилъ, тое Приятелски покривай.
И если то отъ него вдячне будешъ пріймати,
Теды тя обѣцуетъ чимъ болшимъ вчестовати.

Примѣчаніе. Вирши ректора Кіево-братской школы Кассіана Саковича, изданныя въ Кіевѣ, безъ сомнѣнія, въ томъ же 1622 году, въ которомъ и были произнесены при погребеніи гетмана Сагайдачнаго,—составляютъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость. Намъ извѣстны только два экземпляра

означенной брошюры: одинъ, не полный, находится въ *Императорской Публичной Библіотекѣ*, а другой, хорошо сохранившійся,—въ *Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ*.—Вирши напечатаны,—какъ и всегда печатались въ то время русскія книги,—церковно-славянскимъ шрифтомъ; форматъ изданія—4 доля листа; пагинація по тетрадямъ, внизу, буквами (А.; Ав; Аг;—; Б; Бв; и проч.); всѣхъ тетрадей *пять*,—изъ нихъ первыя четыре заняты *Виршами*, а на послѣдней напечатаны другія произведенія К. Саковича, помѣщаемыя нами подъ слѣдующимъ № (VII)

VII.

Образцы панегирическихъ рѣчей при погребеніи какаго-либо „зацного чловека“, сочиненные ректоромъ Кіево-братской школы Кассіаномъ Саковичемъ.

1622 г.

(1 стр.) МАТЕРІА ДЛЯ УЧИНЕНЯ

Подякованя при Погребѣ

якого зацного чловека.

Которои можетъ зажити тотъ, кто будетъ подякованье отъ повинныхъ чинити. Мало што придавши, албо унявши, ведлугъ приличности особы змерлои.

Тогожъ Автора, Б: Касіана Саковича.

Милостивыи панове: Бѣгу того до которого вшистки бѣжимо, и порту до которого плынемо, тотъ нашъ Умерлый Славнои Памяти Его Милость Панъ, Імярекъ, докончивши, великого и невымовного жалю, не токмо позосталыхъ Потомковъ, але и насъ вшисткихъ Кревныхъ и Приятель своихъ набавилъ. Который жаль не такъ околичностю словъ, албо широкими выводы, яко рачей самымъ сердечнымъ вздыханемъ и слезами, ледво выразити ся можетъ. Такій то есть жаль Отца такого Дѣткомъ, Малжонцѣ Товариша, Кревнымъ и (2 стр.) Приятелюмъ, такого Кревного и Повинного позбыти. Речи Посполитой

такого сына Коронного, часу покою и войны ей пожитечного утратить. Законникомъ, и Священникомъ и всѣмъ убогимъ своего Товіи, зъ которого дому нѣкгды тщо невыходили пострадать, Сиротамъ и всѣмъ утрапеннымъ своего порадника, помощника, и оборонцу утратить: За чимъ не дивъ, хоть бы якъ мудрыи и широкіи выводы, такого жалю нашого не могли погамовать; бо трудно есть з Прироженьемъ валчити. Кгдыжъ Сердце чловечее не есть Діаментовое албо желѣзное, жебы ся не мѣло жалемъ взрушити: але с тоеижъ Крве и съ тогожъ Тѣла, што и самъ чловекъ есть створено, которое яко радость и потѣху свою чуетъ, такъ зась въ Пригодахъ и въ противномъ щастю ліаментовати муситъ. А тымъ еще барзѣй жаль розярятися муситъ, гды собѣ змерлого Справы, Дѣлности, услугованя, и доброе заховане его ку каждому, припоминаетъ. Што ся вшистко в томъ змерломъ нашомъ достатечне знайдовало. Который зъ молодости лѣтъ своихъ первей вѣкъ свой въ наукахъ уцтивыхъ травилъ, при которыхъ Боязнь Божую, которая есть початкомъ Мудрости [1]) и фундаментомъ найвышшого Благословенства, пилне ховалъ, и въ вѣрѣ правдивой выцвичившися, въ ней статечне жіючи, христіански живота докончалъ.

О Зацности зась уроженя его, и фамілііихъ Мил. П: непотреба В. М. припоминать (абымъ ся нездалъ солнцу свѣтлости придавать) вѣдома бо вѣмъ есть В. ММ. Зацность и Старожитность Дому Ихъ Мил. П: Имярекъ, нетолко въ томъ Краю и повѣтѣ але и по иншихъ Краяхъ, ажъ (**3 стр.**) тыжъ и въ чужихъ земляхъ. Кройники свѣдчатъ якіе рицерѣ съ той фамілііи выходили, свѣдчатъ и Дѣлности и Мужества: венцъ беспечне речи ся можетъ, же тая фамілія выводитъ мужовъ высокихъ Становъ и Достоинствъ годныхъ. Не вспоминаю тутъ для короткости часу, якіи мензства въ справахъ рицерскихъ въ томъ нашомъ змерломъ Мужу найдовалися, которыхъ онъ (тамъ а тамъ) доказовалъ, же праве Насованого Рыцера славу относилъ. Свѣдками того живыми и очевистыми суть раны, близны, и пострѣлы его, которыи онъ зъ одваженьемъ здоровя, боронячи милои Ойчизны подыймовалъ: прото слушне смертъ таковыхъ оплакивати маемъ, албо рачей насъ самыхъ, же такихъ людей утра-

---

[1]) На поляхъ: *Притч.* 1,—*Сирахъ* 25.

чаемъ, которыи Церкви Божей, Ойчизнѣ нашей, и вшисткимъ пожитечны были. Але не такимъ умысломъ задержалемъ на томъ пляцу В. М. моихъ Мил. П: жебымъ ся мѣлъ з мовою моею ширити, и жалю до фрасунку придавати: Прото до В. М. моихъ Мил. П: зъ мовою ся моею обертаю, видячи ижъ Ихъ Мил. позосталыи потомки Небожчиковскіи въ томъ своимъ великомъ жалю, тѣшатъ ся напродъ Богомъ, тѣшатъ ся и тымъ знакомъ ласки его святои, же В. Милостей такъ много и такъ Зацныхъ Особъ при той остатней послузѣ добродѣя своего видятъ. Познаваютъ оттоль и людзкость праве христіанскую и ласку великую В. М. Мил. П: противъ собѣ, и добродѣеви своему. Же кгды бысте живому тую учтивость и послугу чинили, могло бы ся якоколвекъ здати, же то въ надѣю приподобаня якого альбо отданя и (4 стр.) отслугованя чините. але чинячи то къ воли умерлому, который того отдать не можетъ, жаднои вунтливости въ томъ не маемъ, же то В. М. зъ упріймои хоти противко нему чините. даючи тымъ, не толко тымъ Потомкомъ, и намъ повиннымъ его, але праве всему Събору знать, же уцтивое заховане Брата нашого не умерло посполу зъ нимъ, але живетъ въ сердцахъ В. Милостей нашихъ Мил. Пановъ, а то есть овоцъ вѣры, цноты, и Годности его, зъ которои и мы повинныи тѣшити ся маемъ. а Потомство его и прикладъ брать може, абы отцевскимъ ся стрыхомъ справуючи, до такогожъ захованя и доброи славы пріити могли. за таковую теды учинность, которую есте В. М. тому змерлому тѣлу оказать рачили, Ей милость Пани Молжонка съ потомствомъ позосталымъ и зъ нами вшисткими повинными небожчиковъскими, В. Милостямъ своимъ Мил. Паномъ велце дякуетъ. просячи Пана Бога абы онъ самъ за насъ, которои того такъ далеце отслужить не можемъ, Вашимъ Милостямъ то гойне платить и нагорожать рачилъ. Того заправды и собѣ, и тымъ убогимъ сиротамъ, и Осиротѣлой Молжонце его зычимо, и просимо, абы такоижъ ласки Вашихъ Милостей которои и Отецъ ихъ по Ваш: Милостяхъ нетолко за живота, але и по смерти дознавалъ, могли тыжъ быть участниками. А они за поводомъ насъ старшыхъ старатися посполу зъ нами будутъ, якобысмы тую ласку Вашимъ Милостямъ нашимъ Мил. Паномъ отслуговати могли, Дай Пане Боже толко въ потребахъ потѣшнѣйшыхъ.

За тымъ на хлѣбъ жалосный В. М. просимъ.

(5 стр.) ОТЪ ГОСТЕЙ ЗАСЬ ДО ПОТОМКОВЪ

позосталыхъ можетъ кто на тотъ способъ Мову учинити.

Милостивыи Панове, Христіанская повинность есть съ плачущими ся плакати: а зъ веселящыми веселити. И овшемъ ведлугъ Мудреца, Лепше есть ити въ домъ плача, нѣжли въ домъ веселіа[1]). Зачимъ и мы ачколвекъ зычилибысмы собе рачей были въ потѣшнейшомъ а не такъ въ жалосномъ актѣ служить такъ змерлому славнои памяти небожчику Его Мл: П: Отцу В. М., яко и В. М. нашимъ Мил. Паномъ. але ижъся такъ найвышшему Монарсе Богу подобало, въ которого моци есть животъ, и смерть, за которого выркомъ постановлено есть всѣмъ родячимъ ся разъ умирати. Который бовѣмъ есть чловекъ, который бы поживши не мѣлъ узрѣти смерти; А ижъ такою кондиціею вшистки на тотъ ся свѣтъ родимо, же часу своего мусимъ зъ него уступити, прото кто назбыть оплакиваетъ смерть людскую, штожъ прошу чинитъ толко ижъ оплакиваетъ, же ся чловекъ смертелнымъ народилъ. Смерти засъ такъ великая потуга есть, же праве на вшитокъ родзай права свои ростягаетъ, и жаднои речи такъ твердои, и окрутнои нѣмашъ, якъ смерть. есть чимъ преломишъ Мармуръ, есть чимъ можешъ зъмягчити Діаментъ. лечъ нѣчого такого не найдешъ, чимъ бысь могль (**6 стр.**) преломити и зъмякчити смерть. Для тои теды причины терпливе маетъ быти зношона, частю, же труднося ей ухоронити, частю же вшисткимъ есть посполита. Не хочу тутъ вспоминати много прикладовъ людей поганскихъ, которыи вѣрою правдивою яко мы освѣчены не бывши, и надѣи о зъмертвыхъ встаню и пришломъ животѣ не мѣвши, еднакъ въ оплакованью смерти своихъ пріателей мѣры не преходили, албо малося што и фрасовали. Θелямона оного славного вспомнѣмъ собѣ, годный по всѣ вѣки въспомненя голосъ. который взявши вѣдомость о смерти сына своего реклъ, вѣдалемъ жемъ Смертелного Былъ Зродилъ. Периклесъ Гетманъ Аѳинейскій не такъ вымовою яко менствомъ умыслу славный. Тотъ въ четырохъ днехъ пострадавши двохъ сыновъ, еднакъ неотмѣнною тварю піенкную Предмову о речахъ Рицерскихъ до люду учинилъ. Ляцена една Пани Спартанская, кгды ей

---

[1]) На поляхъ: *Еклис.* 7.

ознаймено же сынъ еи на войнѣ былъ забитый, Мужескимъ сердцемъ отповѣдѣла: Длятогомъ его, мовитъ, зродила, абы былъ который бы за ойчизну смерть поднялъ. Але на штожъ маю припоминати поганскіи приклады, кгдыжъ своихъ домовыхъ христіанскихъ досыть маемъ. Надто кгды уважымъ у себе щастя, до которого умерлыи, честно тутъ жившіи, отходятъ. далеко станъ житя ихъ, лѣпшій надъ нашъ быти осудимъ. зъ смертю бовѣмъ, вшистки того живота фрасунки и клопоты, заканчиваютъ. Якожъ и тотъ нашъ милый пріатель и сусѣдъ закончилъ. Которому на отдане тоеи остатнеи послуги (отложивши на сторону всѣ справы и забавы нашѣ) (**7 стр.**) ведлугъ повинности нашеи христіанскои мертвого до гробу опровадити, и пріязнь нашу пріателскую въ заживаню сполного жалю зъ В. Милостями освѣдчити ставилисмыся. Уважаючи его противко Речи Посполитой заслуги. и ку намъ вшисткимъ пріателское и сусѣдское захованье. Гдыжъ онъ не толко своихъ кревныхъ, повинныхъ, але и обцыхъ пожитку, славы, годности перестерѣгалъ. и радою доброю здоровою, и мудрою, которою отъ Бога былъ обдареный, вдовъ, и сиротъ въ утрапеню ихъ ратовалъ. и жаденъ ся на его радѣ не ошукалъ. Яко зась хвалы Божеи былъ помножителемъ (церквій, Монастыровъ, Школъ, шпиталювъ, албо тыжъ якихъ мѣстскихъ и публичныхъ будынковъ фундаторомъ, свѣдчатъ о томъ мѣстца тыи которыи онъ панскимъ своимъ коштомъ фундовалъ, подавалъ, украшалъ [если такъ есть укажи што колвекъ съ тыхъ]) за што вшитко отъ людей вѣчную похвалу и памятку, а отъ Бога въ небѣ нагороду възметъ, учинки бовѣмъ его идутъ за нимъ и указуютъ житіе его. же онъ не самъ собѣ жилъ, але часть уроженя его, Ойчизна собѣ къ услугованю брала, часть родичѣ, часть пріателѣ, часть убогіи, а часть подобно болшую Церковъ Божіа, на помноженя хвалы своеи святои обертала. Для тогожъ слушне таковыхъ смерти жаловати маемъ. съ которыми такъ великіи пожитки уступуютъ. и гды бы можнаа речъ дорогобысмы откупили, жебы ся знову къ намъ моглъ вернути. але якомъ вышше припомнѣлъ: же вшистки тоею кондыціею на тотъ свѣтъ родимъ ся, же часу своего мусимъ зъ него уступити. Прото трудно зъ Богомъ и зъ натурою валчити. и овшемъ тыхъ умерлыхъ братій, повинныхъ, и сусѣдовъ нашыхъ погрѣбаючи. свою тыжъ смерть (**8 стр.**) припоминаймо. до неи ся въ часъ христіанско приготовляймо.

А В. Мил. Пани съ тыми позосталыми дѣтками въ томъ своемъ жалю тѣшься Паномъ Богомъ, который есть Отецъ сиротамъ, а судія вдовамъ. И того жалю сердечного который ачколвекъ слушный есть (ктожъ бовѣмъ иначей моглъ бы розумѣти) если не можешъ отдалити, албо затаити, принамнѣй улжити и умѣрковати его усилуй, а мы съ повинности нашеи при той остатней послузѣ отдавши модлы нашѣ за душу умерлого, абы ей Богъ милосерднымъ быти рачилъ, В. М. нашой Мил. Паней, и Зацному Потомству В. М., въ чомъ можность наша зносити будетъ услуговати готовы будемъ.

(См. примѣчаніе къ предшествующему памятнику, стр. 40—41).

VIII.

Панегирикъ, поднесенный к.-печерскому архимандриту Петру Могилѣ спудеями основанной имъ въ к.-печерской Лаврѣ школы.

1632 года.

(Загл. лис.) ΕΥΧΑΡΙΣΤΗ΄ΡΙΟΝ

албо,

ВДЯЧНОСТЬ.

Ясне Превелебнѣйшому въ Христѣ Его Милости Господину Отцу Куръ Петру Могилѣ, Воеводичу земль Молдавскихъ, Великому Архимандритови Святои Великои Лавры Чудотворнои Печерскои Кіевскои, Вѣры Православнои въ Церкви Святой Восточной: Промоторови Побожному, и несмертелнои славы годному оборонци.

Одъ

Спудеовъ Гѵмназіумъ Его Милости зъ Школы Реторіки, за гойныи Добродѣйства, собѣ и Церкви Православной, въ фундованю Школъ показанныи. При вѣнчованю святъ хвалебныхъ Въскресенія Христа Спасителя міру, повинне а упрейме отданая.

Въ друкарни того Монастира Печерск. Кіевск. Року ≠ᾱχλв. Мѣсяца Марта, к҃ѳ, дня.

(Об. загл. листа). СТЕММА.

ЯСНЕВЕЛМОЖНЫХЪ МОГИЛОВЪ.

Здѣсь, въ началѣ обор. заглав. листа, отгравированъ гербъ Петра Могилы, представляющій щитъ (écu), раздѣленный (parti et coupé) на *шесть* частей (три въ верхней половинѣ щита и три въ нижней). Въ 1-й части помѣщенъ *гербъ Молдавіи:* черная голова буйвола, между рогами которой находится звѣзда, а по бокамъ—направо солнце, налѣво луна; въ ноздряхъ головы перстень, въ срединѣ котораго—*фамильный гербъ Могилъ.* Во 2-й части—фамильный гербъ фамиліи Могилъ, состоящій изъ двухъ обнаженныхъ сабель, положенныхъ на-крестъ, съ опущенными внизъ лезвіями и крестами на концахъ. Въ 3-й части—гербъ *Елита:* три золотыя копья, сложенныя въ видѣ звѣзды, причемъ боковыя остріемъ вверхъ, а средняя—внизъ. Въ 4-й части (1-й въ нижней половинѣ щита)—*гербъ Валахіи:* воронъ, обращенный корпусомъ влѣво, а головою вправо; въ клювѣ у него крестъ, на которомъ—корона. Въ 5-й части—гербъ *Остоя:* двѣ неполныхъ, обращенныхъ рогами къ краямъ щита, луны, между которыми мечъ, рукояткою вверхъ. Въ 6-й части—гербъ *Новина:* ручка бѣлаго котла, по срединѣ котораго мечъ, рукояткою вверхъ.—На верху гербоваго щита помѣщены: корона, скипетръ и мечъ (справа), митра (въ серединѣ) и гербъ Польши—одноглавый орелъ (слѣва). Около герба буквы: П. М. В. М. А. К. Л. П.,—то есть: *Петръ Могила, Воеводичъ Молдавскій, Архимандритъ Кіевскій Лавры Печерской.*

(Объясненіе принятія П. Могилою въ свой фамильный гербъ указанныхъ гербовыхъ эмблемъ можно найти въ нашей брошюрѣ: *Описаніе и истолкованіе дворянскихъ гербовъ южно-рус. фамилій въ произвед. дух. писателей XVII в.*—Кіевъ, 1872 г.).

О Орле: тожъ высоко надъдеръ вылѣтаешъ,
Гды на Гербъ цныхъ Могиловъ Короны вкладаешъ.
Нетолко того свѣта знакъ владзы Монарховъ,
Але тежъ и Духовныхъ оздобу Екзарховъ:
Позволяю (бось годенъ) продкуй въ томъ Клеиноте,
Пристоитъ абысь служилъ ихъ такъ свѣтлой цнотѣ.
Вѣмъ жесь нѣгдысь строгіи звыклъ Громы носити.
Теперь строгость въ Ласкавость часъ южъ отмѣнити.
Орле: пилнуй Презацныхъ Могиловъ Короны.
Бо тотъ знакъ всей Церкви есть знакомъ обороны.

(1 стр.). Превелебнѣйшій Милостивый

Господине Отче.

Пастыру, Патроне, и Фундаторе нашъ.

Кроль Вафаленьскій, Ясневельможный Милостивый Отче, въ звычаю былъ положилъ, часовъ певныхъ свѣчу запаленую подданымъ своимъ высылати, на знакъ того, абы горячость милости своеи ку онымъ выконътерфетовати моглъ. Кролевая Наукъ, Мінерва Православно-Каѳолическая, Превелебный Патроне, до того часу барзо неплодная (для великихъ навалностей и штурмовъ, отъ выродковъ Съборной Церкви матки нашеи) уродивши за ласкою и промысломъ Божіимъ немалое Гропо въ Православнои Науцѣ Православныхъ Сыновъ, которыи подъ Наметъ твоеи щодробливости, подъ Плащъ твоего стараня, подъ упреймость твоеи ку Наукомъ зычливости зобравшися, що бы за συμβολὴν своее ку тобѣ прихильности выставити мѣли, невѣдаютъ. Зышлобыся въ правдѣ яко Пану Злото, алесь ты зъ Злотомъ посполу себе оной отдалъ. О неслыханои въ Россіи щодробливости! Зышлобыся яко одъ Кролевои дорогое Камѣне: алесь ты Каменемъ неошацованымъ въ Цнотахъ и Побожности будучи, за камѣнье дорогое сыновъ онои собѣ разумѣешъ, твердишъ и голосишъ. А самъ (усты всѣхъ людей въ Бачене и Розумъ не убогихъ) тымъ будучи чимъ естъ (2 стр.) Золото межи Крушцами, чимъ Діаментъ межи Камѣньемъ коханъковъ Наукъ зъ милости ку Церкви Матцѣ своей за такихъ же дръжишъ быти. Которую то Церковь Православную земное небо якъ нѣколись ἄτλας τὸν οὐρανὸν ὑπεδέξατο двигати и посилковати рачишъ. О заисте Золотомъ естесь, гды золотомъ погоржаешъ, а Православно Каѳолическую Науку любишъ. Естесь и Діаментомъ гды перешкоды и клопоты за школы терпливе зносишъ: Естесь и силъ Атлянътовыхъ, гды въ такъ тяжкихъ трудахъ и працахъ уставати не хочешъ. А поневажъ станула оной передъ очи слава Презацной Фамиліи Ясневельможныхъ Могиловъ, которая зъ дѣдичныхъ двохъ столицъ Молдавскои и Волоскои Линѣю свою ведетъ и Марсовыхъ твоихъ працъ которыхесь напротивъ Отоманскимъ Цербером подыймовалъ, и добровольное згоржене свѣта которого подъ ноги подославши за Богомесь ся Христомъ удалъ, а при той зась Славѣ обокъ станулъ Гуфецъ ушикова-

ный, оная Людскость, Побожность, оныи твои цноты, оная до намнѣйшого склонность, згола на здумѣванье Мінервѣ. Умыслила прето Велможный нашъ добродѣю Гору тобѣ выставити. Гору, мовлю, Парнассу и Геликону, на которыхъ абыся весъ свѣтъ малый моглъ твоеи Славы, и тѣлеснымъ и душевнымъ окомъ, дочитати. Не дивуйся, пристоитъ такъ зацной славѣ на Горѣ вдячности отъ насъ поставленой быти. Бо слава высоко лѣтаючи высоко сѣдаетъ, пристоитъ такъ зацной славѣ на Горѣ. Бо маетъ Гуфцы которыи для показаня гойныхъ Церкви Божой добродѣйствъ добываютъ. Пристоитъ такъ зацной славѣ на Горѣ. Абовѣмъ такъ знаменитыи и немаль врожоныи тобѣ поступки на Гору (3 стр.) небесную въпровожати побожныхъ людій звыкли. Пристоитъ заисте гды за вступенъемъ солнца въ знаки пулъночныи свѣтъ земный зъ зимы ся смѣетъ, Горы квѣтками одѣваетъ, и възрокъ утѣшаючи фарбуетъ, а звлаща гды солнце предвѣчное зъ подземныхъ краевъ выникнувши, душу знову на Гору спасенія подноситъ. Отворижъ Велможный Патроне ворота зычливости твоей той Горѣ, которыися кождому отвором ставили. Отвори ачъ подлой и невысменитой, еднакъже правдивой и необлудной: поневажъ Правда и щирость хочъ въ наубожшихъ великои завше у тебе поваги естъ.

Найменшій зъ Братіи общежительнои
Монастыра Печерского,
Превелебности твоей
въ Духу сынъ и послушникъ.
Софроній Почаскій
Гумнастесъ Кіновита Монастыра Печерского
Реторики Професссоръ.

Здѣсь, въ началѣ 4 стр., находится литографированное изображеніе: на горѣ *Геликонъ* стоитъ *Петръ Могила*. Онъ въ архимандричьемъ церковномъ облаченіи; въ правой рукѣ у него жезлъ, заканчивающійся осмиконечнымъ крестомъ, съ надписями: *пастырство* (въ серединѣ жезла) и *вѣра* (около креста); въ лѣвой рукѣ—оливковая вѣтвь, съ надписью: *мудрость*. Внизу—поверженные аттрибуты господарской власти: *скипетръ*, *корона* и *порфира*.— Картинка окаймлена рямкою съ подписью на ней: *вдячный Богу и фамиліи*.

Сцептра тотъ зоставуетъ, Шарлатъ и Короны,
Кого Богъ възываетъ до свои обороны.
Щасливысь Пречестнѣйшій о Архимандріто,
Которому познанье Бога естъ открыто.
Зверхность, Слава, Оздоба, то все подъ ногою,
Вѣра, милость до Бога, то надъ головою.

(5 стр.) ГЕЛИКОНЪ.

то естъ,

садъ умѣетности

первый.

Осмъ Кореній Вызволеныхъ Наукъ въ собѣ маючій.
Презъ Пречестнѣйшого его Милости Господина Отца
Кvръ **Петра Могилу въ Россіи** новофундованый.

ВДЯЧНОСТЬ.

Геликонъ жродло Наукъ вдячность посылаетъ,
Твоей Отче Святыни бо въ ней мѣстце маетъ.

ГЕЛИКОНЪ.

Старыхъ гордость погановъ весъ свѣтъ наполнила,
Скоро только ихъ глупство Мудрость заслонила:
Бо гды Наукъ початокъ зъ Гvппокрену маетъ,
Южъ Пегаза ажъ назбытъ зъ Кадмомъ выславяетъ.
Чемужъ барзѣй не намъ Честь тая теперъ служитъ,
Котрымъ власность правдивыхъ Наукъ нервѣй плужитъ.
Кто несвѣдомъ ижъ Мудрость зъ Едема Сіону:
Подана естъ; а то фалшъ жебы зъ Геликону.
(6 стр.) А намъ зась отъ Сіона, Законъ, Мудрость, Вѣру
Даровано: за тымъ тежъ и славы над мѣру.
Приступи Геликоне, дай честь познай Пана!
Опустивши Жолнѣрство привитай Гетмана.
Наклони верхъ зъподъ неба до земного долу,
Звѣтяжцу тамъ поткаешъ зъ вязнями посполу.

В особѣ твоей свѣтлой, Отче Велебнѣйшій,
Витаю Кроля, вижу Триумфъ презацнѣйшій.
Южъ Геликонидъ зъ Фебомъ роскошнымъ ховати,
Не позволю и Пѣсней вдячныхъ имъ спѣвати.
То твоей Превелебной все служитъ особѣ,
Высокое въ Высокой Имя естъ оздобѣ.

Стефанъ Стрибылъ.

КОРЕНЬ УМѢЕТНОСТИ

ПЕРШІЙ.

Грамматіка,

Учитъ Словъ и Мовы.

Розумному подъ Небомъ где мѣстъце звѣряти,
Позволено, тамъ можешъ то латво познати,
(7 стр.) Якого бы пожитку была и похвалы,
Словъ складанья Наука през часъ такъ немалый.
Хто бы вѣдалъ якъ звано Киты водъ глубокихъ,
На повѣтру и землѣ мешканцовъ широкихъ.
Еще людемъ и над тыхъ потребна есть мова,
Хто не глупый зажъ не тотъ що не мовитъ слова;
Не дивуйся: бо негдысь до згоды призваный,
Тожъ повѣдилъ сынъ зъ Маи подъ ксанѳомъ спытаный.
И я теды спытавши, если не по мови
Знать Ретора, Поэту, дамъ глупство ослови.
Тотъ Корень въ твоемъ Садѣ Отче Пречестнѣйшій,
Заквитнетъ зъ Геликономъ надъ солнце яснѣйшій,
Когда въ Россіи потомокъ славныхъ Роксоляновъ,
Въ Наукахъ поровнаетъ премудрыхъ погановъ.
Тылко абы Звитязца Пекелного смока,
Заховалъ въцале Вѣру правую зъ Востока.
А где солнцу естъ мѣстце: тогожъ дознаваетъ,
Твое Имя кгды мѣстце въ Грамматице маетъ.

Григорій Триполскій.

КОРЕНЬ УМѢЕТНОСТИ,

ВТОРЫЙ.

(8 стр.). Реторика

учитъ Словъ и Вымовы.

Кгды бы въ земли Егупской не Ниловы воды,
Завше бы, безъ пожитку были огороды.
Нилъ въ Египтѣ хлѣбъ множитъ зъ Нилу весъ достатокъ
Питье, покармъ и пришлыхъ пожитковъ задатокъ:
Лечъ над мѣру гды берегъ вода превышшаетъ,
Южъ въ томъ року жизности земля не пущаетъ.
Албо мнѣй нѣжъ потреба гды воды приноситъ,
Мнѣй тежъ и того лѣта травы косаръ коситъ.
Красомовство заисте, тогожъ подобенства,
Было негдысь у старыхъ: бо кды набоженства
Учитъ: тамъ урожай Цнотъ, приноситъ обфитый,
Гды зась въпротивъ: упадокъ души знаменитый.
Мѣрность речъ дорогая, кто ся въ ней кохаетъ,
Надъ веселье болшъ въ житю ничого не знаетъ.
Пречестнѣйшій нашъ Отче Прометеомъ званый,
Оттоль будешъ въ Россіи, за помѣркованный.
Нуртъ рѣки Красомовства, южъ початокъ Нилу,
Будетъ знати Поета, бо отъ тебе силу
Нилъ принялъ седможродныхъ южъ Наукъ высокихъ,
Южъ потечетъ до границъ Россіи широкихъ.
(9 стр.). Реторика звитязцу зъ триумфомъ витаетъ,
Але въпродъ на Патрона пилно поглядаетъ,
При немъ триумфалный день будетъ опѣвати,
Фундатора тежъ въ вѣчной славѣ фундовати.

Александеръ Олекшичъ.

КОРЕНЬ УМѢЕТНОСТИ

ТРЕТІЙ.

Діалектика

учитъ розумного въ Речахъ познаваня.

Межи штучнымъ фалшивыхъ розмовъ ошуканемъ,
А щирымъ отъ неправды правды розезнаньемъ,
Тая даетъ Наука способъ досвѣдченъя,
Тужъ вѣдомость приноситъ скрытого створенья.
За тымъ Розумъ субтелный бѣглость въ каждой речи,
Якъ ростропне мовячи здрадыся стеречи.
Такъ якъ бы ово солнце, гды мглу розганяетъ
Дожчѣ, Громы, темности, а день розясняетъ:
Надъто въкротце доводомъ кого поконати,
Латво можешъ, и мудре філософовати,
(10 стр.) Терньемъ острымъ тотъ корень зоветъ Стагирита,
Карнеадесъ имя му, далъ морского Кита.
Нехъже квитнетъ тотъ корень въ твоемъ Геликонѣ,
Пречестный нашъ Отче, ку вѣрныхъ оборонѣ:
Бы снать въ Церкви Сіонской, овощъ его цвѣту
Южъ освѣдчилъ Христово з мертвыхъ встане свѣту:
Нехъ възрокъ терньє мудрости теперъ колетъ смутныхъ
Базилишковъ Унѣтскихъ, Аспідовъ окрутныхъ:
Оттоль слава Могиломъ вѣчная повстанетъ,
И лилѣя высокихъ цнотъ ихъ не увянетъ.

Самуель Мужиловскій

КОРЕНЬ УМѢЕТНОСТИ

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Аріѳметика

учитъ Лічбы.

Естъ мѣстце на высокомъ, землѣ положеню,
Труднои працы назбытъ людемъ въ прохоженю,

Оказалое мѣстце, и верхъ знаменитый,
Лечъ гостинецъ въ пребытю барзо не ужитый,
(11 стр.) На верху томъ пресличномъ Палма вырастаетъ,
А на Палмѣ зась Цнота гнѣздо свое маетъ,
Имя мѣстцу Часъ Долгій, и многіи лѣта,
До зличенъя трудныи отъ початку свѣта,
Але скоро рахунокъ зъ Науки приступитъ,
Праца, трудность, зъ старанъемъ заразомъ уступитъ:
Бо унціи познаешъ, зличишъ Міріады,
Латвѣй нѣжли Геркулесъ перепловъ Цикляды,
Пропорціи досвѣдчишъ межи поровнанемъ
Дня зъ ночю, а правдивымъ святъ отправованемъ.
О якъ дивный тотъ способъ и барзо хвалебный,
Фундаторе цныхъ Наукъ Отче Превелебный.
Подалесъ намъ въ Россіи знати въ часахъ мѣру,
Въ чомъ покажемъ отступнымъ фалшъ ихъ и невѣру:
Твоей отъ насъ Честности, поки часу станетъ,
Вдячность зъ Наукъ ноданъя, нигды не устаетъ.

Андрей Черхавскій.

КОРЕНЬ УМѢЕТНОСТИ.

пятый.

Музика

учитъ Спѣваня.

(12 стр.) Хочъ то негдысь строфовалъ Философъ убогій
Діогенесъ Музиковъ, гды цноты дороги
Занедбавши, на Лютняхъ Кантъ модеровали,
И стройне въ обычаяхъ нестройныхъ спѣвали:
Нѣгды еднакъ въ томъ вины, Наука не маетъ,
Кгды учачій Науцѣ самъ не подлегаетъ.
Музика цвѣтъ веселъя, корень Пѣсній значныхъ
Музика садъ утѣхи, жродло мыслій вдячныхъ,
Орфеова спѣваня лѣсы, рѣки, скалы
Здумѣвшися слухали, и Еvріпъ несталый:

Тужъ въ тропы шолъ Звѣрь дикій, птаковъ и рыбъ много,
Вдячностю потягненый голосу такого.
Але слушнѣй заисте, правда потребуетъ
Спеваня, гды Науки до себѣ керуетъ:
Показалъ то Церковный Филяръ барзо ясный,
Всей Сyріей оздоба, Дамаскинъ прекрасный.
Бо день Пасхи и встаня отъ мертвыхъ спѣваетъ,
Воскресшаго всѣмъ Христа ясно освѣдчаетъ.
Христовъ трyумфъ весолый и тотъ день хвалебный
Въ Гymнахъ вдячныхъ целебруй Отче Превелебный.

Василій Климовичъ.

(13 стр.) КОРЕНЬ УМѢЕТНОСТИ

ШЕСТЫЙ.

Геометріа

учитъ земли размѣреня.

Ксенофанесъ значнѣйшій зъ Філософовъ давныхъ
Обыватель зъ Греціи Коліофоновъ славныхъ,
Архетyпомъ нѣякимъсь Бога называти:
Безъ початку и конца казалъ признавати:
Змылилъ еднакъ тотъ Мудрецъ, бо розумъ въ поганской
Еще ховалъ темности, и владзи шатанской.
Геометра въ познаню правдивомъ о Богу
Южъ будучи, такую дасть перестрогу.
Богъ не естъ фігуралный, але круглость свѣту
Припишетъ, личбу дневи, а одменность лѣту.
Кто хочетъ землю, небо и всѣ Елемента
Познати, Геометресъ подастъ документа,
На шестьдесятъ всю землю частій розмѣряетъ,
Архімедесъ на Сферы небо роздѣляетъ:
Лечъ найвышшый Вымѣрникъ, зъ подъ землѣ выходитъ,
И вязневъ своихъ мнозство зъ собою приводитъ,
(14 стр.). Тотъ котрый пядю небо мѣритъ добротливый,
Нехъ въ Наукахъ даруетъ початокъ щасливый.

Твоей зась, Отче, славѣ конецъ тотъ готуетъ,
Въ которомъ своихъ вѣрныхъ до Неба пріймуетъ.

Василій Каменицкій.

КОРЕНЬ УМѢЕТНОСТИ,

седмый.

Астрономіа

учитъ Бѣговъ Небесныхъ.

Где ясный палацъ Фебовъ, розный въ будованю,
Въ положеню высокій, сличный въ маліованю;
Где свѣтлый лихтаръ въ небѣ, зъ седми лямпъ зложоный;
Отъ всѣхъ сторонъ кришталомъ, моцне обточоный;
Где естъ мѣсяце Планетомъ, и звѣздамъ грунтовнымъ,
Отколь свѣтлость променемъ спадаетъ кляровнымъ,
Тамъ мысль тая Наука людскую заноситъ,
Презъ що скрытыхъ познане натуръ до насъ въноситъ,
Астроліогъ бѣгъ солнечный въ Зодіацѣ знаетъ
И презто въ речахъ пришлыхъ скутокъ освѣдчаетъ:
(15 стр.). Довтѣпъ людскій прикрую подыймуетъ працу,
Абы могълъ свѣдомъ быти горнего палацу:
В Науце зась кто добре Звѣздарской цвичоный,
Небарзо въ томъ познаню будетъ утружоный.
Щаслившій естъ над иныхъ, могу речи смѣле
Астрономъ, бо онъ першій позналъ Бога въ тѣле,
Томужъ Мурру зъ Кадиломъ нехъ Вѣщкове носятъ,
Не Рождество лечъ зъ мертвыхъ въстане южъ голосятъ,
В якой славѣ Арабовъ Астрономъ зоставилъ,
Такуюсь честный Отче южъ Россіи справилъ.

Михаилъ Полубенскій.

КОРЕНЬ И ВЕРХЪ

ВСѢХЪ НАУКЪ И УМѢЕТНОСТЕЙ.

Θеологіа

Учитъ Бозскихъ речій.

Где учинилъ границу, Геркулесъ онъ силный
Працъ своихъ Богатырскихъ, тамъ тежъ Гішпанъ пилный
Мармуровый поставилъ столпъ, где зъ оцеаномъ.
Выспа мѣстце подаетъ дѣлнымъ Гадитаномъ:
(16 стр.) Тое мѣстце початкомъ всѣхъ водъ естъ глубокихъ,
Зъ него плынутъ всѣ рѣки до Краевъ широкихъ:
Оттоль беретъ Оцеанъ назвискъ своихъ розность,
Оттоль вода пріймуетъ въ плытью своемъ можность:
Бо гды море всю землю, въоколо обходитъ,
А конецъ до початку незначне приводитъ,
Оцеаномъ зовется: гды зась въпосредъ свѣта
Идетъ, розне его тежъ зоветъ Аравіта.
Тыхъже працъ неужитыхъ столпомъ превысокимъ,
Любо тежъ Оцеаномъ именуй глубокимъ
Небесную Науку, Мудрости початокъ,
Всѣхъ Наукъ жродло Бозкихъ, а свѣтскихъ остатокъ;
Звѣтяжцею Цекроповъ кто хочетъ зостати,
А въ цвиченю цныхъ Наукъ самъ неуставати,
За быстрымъ злоторогимъ, кто Еленемъ гонитъ,
И зъ Наукъ въ свой пожитокъ, дорогій часъ клонитъ.
Естъ граница працъ твердыхъ Бозкая Наука,
Узычаетъ учонымъ, гды въ бѣгу мунштука:
Естъ Колюмна и конецъ працъ Алкменидовыхъ,
Бо вѣмъ мнозство приноситъ добръ Ляомедоновыхъ,
Оцеанъ медоточный, Мудрость Бозскихъ речій,
Слабый розумъ поняти що можетъ чловечій,
Этого моря выходятъ слодкихъ Наукъ рѣки,
Рѣки а водъ обфитость даютъ по всѣ вѣки:
(17 стр.) Θеологъ Оцеаномъ нехъся называетъ,
Бо тотъ Наукъ, а овъ зась всѣхъ водъ жродло маетъ.

Але не допустилесь, Отче Велебнѣйшій
Абы кресомъ працъ долгихъ былъ столпъ онъ давнѣйшій.
Укопалесь Колюмну отъ зимнои Зоны,
При берегахъ Днѣпровыхъ под Седмитріоны,
Где задержишъ мешканцовъ Россійскихъ въ шуканю
Цныхъ Наукъ, и въ далекомъ южъ пелгримованю.
Далъ бы то Богъ, гды бысмы чужихъ Криволіоговъ
Понехавши, слухали своихъ Θеоліоговъ.
А впродъ въ Церкви славили Христа зъ Дамаскиномъ,
Духа зъ Отцемъ хвалили и зъ Предвѣчнымъ Сыномъ.

*Мартинъ Сурин*ъ.

ВДЯЧНОСТЬ.

Що сынъ матцѣ повиненъ велце укоханый:
Що слуга Пану въ его ласце выхованый:
Що тежъ Пастыръ овчарни чулый не оспалый,
О повѣренномъ собѣ стадѣ завше дбалый:
Тось учинилъ сынъ Церкви, Отче Пречестнѣйшій:
Тось справилъ слуга Богу, и естесь вѣрнѣйшій:
Тось тежъ Лаврѣ выконалъ Пастырства твоего,
В превротности не пасешъ гды стада своего.
(18 стр.) Церковъ Матка Сынови, ижъ еи прагненье
През мудрость утулилесь, подастъ выживене:
Панъ тежъ слузѣ, Богъ творецъ, за вѣрность въ поддянствѣ
Нагородитъ, по смерти въ безконечномъ Панствѣ:
Мы зась овцы Пастыру, духовный добытокъ
Пренесемо, зъ овчарни Наукъ на пожитокъ.
Зъ добрыхъ Отцевъ доброе потомство ся родитъ,
За цнотливымъ цнотливый слуга паномъ ходитъ:
Пастыръ тежъ неоспалый, доброть овецъ знаетъ,
Злыи зась пречъ зъ овчарнѣ, завше выкидаетъ.
Отцемъ, Паномъ, Пастыромъ, завше нашимъ будешъ,
Если насъ въ твоей ласце нѣгды не забудешъ.

Филиппъ Миклашевскій.

(19 стр.) ВЪ ПРЕСВЯТОЙ ТРОЙЦИ

ЕДИНОСЛАВНОМУ, И ЕДИНОЧЕСТНОМУ

Богу,

Честь, Поклонъ, Слава, Вдячность на вѣки.

Поганское, о Боже, глупство южъ устало,
Которое Іовиша Богомъ называло:
Южъ щезло и Поетовъ шаленство учоныхъ,
Бо естъ у всѣхъ Богъ единъ вмѣсто незличоныхъ.
Прето зъ нашимъ падаемъ подлымъ Геликономъ,
Передъ страшнымъ твоей Велможности Ѳрономъ.
А едного въ трехъ Лицехъ знаемъ тебе Пана,
Една Богу едному, честь будетъ отдана.
Толко просимъ, справъ сердца горячность въ Патронѣ,
Абы въ новомъ загрѣвалъ квѣтки Геликонѣ.

Іоаннъ Заруцкій.

Здѣсь, въ началѣ 20 стр., находится литографированное изображеніе: на горѣ Парнасѣ стоитъ, считавшійся въ то время родоначальникомъ фамиліи Могилъ, *Муцій Сцевола.* Онъ въ римской одеждѣ, въ шлемѣ и съ мечемъ (въ лѣвой рукѣ); на остріи послѣдняго, упирающемся въ гору, - *корона*, съ надписью около нея: *Славы корона.* Правая рука Сцеволы положена на пылающій огонь (надпись около него: *огнь Гетрусковъ*), а лице обращено къ небу, откуда двѣ руки изъ облаковъ подаютъ ему *крестъ, скипетръ и корону;* около нихъ подпись—*вѣрному звитязци.*—Картинка окаймлена рамкою съ надписью на ней: *Зъ Богомъ фамилія пожитечный.*

Если члонка своего не жаловалъ въ бою
Тотъ силный Римскій Рицеръ, що речешъ покою
Якъ боронилъ отчизны Сцеволя безпечный,
З которого повсталъ родъ Могиловъ сердечный.

Знакъ заисте Потомка, потомъ гды все тѣло
Не толко руку каретъ, нашъ Сцевола смѣло.

(21 стр.) ПАРНАССЪ,

албо,

Садъ умѣетности

ВТОРЫЙ.

Стараньемъ и коштомъ Ясне Превелебнѣйшого въ Христѣ Его милости Господина Отца Кгръ Петра Могилы Архимандрита Кіевского, Воеводича земль Молдавскихъ. Подъ часъ весны особливое ку народови Россійскому Ласки Божеи, Десятъ лѣторослій Наукъ вызволеныхъ южъ зъ себе выпущаетъ.

ВДЯЧНОСТЬ.

Двоеверхій Парнассе поднеси до неба
Имя славныхъ Могіловъ, вдячности потреба.

ПАРНАССЪ.

По смутку завше радость въ тропы наступуетъ,
По темностяхъ зась свѣтлость тужъся показуетъ,
По сухомъ лѣтѣ осѣнь, за тою тежъ ходитъ
Зима, и часъ трескливый зъ собою приводитъ.
(22 стр.) За фрасункомъ веселье завше поступуетъ,
По Зимѣ часовъ прикрыхъ Весну Богъ даруетъ.
Южъ Весна утѣхъ новыхъ, веселя нового
Крыница, а пожаръ засъ фрасунку старого:
Зявилося Гѵблейскихъ южъ водъ струменистыхъ,
Жродло пѣсній, зъ Парнассу отъ каналовъ чистыхъ:
При томъ тежъ зъ поль Актейскихъ Зефіры повстаютъ,
Пристье Весны весолымъ вѣтромъ освѣдъчаютъ.
Впродъ еднакъ въ твоемъ садѣ справятъ охолоду,
Лѣторосли поднесутъ и дадутъ погоду,
Фундаторе побожный, Цныхъ Наукъ патроне,
Всѣхъ утѣхо учоныхъ, всѣхъ Музъ Цитероне.

Твой Парнассъ лѣторасли вѣдячныи выдаетъ,
И запаховъ роскошныхъ вонность выпущаетъ,
А имъ свой верхъ до неба онъ вышей подноситъ,
Тымъ яснѣй твой хвалебный станъ свѣту голоситъ.

Василій Сущанскій Проскура.

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ,

ПЕРВАА,

Клио

то естъ цвичене въ читаню Гісторій.

(23 стр.). Давныхъ вѣковъ отмѣнный часъ трудне завитый,
Будетъ мѣти, кто хочетъ, дость латво открыты
Скоро толко зъ Гісторій Науки набудетъ:
Въ тотъ же часъ глупства въ речахъ заразомъ позбудетъ:
Познаетъ дѣлность славныхъ Россійскихъ Гетмановъ,
Вѣдомости доступитъ въ житю можныхъ Пановъ:
Европу тотъ, Азію, зъ Афрікою змѣритъ,
Котрій розумъ въ широкихъ Гісторіахъ ширитъ:
Лечъ гды зъ землѣ обернетъ свою мысль до Бога,
Зъ Гісторій есть простая до неба дорога:
Дай покой, Клио, прошлымъ въ дѣлности поганомъ
Христовъ животъ описуй иди южъ за Паномъ.

Филонъ Илковскій.

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

ВТОРАА,

Мелпомене,

то естъ цвичене въ писаню Вѣршовъ смутныхъ, и жалобныхъ.

Часъ, Музо, жалость вѣршовъ смутныхъ отменити,
Часъ зъ ляменту веселъе южъ тежъ учинити.

(24 стр.) Мелпомене составъ южъ строгій жалобы
Не псуй плачемъ дня того свѣтлои оздобы:
Гупполіта сталого Цекропомъ отдавши,
И его несмертелныхъ похвалъ запехавши,
Отдавай честь звѣтязци, славу, годность, вѣру,
Нехай его ширится можность до Епиру.
При небесномъ земного не забывай вожа,
Въ Христовой овчарни дость пилного строжа:
А хвалячи дивуйся, якъ естъ опочистый,
Петръ въ звѣтязтвѣ, а въ житю якъ бы кришталъ чистый.

Стефанъ Колчицкій.

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

ТРЕТЯЯ,

Ураніа

то естъ, цвитене въ бытности Звъздарской.

Ту южъ Атласъ, о Музо, перестань зъстарѣлымъ
Прешлымъ байкомъ вѣрити, внимай сердцемъ смѣлымъ:
Южъ не Кроль Мавританскій Сферы модеруетъ,
Лечъ найвышшій Монарха самъ небомъ керуетъ:
(25 стр.) Гды затмилъ въ двохъ Планетахъ ясность всего свѣта,
И недалъ розезнати отъ Осени Лѣта:
Тотъ правдивый Астрономъ зъ подъ землѣ выводитъ:
Звѣзды душъ святыхъ, Отцевъ, самъ до неба входитъ:
Але нашъ дужій Атласъ тяжаръ дость немалый
Небо носитъ земное, въ працахъ неусталый:
О якъ слушне Пречестный Отче въ такой силѣ,
Небо Церковъ двигаешъ въ небезпечной хвилѣ.

Максимъ Кресловскій.

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

ЧЕТВЕРТАА,

Каллиопе,

то есть, цвичене въ писаню высокихъ и поважныхъ речій.

Каллиопе звитяжцовъ преславныхъ похвало
Умолкни, щося пред тымъ за поганъ ставало,
Не выноси Алциду зъ Ахиллесомъ дѣлнымъ,
Не залецай Гектора зъ Енеашемъ силнымъ:
Ото маешъ Рицера, моцій неслыханыхъ,
Звѣтяжцу надъ Еребомъ силъ непоровнаныхъ.
(26 стр.) Если для справъ высокихъ до пекла дорогу,
Етеови змыслила, признай то все Богу:
По немъ тежъ задивуйся, ижъ нетолко старый
Вѣкъ множилъ Богатыревъ, лечъ и нашъ несталый
Поровнаетъ Рыцеревъ нашъ Могила давныхъ,
Бо звѣтяжца таемныхъ естъ весполъ и явныхъ.

Θеодоръ Сусло

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

ПЯТАЯ,

Полумніа,

то есть, цвичене въ быстрой памяти многихъ речій.

Память, Музо, приводишъ на пляцъ залеценъя,
Память, скарбъ непребраный сличного мовеня:
Где слава Цинеова, котрый всѣхъ Римляновъ
Имена мелъ въ памяти, и розность ихъ становъ:
Θемистоклесъ валечный добре памятаетъ,
Гды отчизны здорове надъ все прекладаетъ
Гортенсіа и Кура, припомнѣнемъ гойнымъ,
Полумніа выславуй, зъ уклономъ пристойнымъ:

(27 стр.) Але ражу Мармуромъ, распамятыванъя
Терпеніа Христова будь, изъ мертвыхъ встанъя.
Зоставъ Музо похвалу на мѣстцу высокомъ,
Где Богъ сталъ звѣтяжцею надъ пекелнымъ смокомъ.

Василій Чудновецъ

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

ШОСТАЯ,

Θалиа

то естъ, цвичене въ писаню Вѣршовъ весолыхъ.

Свѣтлый промень, солнечный всѣхъ увеселяетъ,
Гды на землю бляскъ ясный зъ Олумпу спущаетъ:
Тогды стада въ широкихъ поляхъ дознаваютъ,
Обфитои радости, и утѣху маютъ,
А пастушокъ убогій, подъ листъемъ Буковымъ,
Простыхъ пѣсній складаетъ Ритмъ, въ тѣню здоровымъ:
Аркадскіи быдлята надставляютъ уха
Гды спѣваетъ, онъ зась дметъ поки стаетъ духа.
Щожъ за радость намъ всей день зъ солнцемъ завитала,
А зъ солнцемъ справедливымъ зъ неба восіала;
О заисте веселя маемъ заживати,
Поки солнце Христосъ, свѣтъ намъ будетъ спущати.

Василій Устрицкій

(28 стр.) ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

СЕДМАЯ,

Евтерпе

то естъ, цвичене въ Спѣваню.

Повѣжъ, Музо, для чого Измаръ Орфеови
Дивовалъся, и Парнасъ скалистый Фебови!

Чили, же онъ пекелныхъ свѣдомъ былъ палацовъ,
Овъ зась зъ крвавыхъ отходилъ звѣтяжцею пляцовъ;
Не то: лечъ иншую снать моцъ обадва мѣли,
З которою до значныхъ похвалъ приходили:
Орфеово спѣване, Рѣки, Лѣсы, боры
Тѣшило, Фебово тежъ розъясняло горы.
Тутъ здумѣйся Парнассе зъ Родопомъ высокимъ:
Бо везде полно Пѣсній подъ небомъ широкимъ.
Еслижъ за Кантъ весолый горы людей чтили:
Слушнѣй бысмы намъ Радость даную святили.

Георгій Негребецкій.

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

ОСМАА,

(29 стр.) Терпсихоре

то есть, цвичене въ Спѣваню Инструменталномъ.

Що за скутокъ спѣваня въ тотъ часъ показуетъ
Терпсихоре, гды Лютню для Пѣсній пріймуетъ;
Слодкомыслныхъ, весолыхъ, и наддеръ утѣшныхъ
Южъ тамъ забавъ дознаешъ, и годинъ поспѣшныхъ:
Где Музы на Цитарахъ, струны напинаютъ,
Землѣ, Неба, и Свѣта початокъ спѣваютъ,
Вода, огонь, повѣтъре; отколь вихры, громы,
Солнце, Мѣсяць, и где суть пекелныи домы.
Завитайте южъ до насъ на Триумфахъ весоло:
Вы о Музы, зъ Парнассу пресвѣтлое коло:
Тутъ меліодіи, ту Канту, Пѣсней тутъ потреба.
Бо самъ Панъ триумфуетъ, котрый зъступилъ зъ неба.

Ермихій Соболь

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

ДЕВЯТАА,

Ерато,

албо цвичене въ Спѣваню умилномъ.

(30 стр.) Если отъ злыхъ до добрыхъ речи, преносити
Звыкли люде: не треба злого коренити:
Теды Пафъ опустивши, Музо, и Цитеру,
При пекелномъ зоставъ то, Ерато, Кацеру:
До небесныхъ о Музо прибирайся Троновъ.
Тамъ скоштуешъ що за смакъ вышнихъ Геликоновъ:
Южъ хоры выступаютъ зъ умилнымъ спѣванемъ
Допоможи Ангеломъ, сличнымъ выкриканемъ.
Если зъ доброго стался злымъ человѣкъ першій,
Вторый все то отмѣнилъ діавола стерши,
Теды зъ Наукъ поганскихъ латво учинити
Христіаномъ Христову и за свою мѣти.

Стефанъ Триполскій.

ЛѢТОРОСЛЬ, ЦВѢТЪ, И ОЗДОБА

всѣхъ Наукъ, и Умѣтностій.

Аполло.

Справцо Плянетъ пресвѣтлыхъ, Кролю звѣздъ вшелякихъ,
Вдячныхъ годинъ отмѣно, часовъ не еднакихъ,
Фебе давцо свѣтлости, всего свѣта око,
Котрого възрокъ всю землю займуетъ широко:
(31 стр.) Спусти на нашъ Хоризонтъ скутокъ твоей моцы,
Бы не усхли отъ зимы новыи овоцы:
Завитай на Печерскихъ садовъ цнотородныхъ,
И до краевъ Россійскихъ въ Науку голодныхъ:
Тамъ въпродъ звайачишъ Путона, Цикліопы зголдуешъ,
А на приѣздъ Минервѣ мѣстце приготуешъ.
Естъ Геликонъ, сутъ Музы, въ Парнасскомъ покою,
Заразъ зачнутъ весолый Кантъ пѣсний съ тобою:

Толко славы въ звѣтяжствѣ первшомъ уступити,
И пляцу похвалъ Богу треба допустити:
Цитра еднакъ зъ Лютнею при тобѣ зостанетъ:
И въ Наукахъ твой Гоноръ, нѣгды не устанетъ:
Еще память вдячности гды при тобѣ будетъ,
Меценасъ тежъ Афлетовъ твоихъ не забудетъ:
Що Кролевичъ Тебанскій злотымъ влосомъ справилъ
Тожъ ты Фебе Патрономъ: бось ся для нихъ вславилъ.

ВДЯЧНОСТЬ.

Артаксерксесъ въ Персіи Кроль негдысь богатый
Обфитой земли въ злото, въ Пурпуру, въ шарлаты:
Кгды звычаемъ Кролевскимъ, замки свого Панства
Навѣжалъ, въ тотъ часъ вѣры дозналъ отъ подданства,
(32 стр.) Бо едны Перла зъ коштомъ не ошацованымъ
Несли Пану подарокъ, зъ скарбу дарованымъ
Хрусолиты, Смарагды, Ясписы, Шафѣры,
Діаменты, Кораллѣ несли тамъ безмѣры:
Лечъ еденъ наубожшый с подданыхъ, а сталый
Въ сердцу, принесъ до Кроля подарочокъ малый,
На долоняхъ обудвухъ воды барзо мало,
Бо му злота Сафѣровъ згола нестaвало,
Кроль еднакъ (дивная речъ) принялъ барзо вдячне,
И убогій подарокъ нагородилъ значне,
Кгды му коновъ зе злота, внетъ росказалъ дати,
Абы воды другій разъ мѣлъ въ чомъ даровати.
Тогожъ и мы прикладомъ, ачъ въ злото убоги,
Повинности еднакъже нехибимъ дороги:
Воды мало приносимъ зъ жроделъ Геликонскихъ
Воды онъ знакъ давнѣйшій, воды копытъ конскихъ.
Фундаторе и Отче намъ Превелебнѣйшій,
При той водѣ зостаетъ чоловѣкъ свѣтлѣйшій.
Якъ теды Язонъ Грековъ богатилъ презъ воду
Такъ мудрость дастъ Могиломъ, въ славѣ охолоду.

(33 стр.) ПРЕЧИСТОЙ И ПРЕБЛАГОСЛОВЕННОЙ ДѢВѢ МАРІИ,

Матери въскресшаго Спасителя нашего Іисуса Христа.

Хвала, годность, и поклонъ вдячности на вѣки.

Пресличная Кролевно, Райскихъ Садовъ Цвѣте,
Выборнѣйшій Клейноте зъ людій на томъ свѣте.
Мы зъ своего Парнассу пречь Феба зъ сестрами
Выгнавши, а въ немъ просимъ, рачъ мешкати знами.
За Патронку всѣхъ Наукъ тебе признаваемъ,
Мы Палляды Богини оттоль южъ незнаемъ:
Але вѣримъ жесь зъ Бозкой мудрости намъ дана
Отъ Пророковъ предъ вѣки свѣту обецана.
Прето наукъ Патронко, въ ласцѣ тежъ ховати
Того рачъ, хто Науки будетъ фундовати.

Трофимъ Онушкевичъ.

(34 стр.) ЗОИЛЕВИ

невдячному

ВДЯЧНОСТЬ.

Не шарпай злый Зоиле: псѣмъ зубомъ таемне
Ни въчомъ славы людскои; бо натожъ взасмне,
Если трафишъ, дознаешъ ижъ камень скалистый
Зубы крушитъ, и псуетъ гвоздъ ногу сталистый.
Кто на мѣстцу высокомъ, песъ тому не шкодитъ:
А где острый гостинецъ, тамъ нихтъ не доходитъ.
Опочистый естъ Олимпъ славы цныхъ Могиловъ,
Не боится шарпанъя зубатыхъ Зоиловъ.
Цвичоныхъ людей гвоздземъ, острымъ обточоный
Не шарпай его славы бысь наддеръ учоный.

Іеремія Войсякій.

Примѣч. Евхаристіонъ,—единственный, дошедшій до насъ литературный памятникъ Лаврской Могилянской школы,—со-

ставляетъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость. Пекарскій считалъ его *шпіс'*омъ (*Представители Кіев. учености въ XVII в.*, помѣщ. въ *Отеч. Зап. 1862 г.*). Но кромѣ указываемаго имъ экземпляра означенной брошюры, находящейся въ библіотекѣ при Императорской Академіи Наукъ, намъ извѣстенъ и другой, хорошо сохранившійся экземпляръ, принадлежащій библіотекѣ Кіев. Дух. Академіи (по каталогу № 111. 4. 1). Какъ и предшествующій изданный нами памятникъ (*Вирши* Саковича), *Евхаристиріонъ* напечатанъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, въ 4-ю долю листа; пагинація по тетрадямъ, внизу, буквами; всѣхъ тетрадей $4^1/_2$ (послѣдняя четвертка помѣчена буквами—*Дв.*).

IX.

Актъ Кіевскаго братства, данный Кіево-печерскому архимандриту Петру Могилѣ, съ изложеніемъ условій, на которыхъ имѣетъ воспослѣдовать соединеніе Кіево-братской Богоявленской школы съ Лаврскою Могилянскою.

1631 г. декабря 30.

(**97 л. об.**)[1]) Во імя Отца, и Сына, Святаго Духа Пресвятія и Животворящія Троица, ку вѣчной речи тоей памяти станься. Аминь.

Мы шляхта обывателѣ воеводства Кіевскаго и всѣ сполне упи-сніе братія церковніи Кіевского Братства православніи, Святой Восточной Апостолской Церкви, и Святѣйшому Архіепископу Константинополскому, и вселенскому Патріарсе любовне послушніе сынове: обачивши рѣчь быти велце способную, потребную, и пожитечную, абы школы при Церкви нашей Брацкой на имя Богоявленія, альбо крещенія Господа нашего Іисуса Христа въ месте Кіеве збудованнои, быти могли: Просилисмо всѣ сполне превелебнейшаго въ Христе его милости Господина Отца Куръ Петра Могилу, Воеводича земль Молдавскихъ, на тотъ часъ будучаго Архимандрита Печерского Кі-

---

[1]) Счетъ листовъ по вышеупомянутой рукописи св. Синода.

евского, абы школы презнего въ Монастырѣ Печерскомъ Кіевскомъ фундоватися зачатіе и въ нихъ будучихъ научителей, братію Монастыря Печерского Кіевского, перенести (**98 л.**) зезволилъ на мисце вышпомененное при церкви Братской Кіевской и тамъ оніе весполъ з научителми ихъ вечне уфундовати, яко при ставропигіи Святѣйшаго Патріархи Константинополского, и на мѣсце способнѣйшомъ до выхованя учащимся, што его милость превелебнѣйшій господинъ вышменованный отецъ Архимандрита обачивши прозбу тую нашу быти слушную, и тежъ обачивши того быти потребу всеѣ Церкви Православной: Латво и невзборонне зезволивъ зъ своихъ власныхъ добръ таковымъ способомъ уфундовати, абы самъ доживотнымъ, такъ школъ на помененномъ месцѣ при церкви Братской Кіевской от себе уфундованныхъ, яко и самое тоей Церкви, и всего при ней будучого Монастыря, то есть старшимъ Братомъ, межи нами будучими, дозорцою, и оборонцою былъ, для того, ижъ бы доходы церковные, грунти, огороди, сади, и вшелякіе наданя, такъ тежъ наданыи, яко и на потомъ надатися отъ когожъколвекъ, до тоей Церкви, Монастыря и школи маючіи, не нашто иного, толко на туюжъ вышменованную Церковъ нашу Братскую Кіевскую, на Монастыръ, школи, и въ нихъ працуючихъ научителей оборочани, и уживани были, што мы видячи волю, и раду его милости здоровую, и Церкви Божой велце потребную, и пожиточную, позволилисмо, абы его милость Господинъ Отецъ Архимандрита, такъ Церковь нашу Брацкую Кіевскую, въвесь Монастырь, и Школы при ней будучіе, яко и вси до тоежъ Церкви Монастыря и Школъ належачіе данины, грунты, огороды, сады и вшелякіе наданя, и тежъ доходы Церковніе, въ своемъ завѣдованю мелъ, оныхъ дозорцею, и опекуномъ доживотнымъ былъ, весполъ зъ старостами зъ промежку насъ Шляхти обраными дорочними, которые еднакъ старости наши ни въ чемъ ради и волѣ Его Милости противными быти не маютъ, але и во всемъ онаго яко старшаго брата, дозорцы и опекуна доживотного того всего (**98 л. об.**) мѣсца слухати маютъ, и повинны будутъ, не нарушаючи еднакъ фундушу нашого, отъ Святѣйшаго Архіепископа и пастыря нашого Константинополского и вселенского Патріарха, намъ на тое братство наше наданного, а притомъ уфундованная братія отъ Его Милости Господина Отца Архимандрита, будучи православными, маютъ тежъ быти послушними, яко власному своему Пастырю Святѣйшему Патріарсѣ Константинополскому, а не кому

иному, и постерегати того пилне маютъ, абы ся ничого церкви Божой противного отъ когоколвекъ недѣяло. Докладаемъ еднакъ того, и варуемъ, ижъ его милость Господинъ Отецъ Архимандрита толко зъ особы своей, а не зъ уряду Архимандричого, таковымъ доживотнымъ дозорцею быти маетъ, яко братъ уписный и православный и подъ благословенствомъ Архіепископа Константинопольского, Патріархи вселенского, и всѣ фундованные през него, при томъ братствѣ найдуючіися быти маютъ. А естлибы ся якій противникъ Церкви Восточной найти мѣлъ, таковаго на томъ мѣсцу терпѣти не маютъ, а на потомнии часы за уступленіемъ Его Милости, волно будетъ братіямъ, отъ Его Милости вѣчне уфундованнымъ, и намъ з ними заровне, и згодне, когоколвекъ на то способного, и тому святому мѣстцу къ наукамъ вызволенымъ зичливого и прихилного, любо духовнаго, любо тежъ и свѣцкого стану и кондиціи чловѣка, на часъ певный обрати. То все абы безъ нарушеня обохъ сторонъ вѣчне трвать могло, мы всѣ вышеменованыѣ Братія, братства Кіевского, народу Шляхецкого, сами отъ себе, якъ и именемъ всѣхъ инныхъ ихъ милостей пановъ, такъ тутешного Кіевского воеводства обывателей, яко и повсюды православныхъ братій (**99** л.) нашихъ, до тогожъ братства уписныхъ, далисмо его милости господину Отцу Архимандриту тотъ нашъ листъ съ печатью нашею Братскою, и зъ печатми насъ певныхъ особъ, и подписами рукъ нашихъ. Дѣялося въ Кіевѣ року ѧ҃хлл декабря к҃ дня.

Ісаакій Борисковичъ Епископъ Луцкій и Острозскій рукою власною.

(мѣсце печати)

Смиренный *Авраамъ* Епископъ Стаховскій владика Туровскій Православный рукою власною, послушникъ Константинопольскій.

Sołtan Bohdan ręką swą.
Krzysztoph Muchowiecki..
Jerzy Lasota.
Philon Stribil czes. Z. K.
Fedor Trypolski.
Ostaphy Wyhowski.
Mikolay Troianicky.
Philion Woronicz.
Jerzy Hołub.
Theodor Suszczanski Proscura.
Stanisław Trzeciale.
Szymon Pawsza.
Porfen Trypolski.
Jan Strusiewicz Kom. Z. K.

Andrzey Lithinski z Lithinec.
Alexander Nieławicki ręką swą.
Samuel Niekraszewicz.
Стефанъ Мшанскій.
Янъ Черховскій.
Daniel Paszynski.
Супрѣянъ Левковскій.
Марко Триполскій.
Александръ Олексій.
Mikałay Tuczanicki.
Ѳедоръ Виговскій.
Jerzy Moszczenicki.
Іванъ Несторыцкій рукою власною.
Wasili Dembrowski.
Daniel Hrudnicki.
Самуелъ Володковичъ.
Mikalay Susta.
Samuel Sokor.

Все вышеписаніе каждій съ приложеніемъ печати своей подписалися.

Съ подлиннымъ свидѣтельствовали:
Учитель Философіи іеромонахъ *Кассіанъ.*
Намѣстникъ іеромонахъ *Іеронимъ.*

Примѣчаніе. Означенный документъ напечатанъ въ *Памятникахъ, издан. времен. Кіев. Комм.* (т. II, отд. I, № VIII), но *съ опущеніемъ лицъ*, подписавшихся подъ актомъ. Этотъ весьма существенный пропускъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Кіевская Археографическая Коммисія,—какъ нами уже замѣчено, —заимствовала акты, касающіеся Кіевскаго братства, изъ рукописнаго Евгеніевскаго сборника (см. *примѣч.* къ документу подъ № I-мъ). Въ послѣднемъ же подписи лицъ подъ издаваемымъ нами актомъ опущены копіистомъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе неразборчивости нѣкоторыхъ изъ нихъ.—Документъ, по содержанію сходный съ предшествующимъ, данъ былъ Петру Могилы и кіевскимъ митрополитомъ Исаіею Копинскимъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими западно-русскими іерархами, 5 генваря 1632 года. Документъ этотъ напечатанъ въ I отд. II т. *Памятн. Кіев. Ком.* подъ № IX.

X.

Войсковой листъ гетмана Ивана Петржицкаго отъ имени всего запорожскаго войска, съ приказаніемъ атаману и прочимъ „товаришомъ“, находившимся въ Кіевѣ, содѣйствовать предположенному соединенію школъ братской Кіево-Богоявленской съ Лаврскою.

1632 г., марта 17.

(**99 л. об.**)[1]) Иванъ Петрижицкій Гетманъ зъ Войскомъ Его Королевской Милости Запорожскій.

Атаману и всѣмъ товаришомъ нашимъ доброго здоровя отъ Господа Бога упрейме заживать жичимъ.

Яко завше зъ продковъ своихъ Войско Запорожское звикло чинить стараніе о добримъ и о пожитечнимъ церкви Божой, не мней и теперь въ томъ не уставаючи, звлаща ведячи с насъ зезволенье Духа Святаго, тудежъ згодное застановене всего народу нашего Россійского Духовнаго и Свѣцкаго ихъ милости Пановъ Шляхти, яко и посполитства, абы науки або цвиченя въ писмѣ святомъ ку подпоре благочестія нашего при церкви Брацкой святыхъ Богоявленій были за старанемъ, коштомъ и накладомъ в Бозѣ превелебного Отца Его Милости Петра Могили Воеводича земель Молдавскихъ, Архимандрита Монастыря Печерского: теды и мы видечи барзо речь слушную и церквомъ Божімъ пожитечную, тоеюжъ милостю Братерскою обовязанные будучи, зезволяемъ и на то припадаемъ, и при той церкви Братской, яко и при школѣ новозаложоной и шпиталѣ, до ней належачой, обовязуемъ стоять и опоновать до гардлъ своихъ, и вамъ владзою Гетманства моего, а именемъ всего Войска приказуемъ, абысте всѣ згодне зо всею братіею тоей Церкви знесшися, въ моцъ, завѣдоване, старане, и о ней обмишлеване, Его милости Отцу Архимандриту, старшому брату и промоторови того предсевзятья подали, на жадную речь неоглядаючися, на што вамъ сей листъ нашъ съ печатю Войсковою и съ подписомъ руки писарское даемъ. Писано у Каневѣ, року 1632, мѣсяца марта 17 дня.

Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ:
Учитель философіи іеромонахъ *Кассіанъ*.

---

[1]) Счетъ листовъ по вышеупомянутой рукописи Архива при. св. Синодѣ.

Примѣч. Войсковой листъ гетмана Петржицкаго и всего войска Запорожскаго, отъ *12 марта 1632 года*, съ выраженіемъ подобнаго же согласія на соединеніе Лаврской Могилянской школы съ Братскою Богоявленскою, посланъ былъ тоже изъ *Канева* и Петру Могилѣ, вмѣстѣ съ кіевскими братчиками. Онъ напечатанъ въ *Памят., издан. временною Кіев. Коммиссіею.* (т. II, отд. I, № X).

XI.

Автобіографическая записка Игнатія Іевлевича, заключающая въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о Кіево-братской школѣ, восходящія ко времени ректорства въ ней его родича Ѳомы Іевлевича (1628—1631 г.).

(1 стр.) Natus sum anno Christi 1619—no 26—ta Septembris, die sabbatico, ante ortum solis, Mohiloviae. Baptizatus statim eodem anno, in aedibus Exaltationis S. Crucis, gdzie i pridił iest Borisa i Hleba, ni fallor, 4—ta Octobris, die Dominico.

Rodsic moy, żywszy w Molilowie, prędko potym, sam tylko z potrzeby zjachawszy do Kijowa, pożył tam z czwierć roku i lepiey, przy cerkwi S. Ducha. Skąd powróciszy do Mohilowa, zaciągnionym będąc od Jego mości Pana Woyny, iachał w woiewodstwo Witebskie, i żył przy nim w maiętności iego w Sielutach, dobrze coś nad rok, a potym powróciwszy do Mohilowa, zaciągniony był do Szkłowa y żył tam ze trzy lata: zkąd za promocyą rodzonego swego Tomasza Iewlewicza u Iaśnie w Bogu Przew. na ten czas ieszcze prawosławnoho episkopa Meleciusza Smotrickiego i u iego mości Kniazia Bohdana Theodora Sołomereckiego, tak też u Iego mości pana Bohdana Theodora Stetkiewicza, podkomorzego Mścisławskiego, a potym y kasztełana Nowogrodskiego: przeniosł się do Buynicz: gdzie od roku pono 1646 mieszkał aż do roku 1654—go. Gdzie że zaszła sroga desolacyia pod woinę po kozackiey y tatarskiey, z ruskiemi ludzmi: przeniosł się do Mohilowa, anno Christi 1655—to, pod czas zimy. Tam został protopopą Mohilowskim, anno Christi 1658—no, primis diebus Februarii [1])....

---

[1]) Здѣсь, внизу страницы, подъ чертою, тою же рукою, но другими чернилами,

(2 стр.) Primitiae moie, w zaprawie do czytania ięzyka Ruskiego, byli we Szkłowie, potym w Mohilowie pod bakałarzami róznemi; z których notuię zrazu Stephana iakiegoś, po nim Makaria z Hołowczyna,—to we Szkłowie; w Mohilowie—Timofeia Hribacza y Pawla statecznego człowieka, po nim Konstantego także; szkoła była pierwiey w Maximowskim dworze; potym w Bratskim domu w Ostrogu pobudowano one po zgorzeniu rynku y niemal wszystkiego Ostrogu, a po części i za Ostrogiem, w poniedziałek wielkonocny, ni fallor, anno Christi 1626, albo 1627. Pożar to był srogi, pod ktory iak szkody wiele było, tak i tego niemało, że ieden został przez szarpaninę z chudego pachołka panem, a drugi przez utratę z bogatego ubogim. Zamek tylko a Spasa S. Cerkiew całe zostali; bydynków mało co. Cerkiew zaś S. Mikołaia, S. S. Kozmy y Damiana, kościoł farski, z dzwonicami, ratusz, kramy wszystkie y budynki porządnie, pogorzeli. Po Konstantym był Aphtanas Strzelecki, y Theodor Tarasowicz w teyże szkole Bratskiey bakałarzem (ktory potym, w roku od Christa Pana 1635, zostawszy zakonnikiem w monastyri Bratskim Mohilowskim (imię mu dano Antoni w zakonie), był y namiestnikiem tegoż monastyra, za starszeństwowanim s. pamięci o. Warłaama Połowka, bywszoho ieszcze przed tym archimandrity Wileńskiego i Krońskiego: a brat onego rodzony Tarašowicz Basyli był episkopem Mokaczewskim: do ktorego on dioecesiey ku onemu w nawiedziny zaiachawszy, umarł). Ale ci dwai bakałarze y pomocnik ich czci, iakiyś Ihnatiy, człowiek stateczny, uczyli mię, ieden początkow łaciny a drugi wprawował w charakter dobry, do ktoregom miał z natury ciążką rękę; iuż po zmroceniu się moim z Kijowa, w roku Christusowym 1632, gdziem iachał z Mohilowa w roku 1630, y tam za rektorstwa stryia mego s. pamięci Tomasza Iewlewicza, przy monastyru Bratskim (3 стр.) Bohoiawlenskim [który miał magistrow: w *ruskiey szkole*—ustawnika Theodora, moskala rodem, w *infimie*—Iakoba Memlewicza (ktory potym był protopopą Pereiasławskim) w *grammatice*—Sawu Andrzeiowicza Mohilowianina, w *syntaxim*—Basylego Berezeckiego, syna protopopy Kijowskiego (ktory potym był wziętym iurystą u tribunału koronnego y przez otrutę z tego swiata zgładzony iest); byli wszyscy ludzie swieccy, zacni, godni] byłem niemal przez dwie lecie y początki wziął takie

---

написано: *Ex Bibliotheca librorum indigni Ieromonachi Ignatii Iewlewicz Igumeni Monasterii Polocensis ad aedes ss—rum Epiphaniorum.*

do ięzyka łacińskiego, żem sostał był, przez zwykłą promocyią szkolną, promowany do grammatiki: potym prędko, za przyiazdem rodzica mego do Kijowa, z nim y z panem stryiem zaś stamtąd iachałem do Mohilowa anno 1632 pierwszey niedzieli w post wielki. Gdzie pod woinę Szeinowską pierwiey w Buyniczach u Szymana iakiegoś do pisania wprawowałem rękę, potym i u wyszpomienionych dwóch bakałarzow, y u fary coś niewiele, u iakiegoś Samuela Litwina, ktory tam szkolę trzymał i pedagogiem był u panow Baykowskich, zaprawowałem się do ięzyka tegoż łacińskiego potrosze; a stamtąd przeszedszy, u Sawy Andrzeiowicza (ktory, przyiachawszy z Kijowa, uczył po łacinie w Bratstwie), po nim tamże u Kosowicza, studenta z Kijowa, wszystko po niewielu, sześcioro iakoś się prędko odmieniali: skąd tak wiele tylko miałem pożytku żem nie przepomniał tego, com w Kijowie umiał. Pod też 4 lata, coż byłem, pono przez rok iakiy i lepiey, przy dworze wielmożnego s. pamięci p. Bohdana Stetkiewicza, na ten czas ieszcze podkomorzego, potym kasztelana Mścislawskiego, y Nowogrodskiego; na potym—przy synaczku onego p. Michału Stetkiewiczu, za pedagogow Chacietowskiego, a przed nim ieszcze Sokołowskiego. W roku zaś 1636, że rodzice nie chcieli mię odpuścić y kosztu na to ważyć, potaiemnie od nich uiechałem na nauki do Kijowa znowu. Wojna Szejnowska pod Smoleńskim zaczeła się pod interregnum po Krolu polskim Zygmuncie trzecim, anno Christi 1632—do (4 стр.) A ieszcze przed tym na Ukrainie Taborszyna Pereiasławska była anno Christi 1630.

Potym eodem [1]) anno 1630, w iesieni, powietrze srogie w Kijowie, od ktorego zjeżdżalichmy z p. stryiem moim y z drugiemi za mil 3 do Juriowki, do maiętności monastyrskiey, S. Michała Złotowierzchego; gdzie był aż do Bożego narodzenia ze wszystkiemi y ś. pamięci w Bogu iaśnie przew. o. Iow Borecki, Metropolita Kijowski i wszystkiey Rusi. Skąd odyskalichmy się do Kijowa iltimis diebus decembris. Szkoły zaś otworzono 2-da Jannuarii.

A. ś. pamięci o. Piotr Mohiła, na ten czas archimandryta Lawry Pieczarskiey, zieżdżał aż na Wolyń do Grodka, zkąd powrócił iakoś in Julio, anno 1631. Quo anno w iesieni zaraz szkoły otworzono w Pieczarskim Trojeckim monastyru. Rektorem był Przew. o. Isaija Trophi-

---

[1]) Это слово въ подлинникѣ зачеркнуто.

mowicz, praefectem—o. Silwester Kossow; rhetorikę z poetiką wkupie miano, professorem był o. Poczayski. W syntaxim, grammatice y w infimie, bo byli także wkupie, magistrem był o. Iwaszkowski; studentow było ze sto, y lepiey. Ktoreto szkoły z roku 1632—go, za instancyą woyska Zaporozskiego, szlachty y kapituły Pieczarskiey, do Kijowskiego Bratskiego monastyra, pod czas wacacyi, przeniesiono: y tam się w tym roku stateczniey zaczęli aż po samą philosophią. Hoc anno, czy też 1631, w post wielki, Borecki umarł [1]). Pod tenże czas, zaraz pod interregnum za Władisława IV-go króla polskiego, Sophią S. od unitow wziąwszy, blahoczestiju przywrocono: metropolitę prawoslawnego, episkopow y drugich prałatom y wse prawoslawije lepszą wolnością opatrzono, monastyrow (5 стр.) y cerkwi niemało, po roznych kraiach tak, w Koronie, iako y w Litwie, od unitow pobrawszy, prawasławnym nadano y uprzywiliowano. Prędko potym, w roku 1635—tym, Iaśnie w Bogu przew. o. Piotr Mohiła, zostawszy po archimandriey Pieczarskiey Archiepiskopem Metropolitą wszystkiey Rusi, był, z Warszawy iadąc, w Wilnie, w Minsku, w Orszy, w Kutejnie, w Mohilowie, w monastyru Buynickim y we wszystkich miastach, nad Dnieprem rzeką leżących, iako pasterz wisituiąc.

Przyiachawszy do Kijowa, Isaiju Kopinskoho, bywszoho archiepiskopa Smolenskiego, że bez słuszney elekcyey na metropolią po Boreckim nie swym sposobem nastąpił i ieszcze uparcie szedł, za consensem swiatijszoho Patriarchi Konstantinopolskoho, negował, a przy nim za coadjutora będącego Zosimę episkopa suspendował ab officio episcopali. Eodem anno incipiente, ugoda doszła z Moskwą i stanęło przemierze wieczne.

Ia potym, anno Christi 1636, na wiosnę przyiachawszy do Kijowa i 6 tylko niedziel bywszy w gramatyce, byłem promowany do syntaxim, w ktorym rok caly byłem pod magistrem o. Raphaelem Zarzeckim Mohilowianinem. W tym że roku 1636, pod wakacye, I. M. P. Bohdan Stetkiewicz, podkomorzy Mścisławski, będąc w Kijowie dla nawiedzenia miejść świętych, wziął mię do dziatek swoich, to iest

---

[1]) Кіевскій митрополитъ *Іовъ Борецкій* скончался 2 марта *1631 года,* въ среду второй недѣли великаго поста. *(Точное* указаніе года и дня его кончины находится въ надгробной надписи сему митрополиту, помѣщенной въ Τερατουργημ'Ѣ А. Кальнофойскаго, изд. въ Кіевѣ, 1638 г.).

syna swego Michała y bratanka Krzystofa, chorążyca Orszanskiego, Stetkiewiczow, za wyrostka, przy ktorych pedagogiem był philosoph dobry Paweł Hołodowicz Ostropolski, potym Lucas Szaszkiewicz philosoph, ale słabszy (Ostropolski ten potym został arianinem, a Szaszkiewicz był zakonnikiem w Kijowie, magistrem, praefektem y rekrorem w Hoszczy; professorem był przed tym rh—cae i kaznodzieią), przy ktorych będąc, przez rok promotus fui ad humanitatem. (6 стр.) Odstałem był od nich circa hanc promotionem y dana mi była condicya przy synowcu O. Isaii Trofimowicza, ihumena Mikoły ś. Pustynnego Kijowskiego, ale zaś iego m. p. Stetkiewicz pisał, żebym się od synaczka iego nie oddalał; y tak z roskazania starszych znowum tam był z rok y daley. W roku 1637, o Mikole ś. w decembru, woyna się na Ukrainie Kumejska zaczęła, ktorą lubo pod Borowicą usmierzyli byli; wydano Pawluka hetmana z innemi hetmanowi polnemu koronnemu Potockiemu (stracono go w Warszawie), na wiosnę że się zaś odnowila y sroga była, Starzecka nazwana (ktora się skończyła zaś circa festum ś. Nikolai pod Mosłowym stanem, przez ugodę ciężką na kozakow: bo im y hetmana odięto, y polkownikow, y do regestrow przymuszono, z innemi ciężkiemi kondycyiami) ujachalichmy na Białą Ruś, gdzie w Buyniczach i w Smollanach i w Sielekci byłem pod wakacyie i w Kotkowie, a o ś. Michale in nowembri, odstawszy od nich, iachałem na rhetorikę do Kijowa, ktorey słuchałem sub patre Kotkowski. Potym phylosophiey kursu 3-letniego pod o. Kononowiczem (który potym był rektorem tam, zaś ihumenem Michaiłowskim, a potym i episkopem Białoruskim). Kondycyie miałem rozne: u cyrulika Matiasza, y szlachetckich y mieyskich dziatek maiąc z synem iego, potym u Peculickich y u p. Ielowickiego, wojskiego Krzemienieckiego, dziatek byłem inspektorem. Po kursie bywszy u swoich na Białey Rusi, przez 2 lecie słuchałem kursu Theologiae moralis y speculativae duas partes in via Scoti, tertiam descripsi, w Zamojskiey Akademii et medicinam speculativam cum anatomia nec omphycam 80 tabutorum dictam. Professores Quolek y Grzembski franciskani, Kułakowski, Wilkowski. Skąd bywszy we Lwowie, w Jarosławiu, w Krakowie, w Skicie, w Kameńcu Podolskim i w Iasiech, w Soczawie w Wołoszech, y bywszy w Mohilowie, w Orszy, y zaś w Kijowie kursu phil—ae dwuletniego wysłuchawszy pod O. Gizelem, i w Wilnie bywszy w gościną, wstępilem (znowu w Mohilowie bywszy w drugim kursie) do zakonu w Kijowie, anno 1647, 31 Augusti.

(Изъ *рукописнаго сборника*, находящагося въ Московской Синодальной Типографской библіотекѣ, подъ № $^{3790}/_{441}$. — Означенный сборникъ, состоящій изъ стиховъ и поздравительныхъ рѣчей на разные случаи, на польскомъ и русскомъ языкахъ, очевидно принадлежалъ нѣкогда Игнатію Іевлевичу; автобіографическая записка послѣдняго помѣщена въ самомъ началѣ сборника, по видимому на пробѣльныхъ листахъ).

Примѣч. Игнатій Іевлевичъ, воспитанникъ Кіево-братской школы, восполнявшій и докончивавшій свое образованіе и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ,—былъ впослѣдствіи (съ 1656 г.) игуменомъ *Могилево-братскаго Богоявленскаго монастыря*, а затѣмъ съ оставленіемъ управленія означеною обителію возведенъ былъ (1660 г.) въ санъ архимандрита *Полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря*. Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ и его литературной дѣятельности можно найти въ *Древней Россійской Вивліоѳикѣ*, изд. Н. Новиковымъ (ч. Ш), и *Исторіи Рос. Іерархіи* Амвросія, ч. Ш, изд. 1811 г. стр. 449—456, ч. V, изд. 1813 г. стр. 591—597. См. также: *Обзоръ рус. дух. литературы*, преосв. Филарета (краткое упоминаніе о нѣкоторыхъ трудахъ И. Іевлевича) и *Истор. Рус. Церкви*, преосв. Макарія, т. XII, 364 (упоминаніе о присутствіи на московскомъ соборѣ 1660 г. по дѣлу патріарха Никона и произнесенной имъ здѣсь рѣчи).—Въ Московской Типографской Синодальной библіотекѣ находится, кромѣ вышеупомянутаго, другой рукописный сборникъ, принадлежавшій Игнатію Іевлевичу (№ 442). Онъ преимущественно заключаетъ въ себѣ копіи съ разныхъ грамотъ XVII стол., изъ коихъ многія, въ печати неизвѣстныя, представляютъ немаловажный церковно-историческій интересъ. Такъ, здѣсь, между прочимъ, находятся: *Клятва митр. Петра Могилы на нѣкоторыхъ безбожныхъ черницевъ* (иноковъ Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря, не покорявшихся власти митрополита), листъ того же митрополита *благословенный у жидовъ рѣзъ ихъ христіаномъ покупати* (л. 16), *Выпись с книгъ судовъ духовныхъ монастыря Печерскаго, 1626 г. іюля 29* (актъ, характеризующій отношенія Кіево-печерской лавры къ Кіевскому Пустынно-Николаевскому монастырю), *Листъ діаконамъ, приходящимъ отъ уніи къ церковному соединенію*, такой же *листъ священникамъ*, и друг.

XII.

Выдержки изъ Exegesis'a,—старопечатной брошюры, заключающей въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о школахъ Кіево-братской и Лаврской Могилянской.

PRAELUDIUM.

Jóż to czwarty rok zapędy swe cyrkluie, iakochmy w Kijowie palladyiskie kunszty w Akademiach katolickich idaeowane, na domcipach Ruskich solidus a niżely przed nami będący, Latina lingua floryzować poczęli, laskawy czytelniku. A to nie z inszych miar, iedno żebychmi z miłosiernych uczynków zseregu, który praecipue ignorantes docere inbet, nieco sobie u wiecznego Playce zasiągnać mogli. Tudziesz abychmy przezacnemu Narodowi naszemu, iako in eodem gremio wypielegowani, lumen Apollineum darowali. Kwaśno na to wprawdzie poyzrżała niestateznica ona na kole zawioduiąca: Abowiem skoro iedno z Jego Mośćia Oycem Piotrem Mohiłą Metropolitą Kiowskim (na ten czas Archimandrytem) zawitalichmy do ciebie wiekopomny Kijowie; a pasąc zrzenice twemi setnicami Swiętych, twemi nieobeszłemi wałami, primas Mineruae manus applikowali: wnet o nas takie rumory w uszy ludzkie naganiać poczęto, żechmy unici, żechmy nieprawosławni. Zkąd iakie pioruny, iakie gromy y trzaskawice różne na nas wywieraly się, ięzyk atramentowy anatomizować nie może. Był ten czas, żechmy się wyspowiadawszy, tylko ióż oczekiwali, póki nami xieńcę dnieprowych iesiotrow nadziewać zechcą; abo póki iednego ogniem, drugiego mieczem na drugi swiat zasłą. Tedy niogarniony on Sercowidz bacząc niewinność naszę a wielką potrzebę uczciwych muz narodowi Ruskiemu, rospędzil te fałszywych opiniy chmury, y takiem trzaskawicom exhalacye zatamował: oświecił serca wszystkich, że nas poznano być prawdziwemi synami Cerkwie Wschodney, y pod posłuszeństwem swiętego oyca Patryarchy Konstantynopolskiego. A zatym za osobliwą łaską y błogosławieństwem Wszystkowidza: poczęli Jch Mosć Panowie Obywatele Kijowscy, y inszych powiatów, obficiey a niżeli przedtym za inszych przodków naszych (którzy sine interruptione aż do nas połacine uczyli) dziatkami swemi łako mrowieczkami Horrea nostra Apollinea napelniąc, Helikonem,

Parnassem one tytyłować, iemu się szczycić. Ale któż to taki był udawca (pytasz łaskawy czytelniku). Ten, ten, a nie kto inszy, który teraz nas za Aryany, Kalwinisty, Lutherany kładzie; rozumieiąc o nas iakobychmy tych przemierzłych sekt ministrami, superintendentami będąc, onych też herezyą tak w Kiowie, iako y w Winnicy, dowcipy ludzkie zarażali: co iż nas srodze boli, piórem o swey niewinności sprawę dać, y tę opinią z siebie znieść zawzięilichmy: tudziesz okazać, coby za potrzeba szkoł Łacińskich narodowi naszemu była. Do czego prosimy nayuniżeniey o łackawą zrzenicę.

Gdy nam urągaiąc, argumentować zaczyna proefatus udawca, do takiego się syllogismu bierze:

Heretykom uczyć ma być zabroniono[1]);
Aże w Kiowie y w Winnicy uczą Heretycy;
Ergo im to ma bydź zabroniono.

My zaś którzy uczymy w Kiowie y w Winnicy, concessa maiore, negamus minorem. Lecz on z probacyą zasnął; obudź się, Udawco, przynoszęć rationes negationis.

(Далѣе слѣдуетъ довольно подробное объясненіе отличія вѣроученія православной церкви отъ ученія еретическаго — лютеранъ, кальвинистовъ и социніанъ).

(**26 стр.**) Zlichociała twoia udawco *Minor*, bo y słomianych nog nie maią: czekam iednak kiedy się ockniesz na probacyą, proszę wyidź z nią w pole popierowie. Obudził się łaskawy czytelniku. Probuie: słuchaymy: Ociec *Sylwester Kossow*, przed trzema laty *professor*: Ci ktorzy y teraz uczą w szkołach Kijowskich y Winickich, są z Rodzicow Religiey Graeckiey w teyże ufundowanych; uczyli się w Akademiach Rzymskich w Polszcze, w Litwie, y Cesarskiey. Uczą po Łacinie, ni wczym Religiey starożytney Graeckiey nie naruszaiąc; *Ergo* Kalwini. Niewiedziałem zaiste, żeś tak wyśmienity Perypatetyk Udawco: zgodziłocby się, iako widzę z twych illatiy z tymi zasieść, ktory z wiatry sznury pleść usiłuią; bo pewniebyś między nimi naprzednieysze mieysce zasiadł: a do Arystotelesa z takimi konsequencyami dla Boga

[1]) Hoc est: Aria. Cal. Luth.

się nie przymykay. Bo pewnieby onego *organum* w targańcu z tobą poszło, y oduczyłoby tak wielkiey ięzowatości ku nam, ktorą kredensuiesz w uszach ludskich. Coz daley? Patryarcha, prawi, wasz Konstantynopolski iest Kalwin; a wy go słuchace; *Frgo* iesteście Kalwini. Probuy *Antecedens* Udawco: Kalwinowie, prawi, mowią y przez skrypt wyznanie Kalwinskie onego podali: ergo wasz Patryarcha iest Kalwin. *Consequenter* y wy ktorzy go słuchacie. Ale kto kiedy rozumny widział za słuszną probacyą taką iego probacyey podobną? Kalwinowie powiadaią y piszą, że Biskup Rzymski iest tym własnie Antychrystem, ktory ma przyść przed sądnym dniem, *ergo* inaczcy nie iest? y prawda? co iesliby dla tego prawda była, że Patryarcha nasz Kalwin, iż tak heretycy wydali. Znalazłbyś na kościoł Rzymski y na Biskupa Rzymskiego *infinita* od nich *testimonia*, ktorymi my iednak nie potrzasamy. Pewniysza ia tobie powiem (**27 стр.**) Udawco: ledwo iest niedzil kilka, iako niektorzy z Lwowskich mieszczan swieżo z Konstantynopola prziachali, ktorzy byli *praesentes* na ten czas w Cerkwi Patryarszey, kiedy swięty Ociec Patryarcha *Cyrillus* przed wszystkim klerem y gminem tak mowił: Przeoświeceni Mitropolitowie (ktorych zawsze dwanaście przy Patryarzse resyduią), Archiepiskopowie, Episkowie, Archymandrytowie, Ihumenowie, y wszyscy Oycowie y Bracia, y wy owieczki moie: Rzeknicie mi wszyscy: Niechci będzie *Anathema*, *Anathema*, *Anathema*, ieslibych kiedy myslił, ieslibych kiedy był, y iesli iestem Kalwinem, iako mię udaią. Lepiey tedy temu trzeba wierzyć, że nigdyby go Graecy, tak Duchowni, iako y swietcy nie cierpili, iako *quondam* z innemi heretykami, przy tak wysokiey nowego Rzymu stolicy Apostolskiey, postępowano.

Coby zaś za potrzeba łacinskich nauk narodowi naszemu byla: Ta napierwsza, żeby biedney Rusi naszey głupią Rusią nie zwano. Uczże się, prawi, Udawca po Graecku, a nie po łacinie. Dobra rada wprawdzie, ale naywięcey pożyteczna w Graecyey nie w Polszcze, gdzie ięzyk łacinski nawięcey płuży. Poiedzie nieboras Rusin na Trybunał, na Seym, na Seymik, do Grodu, do Ziemstwa: bez łaciny, płaci winy; ani Sędziego, ni Praktyka, ni rozumu, ani Posła, a tylko iak tania wyszczerzywszy oczy, to temu, to owemu się przypatruie. Nie trzeba nas zaganiac y do Graeki, staramy się y postaramy się o onę przy łacinie; że da Bog będzie *Graeca ad Chorum* a łacina ad *Forum*. Nie wspominamy Disputaciy, nie wielebyś tu w Polszcze Graecą nadysputował. Na co, prawi

Udawco, Rusi uczyć po łacinie, niech się uczy u Rzymian. Pieknyś mi dzięciolek, a ieszcze y z noskiem: każesz nam chle(28 стр.)ba zebrzec, kiedy go mamy doma. Zebrzelichmy po te czasy po Ingolstadyum, po Ołomuncach; teraz z łaski Bożey y sami go mamy z gębę y drugim uzyczamy. O zazorości niezbiedna! ty to uczysz Udawco, że choć go sam masz nie tylko z gębę, ale y za gębę, iednak chcesz żeby nikt inny nie miał: a zwłaszcza ty niebogo Rusi, z ktoreyby się on zawsze chciał nagrawać. Na ostatek ten Codrus przed ludzmi wielkimi taką wycwierkuię o nas notę: Nigdy Rusi Naiasnieyszy krolowie Polscy szkoł nie pozwolali, *ergo* y teraz pozwolone być nie maią. My nieguiemy *Antecedens*, a tobie iako praw Ruskich idyocie tak płacimy. Są prawa od swiętey pamięci królow polskich, mianowicie od Naiasnieyszego *Zygmunta Trzeciego* nadane naszym na Szkoły łacinskie w Wilnie, we Lwowie. *Ergo tu hallucinaris*, y musisz przyznać, że nie nowina krolom polskim na szkoły łacinskie Przymileia Rusi dawać; y te szkoły, w ktorychmy teraz w Kijowie y w Winicy uczymy, Dyplomate pomazańca Bożego *Krola* pana Niezwyciężonego Monarchy *Władysława czwartego*, y wszystkiey Rzeczypospolitey Konsensem są stwierzono. Tak bowiem w nim słowa brzmią: „Szkoły, Seminarya, Drukarnie, ktorych oni byli *in possessione* ztwierdzamy“. Zkąd ia tak argumentuie: Ktore Szkoły, Seminaryą y Drukarnie były u nas *in possessione*, te jego Kr. Mść ztwierdzać raczy. A że te Szkoły, w ktorych teraz uczymy, przed tym zawsze były y są u nas *in possessione*: gdyż był nad nimi przed tym Rektorem Smotryski, Kassyan, y inszy; ktorzy po łacinie uczyli sine *interruptione* aż do nas. *Ergo* tę ztwierdzać raczy I. K. Mść. z miłościwey łaski swey Panskiey. Nie położono, prawi, *in diplomate explicitè* s z k o ł y ł a c i n s k i e, w iakich wy teraz uczycie po łacinie: *ergo hoc diplomate* (29 стр.) bronić się nie mozecie: prostyś widzię Bernat Udawco, ktory po Kalwinsku mieć chcesz wszystko *explicitè quo ad verba*. Abowiem możesz kolligować z pomienionych słow Diplomatis (ktorych oni byli in possessione) *qualitalem Scholarum, universalium*, to iest, iakimkolwiek ięzykie oni przedtym w tych szkołach uczyli: gdyż iesliby dla tego nie wolno nam po łacinie uczyć, że nie położone iest one słowko *in Dyplomate* „łacinskie“: to byś pewnie inferować mogł, że nie wolno nam y po Rusku uczyć, ani po Graecku (co ochotnie sam pozwalasz) bo nie położono przy onym slowku *szkoły*

tych słow: „Ruskie, Graeckie“. Obaczsię tedy proszę, a argumentować lepiey się naucz: a za fundament sobie położ Przywiley dany monasterowi naszemu Bratckiemu w Kiowie, od Naiasnieyszego *Zygmunta trzeciego*, nie na insze iakie Bractwo, tylko na Bractwo Miłosierdzia: zaś więtsze być nie może, iako nieuymieiętnych nauczyć.

Uważże łaskawy Czytelniku, a zwlaszcza ty Przezacny Narodzie Ruski, iesli słusznie Udawca wszytkie nieba na nas obala; ponieważ iego kalumnie y onych *numerum* przewyzszaią: a zwłaszcza że iuz nie raz Lydiyskim kamieniem sam bywał tym podobnych rumorow o ludziach Religiey starożytney Graeckiey, mianowicie kiedy legata swego wyprawował do Graecyey, chcąc się wywiedzieć, iesli był prawdziwym Patzyarchą Ierosolimskim on swięty Ociec *Theophan*, zawitały w roku 1620 do kraiow naszych: y dowiedział się *de infallibilitate*. A teraz wie, że za pomienionego swiętego oyca *ad malè narrata*, *multae passiones* ludziom niewinnym działy się. Coż rzekę o tym, że sam wszędybyłstwem swoim napełniaiąc kąty Udawca prawi: Popi Ruscy głupi, nie umieią nic, iedno Az, Buki: Kaznodzieiow mało znaią: mowić z nami nieumieią: dysputowac (**30** стр.) dyszkurować popom Ruskim iak skały gryść. Dayże się nauczyć przyiacelu: Bo zkąd u ciebie wysmienici kaznodzieie? z szkoł. Zkąd Bogomysłni Spowiednicy? Z szkoł. Zkąd Angelscy Theologowie? Z szkoł. Zkąd sercołomni Oratorowie? Z szkoł. Owo zgoła, cokowiek ozdoby, wszytko szkołam przypisać się musi. Przeto ty Swiętych pełny Narodzie Ruski, przy inszych należytych zdawna wolnościach twoich, od Pomazancow Bożych *successive* zawsze poprzysiężonych, iako naypokorniey y teraz żebrz; aby tobie tey manny wyzwolonych Nauk nie broniono, y owszem zmiłowawszy się nad potrzebą twoią gwałtowną, Muz uczciwych fontany Oceanom się rozlewać u ciebie przez twąż bracią, w Religiey starożytney twoiey ufundowaną, aby pozwolono. Twoie bowiem ztąd Cerkwie swieszczennikami przy bogoboynosci umieiętnemi napelnione bedą: twoie kathedry w krasomowne kaznodzieie zakwitną: twoie potomki w oyczystey wierze udyamentowane Oratorsko, Philosowsko, Iurydycko, po walnych seymach, po sprawedliwych Trybunałach, Rokach, Roczkach, Ziemstwach, Wotami, Dyskursami, Racyami, zasłyną. Twoi Praktykowie u wszelakich sądow sprawiedliwości się domagać, a Praw swych co dzień pilnować *accurate* nie zapomnią. My zaś y za tę y za ciebe, y za Udawcę tego, który

zazdrości pomienione Ka(lumn)ie, ku nam prowiantuie, Naywyzszego prosić winni zostaiemy, aby naszey Zuzannie dać raczył swe Daniele. Amen.

Примѣчаніе. Полное заглавіе старопечатной брошюры, изъ которой сдѣланы вышеприведенныя выдержки, слѣдующее: Exegesis, to iest: dane sprawy o szkołach Kiowskich y Winickich u ktorych uczą sakonnicy Religiey Graeckiey, przez wielebnego Oyca Sylwestra Kossowa, Electa Episkopa Mścislawskiego, Mohilowskiego, Orszanskiego, pzred rokiem terazniejszym w tychże szkołach Professora, napisane (епиграфъ): *Libera me a calumniis hominum, et custodiam mandata tua. Psal. 117.—Wybaw mnie od potwarzy ludskiey: abych stregł przykazań twoich.*—Drukowanie w s. Lawrze Pieczerskiey. Roku Panskiego 1635.—*Exegesis* Коссова составляетъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость. Пекарскій говоритъ (*Отеч. Зап.* 1862 г. т. CXLI, стр. 368), что онъ „нѣсколько лѣтъ старался видѣть эту брошюру. Наконецъ изъ Кіева ему была доставлена рукописная копія съ единственнаго тамъ хранящагося экземпляра, но и въ немъ недостаетъ окончанія". Неполный экземпляръ *Exegesis*'а, съ котораго снята была для Пекарскаго копія, хранится въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора. Онъ обрывается на 22 страницѣ. По этому неполному экземпляру брошюра Коссова, въ подлинникѣ и переводѣ на русскій языкъ, издана была нами въ *Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* за 1874 г. (есть и отдѣльные оттиски). Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Галицію мы имѣли случай видѣть и полный экземпляръ *Exegesis*'а (сколько извѣстно намъ *unic)* въ библіотекѣ Оссолинскихъ и сняли съ него копію. Въ полномъ экземплярѣ означенной брошюры 31 стр. (послѣднюю страницу занимаетъ *Elogium avtorowi* отъ *Dadzibog*'а *Maskiewicza*, ученика поэтическаго класса *in Almo Gymnasio Mohilaeano Kioviensi*). Объясненіе отличія вѣры православной отъ лютеранства, кальвинизма и социніанства (аріанства) оканчивается 25 стр.,— съ слѣдующей 26-й стр. начинается полемика, направленная преимущественно противъ не называемаго по имени лица, обвинявшаго преподавателей Кіево-Могилянской коллегіи въ при-

верженности къ протестанскимъ мнѣніямъ. Эту часть *Exegesis*'а, представляющую нѣкоторыя данныя касательно Кіево-братской школы, между прочимъ, и за разсматриваемое нами время, мы (вмѣстѣ съ *Praeludio*, вдѣ находятся весьма важныя свѣдѣнія о Лаврской Могилянской школѣ), рѣшились помѣстить въ приложеніяхъ къ своему изслѣдованію. Брошюра Коссова въ полномъ видѣ имѣетъ быть помѣщена въ приготовляемомъ нами для Кіевской Археографической Коммиссіи томѣ издаваемаго ею *Архива Юго-Западной Россіи* (памятники противо-протестантской полемики въ XVI и XVII стол.).

XIII.

Документы, уясняющіе біографію основательницы Кіево-братскаго монастыря Галшки Гулевичевны и ея ближайшихъ родичей.

1559—1642 гг.

1) Заставная запись, данная Василіемъ Гулевичемъ женѣ своей Еленѣ Волчковнѣ на разныя помѣстья, въ обезпеченіе занятыхъ у нея денегъ.—

1559 г. декаб. 10 дня.

Лѣта Божего нароженя 1562, мѣсяца Декабра 21 дня.

Пришодчи и постановившися очевисто в замку Луцкомъ передо мною Борисомъ Ивановичомъ Совою, Подстаростимъ Луцкимъ, земянинъ господарский Панъ Василей Его Мил. Федоровичъ Гулевича, оповедалъ и вызналъ тымъ обычаемъ, штожъден для великое а пилнои потребы моеи позичил есми в малжонки моеи в Панеи Олены Волчковны Жасковского осмъ сот копъ грошей монеты и личбы Литовское, личачи по десяти пензей в грошъ, въ которой суме пензей осми сотъ копахъ грошей заставил есми еи малжонце моеи Панеи Олени имене свое властное отчизное все реченое Качино и к тому два приселки, которыи к томужъ именю моему Качину прислухают, на имя Личинъ и Ковалевцы, которое имене Кочинъ и тыи приселки

мне деломъ ровнымъ пришли отъ брати моеи рожоной Пана Григоря, Михаила, Романа и Януша Федоровичовъ Гулевича, кром частеи стрыечнои брати моеи Ивановы и Гаврыловы Михайловичовъ Гулевича тамже в Качине и в тыхже приселкахъ вышеи помененых, зо всимъ на все з людми и з ихъ роботами и подачками, с полми и сеножатми, з даню медовою и грошовою, с озеры, з лесы, съ зарослями, з боры, з ловы звериннымы и пташими, и зо всими пожитки малыми и великими, яко ся тое имене мое Качинъ и тыи два приселки сами в собе в пожиткохъ, обиходех и в границахъ своихъ маютъ, ничого тамъ на себе, на дети, на братю и на близких моихъ неоставуючи, што ширей а достаточней на листе моемъ записаном естъ доложоно. Якожъ и листъ свой на то отъ себе малжонце своей Панеи Олене Волчковне даныи передомною покладалъ и былъ вычитанъ с початку ажъ до конца, которыи листъ такъ ся в собе маетъ: Я Василей Федоровичъ Гулевича явно чиню и сознаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ, кому будетъ потреба того ведати або чтучи его слышати, нынешнимъ и напотомъ будучимъ, штожъ ку великои а пилнои потребе моеи позичилъ есми в малжонки моеи в Панеи Олены Волчковны Жасковского осмъ сотъ копъ грошей монеты и личбы литовское, личачи по десяти пензей у грошъ, в которои суме пензей осми сотъ копах грошей заставил есми малжонце моей Панеи Олене имене свое властное отчизное все речоное Качино и к тому два приселки, которыи к томужъ именю моему Качину прислухаютъ, на имя Личинъ и Ковалевцы, которое имене Качино и тые приселки мне дѣломъ ровнымъ пришли отъ брати моеи рожонои, Пана Григоря, Михаила, Романа и Януша Федоровичовъ Гулевича, кромъ частей стрыечное брати моеи Ивановы и Гавриловы Михайловичовъ Гулевича тамже в Качине и тыхъ же приселкахъ вышей помененыхъ, со всимъ на все, з людми и ихъ роботами и подачками, с полми и с сеножатми, з даню медовою и грошовою, с озеры, з лесы и з зарослями, з боры, з ловы звериннымы и пташими, и со всими пожитки, платы и доходы якимколвекъ именемъ названы албо менованы быти могутъ, якося тое имене мое Качинъ и тые два приселки сами в собе в пожиткахъ и обиходехъ и границахъ своихъ маютъ, ничого на себе, на дети, на братю и на близкие мои неоставуючи, а чого Боже вховай на мене часу смертелного, тогды по животе моемъ маетъ Ее Мил. малжонка

моя прeчeнная Пани Олена Волчковна тое имене Качинъ и с тыми обема приселками до рукъ своихъ взяти и то держати и вживати со всимъ на все такъ, яко я самъ тое имене мое Качинъ и тые два приселки держалъ и ихъ вживалъ до того часу, пока ажъ тая вся сума осмъ сотъ копъ грошей будетъ малжонце моеи Панеи Олене отдано и заплачено, а дети мои и братья моя и нихто з близкихъ моихъ, неотдавши Ее Мил. малжонце моеи Панеи Олене Волчковне тои сумы вышеи описанои тыхъ осми сотъ копъ грошей литовскихъ, ни чимъся уступовати и с того ее стискати немаетъ, а если будети або братя моя або хто з близкихъ кревныхъ моихъ мели с того малжонку мою Панюю Олену стискати, або того под нею поискивати, тогды первеи маютъ еи тую суму отъ мене еи на семъ листе моемъ описаную осмъ сотъ копъ грошей литовскои личбы заплатити, тож тое имене мое Качинъ и тые два приселки вышеи помененыи до рукъ своихъ взяти маютъ, а неотдавши еи малжонце моеи Панеи Олене тое сумы пензей осмъ сотъ копъ грошей, ничимся в тое имене мое Качино, и в тые два приселки, уступовати и никоторое переказы делати немаютъ. А естли бы по животе моемъ дети мои або братя кревные и близкие и прирожоные мои тотъ описъ мой малжонце моеи Панеи Олене отъ мене еи даный нѣяко хотели чимъ нарушити, и неотдавши тое сумы осми сот копъ грошей ку шкоде и докладу приправовати и в томъ переказу ей делати, тогды каждый таковый упередъ мастъ заплатити закладу на Его Корол. Мил. пятъ сотъ копъ грошей, а на врядъ староства Володимерского триста копъ грошей, а малжонце моеи Панеи Олене Волчковне вси шкоды и наклады еи, не вступуючися въ жадное право, толко словомъ смеетъ поведити, маетъ ей доброволне оправити и досытъ вчинити, а ведле и по тыхъ закладех в листе моемъ описаныхъ, предъ ся тотъ листъ мой в каждомъ праве при моцы зоставую, ни въ чомъ его ненарушиваючи, и на то есми малжонце моеи Панеи Олене Волчковне далъ сеи мой листъ з моею печатю и с подписю властнои руки моеи. А притомъ были и того добре сведоми Ихъ Мил. Панъ *Гаврило Василевичъ*, *Бокій Печифостскій* Судя повету Луцкаго, а Панъ *Грегорій Федоровичъ Гулевича*, Панъ *Богданъ Дрозденскій*, а панъ *Семенъ Оранскій*, и просилъ есми Ихъ Мил. о приложене печатей. Ихъ Мил. за прозбою моею печати свои приложили к сему моему листу. Писанъ въ Затурцахъ, року Божего

нароженя тисяча пятсотъ пят десятъ девятого месяца Декабра десятого дня. И просилъ Панъ *Василей Гулевичъ*, абы то было записано, а такъ я за прозбою Его Мил. тое очевистое сознане, доброволное оповедане и листъ его записный слово отъ слова с початку ажъ до конца в книги замковые записати казалъ.

(Книга Град. Луцкая, хранящаяся въ Кіев. Центральн. Архивѣ, подъ № 2036 лл. 190—191.).

---

2) Дарственная запись Василія Гулевича, данная женѣ своей Еленѣ Волчковнѣ Жасковской на разную, принадлежащую ему, движимую собственость.—

1562 г. декаб. 21.

Лѣта Божого нароженя тысеча пятсот шестдесятъ втораго, месяца Декабра двадцатъ перваго дня.

Пришодчи и постановившися обличне в замку Луцкомъ передо мною Борисомъ Ивановичомъ Совою, Подстаростимъ Луцкимъ, земянинъ господарскій, Панъ Василей Его Мил. Федоровичъ Гулевичъ оповедал и вызналъ тымъ обычаемъ, ижъ дей дознавши есми великую склонност, милост и на всем цнотливое а вчтивое и милое заховане ку собе малжонки моеи милои Панеи Олены Волчковны Жасковского, которое она ку мне малжонкови своему завше чинити неомешкиваетъ, а протож з особливое ласки и милости своей малжонское дарю и записую ей малжонце моеи милои, Панеи Олене, по животе моемъ, вси мои речи рухомые, то естъ гроши готовые, золото, сребро, клейноты, перла, шаты, кони ездные, быдло, цын, мѣдь, и тые вси речи, которыеся колвекъ называютъ рухаючии або поменены быти могутъ и третую часть стада моего отчизного, отдаляючи то отъ детей и отъ всихъ близкихъ моихъ, которые вси речи рухомыи малжонка моя Пани Олена, по животе моемъ, до рукъ своихъ вземши вольна будет ихъ кому хотячи отдати, продати, даровати и ку своему налепшому и пожиточному оберти и тымъ шафовати водлугъ воли своеи, яко сама налепей розумеючи, што ширей а достаточнеи на листе

моимъ записномъ ест доложоно, якожъ и тот лист свой под печатю и с подписю властнои руки своеи, на то от себе малжонце своеи Пане Олене Волчковне даный, передо мною покладалъ и былъ вычитанъ с початку ажъ до конца, который лист так ся в собе маетъ: Я Василей Федоровичъ Гулевичъ чиню явно и сознаваю тымъ моимъ листомъ кождому, кому того бы была потреба ведати або чтучи его слышати, нынешнимъ и напотомъ будучимъ, ижъ, дознавши есми великую склонность, милост и на всем цнотливое, а учтивое, а милое заховане ку собе малжонки моеи милои Пане Олены Волчковны Жасковского, которое она ку мне малжонкови своему завсегды чинити неомешкиваетъ, з особливое ласки и милости моей малженское дарую и записую ей малжонце моеи милои Панеи Олене, по животе моемъ, вси мои речи рухомые, то естъ гроши готовые, золото, сребро клейноты, перлы, шаты, кони ездные, быдло, цын, мѣдь, которыи ся колвекъ называютъ рухаючии або поменены быти могут, и третюю часть стада моего отчизного, отдаляючи то отъ детей и отъ всихъ близкихъ моихъ, которыи вси речи рухомыи малжонка моя Пани Олена, по животе моемъ, до рукъ своихъ вземши вольна будетъ ихъ кому похочетъ отдати, продати, даровати и ку своему налепшому а пожиточному обернути, якъ сама налепеи розумеючи А дѣти и нѣкоторыи з близкихъ моихъ до того ничого мети немаютъ вечными часы. А естлибы дети або близкие мои по животе моемъ хотели тыхъ речей моихъ рухомыхъ або третеи части стада моего отчизного в малжонки моеи Панеи Олены поискивати, або о то ее ку праву поволокати, таковый маетъ заплатити заруки Королю Его Мил. тысячу копъ грошей, а ей малжонце моей Панеи Олене яко стороне ображеной другую тысячу копъ грошей. А предся малжонка моя при всихъ тихъ рухомыхъ речахъ моихъ и при третеи части стада моего отчизного заставлена быти маетъ. На што даю еи малжонцы моеи Панеи Олене Волчковне сей мой листъ з моею печатю и с подписю власное руки моей. А при томъ были и того добре сведомы Ихъ Мил. Князь *Александро Федоровичъ Збаразский и Порицкий*, а Панъ *Петръ Богдановичъ Загоровский* Маршалокъ Его Кор. Мил., а Князь *Михайло Ивановичъ Курцевичъ*, Судя повету Володимерскаго, Панъ *Гаврило Василевичъ*, *Бокий Печифостскій*, а Панъ *Романъ Федоровичъ Гулевичъ*. И просилъ Ихъ Мил. о приложене печатей, Ихъ Мил. за прозбою моею печати свои рачили приложити

къ сему моему листу. Писанъ в Затурцахъ, Лѣта Божего нарожения тысяча пятсотъ шестесят второго месяца Декабра двадцат перваго дня. И просилъ Панъ Василей Гулевичъ, абы то было записано. а такъ я за прозбою Его Мил. тое очевистое сознанъе доброволное оповеданъе и листъ его записный слово отъ слова с початку аж до конца в книги замковые записати казалъ.

(Книга Гродс. Луцкая, хранящаяся въ Кіев. Центр. Архивѣ подъ № 2036, лл. 189 об. 190).

---

3) Запродажный актъ на разныя помѣстья, данный Войскимъ Владимірскимъ Василіемъ Гулевичемъ зятю своему князю Юрію Пузинѣ и его женѣ Ганнѣ Гулевичовнѣ.

1590 г. іюня 22 дня.

На рокахъ судовыхъ земъскихъ Луцкихъ отъ дня светое Тройцы Рымского свята припалыхъ и на завътрее того свята водле статуту судовне одправовати зачатыхъ, передъ нами Федоромъ Чаплычомъ Шпановскимъ Судьею а Иваномъ Хрепницкимъ Подсудкомъ, врядниками судовыми земъскими Луцкими, постановившися очевисто Его Мил. Панъ Василій Гулевичъ Войскій Володимерскій ку записанью до книгъ земскихъ Луцкихъ созналъ тыми словы, ижъ што которые именья въ повете Луцкомъ лежачие, купилъ есми на вечность, наперьвей именье Долгое отъ братаничовъ своихъ рожоныхъ, Пана Миколая и Пана Михаила Гулевичовъ, такъже и отъ Пана Деміяна Романовича Гулевича и малжонъки Пана Демьяновы Панее Настасьи Патрикиевны с Курозвонъ в Цевове и у Пана Семена Козинъского в Борисковичохъ, тогды я тые именья вышше помененые, въ Долгомъ, в Цевовѣ и в Борисковичохъ, зовъсимъ на все якомъ самъ былъ купилъ, продалъ есми Его Мил. Князю Юрью Пузыне зятю своему и дочъце своей Ганне и потомъкомъ Ихъ Мил., на што и листъ свой продажный Его Мил. на парѣкгамине писаный, с печатью своею и с подписомъ властное руки своее, также с печатьми и с подъписми рукъ людей зацныхъ, такъже и все право, листы на тые именья служачие, до рукъ Его Мил. есми далъ, и положилъ листъ продажи своее, и

просилъ, абы читанъ и до книгъ справъ судовыхъ уписанъ былъ, которого мы, до вписованья принявши, огледали и читать есмо его передъ собою казали, который листъ слово отъ слова такъ ся въ собе маетъ: Я Василей Гулевичъ Войскій Володимеръскій вызнаваю и явно чиню симъ листомъ доброволнымъ записомъ моимъ кождому кому бы одно того потреба была ведати, або чтучы его слышати, нинешнего веку людемъ и напотымъ будучымъ, ижъ я будучы волный подле уставы сойму Берестейкого и права нашого, которымъ се на тотъ часъ судитъ земля Волынская, яко хотечы властностью своею шафовати, продалъ есми именья свои Дольское и Цевовъское, также и Борисковское, всѣ огуломъ штоколвекъ одно есми былъ купилъ отъ братаничовъ своихъ рожоныхъ, Пана Миколая и Пана Михаила Янушевичовъ, такъже и отъ Пана Демьяна Романовича Гулевичовъ и малъжонки Пана Демьяновы Панее Настасьи Патрикиевны с Курозвонъ, и у Пана Семена Казинъского, яко тые купли мои на листахъ моихъ купъчихъ есть описаны, Князю Юрью Пузыне, зятю своему, малжонъце Его Мил., а дочъце своей Ганне, и детемъ Ихъ Мил. за певную суму пензей, за пять тысечей копъ грошей литовское личбы, тоест за дванадьцать тысечей и за пятьсотъ золотыхъ личбы полское, которые пензи отъличивши есми всѣ сполна заразъ и до рукъ своихъ взялъ. А тые все имѣня свои вышей помененые зовсимъ на все и все право свое, листы купчие на Долъгое и Цевовъ и на Борисковиче, до рукъ зятю своему, Его Мил. Князю Юрью Пузыне и дочъце своей Ганне, также и потомъству ихъ, передъ вознымъ в держанье, в моцъ и владность Ихъ Мил. подалъ и поступилъ з дворами и зо всимъ будованьемъ, з гумны, з дворъцами, и всякимъ быдломъ великимъ и малымъ, и зо всими пашнями и сеножатми, з ставы и ставищами, з млыны и з млынищами, сажавками, з лесы, и з гаями, и з запустами, и з дубровами, з деревомъ бортнымъ, з ловы и з ловищи всякими, з бояры, слугами путными, зо всими людми тяглыми и огородниками и подсусѣдъками, и з ихъ всякими чиншами и податками и з ихъ повинностями, ничого на себе, на жону и дѣти мои незоставуючи зоим вымуючи, але такъ, якъ есми самъ тые именъя держалъ, также и зятю своему Его Мил. Князю Юрью Пузыне, жоне и дѣтемъ его поступилъ, дабы в семъ листе моемъ продажномъ менованое неменованому, а неменованое менованому жадными причинами ани вымыслы подсякими никоторыми шкодити и перекажати не могло, ани можетъ

вѣчными часы, кгдыжъ все право свое дедичное на тые вышей помененые имѣнья мои Долгое и Цевовъ и Борисковичи, на Его Мил. Князя Юрья Пузыну, малъжонку и дети его зуполне вношу и вливаю, и вже отъ того часу жадного права на тые вси именья вышей помененные собе незостовую, и з нихъ ся вечне вырекаю, але Его Мил. тые вси именья вышей помененые, на вѣчьность Ихъ Мил. проданое, маютъ держати, уживати, будовати всякимъ способомъ, яко то свое власное направовати и розширати, и тому отдать, продати, даровати, заменяти, заставити, и тымъ яко власнымъ купъномъ своимъ шафовати вечными часы: А я самъ, жона и дѣти мои и нихто з близкихъ повинныхъ кревныхъ моихъ и нихто з стороны зобчихъ, розумеючи ихъ собе быти передънѣйшими, жаднымъ правомъ въ тые вышей помененые именья мои Долъгое, Цевовъ и Борисковичы, ани в которую часть ихъ, ничимъ уступовати и его поискивати и до нихъ ся приповѣдити никоторыми причинами немаемъ и мочы небудемъ вечными часы. Кгдыжъ есми перъвей сего никому на тую вышей помененую маетность мою жадныхъ описовъ не давалъ и права на нее незносилъ, а еслибы хтожъ колвекъ з стороны зъ якимъ же колвекъ правомъ оказовался, а Его Мил. Князя Пузыну зятя моего, жону и дѣти Его Мил. тые вышей помененые имѣнья будь правомъ або кгвалтомъ стискалъ, тогды тые, которые мне тые имѣнья попродавали, ведле записовъ своихъ заступовати и боронити будутъ повинни толко кротъ, сколько того потреба указовати будетъ, подъ заруками и винами, яко есть на тыхъ листехъ купли моее отъ кождого з нихъ описано, зо всими обовязками ихъ, которыхъ Князь Пузына зять мой з жоною своею, а дочкою моею, и съ потомствомъ своимъ уживати маютъ, яко я самъ, къгдыжемъ Ихъ Мил. такъ тые имѣнья вышей менованые яко и листы купчіе и все право свое заразъ до рукъ Ихъ Мил. отдалъ и поступилъ, с того ся вечне имъ уступилъ. И на то даю сей мой листъ на паркгамене писаный вѣчное продажи моее Его Мил. Князю Юрью Пузыне, малъжонъце и детямъ Его Мил. з моею печатью и с подъписомъ властное руки моее литерами рускими. А при томъ были и того добре будучи свѣдоми Ихъ Мил. панове а приятели мои, за очевистою и устъною прозбою моею, печати свое къ сему моему листу приложити и руки свое, которые з Ихъ Мил. писать умели, подписати: рачили. Ихъ Мил. Панъ Янъ Бокѣй Печихвостъскій Подкоморій Володимерскій, Панъ Иванъ Гулевичъ Смоличовскій Подъсудокъ Во-

лодимерскій, братъ мой, Панъ Филипъ Бокий Печихвостскій, Панъ Юрій Оскорскій, а Панъ Иванъ Ощовскій. Писанъ у Затурцахъ, року по нароженью Исусъ Хрыстовомъ тисеча пятьсотъ девятьдесятого месяца марца двадцать третего дня. У того листу печатей шесть и подписъ рукъ въ тые слова: *Василь Гулевичъ* Войскій Володимерскій рукою власною, *Янъ Бокій Печихвостъскій*, Подк. Волод. власною рукою. *Иванъ Гулевичъ* Подсудокъ земскій Володимерскій власною, *Хвилипъ Бокій Печифостскій* рука власная, *Иванъ Ощовскій* рука власная. Которого очевистого сознаня Его Мил. Пана Василя Гулевича Войского Володимерскаго, и тотъ листъ записъ Его Мил. продажный до книгъ справъ судовыхъ земъскихъ Луцкихъ записати казали.

(Книга земск. Луцкая, хранящаяся въ Кіевскомъ Центр. Архивѣ, подъ № 2071. лл. 433—434).

---

4) Дарственная запись Войского Владимірскаго Василія Гулевича, данная сыну своему Андрею Гулевичу на разныя помѣстья.

1593 г. генв. 13.

Року тисяча пятьсотъ деветьдесят третего месяца генвара третего-надцет дня.

На рочкахъ судовых кгродскихъ Луцких, мѣсяца генвара семого дня в року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне одправовати зачатыхъ, передомною Александромъ Семашкомъ на Хупкове Каштеляномъ Браславскимъ, Старостою Луцкимъ, постановившися очевисто урожоный Его Милость Панъ Василей Гулевичъ Войскій Володимерскій водле листу доброволного запису своего урожоному Пану Андрею Василевичу Гулевичу сыну Его Милости на десять тисячей золотых польских на именяхъ и дворехъ Любитове, Липъках, Твердыняхъ и Молчанове мѣстечку, фолваркахъ, записаное, яко о томъ ширей в томъ листе записе Его Мил. описано и доложоно ку за писаню до книгъ вызналъ и тотъ лист на вряде покладал просечи абы до книгъ былъ уписанъ, которого я для вписованя в

книги приймуючи перед собою читати казал, и такся в собе маетъ: Я Василей Гулевичъ Войскій Володимерскій сознаваю и явно чиню симъ моимъ листомъ теперь и напотомъ завше, ижъ я дознавши статечных и уставичъных службъ сына моего Пана Андрея Гулевича, которому показуючи я милость и ласку мою отцовскую, будучи воленъ водле права посполитого и волности шляхетъское своею власностью яко хотечи шафовати, прето я даю, дарую и симъ листомъ моимъ записую сыну моему Пану Андрею Гулевичу на именях и дворахъ моих у Воеводстве Волынскомъ лежачих, никому ничимъ непенных, ани первей сего жаднымъ правом никому незаведеных и незаписаных, на именью и дворе Любитове, Липкахъ, Твердыняхъ и Молчанове местечку с фолварками, суму пензей десет тисячей золотых польскихъ, и зараз оддати того листу запису моего доброволнаго тые пречоные именья мои Любитова, Липъки, Твердынь, Молчановъ местечко, з дворми, з фолварками, з гумномъ, зе збожемъ зложонымъ и на поли засеяным, с полъми, з сеножатми дворными, з гаи запусты, лесы, боры, з деревомъ бортънымъ, з дубровы и зарослями, з ставы, з ставищами, з млыны и ихъ вымелъками, озеры, з ловы звериннымъ и пташими и зловенемъ рыбъ в ставехъ и ихъ спустами, з бояры панцырными и путъными, з людми потяжными, оселыми, подворищными, огородными, и подсуседки, з ихъ дворищами, селидбами, огородами, полями и сеножатъми, съ повинъностями и подачками вшелякими, чиншами и работами, пожитки и зо всѣми иными приналежностями, такъ ижъ менованое неменованому, а неменованое менованому шкодити не можетъ, и овшемъ я самъ на себе и на иные дети и потомъки мое в тыхъ тамъ именяхъ, кгрунтехъ, людех и во всех иныхъ приналежностяхъ и пожитках ничого незоставуючи ани уймуючи, пречоному сыну моему Пану Андрею Гулевичу, в моцъ, в держанъе и спокойное вживанъе подаю, и симъ листом записомъ моимъ уступил есми, маетъ и естъ воленъ сынъ мой Панъ Андрей Гулевичъ тыхъ дворовъ и именей от мене ему в той сумме пензей десяти тисячовъ золотыхъ польских записаныхъ, кгрунтовъ, людей и всѣх иных пожитковъ, спокойне держати, и уживати, пожитки всякие примножити розширати, судити и справовати аж до окупенья и сполъна заплаченья отъ мене самого албо отъ потомков моих и братіи его албо сестръ, кому бы то слушне по мне ведле права належати мѣло помененое сумы пензей десети тисечей золотыхъ польскихъ, варуючи и то сыну

моему, ижъ ему есть и будетъ волно такъ при животе яко и по животе своем кому хотечи тую суму пензей записати. А если бы то Панъ Богъ всемогучий прейзрити рачил, жебы сынъ мой Панъ Андрей вступил в станъ малженъскій, тогды ему будетъ волно на тых дворахъ всѣхъ зуполныхъ Любитова, Липкахъ, Твердыняхъ и Молчанове, такъ якъ от мене маетъ и держит, вѣно и посагъ с привѣнкомъ малжонце своей уистити и тую суму пензей десятъ тисячей золотых польскихъ записати и варовати. А я самъ ани сынове мои а братиа его, также дочки мои а сестры его, и нихто иный в тыхъ имениахъ от мене сыну моему в той суме пензей десяти тисячохъ золотых польских записаных и пущоных, неотдавши и сполъна незаплативши тое сумы пензей десяти тисячей золотыхъ полскихъ ему самому або тому, кому бы то онъ записалъ буд тежъ малжонце его, всѣхъ и в части ихъ задавати и ниякимъ способомъ доходити и переказу в спокойномъ держанью и в пожиткахъ тыхъ именей чинити немаю, сынове и дочки мое чинити немаютъ и не будутъ мочи. Але тотъ листъ записъ мой доброволный у каждаго суду и права при зуполной моцы и владности своей ни в чомъ ненарушоной зоставати маетъ. И на то есми далъ сыну моему Пану Андрею Гулевичу сесъ мой листъ з моею печатью и с подъписомъ руки моее. А притомъ были и того добре сведоми ихъ Мил. Панове а приятели мои Его Милост. Велможный Панъ *Михалъ Мишка Варковскій* Кашталянъ Волынскій, Староста Гомейскій, Княз *Юрей Богдановичъ Пузына, зять мой*, Панъ *Михалъ Кеньдзерскій*, а Панъ *Прокопъ Хренницкій*, и за устною прозбою моею печати свое приложити и руки свое подписати рачили до того моего листу. Писанъ у Луцку року тисяча пятьсотъ деветъдесят третего месяца генвара третегонадцат дня. У того листу печатей чотыры, а подпис рук в тые слова: *Василей Гулевичъ Войс. Влод.* рукою власною. *Мыхалъ Мышка* Кашталянъ Волынскій рукою власною. *Ierzy Puzyna* własną ręką swą. *Прокопъ Хренницкій* власною рукою. Который же то листъ через его Милость, Пана Войского на вряде сознаный и покладаный, слово от слова с початъку ажъ до конца до книгъ кгродских Луцких есть уписанъ.

(Книга Гродс. Луцкая, хранящ. въ Кіев. Центр. Архивѣ, подъ № 2101 лл. 225 об.—227).

5) Актъ, касающійся раздѣла недвижимаго имущества между Ѳедоромъ и Иваномъ Григорьевичами Гулевичами.

1593 г. сент. 12.

Року тисяча пятсот девятдесят третего месяца октебра семого дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ, од дня светого Михала Римского свята в року тепер идучомъ девятдесятъ третемъ припалыхъ и судовне одправовати зачатыхъ, пред нами, тоестъ Федоромъ Чапличомъ Опановскимъ Судъею а Иваномъ Хренницкимъ Подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Луцкими, постановившися очевисто у суду Его Мил. Панъ Федоръ Григоревичъ Гулевичъ Хоружичъ землѣ Волынское, положивши листъ записъ свой съ печатю своею и с подписомъ руки своее, такъ тежъ съ печатми и подписми людей зацныхъ на вечистый розделокъ з братомъ своимъ рожонымъ Его Мил. Паномъ Иваномъ Гулевичомъ, Хоружичомъ землѣ Волынское, стороны именей отчизныхъ и материстыхъ учиненый, просилъ, абы читанъ и до книгъ справъ судовыхъ земских принятъ и былъ уписанъ, которого мы огледавши, до вписованья его приняли и читать его передъ собою казали, который слово отъ слова с початку ажъ ажъ до конца такъся въ собѣ маетъ: Я Федоръ Григоревичъ Гулевичъ чиню явно и вызнаваю симъ моимъ листомъ доброволнымъ записомъ, ижъ што по смерти отца нашего славное памети Пана Григорія Гулевича Хоружаго земли Волынское, а по раздѣлку з братомъ нашимъ старшимъ Паномъ Григоремъ Григоревичомъ Гулевичомъ и по выпосаженю и отданю сполна сумъ за имене Разничъ (?) взятыхъ сестрамъ нашимъ Раине, Богдане, Маруши, Катерине, Зофеи и Настасии Григоревнамъ Гулевичевнамъ, остале нам з братом нашимъ паномъ Иваномъ Григоревичемъ Гулевичемъ имѣня, такъ отчизные, яко и мати нашое Панее Магдалены Дахновны, отцу нашему записаные также и купленные, которые всѣ за отчизные розумиемо, а меновите: село Долгое, село Гучово, село Баковцы, село Передмистье и с частю в Киверцахъ, и с частю Подгаецкою, полемъ Трушовскимъ и монастыремъ Василевскимъ, а такъ мы пришедши до посесии и спокойного держаня тыхъ именей за выналяскомъ приятелскимъ и нашимъ доброволнымъ

позволенемъ, такъ есмо з собою поделили, ижъ я розумеючи быти целою половицею именя Гучова, Баковцы, Передместе с частію въ Киверцахъ и часть Подгаецкую, полемъ Трушовскимъ, манастыремъ Василевскимъ, брату моему Пану Ивану Гулевичу зо всѣми ихъ кгрунты, околичностями и пожитками, яко се в собѣ мевали и теперъ маютъ, ему самому и потомству его поступить и подать есми навечность такъ, ижъ вже я Федоръ Гулевичъ, такъ самъ черезъ себе яко и ни через кого иншого по мне потомки мое, дѣлу взрушати Пану Ивану Гулевичу брату нашому, также по немъ потомкомъ его и кождому отъ него албо по немъ за правомъ его держачому, жадное трудности и перенагабаня въ тыхъ именяхъ Гучове, Баковцахъ, Передместю, въ части Киверецкой и части Подгаецкой з полемъ Трушовскимъ и въ монастыре Василевскомъ, и ихъ пожиткахъ и приналежностяхъ, чинити немаемъ и мочи небудемъ вечными часы, подъ зарукою двема тисечми копъ грошей литовскихъ и подъ нагороженемъ шкодъ на речене слова укъривжонаго, кромъ доводу и присеги. А што ся дотычетъ на тыхъ именяхъ якихъ долговъ старыхъ и новыхъ, кривдъ у границахъ и якихколвекъ трудностей и тежаровъ поточныхъ, тое онъ самъ без помочи моей отправовати маетъ, кгдыжъ всѣ листы твердости и привиля тымъ именямъ належачие до рукъ своихъ побралъ, окромъ еслибы о дедичство тое маетности былъ позванъ, тогды я сполне его боронити маю, а еслибы тые именя албо ихъ якая часть черезъ разсудокъ правный отъ него одышла, тогды я тое му з маетности моеи лежачое албо сумою пенежною, водлугъ важности маетности, нагородити маю и повиненъ буду, под зарукою вышей описаною. А еслибы который же колвекъ з насъ сего постановеня нашого выступилъ и в чомъ колвекъ его нарушилъ и до кгроду Луцкого былъ о то позванъ, и то было правне на него переведено, повиненъ будетъ, або будутъ инстигуючому або держачому тотъ записъ, заруки заплатити две тисячи копъ грошей литовскихъ, а заплативши заруки, тое постановене и сесъ записъ нашъ в кождого права во всѣхъ артыкулехъ при моцы захованъ и держанъ быти маетъ, и колко кротъ с того постановеня нашого хтожъ колвекъ з насъ выступитъ, толко кротъ вины и шкоды и всѣ заруки платити будетъ повиненъ. И на томъ далъ сес мой листъ з моею печатю и с подписомъ власное руки моеи. А при томъ были и того добре сведоми и за устною и очевистою прозбою моею печати

свое приложити и руки своее подписати рачили Ихъ Мил. Панове приятелѣ мое: Панъ Адамъ Боговитинъ з Козирадъ Подкоморей Кремянецкій, Панъ Андрей Боговитинъ з Козирадъ Столникъ землѣ Волынское, а Панъ Демянъ Гулевичъ. Писанъ у Луцку, року Божого нароженя тисеча пятсотъ девятдесятъ третего, месяца Сентября двонадцатого дня. У того листу печатей чотыри и подписи рукъ в тые слова: *Федоръ Гулевичъ* рукою власною. *Адамъ Боговитинъ* с *Козирадъ* Подкоморій Кремянецкій власною рукою. *Андрей Боговитинъ* Стольникъ землѣ Волынское. *Панъ Демянъ Гулевичъ* власною рукою. А такъ мы судъ тое очевистое сознане Его Мил. Пана Федора Григоревича Гулевича Хоружича земли Волынское и листъ записъ Его Мил. передъ нами у Суду покладаный слово отъ слова до книгъ справъ судовыхъ земскихъ занисати есмо казали.

(Изъ Луцкой зем., зап., пот. книги, хранящейся въ Кіев. Центр. Архивѣ, подъ № 2074.—лл. 91—93).

---

6) Заявленіе Христофора Поцѣя и его жены Галшки Гулевичовны о полученіи ими приданаго, обѣщаннаго отцомъ Галшки—Войскимъ Владимерскимъ Василіемъ Гулевичемъ, и высказанныя ими при этомъ обязательства съ своей стороны.

1594 г. дек. 24.

Року тисяча пятсот девятдесят четвертого месяца декабра двадцат четвертого дня.

На рочках судовыхъ Кгродскихъ Луцких, од дня двадцат второго месяца Декабра в року теперешнемъ выше помененом припалыхъ и судовне одправовати зачатых, перед нами Щаснымъ Кгалезскимъ Подстаростимъ а Матеемъ Стемпковскимъ судьею, врядниками судовыми Луцкими, постановившися очевисто врожоный Панъ Криштофъ Потей и малжонъка Его Милости Пани Галшка Гулевичовна, обое сполне ку записаню до книгъ Кгродскихъ Луцких подали теръмину сознаня своего с подъписомъ власных рукъ своихъ, которая такъ се в собе мает: Я Криштофъ Потей а я Галшка Гулевичовна

Криштофовоя Потеевая обое сполечне и одностайне до книгъ Кгродскихъ Луцкихъ ку записанью сознаваемъ, ижъ Его Милость Панъ Василей Гулевичъ Войскій Володимерскій отецъ нашъ дал намъ выправой зо всихъ именей своих, тоестъ посагъ жоны моей Галшки, тисячу копъ грошей литовское личбы готовымы пензьми, а тисячу копъ грошей также литовское личбы речми рухомыми, што все сполна то естъ пяти тисячей золотых полских до рукъ мене Криштофа Потея дошло, против которому внесенью далемъ запис на себе ведле права посполитого всих добръ моих лежачих отчистых, материстых, яко и набытых, яко естъ на томъ листе записе описано, ктому по животе своемъ жоне моей Галшце также на всихъ именьях своих записал есми до живота и записую, на што Панъ Войскій Володимерскій тесть мой отъ мене лист запис мой маетъ. А такъ мы обое сполечне чинечи праву посполитому досыть четвертое части всих добръ отца нашего Его Милости Пана Василя Гулевича Войского Володимерского, в которомъ колвекъ повете лежачих, зрекаем, а звлаща я Галшка Гулевичовна, маючи за свое з ласки отца своего досыть, вечнеми часы зо всихъ добръ отца своего вырекаю, такъ я сама, яко дети и потомкове мои, посагу моего у братьи моее и потомковъ ихъ упоминатисе немаютъ и мочи не будутъ вечными часы. У тое термины подписъ рукъ тыми словы: *Krzysztof Poczey* ręką swą. *Галшка Гулевичовна* рукою власною. А такъ мы тое очевистое сознане Ихъ Мил. до книгъ Кгродскихъ Луцких записати есмо казали.

(Книга Гродс. Луцкая, хранящаяся въ Кіевскомъ Центр. Архивѣ, подъ № 2101 л. 835 об.—836).

---

7) Заявленіе Войского Владимірскаго Василія Гулевича о томъ, что имѣніе Нѣсвичъ временно (довыкупа) отдано имъ во владѣніе своему зятю Христофору Поцѣю.

1594 г. декабря 24.

Року тисяча пятьсотъ деветдесят четвертого месяца декабра двадцать четвертого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцких, од дня двадцат вто-

рого месяца декабра в року теперешнемъ выше помененомъ припалых и судовне одправовати зачатых, перед нами Щаснымъ Кгалезскимъ подстаростимъ, а Матеемъ Стемпковскимъ судьею, врядники судовыми кгродскими Луцкими, постановивъшися очевисто в суду врожоный Его Милость Панъ Василей Гулевичъ, Войскій Володимерскій, покладал теръмину сознаня своего с подписомъ власное руки своее, которая таксе в собе маетъ: Я Василей Гулевичъ, Войскій Володимерскій, до книгъ кгродских Луцкихъ ку записованью сознаваю, иж заставил есми именье свое Несвецъкое зятю своему Пану Криштофу Потею в тисячи копах грошей литовское личбы, на што и лист свой записный есми ему на то дал, в которомъ рокъ выкупну на день светого Семена руского свята въ року девятдесятъ пятомъ назначил есми местце отданю пензей в Луцку, а перед отданьемъ пензей для румованьа наближей маю дати знати Пану Потею абыся стадомъ и зовсимъ быдлом, збожьем, и зо всею маетностью вырумовалъ за недел десят, а еслибы Панъ Потей потребовалъ тое тисячи коп грошей пензей своих, теды Его Милости волно будетъ тымъ правом в той суме пеньзей тое именье Несвецъ кому хотячи заставити, або самъ до таковогожъ другого року тое именье Несвецъ деръжати. У тое теръмины подпис руки Пана Войского тыми словы: *Василій Гулевичъ* Войс. Влод. властною. А такъ мы тое сознанье Его Милости Пана Войского до книгъ Кгродскихъ Луцкихъ записат есмо казали.

(Книга Гродс. Луцкая, хранящаяся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, подъ № 2101, л. 385).

---

8) Заявленіе Христофора Поцѣя о томъ, что его тесть Войскій Владимірскій Василій Гулевичъ выплатилъ ему часть денегъ, слѣдуемыхъ съ него въ качествѣ выкупа за имѣніе Несвѣчъ.

1596 г. авг. 7.

Року тисеча пятьсотъ девятьдесят шостого мѣсяца августа семого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, дня первого мѣсяца

августа в року нинешнемъ девятьдесят шостом припалыхъ и судовне отправованыхъ, передо мною Александромъ Семашкомъ на Хупъкове Кашталяномъ Браславскимъ, Старостою Луцкимъ, постановившися обличне урожоный Его М. Панъ Криштофъ Потий созналъ водлугъ квиту своего, которого от себе с печатью и с подписомъ руки своее, такъ теж под печатъми и с подписами рукъ людей добрыхъ Его Милости Пану Василію Гулевичу, Войскому Володимерскому, далъ, квитуючи Его Мил. з одданья суммы пензей двохъ сотъ копъ грошей Литовскихъ, яко то все ширей и меновите на той квитанціи есть описано, которого положивши передо мною и его во всихъ кондыцыяхъ в немъ описаныхъ очевистымъ и доброволнымъ сознаньемъ ствердивши и умоцнивши, просилъ, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ, за которымъ таковымъ сознаньемъ и прозбою Его Мил. я тот квитъ до вписованя в книги приймуючи, передъ собою читати казалъ, и такъ ся в собе маетъ: Я Крыштофъ Потей сознаваю тымъ квитомъ каждому кому бы была того потреба ведати, або чтучи его слышати, иж што ми Его М. Панъ Василей Гулевичъ Войскій, Володимерскій виненъ тисечу копъ грошей Литовское личбы, в которой то сумме пензей завелъ и заставилъ ми Его Милость именье свое Несвечъ, которого есть онъ на сесь час в уживанью и держанью, нижли ижъ ми была пилная потреба пензей, з тых тисечи копъ узялъ есми у Его Мил. Пана Василя Гулевича, Войского Володимерского, тестя своего, двесте копъ грошей литовское личъбы, то есть пятьсотъ золотыхъ полскихъ, и кгды час ведле запису Его Мил. выкупна Несвеча буде, то толко мне Его Мил. Панъ Войскій, тесть мой, або потомъки Его Мил. маютъ дати осемъ сотъ копъ грошей литовское личбы, то естъ две тисечи золотыхъ полскихъ. А я буду повиненъ тую двесте копъ на ончасъ на личбе принять, а толко осем сотъ копъ узявши, тотъ листъ записъ Его Милости албо сыномъ Его Мил. вернути и именье Несвече уступити, з него ся вырумовать, ведле запису Его Мил., и на то даю сей мой квитъ з моею печатью и с подписомъ власное руки моее литерами полскими. А при томъ были и того добре сведоми Ихъ Мил. Панове приятели наши: Панъ Андрей Загоровскій, Панъ Александеръ Загоровскій, Панъ Петръ Сметанковичъ Былчинскій, которые за прозбою моею печати свои приложити рачили къ сему моему квиту. Писан у Луцку, року тисеча пятьсотъ девятьдесятъ шостого, месяца августа семого

дня. У того квиту печатей чотыри и подписы рукъ тыми словы: *Krzysztoph Poczieу* ręką swą. *Андрей Загоровскій* рукою. *Александеръ Загоровскій* рукою. *Петръ Сметанковичъ Былъчинъский* власною рукою. Который же то квитъ слово в слово съ початку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

(Книга Грод. Луцкая, хранящаяся въ Кіев. Центр. Арх. подъ № 2102, л. 152 об.,—153, втораго счета).

---

9) Листъ, данный Войскимъ Владимірскимъ Василіемъ Гулевичомъ сыну своему Михаилу по случаю вступленія послѣдняго въ бракъ съ Марушею Павловичевною.

1596 г. нояб 26.

Року тисеча пятьсотъ деветдесят шостого месяца декабра второго дня.

На вряде кгродскомъ в замъку господаръскомъ Луцкомъ передомною Александромъ Семашкомъ на Хуптове Кашталяномъ Браславскимъ, Старостою Луцкимъ, постановившися обличъне Его Милость Панъ Василей Гулевичъ Войскій Володимерскій, созналъ водлугъ листу запису своего, который отъ себе с печатью и с подписомъ руки своєе такъ же с печатъми и с подъписы рукъ людей добрыхъ, сынови своему урожоному Пану Михайлови Гулевичови далъ, позволяючи ему вчинити оправу малъжонце его Панеи Михайловой Гулевичовой Маруши Павловичовне на именъяхъ своихъ, яко то все ширей и меновите на томъ листе записе есть описано, которого во всихъ конъдыцыяхъ в немъ описаныхъ очевистымъ сознаньемъ своимъ стверъдивши и умоцнивши, просилъ, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ, за которымъ таковымъ сознаньемъ и прозбою Его Мил. Пана Войского Володимерского, я тотъ листъ записъ до вписованя в книги приймуючи, перед собою читат казалъ, и такъся в собе маетъ: Я Василей Гулевичъ Войскій Володимерскій вызнаваю тымъ моимъ доброволнымъ листомъ, всимъ вобецъ и каждому зособна, кому бы колвекъ

о томъ вѣдати належало, ижъ што з воли и презреня Пана Бога всемогущого и за волею и позволенъемъ моимъ сынъ мой Михайло, понявши за себе в станъ светый малъженскій дочъку Его Мил. Пана Демъяна Павловича, Судъи кгродскаго Володимерскаго, записалъ се Его Мил. за посагъ и выправу по дочъце Его Мил. взятую, оправу водлугъ права посполитого дочъце Его Мил., а малжонце своей, на именъяхъ моихъ, на которыхъ бы отъ мене позволенъе милъ учинити и записати, тогды я хотечи абы онъ повинъности и обовязку своему досыть чинилъ, яко сынови моему старъшому Андрѣеви позволилемъ на певныхъ именъяхъ моихъ оправу малжонце его учинити и записати, такъ позволяю и ему оправу водлугъ права посполитого посагъ з совитостью а власностю выправы малъжонце его учинити и записати зо вшелякими варунки, такъ якобы она завжды того певна была, на певныхъ именяхъ моихъ, на сели Качине и приселкахъ: на Личинахъ, на Коваляхъ, и на Черъвянце, власности моей, в повете Володимерскомъ лежачихъ, и на селе Новоселъкахъ, въ повете Луцкомъ лежачомъ, на которомъ я певную суму пензей две тисечи копъ грошей литовскихъ правы певными варованую маю, которая оправа отъ него малжонце его учиненая на тыхъ именъяхъ немаетъ ничого перешкажат ровному роздѣлъку всих именей по смерти моей з сынами моими а братею его рожоною Андреемъ и Бенедиктомъ Гулевичами, такъ яко и оправа од сына моего Андрея Гулевича на именяхъ, отъ мене ему уступленыхъ, малжонце его учиненая, яко тежъ и еслибы сынъ мой молодшій Бенедиктъ, оженившися, такъ же за позволенемъ отъ мене оную малжонце своей учинилъ, але кгды до ровного розделку по смерти моей межи собою прийдутъ, тогды кождый з нихь водле воли своеи на власныхъ именяхъ своихъ, з дѣлу на онъ час зосталыхъ, учинене оправы малжонкамъ своимъ перенести и учинити будутъ волни, а до того часу розъделъку ихъ мешканя и уживаня тых именей Качина с приселками и Новоселокъ и сумы пензей, если бы з Новоселокъ была отдана, онъ сынъ мой Михайло, такъ же и оправы тамъ отъ него учиненое, малъжонка его певни быти маютъ, през вшелякого отъ мене и отъ сыновъ моихъ перенигабанья и затрудненя. И на томъ далъ сыну моему Михайлу тотъ мой листъ подъ печатю моею и с подписомъ руки моее власное, до которого за очевистою и устною прозбою моею, будучи того добре сведоми, Ихъ Мил. Панове прия-

тели мои печати приложити и руками власными подписатися рачили: Его Мил. Панъ Андрей Заленскій, Судя земскій Володимерскій, Его Мил. Панъ Шиманъ Харълинскій, Ротъмистръ Его Королев. Мил., Ихъ Милости Панове Андрей и Фридрихъ Подгороденъские, а Его Мил. Панъ Иванъ Яковицкій. Писанъ в Затурцахъ, року по нароженью Сына Божого тисеча пятсотъ девятъдесятъ шостого, мѣсяца ноября двадцать шостого дня. У того листу печатей шестъ, а подъпис рукъ в тые слова: *Василей Гулевичъ* Войскій Володимерскій власною рукою. *Андрей Зеленскій* судя земскій Володимерскій власною рукою. *Szyman Charlenskiy* proszony pieczętarz oczewiscie ręką swą. *Andrzey Podhorodenskiy* proszony pieczętarz oczywisto. *Frydrych Podhorodenskiy* własną ręką. *Иванъ Яковицкій* рукою власною. Который то листъ слово в слово до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

(Книга Гродс. Луцкая, храняш. въ Кіев. Центр. Архивѣ, подъ № 2102, л. 304—305, второй части книги).

---

10) Запродажный листъ Мозырскаго маршалка Стефана Лозки, по которому онъ передаетъ Андрею Гулевичу (брату своей жены) ранѣе купленныя у послѣдняго помѣстья.

1606 г. сент. 12.

Року тисяча шестсот шостого месяца сентебра девятогонадцат дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, дня четвертогонадцат месяца сентебра в року звышъ написаномъ припалыхъ и судовые отправоват зачатых, передъ нами Матеемъ Стемковскимъ подстаростимъ а Остафъемъ Еловичомъ Малинскимъ судею, да Войтехомъ Станишевскимъ писаромъ, врядниками судовыми Кгродскими Луцкими, постановившисе очевисто урожоный Его Мил. Панъ Стефанъ Лозка, маршалокъ Его Кор. Мил. Мозырскій, оповедалъ и для вписаня въ книги кгродские Луцкие подалъ листъ доброволный запис свой з печатю и с подписом руки своее, также с печатми и с подписмы рукъ людей добрых, от себе урожоному Его Мил. Пану Андрею Гулевичу на продане вечностю маетностий, нижей в записе

менованых, за тридцат тисячей золотыхъ полских, даный, о чемъ тот запис ширей в себе мает, которого устным а доброволным сознанем своимъ ствердившии, змоцнивши, просилъ, абы былъ принят и в книги Кгродские Луцкие уписанъ был, которого мы видечи быт водле права справленого, печатми и подписми рукъ наполненого, от него пріймуючи, перед собою читати казали, и такъ се в собе маетъ: Я Стефанъ Лозка маршалокъ Его Кор. Мил. Мозырскій сознаваю тымъ моимъ листомъ доброволнымъ записомъ каждому, кому бы было потреба того ведати, або чтучи его слышати нинешнего веку людемъ и напотомъ завжды, ижъ што Его Мил. Панъ Андрей Гулевичъ продалъ ми былъ на вечност именя свое отчизные з дѣлу ему от брати его рожоное Пана Михаила а Пана Бенедикта Гулевичовъ у Воестве Браславскомъ зосталые, за певную суму пензей за тридцат тисячей золотыхъ полскихъ, то ест, з дворами в Сутисце и у Ячкове, съ пашнями дворными и зъ иншими селы, до того села и двора Сутиски належачими, то ест село Сутиски, село Витаву, село Ячковъ, село Шершнѣ, село Боршковъ, село Маяновъ, село Воросиловцы, село Жуковци, село Тивровъ, село Дзунковъ и селисче Губинъ и Голяковцы, з людми и ихъ повинностями, з бояры и подданными, кгрунты оремыми и неоремыми, з ставами, з млынами, з сажавками и сеножатми, з ловы звериными и пташими, селисчами, лесами и дубровами, полями, зарослями, пасеками в их кгрунтех будучими, з реками, речками и логвинами на ставы згожими, ово зо всимъ на все яко се тое имение Сутѣска з селы поменеными сами в собе, в кгрунтехъ, широкостехъ, обиходехъ и пожиткахъ своихъ маютъ, на што ми былъ и лист тое вечистое продажи своее ведле права справленый далъ подъ датою в Несвѣчу, року тисеча шестсот пятого, месяца октебра двадцат четвертого дня, под печатю и с подписомъ руки своее, такъ теж под печатми и с подписми рукъ приятелскихъ, меновите Его Мил. Пана Михаила Кендзерского, Пана Александра Кропивницкого, Пана Войтеха Домаевъского, а Пана Яроша Черневского, который то листъ потом в Люблине въ року теперешнем тисяча шестсот шостом месяца мая двадцат третего дня перед судомъ головнымъ требуналскимъ Воеводъства Браславскаго созналъ и посесью через Возного Воеводъства Киевского, Волынского и Браславского Шляхетного Ивана Чернявъского поступилъ, яко тотъ пречоный листъ вечное продажи, такъ теж сознанъе Его Мил. Пана Гулевичово

и реляция вознаго ширей и достаточней въ собе маютъ. А такъ я, маючи иншие потребы мое кгвалтовные и будучи пилно потребенъ пензей, знову ужиломъ в томъ Его Мил. Пана Андрея Гулевича, абы мне гроши мое вернул а именя свое до рукъ своих взялъ. А ижъ Его Мил. Панъ Андрей Гулевичъ тую всю суму тридцат тисячей золотых полских сполна мне вернулъ и заплатил, а я теж знову Его Мил. Пану Андрею Гулевичу тые вси именя вышъ помененые, которыемъ колвекъ отъ его Мил. былъ купил на вечност продалъ, зо всим на все, так яком был купил з дворами и з будованиемъ в Сутисче и у Ячкове и з иными селы, до Сутѣски належачими, тоест, село Сутеску, село Витаву, село Ячковъ, село Шершни, село Борсковъ, село Маяновъ, село Ворошиловцы, село Жуковцы, село Тивровъ, село Дзунковъ и селища Губинъ и Олековци з людми, бояры и ихъ повинностями, зо всими кгрунты, з ставами, ставищами, з млынами, з млынисчами, з сажавками, сеножатми, з ловы звериными и пташими, з лесами, дубровами, з зарослями, з пасеками, з реками речками, ово зо всимъ на все, яко се тые именъя вышей мененые сами в себе в кгрунтехъ, обиходехъ, широкостяхъ и пожиткахъ своихъ маютъ, такъ меновaное яко и неменованое, яко то Его Мил. Панъ Андрей Гулевичъ первей держалъ и уживалъ правомъ дедичнымъ, такъ и теперъ держати и уживати маетъ. А я якоемъ колвекъ право мелъ, теды на Его Мил. Пана Андрея Гулевича вливаю и з него се вечне вырекаю, ничого на собе, малъжонку, дети и потомки мое з тыхъ добръ вышей меновaныхъ невыймуючи и незоставуючи, маетъ и воленъ будетъ Его Мил. Панъ Андрей Гулевичъ, дети и потомки Его Мил. тые вси именъя вышъ помененые держати и уживати зо всимъ на все, и водле воли и уподобаня своего шафовати, кому хотечи отдати, продати, даровати, заменяти, ку лепшому пожиточнемому своему оборочати и розширяти и яко хотечи шафовати, кгдыжъ мене сполна вся тая сума тридцат тисячей золотых полских отъ Его Мил. Пана Андрея Гулевича дошла и ничого мне з нее виненъ незосталъ. Ямъ теж Его Мил. в моцъ и держанъе зо всимъ на все пустилъ и пусчаю и з него се вырекаю вечными часы, в которую маетност, через мене Его Мил. проданую, пусчаю увязанъя через возного и шляхту, которыхъ собе Его Мил. Панъ Гулевичъ способитъ без урядового приданъя, и вже от даты сего запису жадного вступу в тую маетностъ, такъ во всю, яко и въ которую колвекъ

част его, през мене Его Мил. проданую, самъ через себе, жону, дети, потомки, близкие, кревные мое, чинити немаю, мочи небуду, такъ тежъ и никто иншій, такъ при животе яко и по животе моемъ, тымъ правомъ моимъ, котороемъ на то мелъ, кгдыжемъ жадныхъ записовъ на той маетности никому не чинилъ, и если бы се якие на тую маетностъ показали от мене, заступовати буду повиненъ я самъ и потомство мое, тыле разов, иле бы того потреба была. И на то даю Его Мил. Пану Андрею Гулевичу сей мой лист с печатю моею и с подъписомъ руки моее. А при томъ были и того добре сведоми Ихъ Мил. Панове приятели мои: Его Мил. Панъ Янъ Лагодовскій, Панъ Иванъ Городискій, Панъ Лев Бабинскій, а Панъ Станиславъ Рылскій, которые Ихъ Мил. за очевистою и устною прозбою моею печати свое приложити и руки свое подписатъ рачили. Писанъ у Луцку, року тисяча шестсотъ шостого, месяца сентебра дванадцатаго дня. У того листу запису печатей притисненыхъ пять, а подпись рукъ тыми словы. *Стефанъ Лозка* Маршалокъ Мозырскій рукою. *Jan Lahodowsky* pieczętarz ustnie proszony. *Lew Babinsky. Stanisław Rajewsky* proszony pieczętarz. *Иванъ Городискій* рукою власною. Который же то вышей менованый листъ записъ за очевистымъ признанемъ вышъ речоное особы а за принятемъ нашимъ увес съ початку аж до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

(Изъ Гр. Луцкой Книги, хран. въ Кіев. Центр. Арх., подъ № 2115, лл. 1009—1011).

---

11) Заявленіе Галшки Гулевичевны о томъ, что имѣніе Нѣсвичъ, полученное ею отъ отца „заставнымъ способомъ“ при вступленіи въ первый бракъ съ Христофоромъ Поцѣемъ,—выкуплено ея братомъ Андреемъ Гулевичомъ и перешло въ его собственность.

1606 г. сент. 10.

Року тисяча шестсотъ шостого мѣсяца Сентебра девятогонадцать дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродских Луцкихъ, дня четвертогонадцат мѣсяца Сентебра в року звышъ написанемъ припалыхъ и судовне

отправоватъ зачатыхъ, переднами Матеемъ Стемъпковскимъ Подстаростимъ а Остафъемъ Еловичомъ Малинскимъ Судею а Войтехомъ Станишевскихъ Писаромъ, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, постановившисе очевисто урожоная ее Мил. Пани Галшка Гулевичовна Стефановая Лозчиная, Маршалковая Мозырская, оповедала и для вписаня въ книги кгродские Луцкие подала листъ запис свой с печатю и с подъписом руки своее и малжонка своего, также с печатми и подписми рукъ людей добрыхъ, от себе урожоному Его Мил. Пану Андрею Гулевичу брату своему на квитоване з одданое сумы на маетности своей Несвечской заставнымъ способомъ отъ отъца своего маючое в записе нижей меноване, о чомъ тот запис ширей в собе маетъ, которого устнымъ и доброволнымъ сознанемъ своимъ ствердивши и змоцнивши, просила, абы был принятъ и в книги кгродские Луцкие уписанъ, которого мы видечи быт водле права, справленого печатми и подписы рукъ наполненого, отъ нее пріймуючи, перед собою читати казали, и такъ се в собе маетъ: Я Галшка Гулевичовна першого малженства Крыштофова Потиевая, теперешнего второго малженства Стефановая Лозчиная Маршалковая Мозырская, с позволенемъ и бытностю малжонка своего урожонаго Его Мил. Пана Стефана Лозки, Маршалка Мозырского, сознаваю тыхъ листомъ доброволнымъ записомъ моим кому бы то ведати належало, тепер и напотомъ завжды, иж што был небожчикъ Его Мил. Пан Василей Гулевичъ Войскій Володимерскій, панъ отецъ и добродей мой, на маетности своей Несвецкой заставнымъ способом записалъ небожчикови малжонкови моему Его Мил. Пану Крыштофови Потиеви тисячу копъ грошей Литовскихъ, на што и записъ ручный признанемъ на вряде кгродском Луцкомъ далъ былъ, тактеж и на другій записъ мне самой служачій тисячи шести сотъ двадцати двох золотых полских, взглядом которого права небожчикъ и зо мною посполу былъ у спокойномъ уживаню аж до смерти и потомъ я взглядомъ права его и своего. Которая маетност Несвичъ иж се диломъ Его Мил. Пану Андрею Гулевичу брату моему от их Мил. иншихъ Пановъ брати зостала, освобожаючи тую маетност свою, Его Мил. Пан Андрей Гулевичъ суму мне належачую и тую тисячу копъ грошей литовских, небожчикови моему належачую, мне сполна отдалъ и заплатилъ, с чого я Его Мил. Пана Андрея Гулевича брата моего квитую, варую, то с позволенемъ пречоного малжонка моего, Его Мил. Пана

Андрея Гулевича зо всихъ добръ моихъ лежачихъ и рухомыхъ, такъ в Короне яко и въ Великомъ Князстве Литовскомъ маючихъ, и потомство мое обовезую, же о тую суму тисячи копъ грошей литовскихъ, которуюм понесла от Его Мил., не будетъ Его Мил. жадное трудности и тежару правного от потомства небожчика пана Крыштофа Потия, першого малженства моего, а ни отъ потомства Его Мил. и згола ни отъ когож колвекъ иншого поносит, под закладом тисячи копъ грошей Литовскихъ и нагороженемъ шкодъ голымъ съловомъ, кром присеги ошацованыхъ, а где бы импедимент якій потомок небожчиковскій и хтож колвек о тую суму тисячи копъ Его Мил. задалъ, повинъна буду с потомками моими Его Мил. от вшелякого такого импедименту толко кротъ, иле кротъ бы потреба указовала, боронити, заступовати, грыж взявши сполна всю тую суму пензей вышей пречоную, тотъ тежар на вси добра мои вношу Пана Андрея Гулевича потомству Его Мил. и вси добра его освобожати и волными чинити у кождого суду и права такъ в Короне яко и в великомъ Князстве Литовском, за ознайменем Его Мил., будь листовнымъ албо через позовъ, подъ закладомъ тисячи копъ грошей литовскихъ и нагороженемъ шкодъ голымъ словомъ кром присеги ошацованыхъ, о который закладъ и шкоды в незаступованю у кождом суде и уряде так в Короне яко и въ Великомъ Князстве Литовском, где одно буду зъ потомками моими позвана, диляцый жадных и опеляцый незаживаючы, справитисе маю, то есть закладъ и шкоды заплативши, предсе тот добровольный запис мой толко кротъ иле кротъ бы того потреба указовала, жадною давностю земскою несчитечисе, с потомками моими досыт чинити маю и буду повинна. И на том дала Его Мил. Пану Андрею Гулевичу брату моему тот мой лист доброволный записъ съ печатю моею и подписомъ руки власное моее, до которого Его Мил. Панъ Стефанъ Лозка Маршалокъ Мозырскій малжонокъ и опекунъ мой на тотъ запис мне позволеный рукою своею подписалъ и печат приложилъ, и Ихъ Мил. Панове а приятели наши, будучи того добре сведоми, за очевистою прозбою так мене сознаваючое, яко и малжонка моего, подписати и печати приложити рачили, Ихъ Мил. Панове а приятели мои: Его Мил. Панъ Янъ Лагодовскій, Панъ Иванъ Городискій, Панъ Левъ Бабинскій, а Панъ Станиславъ Раецкій. Писанъ у Луцку, року тисяча шестсот шостого мѣсяца Сентебра десятого дня. У того листу запису печа-

тей притисненыхъ шест, а подпис рукъ тыми словы: *Галшка Гулевичовна Лозчиная* рукою. *Стефанъ Лозка* Маршалокъ Мозырскій, рукою. *Jan Lahodowskiy* oczewiscie proszony. *Иванъ Городискій* рукою власною. *Liew Babinskiy* ręką swą proszony pieczętarz. Который же то вышей менованый лист запис за поданъемъ вышъ речоное особы а за принятъемъ нашимъ увес, с початку аж до конца, до книгъ Кгродски Луцкихъ уписанъ естъ.

(*Книга Гродск. Луцкая, хранящаяся въ Кіевскомъ Центральномъ Арх., подъ № 2115, лл. 1011 об.—1013*).

---

12) Протестація пановъ Яна и Петра Поцѣевъ на Галшку Гулевичовну, по первому мужу „Криштофовую Потеевую", а по второму.—„Стефановую Лозчиную", по поводу самовольной, безъ согласія протестующихъ, какъ опекуновъ, выдачи за мужъ дочери своей отъ перваго брака Екатерины.

1615 г. марта 13.

Року тисеча шестсотъ пятогонадцатъ месеца Марца тридцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку Его Кор. Мил. Володимерскомъ, передомъною Абрамомъ Дворецкимъ Буркграбимъ Володимерскимъ. урожоный Его Мил. Панъ Янъ Потей, Писаръ земскій Берестецкій, обличне будучи своимъ (именемъ) и урожонаго Его Мил. Пана Петра Потея брата своего рожоного, подъ тотъ часъ на Волыню небудучого, оповедалъ и явне се осветчалъ на урожоную Панюю Галшку Гулевичовну, першого малъженъства Кришътофовую Потеевую, а второго теперешънего Стефановую Лозчиную Маршалъковую Мозырскую, ижъ Еи Мил. з доброволъного пречоныхъ жалуючихъ позволенъя и поверенъя Еи Мил. до мешъканъя толъко сыновицы своей, зошлого Пана Криштофа Потея цорки, Панънеи Катарины Потеевны, есче в летехъ зуполъныхъ на онъ часъ небудучое, жалуючимъ водъле права прирожоного и посполитого в опеку и шафованъе зовсѣмъ належачое, оную зо всѣми оздобами ее паненскими при собе маючи, важиласе пречоную панъну Катерину Потеевну, собе толко до мешъка-

нъя дочастъного даную и повероную церку свою, мимо владзу Ихъ Мил. прирожоную опекунъскую, и мимо права посполитые о томъ постановленые и уфаленые, во всемъ ихъ зневажаючи и кгвалътечи, за пана Миколая Млечъка Хоружого Оршанъского, безъ жадного в томъ Ихъ Мил. отъ нее повинного пошанованъя и ознайменъя, часу недавъного потаемъне в станъ малъженъскій отдати, праве тымъ оныхъ стрыевъ рожоныхъ ее в незычъливую милостъ до церки своей подаючи, до задаванъя якое трудъности правъное Ихъ Мил. ее способляючи, а в милченъе противъко собе о маетъности лажачие и рухомые немалых во всемъ зборовъ по небожъчику отцу ее Пану Кришътофе Потею, при ней Панеи Маршалъковой безъ жадъного ихъ през небожъчика за прудъкимъ з того свѣта зошътъемъ объварованъя позосталыхъ, приводечи, ани тежъ и того постеригаючи, абы тотъ то малъжонокъ сыновицы ихъ, Панъ Хоружій Оршанъскій, оправу противъко внесенъе ее той малъжонце своей водле права з варунъки достаточъными, оной и по ней потомкомъ ее служачими, яко былъ зараз повиненъ учинити, на добрахъ своихъ учинилъ, такъ яко бы то в жадъную вонтъпливостъ права оное самое и потомъкомъ ее никому неприходило, особливе тежъ обычаемъ вышъ меновапымъ, Его Мил. Панъ Писаръ земъскій Берестейскій осветъчалъ пилъне напреречоного Его Мил. Пана Маколая Млечъка Хоружаго Оршанъскаго о то, ижъ Его Мил. поразумевъшисе с Панею Маршалъковою Мозырскою Лозчиною, маткою сыновицы Ихъ Мил., которая толъко яко матъце церка в летехъ недорослыхъ, отъ Ихъ Мил. Пановъ Потеевъ стрыевъ рожоныхъ и опекуновъ власныхъ до мешъканъя дочастъного поверона и дана была жадъного позволенъя до отданъя оное в станъ малъженъскій отъ Ихъ Мил. немаючи отъ особы неналежъное з рукъ мимо волю Ихъ Мил. тую сыновицу Ихъ Мил. Панъну Катерину Потеевъну, до малъженъства безъ жадъного позволенъя и ведомости Ихъ Мил. взялъ, на право посполитое и вины описаные в томъ неогледаючисе, ку великому жалю Ихъ Мил. и права Ихъ Мил. прирожоного опеки и той малъжонци его в добродействахъ правъныхъ зколько меръ, и чого Боже уховай по зейстъю ее безпотомъномъ, потомъкомъ ее прирожонымъ до всего служачого уближенъю и нарушенъю, оферуючисе о то з Ихъ Мил. посполу и з кождою особою зособъна, яко справа толъко належати будетъ, такъже и о шкоды затымъ походячие правъне чинити, неопущаючи собе и пречоному брату своему, Его

Мил. Панъ Писар ширшое протестации, если бы якое в чомъ и тое теперешънее объясненъя потреба была, на кожъдомъ местъцу учинити, просилъ, абы тая протестация Его Мил. за свежою ведомостъю о томъ взятою поданая, до книгъ записана была, которую урядъ нинешъній принявши до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ записати казалъ, и ест записано.

(*Гродская Влад. книга, хранящ. въ Кіев. Центр. Архивѣ, № 979 л. 172 об. и слѣд.*).

---

13) Духовное завѣщаніе Галшки Гулевичовны.

1641 г. апрѣля 2.

Року тисеча шестсотъ чотырдесят второго, месяца марца тридцат первого дня.

Врочъки судовые кгродские Луцкие, од дня двадъцат семого месяца марца в року звышъ написаном припалые и судовне одправовать зачатые, передомъною Счаснымъ Збозным Лайсчевъским, подъстаростимъ Луцкимъ, становъши очевисто велебъный Отец Теофилъ Заплатинъскій, законъникъ монастыра Брацтва Луцкого, подалъ пер облятам до книг тестамент остатнее воли зошълое Панее Галъшки Гулевичовъны Стефановое Лозчиное, Маршалковое Мозырское, на распораженъе маетности ее лежачое и рухомое, по ней позосталое, о чом тотъ тестаментъ ширей в собе маетъ, жадаючи, абы прынятъ и до книгъ вписанъ былъ, которого я вряд до книгъ прыймуючы, читалемъ, и такъ се всобе писаный маетъ: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Бога в Тройцы Святой Единого. Станъся воля Его святая, Аминъ. Я Галшка Гулевичовна Стефановая Лозчыная, Моршалъковая Мозырская, упатруючы на томъ свити короткость живота людского и непевъность годины розлученя души с тиломъ и ничого певнейшаго перед очима немаючы, едно смертелности и сказителности людское кресомъ смерти, которая абы мене неготовую предъ трыбунал з сего свита незапозъвала и абы кгды ся несподиваю не заволалъ Панъ Богъ Створецъ душы моеи и ненашедшы готовости дверей своего палацу на прысте свое перед нею незамкнулъ,

вчесне, поки час и смыслы здоровые к тому позволяютъ, стороны душы, тела, маетности и добръ моихъ лежачыхъ и рухомых, также стороны ялмужны и хвалы Панъское помноженя иле быти з мене можетъ удиляючи того, што ми з руки своее щчодробливое Господь Богъ Всемогусчый дати рачылъ, чыню з доброго розъмыслу моего доброволне и такъ остатнею тоею волею моею роспоражаю и мити хочу непорушъно. Напередъ душу мою Пану Богу в Тройцы Святой Единому з надиею зупольною о збавеню ее презъ милосерде Его святое поручаю, тило зас мое грышъное, з земли взятое, земли оддаю. Которое наймилшый сынъ мой урожоный Его Мил. Панъ Михал Лозка в Церкви Брацкой Луцкой заложеня Чесного и Жывотворячого Креста Господня, а не где индей, водлугъ христіанъского и церкви святои Восточное под послушенъствомъ Святійшаго Патриархи Конъстантинополского будучое порядку, яко найпрыстойней поховати маетъ. До которое церкви Братское Луцкое, где и тило мое маетъ быти положено, золотыхъ двесте, а на Монастыр законъникомъ пры той же церкви будучымъ, абы Пана Бога за душу мою молили, золотых другую двесте, на шпитал Братскій Луцкій золотыхъ пятдесят, на Монастыр панепъскій чернъчыцкій панъномъ законънымъ золотыхъ тридцат. Свесченникови чернъчыцкому золотых десятъ и другую десет золотыхъ свесченникови Пречистинъскому на богомолие за душу мою одписую. И ижемъ будучы потребъною грошей певных часовъ на справы мое розъные пожычыламъ у Велебънаго Его М. Господина Отца Исакия Борысковича Епископа Православъного золотых пулътораста и особливе у ее Мил. в Богу зошлое Княгини Курцевичовое, Игуменк монастыра Паненъскаго Печерского, водлугъ запису моего, кому Ее Мил. тестаменътомъ своимъ оддати назначыла, Его Мил. Панъ сынъ мой оддати тому мает. До того, иж остало пры мни по зошълой з того света на имя Пелагии, од Господа Бога слепотою навежоное, а пры мни презъ час немалый живусчое, золотых сто, на што и объликгъ мой былъ одъ мене даный и теперъ нитъ видома у кого зостаетъ, теды урожоный Его Мил. Панъ сынъ мой на тотъ объликгъ, водълугъ воли небосчки, яко она сама пры смерти своей назначыла, оддати повиненъ будетъ, то ест золотыхъ семъдесятъ на церковъ Брацъкую Луцкую, и абы с тыхъ же грошей золотихъ тридцат на сорокоустъ законъ никомъдано, и на шпиталь золотихъ тридцать тогожъ Брацтва Луцкаго, кото-

рую сто золотихъ без вшелякое зволоки урожоный Его М: Панъ сынъ оддати до рукъ Велебънаго Отца Игумена Луцкого и брати духовное и свицкое оддат повиненъ. Сребро мое заставъленое в Мозыру у честного Господина Отца Игумена Мозырского на имя Отца Мефодиа, меновите хрест сребръный с подножиемъ, гривенъ сем сребра, зоставленый в золотих петидесят, и особливе у Пана Исакевича, подписка Мозырского, Пречыстевъскаго поповича, кадилница, в ней гривенъ чотири, и чарка сребрная ве дви гривъни, або болшей, такъ же в золотих пятидесят зоставлено, инътересу одъ тых ста злотых винъно од прошълого сродопостя в року тисеча шестъ сотъ чотырдесятомъ аж до теперешънего терминъ приходитъ в року тисеча шестсотъ чотырдесятъ первомъ, которое сребро если за живота моего невыкупълю, теды Брацтво Луцкое маетъ за грошы мое особливые, опроч лекгации през мене назначоное, такъ духовнымъ яко и свецкимъ брацтву всему служачое, золотых сто помененым особом оддавъшы, выкупити и до Церкви Братское Луцкое, абы вичными часы зоставало, тоею остатнею волею моею, якъ за живота моего, такъ и по смерти моей мити хочу и лекгую, и жебы тые лекгата вси згола и особливе иле што до брацтва Луцкого назначыламъ, где тило мое одпочынокъ и души ратунокъ до збавеня горячими молитвами мети маетъ, были яко найпрудшей, и илемъ што где назначыла одданы сумненемъ сына моего и неблагославенемъ обовязуючы деклярую, скондъ то маеть заразъ заплатити напродъ з суммы тисечы золотыхъ, которую мни сынъ мой з малъжонкою своею нашкрыптъ свой певный зостали винъни. Знову з суммы трохъ тисечей золотыхъ на село Дубисча и Рожыские корчмы аренъдою Его М. Отцу Епископу Луцкому даныхъ, з тыхъ грошей маетъ на выкупенъе креста вышъ менованого и кадилницы сребъное, такъже тежъ и чарки золотихъ сто до рукъ Велебъного Господина Отца Игумена Братского Луцкого с тое суммы обое, яко мое власное и мни належачое, Его М. Панъ сынъ мой оддати маетъ. И Отецъ Игуменъ з братиею своею духовъною и свитскою, тое сребро заразъ выкупившы, повиненъ Церкви братской Луцкой оддати и там абы тое сребъро завше зоставало. И тые тамъ лекгата з менованыхъ сумъ, нежычачы тяжкости душы моей, без вшелякого затрудъненя и одволоки поплатити маетъ и повиненъ естъ. До того тежъ сребро мое въ Могилеве у славетного Пана Карпа Казановича месчанина и купъца

Могилевъского заставъленое в золотихъ пултораста, меновите чара сребъная, в ней гривенъ дванадцатъ, лихтары два, по чотиры грывны, в двох гривенъ осмъ. И ижъ презъ часъ долгій неплатиламъ интересу одъ тых золотыхъ пултораста, теды Панъ Казановичъ прешълого року тисеча шестсотъ чотырдесятого приятелско зо мною поступил и на томъ стануло, ижъ сто копъ лит. зо всимъ на всимъ; якъ самую суму такъ и провентъ од того в туюжъ копъ сто кладучи, маю коликолвекъ тую тилко сто копъ оддати и неболшей и до себе сребро тое взяти, которого еслибымъ за живота моего невыкупила, теды урожоный Его М. Панъ сынъ мой маетъ з добръ моихъ, по мни правомъ дедичномъ од мала до веля Его М. належачыхъ, выкупити и на свой пожитокъ обернути. Такъже служебници моей Якънищце, которая ижъ ми вирне през часъ немалый служыла, теды золотыхъ пултораста ей одписую. Уляне тежъ Ивановой Дяковой коня, дви коровы и золотыхъ двадцатъ дарую. И если бы въ жывыхъ незоставала, теды потомству еи мает то быт оддано. Урожоному Его М. Пану Миколаеви Сенюте сестренъцу моему золотыхъ сто тридцатъ, которыем на справы мое пожычыла, оддано быти мает през урожонаго Его М. Пана сына моего. Тые теды вси долги мои и лекгата под неблагославенствомъ Божым и моимъ метеринскимъ урожоный Его М. Панъ сынъ мой пооддавати повиненъ по смерти моей, абы души моей тяжко не было. И если бы тот же менованый сынъ мой милый остатней воли моей спротивилъ се, тых лекгатъ водлугъ распораженя моего такъ до Церкви яко и до шпиталевъ и духовънымъ, кому што належитъ, што прудшей непооддавалъ, теды я оного на судъ Панскій передъ Маестатъ святый взываю, абы ся иначей мимо тое распораженъе и того тестаменту моего неважылъ се чынити и овшемъ што рыхлей до скутку привелъ. Который то тестаментъ остатнее воли моее конъчачи, завираючы, хотечы, абы по смерти моей в моци и вази зуполной зоставалъ, и поддаючи каждому кому бы ено до него чинити належало при печати моей рукою власною подписую, и о приложене печатей и подписъ рукъ Ихъ М. Пановъ и приятелей моихъ, людей зацныхъ, нижей менованыхъ, до того ужыламъ, которые за очевистою прозбою моею будучы обецне при мне то все учынити рачыли. Писанъ въ Луцку, року Божого тисеча шестъ сотъ чотырдесят первого, Месяца Априля втораго дня".—У того тестаменъту при печатех подпис рукъ тыми словы: *Галшка Гулеви-*

ювна Лузчыная Маршалъковая повету Мозырского рукою власною. *Ierzy Puzyna* Podkomorzy Włodzimirski proszony piezętarz. Ustnie proszony pieczętarz *Iwan Romanowicz Kozinski* ręką swą. Proszony pieczętarz oczewiscie ad Iey Mosci Paniey Lozczyney *Kanstanty Uszak Kulikowski*. Proszony pieczętarz oczewisto od Iey Mosci Paniey Lozczyney *Andrzey Hulanicki*. Oczewiscie proszony pieczętarz *Ignacy Praniewicz*. Который же то тестаментъ за поданъемъ и прозбою вышъ менованое особы а за принятемъ моимъ Урядовымъ до книгъ есть уписанъ.

(Книга Гродс. Луцкая, хранящ. въ Кіев. Центр. Архивѣ, подъ № 2158 л. 362 об.—366).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

		стр.
I.	Упись Кіевскаго братства, нач. *1615* г.	1—5
II.	Дарственная запись Галшки Гулевичевны. *1615* г. *окт. 14*	5—10
III.	Грамота іерусалимскаго патріарха Θеофана, утверждающая Кіевское старѣйшее братство, съ учрежденіемъ при немъ братства младшаго. *1620* г. *мая* 17.	10—12
IV.	Грамота іерусалимскаго патр. Θеофана, учреждающая при Кіевскомъ Богоявленскомъ братствѣ патріаршую Ставропигію. *1620* г., *мая 26 д.*	12—15
V.	Грамота іерусалимскаго патр. Θеофана Кіевскому братству, заповѣдующая любовь и единодушіе. *1621* г., *янв. 7 д.*	15—17
VI.	Вирши, соч. ректоромъ Кіево-брат. школы Кассіаномъ Саковичемъ и произнесенныя учениками означенной школы при погребеніи гетмана запорожскаго войска Петра Конашевича Сагайдачнаго *1622* г. .	17—41
VII.	Образцы панегирическихъ рѣчей при погребеніи какаго-либо „зацнаго“ человека, сочиненныя ректоромъ Кіево-братской школы Кассіаномъ Саковичемъ *1622* г.	41—46
VIII.	Панегирикъ к.-печерскому архимандриту Петру Могилѣ отъ спудеевъ основанной имъ въ к.-печерской Лаврѣ школы. *1632* г.	46—69
IX.	Актъ Кіевскаго братства, данный Кіево-печерскому архимандриту П. Могилѣ, съ изложеніемъ условій, на которыхъ имѣетъ воспослѣдовать соединеніе Кі-	

стр.

ево-братской Богоявленской школы съ Лаврскою Могилянскою. *1631* г. *дек. 30.* . . . . . 69—73

X. Войсковой листъ гетмана Ивана Петржицкаго отъ имени всего запорожскаго войска, съ приказаніемъ атаману и прочимъ „товаришомъ", находившимся въ Кіевѣ, содѣйствовать предположенному соединенію школъ братской Кіево-Богоявленской съ Лаврскою. *1632* г., *марта 17.* . . . . . 73—74

XI. Автобіографическая записка Игнатія Іевлевича, заключающая въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о Кіево-братской школѣ, восходящія ко времени ректорства въ ней его родича Ѳомы Іевлевича. *1628—1631* г. 74—80

XII. Выдержки изъ Exegesis'a старопечатной брошюры, заключающей въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о школахъ Кіево-братской и Лаврской-Могилянской. . . 80—86

XIII. Документы, уясняющіе біографію основательницы Кіево-братскаго монастыря Галшки Гулевичевны и ея ближайшихъ родичей: *1559—1642* гг. . . . . .

1) Заставная запись, данная Василіемъ Гулевичемъ женѣ своей Еленѣ Волчковнѣ на разныя помѣстья въ обезпеченіе занятыхъ у нея денегъ. *1559* г. *дек 10.* 86—89

2) Дарственная запись Василія Гулевича, данная женѣ своей Еленѣ Волчковнѣ Жасковской на разную, принадлежащую ему, движимую собственость. *1562* г. *декаб. 21.* . . . . . 89—91

3) Запродажный актъ на разныя помѣстья, данный Войскимъ Владимірскимъ Василіемъ Гулевичемъ зятю своему князю Юрію Пузынѣ и его женѣ Ганнѣ Гулевичевнѣ. *1590* г. *іюня 22.* . . . . . 91—94

4) Дарственная запись Войскаго Владмірскаго Василія Гулевича, данная сыну своему Андрею Гулевичу на разныя помѣстья. *1593* г. *генв. 13.* . . . . . 94—97

5) Актъ, касающійся раздѣла недвижимаго имущества между Ѳедоромъ и Иваномъ Григорьевичами Гулевичами. *1593* г. *сент. 12.* . . . . . 97—99

6) Заявленіе Христофора Поцѣя и его жени Галшки Гу-

стр.

левичевны о полученіи ими приданнаго, обѣщаннаго отцомъ Галшки—Войскимъ Владимірскимъ Василіемъ Гулевичемъ, и высказанныя ими при этомъ обязательства съ своей стороны. *1594* г. *дек. 24.* . . . 99—100

7) Заявленіе Войскаго Владимірскаго Василія Гулевича о томъ, что имѣніе Нѣсвичъ временно (до выкупа) отдано имъ во владѣніе своему зятю Христофору Поцѣю. *1594* г. *дек. 24.* . . . . . 100—101

8) Заявленіе Христофора Поцѣя о томъ, что его тесть Войскій Владимирскій Василій Гулевичъ выплатилъ ему часть денегъ, слѣдуемыхъ съ него въ качествѣ выкупа за имѣніе Несвѣчъ. *1596* г. *авг. 7.* . . 101—103

9) Листъ, данный Войскимъ Владимірскимъ Василіемъ Гулевичомъ сыну своему Михаилу по случаю вступленія послѣдняго въ бракъ съ Марушею Павловичевною. *1596* г. *нояб. 26.* . . . . . 103—105

10) Запродажный листъ Мозырскаго Маршалка Стефана Лозки, по которому онъ передаетъ Андрею Гулевичу (брату своей жены) ранѣе купленныя у послѣдняго помѣстья. *1606* г. *сент. 12.* . . . . . 105—108

11) Заявленіе Галшки Гулевичевны о томъ, что имѣніе Нѣсвичъ, полученное ею отъ отца „заставнымъ способомъ“ при вступленіи въ первый бракъ съ Христофоромъ Поцѣемъ,—выкуплено ея братомъ Андреемъ Гулевичемъ и перешло въ его собственность. *1606* г. *сент. 10.* . . . . . 108—111

12) Протестація пановъ Яна и Петра Поцѣевъ на Галшку Гулевичовну, по первому мужу „Криштофовую Потеевую“, а по второму.—„Стефановую Лозчиную“, по поводу самовольной, безъ согласія протестующихъ, какъ опекуновъ, выдачи за мужъ дочери своей отъ перваго брака Екатерины. *1615* г. *марта 13.* . 111—113

13) Духовное завѣщаніе Галшки Гулевичевны. *1641* г. *апр. 2.* . . . . . 113—117

